

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

Х Х I В Е К

Журнал европейской культуры
Основан Н.М. Карамзиным в Москве в 1802 году
Возобновлен в С.-Петербурге М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году.
Возобновлен в 2001 году
Е.Т. Гайдаром, Е.Ю. Гениевой, В.А. Ярошенко

УЧРЕДИТЕЛИ

Виктор Ярошенко, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Михаил Борщевский, [Сергей Ковалев], Владимир Мау,
Андрей Нечаев, Михаил Пиотровский, Лорд Джордж Робертсон,
Сергей Синельников-Мурылев, Михаил Федотов, Евгений Ясин

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Ярошенко

РЕДАКЦИЯ

Татьяна Щербина (заместитель главного редактора),
Андрей Колесников (политика, социум),
Григорий Ярошенко (фотография и специальные проекты),
Людмила Захарова (главный бухгалтер),
Александр Сергиевский (редактор, переводчик)

КОНСУЛЬТАНТЫ ЖУРНАЛА

Владимир Зелинский, Андрей Медушевский, Владимир Кантор,
Сергей Приходько, Мариэтта Чудакова, Яков Уринсон

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк),
Ольга Старовойтова (С.-Петербург), Наталия Исаева (Париж),
Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим),
Димитрис Триантафилидис (Афины)

ПАРТНЕРЫ

Журнал издается при финансовой поддержке и в сотрудничестве
с Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика»». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 05.06.2003 г. (Продлено до 02.07.2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер серия ПИ № ФС77-76068 от 19.07.2019 г.

Адрес редакции: 125993 Москва, Газетный пер. д.3-5. E-mail: info@vestnik-evropy.ru
Интернет-версия журнала: www.vestnik-evropy.ru В «ЖЗ» <http://magazines.gorky.media>

© «Вестник Европы XXI век»

© НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика».

Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора. Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты, возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Том LVII год 2021

5 От редакции

РОССИЯ 1991-2021

- 6 **Виктор Ярошенко.** Тридцать лет спустя (заметки редактора)
- 14 **Андрей Нечаев.** Уроки реформ 90-х для российского завтра
- 18 **Дмитрий Травин.** Мифы российских реформ
- 24 **Андрей Колесников.** «Змеиная горка». Группа ученых становится командой реформаторов
- 38 **Борис Минаев.** Гайдар глазами русской истории

© «Змеинка». Фото из архива С. Васильева

© Август 1991 г. Москва. Фото: Александр Тызны-Рядно

ПОЛИТИКА. СОЦИУМ. ВОСТОК И ЗАПАД

- 45 **Владимир Гельман.** Российская «дилемма одновременности»
- 50 **Василий Жарков.** Власть народа как тирания
- 61 **Гасан Гусейнов.** Тирания истории и дурья доброта
- 68 **Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович.** Приемная политическая семья. Перевод Ю. Игнатъевой
- 78 **Цзы Чжун-юнь.** О патриотизме. Перевод Алины Перловой

ФИЛОСОФИЯ. РЕЛИГИЯ. ИСТОРИЯ

- 85 **Симона Вейль.** Из последних тетрадей. Предисловие и перевод П. Епифанова
- 101 **Андрей Десницкий.** Религия в России-2050
- 112 **Александр Смолянский.** Наше время — время малых людей...
- 120 **Матвей Бислер.** «История Пелопонесской войны» Фукидида сквозь призму трех ветвей реализма (с предисловием В. Жаркова)
- 127 **Карина Кокрэлл-Ферре.** «Она шла так, словно ступала в вечность»
- 137 **Николай Подсокорский.** Разговорить прошлое, которое не прошло (о книге Н. Эппле)

© Фото: Григорий Ярошенко

ЛИТЕРАТУРА

- 145 **Татьяна Щербина.** История конца истории (о романе В. Сорокина «Доктор Гарин»)

- 148 **Интервью с Владимиром Сорокиным**
- 154 **Ольга Медведкова.** Homo sedens
- 165 **Вероника Долина.** Иди сюда, дружок (стихи 2021 года)
- 170 **Христос Иконому.** Для бедных людей. Рассказ. Перевод с греческого Анны Ковалевой
- 178 **Лена Элтанг.** Иван, отрывок из нового романа
- 191 **Андре Моруа.** Бернард Шоу. Перевод Марианны Таймановой
- 197 **Лилия Газизова.** Русская литература в тени вулкана Эрджиэс

КУЛЬТУРА

- 203 **Михаил Ямпольский.** Пучок времен и делимый человек
- 213 **Кирилл Кобрин.** Беседы любителей словесности и не только ее
- 220 **Екатерина Шерга.** Искусство на службе
- 224 **Андрей Плахов.** Квир-код, или титановый сплав
- 229 **Екатерина Марголис.** Алфавит Иосифа Бродского

Ad memoriam

Памяти С.А. Ковалева

- 242 **Виктор Ярошенко.** Жизнь и сны политического идеалиста
- 249 **Омбудсмен.** Интервью Сергея Адамовича Ковалева
- 258 **Сергей Ковалев.** Из лекций

Специальная тема

Возвращение. 200 лет назад завершилась Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева 1821-2021

- 260 **Григорий Ярошенко.** Антарктический дневник

artes

- 279 **Фотопроект Григория Ярошенко.** Последний материк

© Фото: Григорий Ярошенко

© Август 1991 г., Москва. Фото: Александр Тихвин-Рядно

От редакции

На этот раз мы не стали задавать тему номера, тем не менее, многие сюжеты перекликаются. В первом разделе, посвященном тридцатилетию превращения СССР в РФ, Андрей Колесников рассказывает предысторию реформ, как «на коленке», на дачах и в санаториях, чертили контуры новой экономической политики, Андрей Нечаев, тогда министр экономики, написал, как эти реформы внедряли, Дмитрий Травин рассмотрел мифы о реформах, а Борис Минаев показал, как Егор Гайдар выглядит «глазами истории».

Статья Владимира Гельмана — о принципе одновременности реформ во всех сферах, объясняющая сегодняшнее положение вещей тем, что этим принципом в свое время пренебрегли. Василий Жарков, Гасан Гусейнов и венгерские политологи Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович с нескольких сторон рассмотрели тиранию: как «власть народа», как механизм, существовавший еще в тираниях древнегреческих и как болезнь посткоммунистических режимов. О том же, в сущности, и пламенная речь Цзы Чжун-юнь «О патриотизме», записанная и переведенная с китайского Алиной Перловой.

Третий раздел, «Философия. Религия. История» возвращает нас к трагическому и (теоретически) поучительному прошлому: это две последние статьи Симоны Вейль 1941-43 гг. — о справедливости и о религии — в переводах Петра Епифанова, эссе Александра Смолянского о нацистском преступнике Адольфе Эйхмане, рецензия Николая Подосокорского на книгу Николая Эппле «Неудобное прошлое», эссе студента Шанинки Матвея Бислера с предисловием Василия Жаркова о Пелопонесской войне, эссе Карины Кокрэлл-Ферре о драматической судьбе принцессы Алисы, матери скончавшегося в этом году принца Филиппа, и статья Андрея Десницкого о будущем религии в России.

В разделе «Литература» — интервью с Владимиром Сорокиным и рецензия на его последний роман, рассказ Ольги Медведковой, фрагмент только что законченного романа Лены Элтанг, рассказ греческого писателя Христоса Иконому, эссе Андре Моруа о Бернарде Шоу в переводе Марианны Таймановой, опыт преподавания в Турции русской литературы и «турецкие» же стихи Лилии Газизовой, и стихи этого года Вероники Долиной.

В разделе «Культура» — текст Михаила Ямпольского «Пучок времен и делимый человек», эссе Кирилла Кобрин «Беседы любителей словесности и не только ее», изыскания Екатерины Марголис о буквах и цифрах как самостоятельных субъектах у Иосифа Бродского и два впечатления из Франции: Андрей Плахов — о последнем Каннском фестивале и Екатерина Шерга — об искусстве этичном, политкорректном, но никому не нужном.

Специальная тема номера — Антарктический дневник Григория Ярошенко и его фотопроект, к 200-летию завершения первой экспедиции в Антарктиду.

Когда номер был готов, пришло известие о смерти Сергея Адамовича Ковалева. Он был членом редсовета «Вестника Европы» с самого первого номера, в связи с чем журнал публикует три материала, посвященные его памяти.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ 1991-2021

ВИКТОР ЯРОШЕНКО

Заметки редактора

Это тезисные заметки редактора, предназначенные нашим авторам и читателям, о некоторых темах, которые мы намерены обсуждать в этом и последующих номерах журнала. «Вестник Европы» традиционно, со времен своего создателя Н.М. Карамзина, обсуждает вопросы развития России в мировом контексте.

В.Я.

В глазах населения принимающих миграционные потоки стран этот ответ видится как своего рода «экспансия». Политики вводят в оборот понятие «демографическое оружие» — имея в виду арсенал возможностей регулировать и перенаправлять миграционные потоки. Великие империи рушились под натиском полчищ варваров (переселения народов), по климатическим и иным причинам, сдвинувшихся с мест своего обитания.

Таков контекст.

1. ЛЮДИ И ВРЕМЯ

В 1991 году, от которого мы ведем счет в этой заметке, население земли составляло 5,368 миллиардов людей. К концу нынешнего года оно должно перевалить за 8 миллиардов. За тридцать лет население Земли увеличилось на 2,632 миллиарда человек (20, 39%). Это главный результат тридцатилетия.

Пресловутый «золотой миллиард» все больше отличается по своей жизни от оставшихся 7 млрд. человек, составляющих семь восьмых населения мира. Растет неравенство стран и людей. В самых бедных странах мира они отвечают высокой рождаемостью, и если жизнь становится невмоготу — особенно в ситуации войн и геноцида — массовой миграцией для спасения детей и жизни.

2. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

Европейский мир в реальности мало что может этому противопоставить, не потеряв своей современной идентичности, не отказавшись от выстраданных ценностей гуманизма.

Их на половине мира в XX веке заменили лозунги и ценности классовой борьбы, вполне людоедские по своей сути. Ценности, которые мы отстаиваем как «общечеловеческие», были провозглашены таковыми только после ужасающей бойни двух мировых войн.

После ужасов Второй мировой войны удалось разработать «Всеобщую декларацию прав человека», которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Мировое сообщество впервые в истории сумело согласовать и синхронизировать свои базовые представления о ценностях и правах человека.

В преамбуле говорилось: «...принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин, и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и... принимая во внимание, что всеобщее понимание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства...

Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так

и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией».

Этот важнейший документ и сегодня остро актуален, по-прежнему в качестве задачи. Декларация стала первым глобальным определением прав, которыми обладают все люди. Этот документ — самый переводимый текст в мире.

В Советском Союзе «Декларация» почти до самого его конца была под запретом. СССР жил в другом времени, как считали идеологи системы, более передовом, чем остальной мир, как уверяли идеологи системы.

Строители тоталитарных режимов всегда знают рецепты и лекарства для всего человечества. Для излечения от перенаселения и массовых миграций — это глухие стены, изоляционизм: если надо — война, геноцид. Современные армии готовятся воевать против других современных армий; у них все более быстрые ракеты, неуязвимые самолеты, подводные и надводные армады для осуществления «мировой проекции силы». Но у них нет средств, кроме полицейских и административных, против диффузного врага, распределенного как вирус и неуловимого.

3. АСИНХРОННОСТЬ ВРЕМЕНИ

Советская перестройка, а затем кардинальный слом экономического и политического устройства выпали на очень сложное мировое время.

Но есть ли оно, «мировое время»?

Каждый раз мир встречает очередной новый год по григорианскому календарю; но он все еще живет и по китайскому, индийскому, иранскому, иудейскому... И летоисчисление ведется по-разному — от сотворения мира, основания Рима, рождения Будды, рождества Христова, от Хиджры (16 июля 622 года н.э.) пророка Мухаммеда из Мекки в Медину....

Единое «мировое время», как универсальное и всеобщее — это сильное упрощение, социальное время многомерно, взаимопроницаемо и не синхронно.

В этой *асинхронности* заложена конфликтная сложность. «Всему свое время», — говорим мы, не задумываясь о глубине этих слов. И у каждого человека свое время, в каждой семье, у старших и младших. И у разных народов и племен. Согласованием этой асинхронности заняты традиции и культуры; чем сложнее сообщество, тем сложнее согласования.

Каждой эпохе соответствуют свои формы и способы согласования, магические, мифологические, религиозные, идеологические, правовые. Изолированные сообщества как-то синхронизировали внутреннее время.

После эпохи великих географических открытий, условно говоря около 1492 года, началась глобализация. Процесс синхронизации с тех пор становился все более сложным и конфликтным.

Со времен Петра Первого (а даже раньше, но противоречиво и непоследовательно) Россия стремилась выйти на европейское время. Она, торгуя и воюя, сопоставляла себя с соседями.

С 1 января 1700 года (по действовавшему тогда летоисчислению 7208 года) Петр Первый провел реформу, отказался от константинопольского летоисчисления, идущего от сотворения мира (не переменяв, однако, годовой календарь на европейский).

Люди боялись круглых дат. С приходом 7000 года ждали «конца света».

Между прочим, 1992 год, год начала экономических реформ, у нас по старорусскому (константинопольскому) летоисчислению был бы юбилейный, «судьбоносный»: 7500 год от сотворения мира. С нынешнего сентября пошел 7530-й.

Не только в разных часовых поясах, но в разных временных протяженностях живут разные страны и сообщества. В этом таится драматическая сложность реализации универсальных «общечеловеческих правил».

Японцы были по-своему логичны, когда до середины XIX века не допускали к себе иностранцев, даже посольств. Дальше изоляция оказалась невозможной и очень уязвимой с военной точ-

ки зрения, которая тогда была определяющей. Московиты тоже были крайне недружелюбны к «немцам»-иноземцам, боясь необратимого чуждого влияния «латинян». Толмачи-переводчики всегда были под подозрением. и часто оказывались в застенке и на дыбе.

4. ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХАИКИ

Егор Гайдар считал (о чем не раз написал), что Россия отстала от Европы на два поколения. Он имел в виду ВВП на душу населения и другие индексы.

С индексами проще, чем с асинхронностью времен: они выстраиваются в таблицу, в график, сразу видно, кто впереди, кто безнадежный аутсайдер, «несостоявшееся государство». Устанавливая индексы, мы вносим в них свои критерии и свои ценности. Но трудно соизмерять, если признать, что *другие*, сосуществуют в одном географическом, пространственном мире и разных временных мирах.

Поколение — это двадцать–двадцать пять лет; два поколения — 40-50 лет.

Девяностые ушли в России на выживание и приспособление к новым правилам жизни. «Нулевые» — на то, что люди назвали «начали жить»; когда вопросы выживания для многих (не для всех) перестали быть самыми насущными и появились другие потребности и способы их удовлетворения. Этому способствовала всеобщая и взрывная революция информации и коммуникации.

Но при быстром и широчайшем бытовом обновлении и насыщении, в начале XXI века снова бурно пошла в рост архаика. Она как часть культуры, конечно, существовала всегда, но в пору осуществляемого железной рукой модернистского проекта строительства «нового мира» архаика была под спудом. Это у нас, но ведь она оживилась повсеместно? Возможно, у других она ожила по сходной причине: слишком сильного ускорения времени (вызванного изменением технологий и образа жизни миллиардов людей), недо-

статочного для адаптации культуры и психологии людей.

Архаика, похоже, свойственна странам «догоняющего», форсированного развития, перешедшим на чужой временной регистр, когда они поняли, что догонять не получается, что лидеры безнадежно уходят вперед. Когда новаторы сходят с дистанции, в лидеры выходят архаисты. Архаика возвращается, когда динамика экономического роста тормозится, и позитивные новые ожидания меняются старым разочарованием.

Долгое время (название книги Е. Гайдара,¹ кстати!) подспудно сосуществуют и конфликтуют старое и новое. Так было в России, где слом «старой веры» на века расколол общество; так происходит и сейчас, когда рухнули скрижали социалистического завета и патерналистские установки общества.

Я пишу эти строки, когда произошла очередная катастрофа европейского проекта в Афганистане. После десяти лет советской колонизации пришлось бросить на произвол судьбы всех своих подросших воспитанников, друзей и соратников. Потом была гражданская война и правление талибов (члены запрещенной в России организации) с их зверствами. 20 лет назад мир ужаснулся (и запомнил) демонстративно глумливому уничтожению древних гигантских статуй Будды в Бамианском ущелье.

После взрыва нью-йоркских башен-близнецов наступило время не только американо-европейского военного ответа террористам, но и западного цивилизаторского проекта.

Еще через двадцать лет и он закончился бегством и катастрофой.

Вот и возникает опять вопрос — насколько возможна и эффективна внешняя «прогрессорская» деятельность для влияния на внутренние изменения в тех или иных частях мира. Это и к нашему влиянию относится, и к влиянию других на нас, что, как встарь, очень беспокоит архаистов, хотя Россия по темпоральности ближе к Европе, чем им хотелось бы. Общество цепляется за архаику, когда выйти из нее некуда.

5. ПАРТИИ ИНТЕРЕСОВ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Между тем, опросы (в то время люди гораздо охотнее, чем теперь, в них участвовали) показывали неожиданно высокий уровень понимания необходимости реформ и неприятия возврата тоталитаризма.

«Тридцать лет спустя», как сказал бы Александр Дюма, тоталитаризм не устранен. Он, напротив, мутировал и в новой цифровой оболочке разбросал свои щупальцы по всему миру с большей или меньшей степенью успеха. Он сохранился в других формах и не спешит сдавать позиции. Стало ясно, что манипулирование обществом под видом демократического волеизъявления — не отдельные эксцессы, а элементы политических технологий, призванных стабильно удерживать власть в загребущих руках «сильных мира сего». К сильным относятся, как и встарь, «партии интересов», не только олигархи, но гораздо шире — «партии интересов», «иерархические структуры» организованных групповых интересов. Тридцать лет назад мы написали об этом с Е. Гайдаром в статье «Нулевой цикл»,² идеи которой он расширил в книге «Экономические реформы и иерархические структуры»,³ вышедшей в 1990г. Я тоже тогда развивал тему в «Новом мире» в большой статье «Партии интересов».⁴

Сегодня эти партии стали гораздо влиятельнее и сильнее, чем в условиях советского эксперимента. Власть и собственность, насилие и манипуляция общественным мнением плюс «большие данные» — от распознавания лиц до геолокации, медицинских показателей и лайков в соцсетях.

Такого общественного устройства, основанного на могуществе власти, обретшей всезнающее «волшебное зеркало», еще никогда не было на земле, и противостоять его отверждению пока неизвестно как. Множатся примеры нетерпимости, насилия, ксенофобии. Повсюду, кто с сожалением, кто со злорадством пишут о конце эпохи либерализма.

Однако забывают упомянуть, что же грядет ему на смену. На смену либерализму — философии свободы — может идти только философия и практика несвободы.

Свобода — это самореализация личности в поисках достоинства. Достоинство — это про свободу.

64% россиян так или иначе ощущают себя свободными людьми, 35% — не ощущают. Доля респондентов, которые чувствуют себя свободными людьми, несколько снизилась за последние несколько лет: с 69% в 2014 году. Доля тех, кто ощущает себя несвободным, растёт с 2014 года: с 22% до 35% в мае 2021 года, в том числе за счет сокращения доли респондентов, затруднившихся с ответом.

С 2017 года ТОП-5 наиболее важных для россиян прав в целом не меняется: в основном, это социальные права. Лишь в 2017 году на 3 месте оказалось право на честный суд.

<https://www.levada.ru/2021/06/04/prava-i-svobody/>

Источник несвободы — конформизм, природная, естественная адаптация к условиям существования. Все эти различия были, есть и будут существовать одновременно. Свободных и независимых мыслителей всегда меньше, чем зависимых. Но для развития общества плохо, если воспроизводство свободных и мыслящих самостоятельных людей сокращается.

XXX

Европейцы ли мы?

В начале 90-х этот вопрос казался риторическим — конечно, да!

По недавнему опросу Левада-центра 29% россиян считают Россию европейской страной, 64% — неевропейской. Ещё в 2019 году эти показатели составляли 37% и 55% соответственно. В целом с 2008 число тех, кто верит, что Россия — европейская страна, сократилось почти на половину: с 52% до 29%. Число тех, кто считает иначе, выросло примерно в той же пропорции: с 36% до 64%. При этом точка зрения, что Россия —

европейская страна, наиболее популярна среди старших групп россиян: в возрастной группе 55 лет и старше так считают 33%. Обратная точка зрения, напротив, свойственна молодым группам: 71% для респондентов в возрасте 18-24 лет, 69% для группы 25-39 лет.

Доля россиян, считающих себя европейцами, тоже сокращается, хоть и не так стремительно. В 2008 году 35% в той или иной степени считали себя европейцами, к 2019 году эта доля сократилась до 32%, а в начале 2021 года составила уже 27%. Одновременно с этим, росло число тех, кто так или иначе не считает себя европейцем: 52% в 2008 году, 63% в 2019 и 70% в 2021 году. При этом почти треть (31%) опрошенных в возрасте 55 лет и старше считают себя европейцами, тогда как для групп 18-24 и 25-39 лет этот показатель составляет по 23%. Россия стремительно перестает быть европейской страной в глазах собственного населения.

<https://www.levada.ru/2021/03/18/rossiya-i-evropa-2/>

Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 года Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент»

XXX

6. РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ И КОНТЕКСТ

Новая эпоха началась с ключевого в мировой истории 1989 года, когда рухнули стены, разбежался социалистический лагерь, и по всей Восточной Европе прошли «бархатные» (и не очень) революции, а в Советском Союзе пошел уже неостановимый распад.

Тем временем по миру катилась технологическая революция; в том же 1989 году возникла Всемирная сеть World Web, информационный сектор становился влиятельнейшим, наряду с банковским, в мировой экономике. Окрепили выросшие из стартапов глобальные ИТ корпорации, на фоне переноса высокотехнологичного производства в Китай и Юго-Восточную Азию. Стремительно

возникали новые, основанные на этих технологиях, банковские инструменты. Неслучайно первый мировой банковский кризис 21 века возник из-за «пузыря» в ИТ секторе.

Августовский путч 1991 года, ГКЧП, был отчаянной попыткой поправить положение архаичной программой, сводящейся к невыполнимым мобилизационным мерам. Но распадающаяся страна не поднялась на поддержку мятежа.

Б.Н. Ельцин, после долгих колебаний, пригласил команду Гайдара к экономическому управлению недо-государства РСФСР. Напомним, что еще громадой высился СССР, в Кремле еще сидел Президент СССР М.С. Горбачев и пытался сохранить контроль над ситуацией. Гайдар прекрасно понимал, что правительство его будет недолгим. Название «камакадзе» было вполне точным, хотя отдельные персонажи, в него входившие, оказались долгожителями в российской политике. Ветераны гайдаровского правительства с гордостью говорят, «несмотря на известные политические издержки, рыночная экономика в России построена». И с грустью добавляют, понизив голос, что издержки оказались слишком уж высокими.

Думаю, что причины провала демократической альтернативы развития России, системные и неустранимые до сих пор, связаны с социальной (и социокультурной) структурой общества, жившего в расходящихся временах (одни — с вектором ожидания, направленным к модернизации, в будущее, другие — с направленным в архаику, прошлое). Страна с укладом, мало поменявшимся за три десятилетия, оказалась в мировом контексте, поменявшимся кардинально.

«Коллективный запад», стремящийся консолидироваться в случае чрезвычайной опасности, не понял тогда (да и вряд ли мог бы оперативно отреагировать), что следует долго и терпеливо помогать России, с огромным трудом выходящей из тоталитаризма, а не надменно праздновать свою победу в Холодной войне.

Были, конечно, люди, видевшие опасность и предупреждавшие о ней, но победила текущая политическая прагматика (она всегда побеждает, в конечном счете).

Пока СССР слабел, совсем рядом, на восточных границах, окреп и поднялся древний и новый гегемон, не приемлющий принципов либерализма, основанных на индивидуальной свободе. Проиграла тогда не только Россия, проиграла цивилизация. Возможно, и Китай был бы несколько другим, если бы России удалось историческое возвращение в европейский мир.

А в результате, сейчас человечество не дальше от самоуничтожения, чем тридцать лет назад.

XXX

21 августа. В праздничный день надо о хорошем.

Хорошего было много. Советский Союз как-то даже не рухнул, а растаял, как лед, как снег. И мы оказались в совершенно непривычной, растаявшей стране. И что же?

Страна, как народ, очень многому научилась — с нуля и быстро. Научилась жить в новых условиях, создавать рынок, торговать, а значит, налаживать новые связи, возникали все более сложные логистические цепи и сети, появились незнакомые товары и потребности в них, от памперсов до «ягуаров» (очень были в моде «ягуары» в ранние девяностые).

Мы стали гораздо трезвее и прагматичнее; мы уже знаем цену демагогии и популизму, бессовестным пирамидам; на мякине уже не поведешь (так мы думаем), не купишь, как в первые годы демократических выборов, когда кого только не было в наших депутатах. Не то что теперь, «кого только» там точно нет.

Возник интернет и скоро охватил всю страну, сотовая связь стала всеобщей и доступной (в СССР на это ушли бы десятилетия). Мы недооцениваем, как многому научились — какие приобрели новые компетенции — строить, создавать газеты и телеканалы, театры и издательства; сайты и социальные сети. Наши фильмы, созданные свободными людьми на частные деньги, стали получать призы на мировых фестивалях. Возникли и выросли новые бизнесы, инициативы, НКО, развился международный туризм, россияне поехали по все-

му миру и учились с ним общаться. Очень важно уметь разговаривать с миром.

Мы учились новому (теряя при этом, увы, наработанные знания и компетенции, целые отрасли науки и технологии, вместе с поколением ученых инженеров и мастеров.)

Им было тогда тридцать-сорок, тем, кто выстоял в августе 91-го у Белого дома, кто начинал строить новую жизнь. Теперь они уже люди пенсионного возраста или предпенсионного, что означает, что эпоха сменилась..

XXX

В общем, какая-то (к сожалению, не слишком большая, но зато повсеместно встречаемая) часть населения страны, живущая в начавшемся будущем, зажила как свободные люди. Инициативные, живые, смелые люди стали определять будущее страны. Государства всюду стало меньше, и кое в чем это проявлялось негативно, бандитские войны и все такое... Но государство окрепло и перемололо бандитов.

И тут оживился тот, как он назывался в старое время, «пустой человек», доселе бывший не при деле — неумелый, с руками, что «не оттуда растут», но болтливый, безынициативный, но по-собачьи преданный вышестоящему. Попросту говоря, паразиты, которые всегда тяготеют к сооружению, называемому государством. И не зря Маяковский назвал свою пьесу эпохи НЭПа «Клоп».

XXX

Общество, занятое собой и своим обустройством, упустило этот момент, не сумело собраться (это и вправду трудно), организовать. Я не хочу вызвать на себя обвинения в возбуждении ненависти «к неопределенной группе лиц», называемой мною паразитами, т.е. тех, кто не создает материальные духовные, логистические ценности, кто не строит и не учит, не защищает и не лечит, не кормит и не поит. Тех, кто ограничивает инициативу и ставит заслоны, запруды и заводы, удобные для ловли карасиков в мутной воде. Клопы, комары, гнус, мошенники и воры.

«Государство лжёт на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжёт — и что есть у него, оно украло. Всё в нём поддельно: краденными зубами кусает оно, зубастое. Поддельна даже утроба его...Рождается слишком много людей: для лишних изобретено государство! Смотрите, как оно их привлекает к себе, это многое множество! Как оно их душит, жуёт и пережёвывает!» (Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»).

История последних десятилетий, описанная в этих терминах, о том, как паразиты консолидировались (им всегда легче консолидироваться, поскольку у кровососущих одна цель — насыщение) и облепили тело народа, общества, как бы от имени государства — печальная история. А государство разумный народ уважает, резонно полагая, что никак невозможно без государства. И терпит.

Они строго иерархизированы и абсолютно лишены человеческой морали, попросту говоря совести. Это их отличает от нас. Потому что человеку с совестью неудобно быть паразитом. Наплодив бессовестные ограничения и фильтры, они превратили избирательную систему в фикцию и решили, что надежно обеспечили гарантированное большинство в законодательных органах. На наших глазах и при нашем попустительском соучастии создали вполне правовое, но бесправное государство, в котором множество творческих, равнодушных, болеющих за страну людей не имеет представительства и реально гарантированных и равных прав.

Такое государство, описанное политологами,⁵ опутав общество все более плотной сетью запретов и ограничений, является по сути дела оккупационным. Оно рекрутирует в свои ряды тех, кто не может или не хочет заниматься ничем содержательным и полезным, но хочет безбедно жить, имея привилегии.

Отсутствие реальных функций, превращение институтов в мнимые институты делает их паразитарными. Мнимый парламентаризм, мнимая состоятельность в суде, мнимая многопартийность — все это части институционального паразитизма, системы воспроизводства господства.

Любое активная самостоятельная общественная активность, попытки общественного контроля и особенно публичная рефлексия, высказывание мнения и суждения рассматриваются как угроза существованию государства.

Нашествие паразитов может поразить и очень могучее дерево, и даже целый лес деревьев. Но тридцать лет не прошли даром, страна жива; и это очень оптимистическая новость. Паразиты могут существовать только на живом теле страны.

XXX

21 августа. 30 лет как провалился путч. Я пришел домой от Белого дома, где мы провели всю ночь, рано утром, часов в семь, и завалился спать. Разбудил меня звонок Тимура Аркадиевича Гайдара. Он сказал, что гекачеписты сбежали.

— Как сбежали? — не поверил я.

— Все полетели к Горбачеву на покаяние. Это победа!

Он был в курсе, звонил от Егора Яковлева из «Московских новостей».

Мы победили! Накануне вечером мы шли к Белому дому, понимая, что может быть и кровь. Мы не собирались погибать в ту ночь, но знали, что может случиться всякое.

И тот день был самый счастливый день нашей жизни, когда мы с Таней и Катей в могучей людской реке на пол-Москвы текли и текли от Белого дома к Лубянке.

В те ночи у Белого дома нас было гораздо меньше, чем теперь — но это счастливое многолюдие было прекрасно.

Примечания

- ¹ Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005.
- ² Гайдар Е., Ярошенко В. Нулевой цикл. Коммунист. № 8, 1988 г.
- ³ Е.Т. Гайдар. «Экономические реформы и иерархические структуры.» Собр. Соч. т.2. Дело» М., 2012.
- ⁴ В. Ярошенко. Партии Интересов. «Новый мир», № 3, 1990.
- ⁵ «В паразитическом государстве элита эксплуатирует ресурс — например, меха, как это было в средневековой России, или нефть, как в современной России, — почти без участия населения. Возникает два класса или сословия граждан — небольшая элита, которая добывает, защищает и торгует ценным ресурсом, и все прочие, чье существование зависит от перераспределенной ренты с этой торговли.» Александр ЭткинД. Внутренняя колонизация. Критическая теория паразитического государства. «Вестник Европы», том 46. 2026г. Фонд Егора Гайдара. Пятая лекция цикла «Мировой класс» 30 марта 2016

© Текст: Виктор Ярошенко

© Фото: Александр Тягны-Рядно

© Август 1991 г., Москва. Фото: Александр Тягны-Рядно

УРОКИ РЕФОРМ 90-х ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЗАВТРА

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ

В январе 2022 исполнится 30 лет начала рыночных реформ в России. Один из главных упреков, который регулярно слышат российские реформаторы первой половины 90-х, что реформы проводились слишком радикально, а надо было помедленнее. Причем слышатся эти упреки как с левого фланга, так и от некоторых коллег по демократическому лагерю. В качестве аргумента часто приводится успешный китайский опыт поэтапного реформирования экономики.

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ РЕФОРМ ИЛИ БЫЛ ЛИ ВОЗМОЖЕН КИТАЙСКИЙ ПУТЬ?

Трудно спорить, что при медленном ходе преобразований они прошли бы менее болезненно для населения. Увы, шанс для такого развития событий был неоднократно упущен. Теоретически еще реформы Косыгина второй половины 60-х (по времени совпавшие с первыми идеями реформирования в Китае Дэн Сяо Пина) могли существенно преобразовать тупиковую советскую модель планово-административного управления. Из-за испуга перед «пражской весной» в Чехословакии они были свернуты, едва начавшись. Перестройка Горбачева, далеко продвинувшаяся в демократизации жизни в стране, практически ничего не сделала с точки зрения реформирования экономики. Отдельные некомплексные решения типа «Закона о социалистическом предприятии» или создания кооперативного движения носили скорее деструктивный характер, расшатывая и без того дышавшую на ла-

дан финансовую систему страны. А ведь во второй половине 80-х степень развала экономики была намного меньше, чем к 1992 году и допускала плавное и последовательное введение рыночных отношений. К сожалению, политической воли начать серьезное реформирование экономики, которое предлагалось, например, в программе «500 дней», у Горбачева и его окружения не хватило.

В конце 1991 года на фоне полного коллапса финансовой системы и потребительского рынка говорить о плавном внедрении рыночных отношений уже не приходилось. Проиллюстрирую лишь на одном примере.

Безусловно, самой болезненной для населения мерой была либерализация цен и объективно последовавший за ней их скачок в силу гигантского накопленного «денежного навеса» (непокрытого товарной массой денежного спроса). Можно ли было ее избежать? Ответственно заявляю — нет, поскольку эта мера к тому времени не назрела, а перезрела. Попутно замечу, что либерализо-

вать розничные цены Горбачеву предлагали даже многие правительственные экономисты, не говоря об упомянутой программе «500 дней» (ее координатор Г. Явлинский теперь любит поругивать реформаторов за либерализацию цен!), но дело ограничилось безрезультатным административным повышением цен весной 1991-го.

Имеем вводные: контроль над доходами населения полностью утрачен (отчасти благодаря упомянутому закону о соцпредприятии и льготам кооперативам), оптовые цены более не контролируются, как и цены в кооперативной торговле. Можно ли в этой ситуации сохранять административно задаваемые розничные цены, во многих случаях заставляя производителей продавать товары ниже себестоимости? Вариант «продразверстки 2.0» не рассматриваем в силу его проверенной историческим опытом тупиковости и отсутствия красногвардейских отрядов, готовых стрелять в собственных крестьян. Теоретически можно — через выплату производителям дотаций, покрывающих убыток от фиксированных цен при растущей себестоимости и дающих минимально приемлемую прибыльность производства. Только в развалившемся бюджете страны, дефицит которого достигал 33-35% ВВП и покрывался печатанием необеспеченных денег (после проедания накоплений населения в сберкассах), финансовых ресурсов для дотаций не было совсем.

Так можно ли было не освобождать розничные цены? Вопрос риторический.

Добавьте к этому, что тотальный товарный дефицит и падение производства реально грозили ситуацией голода зимой 1992 года.

Можно ли было быстрее остановить рост цен после их либерализации, который уже стал резко замедляться к лету 1992? Да можно — продолжением ответственной финансовой и бюджетной политики. Увы, Центральный банк России, не подчинявшийся правительству, во главе с новым председателем В.Герашенко устроил вместо этого вакханалию с денежной эмиссией и раздачей денег направо и налево, чем похоронил достижения первого этапа финансовой стабилизации, проводившейся правительством.

РАЗВАЛ ГОСМАШИНЫ И ОТСУТСТВИЕ КОНСЕНСУСА ЭЛИТ

В этой связи хотел бы остановиться еще на одной особенности российских рыночных реформ начала 90-х. С развалом СССР рухнула и вся государственная машина. Россия после распада СССР не обладала целым рядом ключевых государственных институтов. Не было защищенной государственной границы, армии, таможни, МИДа и многих других институтов. Специфика России состояла в том, что подавляющей частью экономики и социальной сферы (не говоря уже о внешней политике и безопасности) управляли исчезнувшие союзные ведомства. В части экономики это в полной мере относится к таким ключевым секторам как ВПК, ТЭК, машиностроение, железнодорожный транспорт и другие. Собственно российские министерства были лишь региональными конторами союзных ведомств с ограниченными правами. Фактически президенту и правительству приходилось параллельно решать две задачи — создания новой государственной машины и проведения неотложных рыночных реформ, что решающим образом определяло их ход.

Напомню, что китайская модель плавного реформирования базировалась на мощном государственном аппарате и тотальном контроле Компартии Китая. Если отмену статьи Конституции о руководящей роли КПСС можно только приветствовать, то о мощной государственной машине реформаторы могли лишь мечтать.

Еще одна особенность российской ситуации, невыгодно отличавшая ее от проводивших аналогичные реформы стран Восточной Европы, состояла в отсутствии консенсуса политических элит. Вскоре после начала реформ руководство избранного задолго до этого парламента, в котором ключевую роль играли коммунисты, вступило в жесткое противостояние с президентом и правительством, закончившееся трагедией октября 1993. Оно повторилось и на региональном уровне. Многие предложения правительства блокировались, что усугубляло сложности проведения реформ. Например, отказ Верховного совета разрешить Центробанку печатать купюры крупных номиналов привел

к кризису нехватки наличности для выплаты зарплат с соответствующими последствиями для людей. А модель приватизации, которую ныне не ругают только ленивый, стала компромиссом между Верховным советом и правительством. Фактически она была сформирована на базе предложений парламента, например, в части особых прав трудовых коллективов и руководства предприятий. О деструктивной роли Центробанка, подчинявшегося Верховному совету, я уже писал выше. Только безудержной денежной эмиссией она не ограничилась.

Добавлю к этому и шараханья в политике правительства после отставки Гайдара. К сожалению, президент Ельцин отверг идею создания сильно пропрезидентской партии, на которую мог бы опираться процесс реформирования. Он предпочел принятие Конституции с расширенными правами президента (в дальнейшем, особенно в последнее 20-летие они лишь наращивались), а не борьбу за законодательную власть. В итоге все 90-е парламент находился под контролем коммунистов и их союзников, которые принимали огромное количество финансово необеспеченных популистских законов. Политически слабое правительство часто шло на поводу у Госдумы, что закончилось крахом пирамиды ГКО и тяжелейшим финансово-экономическим кризисом 1998 года. Этот кризис во многом предопределил все дальнейшее развитие страны, включая появление нынешнего правящего режима.

РАЗВИТИЕ РЕФОРМ ИЛИ ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ?

Несмотря на все трудности и отступления итогом реформенных процессов 90-х стало преодоление хаоса, угрозы распада страны и гражданской войны, создание основ рыночной экономики. Далее стояла задача дальнейшего развития рыночных институтов. Она начала решаться в нулевые годы, в том числе в рамках реализации так называемой «программы Грефа», разработанной под первый срок президента Путина. Тогда были приняты такие программные документы, как доработанный Гражданский кодекс, налоговый и бюджетный кодексы, проведена реформа пенсионной системы и ряда других секторов социальной сферы. Не все эти

новации были удачны. Так называемая «монетизация льгот», правильно задуманная, была реализована столь непрофессионально, что привела к гигантским дополнительным бюджетным расходам и дискредитации самой идеи реформирования устаревшей системы социальных льгот. Однако, по большинству направлений был отмечен существенный прогресс, что облегчалось улучшившейся ситуацией с бюджетом благодаря скачкообразному росту доходов за счет повышения мировых цен на нефть.

Эксперты часто говорят, что решительные реформы проводятся лишь в условиях кризиса. Этот тезис подтвердила и российская практика нулевых. По мере улучшения ситуации с бюджетом под влиянием дождя нефтедолларов, когда постепенно стало хватать средств и на армию, и на пенсии, и на разрастание госаппарата, стремление к развитию реформ стало сходить на нет. Определенную роль сыграла и отмеченная неудачная, вызвавшая социальное напряжение монетизация льгот. Курс на рыночное реформирование сменился построением вертикали власти и постепенное огосударствление экономики на фоне усиливающейся коррупции и передела собственности в пользу близких к власти предпринимателей или напрямую чиновников. Провозглашенная президентом Путиным «равноудаленность олигархов от власти» свелась к замене приближенных к власти фигур.

Курс на огосударствление экономики, в том числе через создание все новых государственных компаний и корпораций, резко ускорился после кризиса 2008-2009 годов. Например, в банковском секторе в настоящее время 9 из 10 крупнейших банков подконтрольны государству. Сейчас по оценкам ФАС около 70% ВВП России производится государственными или подконтрольными государству компаниями. Во многих секторах экономики госкомпании играют ключевую или почти монопольную роль.

Подавление конкуренции привело к отсутствию инновационного развития. Ключевую роль в формировании бюджета играют «нефтегазовые доходы» и другие поступления от сырьевого экспорта. Многие частные компании стали строить

свое благополучие не на технологическом обновлении, эффективном корпоративном управлении и использовании инноваций, а на установлении «особых отношений» с государством, что открывало дорогу к госзаказу и бюджетным средствам.

ЗДРАВСТВУЙ, ГОСПЛАН И ГОСКОМЦЕН?

Следствием выбранной модели развития в сочетании с возникшим и усиливающимся политическим противостоянием с Западом из-за агрессивной внешней политики, приведшим к антироссийским санкциям, стала длительная стагнация российской экономики, перемежающаяся серьезными кризисами. С 2009 года среднегодовой рост ВВП оказался на уровне 1%. С 2013 года почти неуклонно падают реальные доходы населения (падение составило около 15%). Ситуацию усугубила общемировая проблема пандемии коронавируса, перспективы завершения которой пока неясны. В 2021 году неприятный сюрприз преподнесла резко скакнувшая вверх инфляция.

Снижение уровня жизни, непопулярные решения типа повышения пенсионного возраста, введения новых налогов и частично принудительной вакцинации от ковида привели к резкому падению популярности партии власти и даже лично президента Путина. В итоге был взят курс на силовое подавление оппозиции и политические репрессии. Отсутствие политической конкуренции и контроля общества над властью грозит переходом к длительному застою в общественной жизни и экономике.

На фоне провалов в экономике все активнее стали раздаваться голоса в пользу возврата к государственному контролю над экономикой и к плановой системе. Первый опыт практического применения этого подхода вылился в попытку административного регулирования цен отдельных потребительских товаров. Эффекта это ожидало не принесло, и, к счастью, у властей хватило ума от этих мер отказаться. Однако, сама попытка не может не вызывать тревогу. Как один из авторов либерализации цен, могу заявить, что администра-

тивное регулирование цен ничем кроме дефицита товаров закончиться не может. Это проверил на практике В.Черномырдин, попытавшийся после занятия кресла премьера использовать эту меру, от которой пришлось быстро отказаться.

Что касается планирования, то если речь идет об индикативных показателях, дающих представление о планах правительства по территориальному развитию «производительных сил» (в старых советских терминах) или о приоритетах в развитии отдельных секторов экономики, то такой подход можно только приветствовать. Если же будут предприняты попытки административно диктовать предприятиям объемы производства конкретной продукции, то государство должно взять на себя обязательства по их реализации. Так от Госплана будет сделан шаг к Госснабу и далее. Финал известен на примере кончины советской экономики.

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Россия стоит сейчас на перепутье. Она остро нуждается в структурных и институциональных реформах, отказе от чрезмерного огосударствления экономики. Так, без реформирования пенсионной системы, включая развитие ее накопительного компонента, в грядущей демографической ситуации не может быть обеспечен достойный уровень пенсий. Без развития рыночной конкуренции невозможен инновационный путь роста, и страна так и останется «мировой бензоколонкой» и сырьевым придатком развитых стран. К сожалению, последние действия властей вселяют пессимизм в отношении готовности к кардинальной смене вектора политического и экономического развития. Дальнейшее затягивание отказа от политики последних лет и продолжение взятого курса обрекают страну на длительную стагнацию и застой. Усиление негативного влияния внешних факторов (замечное расширение санкций, длительная пандемия, падение мировых цен на сырье и др.) может привести к самоизоляции и жесткой диктатуре и в итоге к советскому финалу. ■ ■ ■

АНДРЕЙ НЕЧАЕВ — профессор, доктор экономических наук, министр экономики в 1992-93 гг.

© Текст: Андрей Нечаев

МИФЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

ДМИТРИЙ ТРАВИН

Тридцать лет назад распался СССР, и в России начались экономические реформы. С тех пор про эти реформы накопилось множество мифов. В этой статье мы попробуем всерьез проанализировать хотя бы некоторые из породивших мифы проблем.

ПОЧЕМУ РОССИЯ — НЕ КИТАЙ?

Можно ли было России пойти в реформах по китайскому пути. Иногда шутники отвечают на это, что для китайского пути у нас слишком мало китайцев. Такой ответ, конечно, неверен как по форме, так и по сути. Не существует народов, склонных к строительству эффективной рыночной экономики, и не склонных к этому. Успех зависит от установленных в стране правил игры (от институтов, если по-научному), а не от национальности. Тот же Китай был весьма неуспешен в экономике как до прихода Мао Цзэдуна, так и в эпоху расцвета маоизма. Но вот после трансформации бывшего тоталитарного режима в нынешний авторитарный Китай вдруг преуспел, поскольку правила игры радикально сменились.

Тем не менее, в некотором смысле приведенная выше шутка верна, поскольку она намекает на то, что какие-то очень важные объективные различия между Россией и Китаем все же имелись. Проблема не в национальности людей, а в том, как они жили к началу реформ, чем занимались: в России и в Китае.

Китай был почти целиком страной аграрной, Россия — в основном промышленной. В Китае крестьяне могли голодать, в России же голода не было, а страдал народ лишь от товарного дефицита. В Китае государство не брало на себя никаких социальных обязательств, в России же для всех существовали пенсии, больничные листы и хлеб с макаронами по искусственно заниженным ценам. Поэтому как ожидания реформ, так и цели преобразований были принципиально различными.

Китайские крестьяне, составлявшие подавляющую часть населения, хотели (чтобы не голодать) трудиться на самих себя, а не на коммуну. По сути, они были противниками госрегулирования, хотя вряд ли мыслили в таких терминах. И когда они желанное право получили, то взялись за работу, засучив рукава. Несколько упрощая, можно сказать, что не мы пошли китайским путем в реформах, а китайцы — нашим, если вспомнить о том, в чем состояли преобразования НЭПа, проведенные в ту эпоху, когда Россия была столь же аграрной страной, как Китай.

Российские горожане в основной массе уже не могли представить себе жизнь без государственного патернализма. Когда предприятиям предоставляли свободу, общество потребовало от государства гарантий, т. е. различных денежных выплат, позволяющих хотя бы сохранить тот уровень жизни, что был раньше. Более того, гарантий требовало и сельское хозяйство: страна должна кормить свое крестьянство, как заявил один известный аграрный лоббист.

Вот парадокс. Поскольку в Китае сохранилась власть коммунистической партии, нам кажется, порой, что там государственное регулирование было сильнее, чем в России. Однако на самом деле большая часть огромной крестьянской страны работала на выживание без помощи государства, но и без помех с его стороны. У нас же государство, чтоб удовлетворить своего избирателя-обывателя, помогало тем, кто сам конкурентоспособную продукцию не производил, и мешало (собирая высокие налоги) тем, кто в иной ситуации мог бы чрезвычайно успешно работать.

Если бы мы пошли китайским путем, то государство должно было бы сказать в девяностые годы миллионам людей: крутитесь, как знаете, не будет ни дотаций, ни пенсий, ни зарплат значительной части бюджетников... Понятно, что подобный китайский путь вызвал бы в России даже большее отторжение, чем та политика, которая вышла у нас на деле. Хотя при таком «зверинном капитализме» мы, возможно, могли бы достичь такого же экономического чуда, которое сотворил Китай.

Чудо это состояло в том, что Китай завалил весь мир чрезвычайно дешевой продукцией, победившей продукцию иностранную в конкурентной борьбе. А дешевизна производства определялась низкими зарплатами и низкими налогами. У нас же за столь низкую зарплату, как в Китае, ни рабочий, ни колхозница трудиться не желали. И государство, зависимое от рабочих и колхозниц, не желало снижать налоги. Вместо экономического чуда в итоге получили экономическую стагнацию.

И еще один момент отличал нас от Китая. Привлеченный дешевой рабочей силой туда активно шел иностранный капитал со своими технологиями.

И китайцы не кричали, что их поработают, а радовались создаваемым этим капиталом рабочим местам. У нас же зарплата в сравнении с Китаем была высокой, крики — громкими, а качество рабочей силы (обладающей склонностью приложиться к бутылочке) — плохеньким. Так что прежде, чем проиграть Китаю в конкурентной борьбе на мировом рынке товаров, мы проиграли ему конкурентную борьбу за инвестиции.

КАК МЫ НЕ ПРОШЛИ КИТАЙСКИМ ПУТЕМ

Многие полагают, что не только в экономике, но и в политике нам следовало бы идти китайским путем. Сохранить автократию, при которой экономика развивалась бы быстрыми темпами. Увы, представление о том, что у нас был возможен китайский путь в политике, является столь же мифическим, как и представление о возможности китайского пути в экономике.

Не секрет, что в истории экономических реформ автократии иногда выглядят очень хорошо. Однако большинство автократий от всяких реформ отказывается, чтобы не подрывать позиции правящей группы лиц. На общемировом фоне Китай является, скорее, исключением из правил. По всей видимости Дэн Сяопину удалось заставить партийный аппарат поддержать реформы, поскольку к 1978 г. страна жила столь бедно, что от рынка мало кто проигрывал, но многие могли выиграть.

У нас же к 1989 г. ситуация была совсем иной. В партийно-государственном аппарате не было никакого единства относительно планов дальнейшего развития. Это наглядно показала та экономическая реформа, которую в 1987-1988 гг. провел горбачевский премьер Николай Рыжков. Хаос, царивший в головах реформаторов, и массовая боязнь либерализации цен привели к тому, что нашим предприятиям предоставили высокую степень самостоятельности, но цены оставили под госконтролем. Проще говоря, люди стали больше зарабатывать и захотели больше покупать. При фиксированных ценах это привело во второй половине 1990 г. к полному исчезновению с прилавков даже тех товаров, которые раньше там были.

КПСС не обладала твердой властью и готовностью провести серьезные реформы. Партия боялась твердости в отношениях с народом. Она предпочитала популизм. И, сделав первый шаг, она либо отказывалась от второго, либо начинала двигаться назад. Причем разные лидеры в этой ситуации совершенно по-разному смотрели на то, какие конкретно следует предпринимать меры для развития страны. Таким образом получалось, что сохранение советской политической системы в неизменном виде означало бы лишь торможение реформ и усугубление конфликтов между различными группами интересов во властных эшелонах.

Горбачев был умным лидером и понимал серьезные опасности раскола. Недаром он затеял демократизацию не в 1985 г., когда пришел к власти, а лишь в 1988 г., когда уже убедился, что при таком разброде в партийном руководстве экономическая реформа может дать лишь негативные результаты. По сути дела, он даже не к демократизации стремился, а наоборот — к сосредоточению максимума власти в своих руках. И, казалось бы, добился этого, став в начале 1990 г. президентом СССР — единоличным лидером страны, а не первым среди равных, как генсек ЦК КПСС в политбюро. Характерно, что, став президентом, он тут же заказал независимым от правительства Рыжкова экономистам нормальную программу реформ. И вскоре он ее получил. Называлась программа «500 дней».

Люди, думающие, будто программа эта обеспечивала безболезненный переход к рынку, вряд ли поймут что-либо в политических событиях того времени. Как и гайдаровская программа, появившаяся годом позже, «500 дней» обеспечивала нам столь необходимый переход к рынку, но, конечно, с большими потерями для тех групп населения, которые в этот рынок вписаться не смогли бы. И, соответственно, при реализации программы «500 дней» возникло бы столь же большое недовольство широких масс, как при реализации программы гайдаровской.

Горбачев сосредотачивал власть в своих руках именно для того, чтобы удержать страну в этой ситуации и не пасть жертвой партийного заговора,

как в свое время Никита Хрущев. Отметим для сравнения, что Дэн Сяопину подобная опасность не грозила, поскольку различные группы китайского населения и партийная элита от реформ выигрывали, а махровые консерваторы типа так называемой «банды четырех» уже были разгромлены.

Увы, Горбачев так и не решился на серьезную реформу, запутавшись в политическом маневрировании и пытаясь еще больше укрепить свои позиции посредством трансформации СССР в ходе новоогаревского процесса. Получил же он, увы, в итоге не укрепление позиций, а лишь августовский путч.

В ЧЕМ ВИНОВАТЫ МОНЕТАРИСТЫ?

Один из наиболее распространенных мифов про реформы 1990-х гг. состоит в том, что, как считают у нас в стране, реформы эти проводили монетаристы. Егор Гайдар, Анатолий Чубайс и чуть ли не сам Борис Ельцин были монетаристами.

Для критиков реформ монетаризм — это страшное бесчеловечное учение, состоящее в том, чтобы не давать людям денег, мучить их жестокой шокотерапией и всячески препятствовать подъему отечественных производителей. Для сторонников реформ монетаризм — это учение, пришедшее с Запада, т. е. основанное на реальной науке, а не на советском доморожденном марксизме, способном лишь проповедовать классовую борьбу, а не поднимать экономику.

Однако на самом деле российские реформы 1990-х гг. никакого отношения к монетаризму не имеют. Монетаризм представляет собой одну из теорий, на основе которых проводится денежная (монетарная) политика. То есть это — теория сравнительно узкая. Не теория перехода к рынку, а теория, объясняющая, как лучше обеспечивать работу уже сложившейся рыночной экономики. По сути дела, она говорит лишь о том, как должен вести себя Центральный банк, занимающийся денежной эмиссией, а вовсе не о либерализации цен, приватизации, ликвидации монополии внешней торговли, реформировании налоговой системы и других ключевых вопросах, которые решались при переходе к рынку.

По всей видимости миф о роли монетаризма в российских реформах появился в связи с тем, что наши реформаторы были сторонниками рынка с минимумом государственного регулирования. Таких же взглядов среди влиятельных западных ученых придерживался американский профессор Милтон Фридман — крупнейший теоретик монетаризма. Однако его научные труды по монетарной теории и его публицистические работы о преимуществах рынка (прежде всего, «Капитализм и свобода») — это совершенно разные книги. Среди сторонников рынка, скептически относящихся к государственному регулированию, были и другие ученые. Некоторые из них (например, нобелевский лауреат Фридрих фон Хайек) не менее известны, чем Милтон Фридман, но к сторонникам монетаризма не относятся. Поэтому нет никаких оснований говорить, будто российские реформы проводили монетаристы.

Характер реформ определялся не столько следованием догматам той или иной экономической теории, сколько реальной ситуацией, сложившейся еще до распада СССР и формирования России, как отдельного государства, способного проводить свою собственную экономическую политику.

Делать или не делать либерализацию цен, монетаризм никак не определяет. Но если делать, то через некоторое время дефицит исчезнет и товары появятся на прилавках. А если откладывать либерализацию до момента пока все вдруг станет хорошо (как откладывали ее три года Михаил Горбачев и его реформаторы), то прилавки будут и дальше пустеть под воздействием ажиотажного спроса на товары.

Вопрос о том, открывать ли границы для зарубежных товаров, или исповедовать протекционизм в интересах отечественного производителя, тоже никак не анализируется в рамках монетаристской теории. Но если и дальше держать границу на замке, то пустые прилавки могут очень долго не наполняться товарами даже при либерализации цен, поскольку для подъема отечественного производителя нужны годы, а для налаживания импорта хватает месяцев или даже недель.

Такого рода примеры можно приводить и дальше. Выбор при реформировании состоял, собственно, в том, можно ли и дальше ничего не делать в экономике, называя это мягким, постепенным подходом к преобразованиям, или все же начать эти самые преобразования, чтобы люди могли хоть какие-то товары приобрести в ближайшее время без очереди и без столь распространенного в СССР блага.

Монетаристская теория могла бы, возможно, использоваться при проведении денежно-кредитной политики Центробанка, однако назначенный в середине 1992 г. глава ЦБ Виктор Геращенко точно монетаристом не был. Он стал «печатать» деньги, руководствуясь доморожденным представлением о том, что их в экономике мало, а вовсе не теориями, существующими в науке. Скорее всего, как Фридман, так и все другие западные теоретики, не признали бы Геращенко за своего. Итогом подобной политики Центробанка стала высокая инфляция, снизить которую удалось лишь к середине 1990-х гг. после замены главы ЦБ на более прагматичного человека.

К монетаризму, как теории, можно относиться по-разному. В науке ведутся дискуссии на этот счет, причем дискуссии не идеологизированные. Нельзя сказать, что либералы — это всегда монетаристы, а статисты придерживаются обязательно иных взглядов. Суть этих сложных споров невозможно воспроизвести в маленьком тексте, но точно можно сказать, что если российский ЦБ раздул инфляцию, то он не придерживался монетаристских канонов.

НАШИ КАНДИДАТЫ В ПИНОЧЕТЫ

«Наши кандидаты в пиночеты вест-пойнтов не оканчивали, — сказал как-то раз Егор Гайдар. — Поэтому я не очень верю в возможность проведения авторитарных, но экономически целесообразных экспериментов в России». Тем не менее, в России существует устойчивый миф о том, что наши либералы всегда были склонны к авторитаризму, а не к демократии, поскольку, опираясь на авторитарную власть, хотели провести в жизнь свои непопулярные в народе реформы.

Миф этот проистекает из действительно важной для экономики проблемы. В демократической политической системе по-настоящему радикальные реформы провести бывает сложно, поскольку они часто затрагивают интересы широких масс, а потому отторгаются большинством населения. Из этого, однако, вовсе не следует, что автократии будут успешнее демократий в проведении преобразований. Благонамеренный деспот, конечно, может реформировать страну, опираясь на меньшинство населения, или на военную силу, или на силу собственного авторитета. Добиться успеха ему часто бывает легче, чем демократическому лидеру, которого можно переизбрать в тот момент, когда народ усомнится в полезности реформ и запаникует. Но так ли уж много было в истории благонамеренных деспотов? Гораздо чаще автократы размышляют о стране по принципу «после нас — хоть потоп». Поэтому для настоящего либерально-го реформатора стремление поддержать автократию бессмысленно: нет никаких гарантий, что ты поддерживаешь систему, которая станет делать что-то полезное для страны.

В экономической истории целый ряд важных реформ был проведен монархами или авторитарными правителями. В том числе и у нас. Крепостное право было отменено Александром II сверху. Финансовая реформа Сергея Витте и аграрная реформа Петра Столыпина тоже проводились не в демократических условиях. Но как долго пришлось этих преобразований ждать! Ведь ни Екатерина II, прекрасно понимавшая вред рабства, ни Александр I, сформировавший кружок друзей, продумывавших реформы, ни Николай I, три десятка лет готовившийся к отмене крепостничества, так ничего по большому счету и не сделали.

В XX веке в мире было много автократий. Но очень мало таких автократов, которые оставили после себя быстро развивающиеся и богатееющие страны. Поэтому либеральный подход в данном случае обычно таков. Если у нас автократия, и правитель вдруг выражает желание провести разумные реформы, то этим надо воспользоваться. Надо сделать страну более рыночной, более открытой, более конкурентоспособной. Но невозможно рас-

считывать на то, что вслед за благонамеренным деспотом придет другой такой же благонамеренный, а за ним — третий. Более того, невозможно рассчитывать даже на то, что автократ-реформатор не разочаруется в своем порыве и не прервет реформы задолго до завершения. Во всяком случае пример Владимира Путина говорит о том, что реформаторские начинания правителя кончаются быстро, а стремление держаться за власть и поддерживать группу близких людей не кончается никогда.

Поэтому либералы могут делать две, казалось бы, противоречивые вещи. С одной стороны, проводить реформы, опираясь на авторитет правителя. С другой — стремиться демократизировать общество, чтобы удержать достижения реформ. Примерно так поступал в свое время Егор Гайдар. Реформы он осуществлял до того, как вошел в публичную политику, создал демократическое движение, принял участие в выборах. Реформы Гайдара были в определенной степени следствием благоприятного стечения обстоятельств: победы Ельцина на выборах 1991 г. (кстати, вполне демократических), высокого авторитета Ельцина (сохранявшегося несколько лет даже в условиях трудных реформ), стремления Ельцина к рынку (хотя другой бы на его месте мог начать закручивать гайки). Но когда первые реформы были осуществлены, и президент стал вдруг притормаживать, либералы во главе с Гайдаром создали демократическое движение «Выбор России», оказавшееся на выборах 1993 г. наиболее успешным среди всех демократических сил.

Миф о том, что либералы не стремились к демократии, в известной мере стал следствием того, что «Выбор России» был в политике неудачлив и быстро сошел со сцены. В итоге про реформы, осуществленные под прикрытием ельцинского авторитета, сегодня помнят все, тогда как попытка Гайдара создать правительство реформ через победу на выборах из памяти изгладилось. В январе 1994 г. либералы Егор Гайдар и Борис Федоров покинули правительство, после чего серьезных шансов продолжать реформы, опираясь на доверие широких масс, у реформаторов уже никогда не было. В начале нулевых Путин

недолгое время еще играл в благонамеренного автократа, что позволило осуществить либеральную налоговую реформу, но затем мы уже никогда к либерализму не двигались.

КАК ПРОДАВАЛИ РОССИЮ

Всем «известно», что массовая приватизация у нас была неправильной. При этом некоторые критики говорят, что народ нагло обманули, отдав всю собственность олигархам. А другие наоборот — что слишком мало имущества отдали серьезным стратегическим инвесторам (по сути, тем же самым олигархам — российским и иностранным), и из-за этого приватизированные предприятия толком не заработали, промышленность развалилась, бюджет недополучил доходов, усилились бедность и неравенство. В общем, критики предлагают абсолютно противоположное, но сходятся в том, что Чубайс виноват, если и не во всем, то в приватизации точно.

Я вспомнил про эти давние споры недавно, когда... моя знакомая пыталась продать старый роскошный рояль XIX века. Пардон, не продать, а отдать бесплатно с единственным условием — кто берет, тот и вывозит. Всем был хорош этот рояль: черный, солидный... Хорошей немецкой фирмы. Один недостаток. Играть на нем нельзя и настроить уже невозможно. Разве что за очень большие деньги.

Если трезво взглянуть на положение дел, то потенциальный приобретатель рояля должен был иметь большой дом, где это чудо удалось бы с достоинством разместить, не создавая впечатления загроможденного мебельного склада. Кроме того, он должен был изрядно потратиться на аккуратную перевозку, чтобы рояль не развалился в дороге. А если учесть еще, что люди, обладающие большими домами и деньгами, довольно редко испытывают пиетет перед старыми роялями, давно вышедшими на пенсию, нетрудно понять, сколь мал был шанс продать его за более-менее солидную сумму. Хотя «за бесплатно» его все же вывезли.

История российской приватизации очень напоминает эту историю со старым роялем. «Дорогие стратегические инвесторы, — должны были ска-

зать мы, — в одна тысяча восемьсот лохматом году у нас в России была хорошая промышленность. На ней можно было играть и даже солидно зарабатывать. Но затем мы ее отдали товарищу Шарикову, недавно превратившемуся из собаки в человека. И он ее использовал для своих нужд, ничего общего не имеющих с нуждами рыночной экономики. Техника давно устарела, технологии неконкурентоспособны, персонал умеет работать лишь по-советски». Есть, правда, исключение — военно-промышленный комплекс, где техника, технологии и персонал сравнительно неплохи. Но именно предприятия ВПК в наименьшей степени можно приспособить к рыночным условиям, поскольку оружие свободно продавать запрещено, а правила секретности на производстве таковы, что богатого иностранца даже на порог не пустят.

А ко всему этому надо добавить, что в отличие от Венгрии или Эстонии, неплохо продавших часть госсобственности стратегическим инвесторам, наша пролетарская экономика обла, огромна, стозевна и на инвестора лайя, если сочтет его эксплуататором. То есть в переводе на мебельную тему выходит, что нам надо в отличии от миниатюрных эстонцев втюхать кому-то сразу сотню-другую роялей, абсолютно не пригодных к использованию.

Понятно, что приватизация в таких условиях могла быть лишь бесплатной. То есть осуществленной преимущественно методом непосредственной раздачи акций предприятий трудящимся, на них работающим, и раздачи всему населению ваучеров, которые можно на акции обменять. А потом уже (после этой халявы) люди с деньгами могли докупать на аукционах и конкурсах то, что осталось у государства, либо перекупать на рынке то, что бесплатно получило население.

В общем, планы «стратегов», рассуждавших по умным книжкам о том, что надо, мол, искать стратегического инвестора, реализовать в России было невозможно. «Рояли» забирали каждый, кто мог и хотел. Приватизация оказалась народной, но и она народ не удовлетворила. Поскольку большинство полагало, что халявные рояли XIX века по определению должны иметь большую ценность. А на деле вышло, что ничего они не стоят.

Кроме тех, на которых все ж удавалось сыграть хотя бы «Мурку» (нефть, газ, металлы), и тех, в которые какой-то случайный инвестор, скупивший акции у работяг задешево или даже за «поллитру», вложил какие-то деньги.

Нельзя преувеличивать значение приватизации. Оно состоит лишь в том, что госпредприятия изымают из управления чиновником, который их откровенно разворовывает, и отправляют на рынок, где при совокупности благоприятных условий их все же может купить солидный предприниматель. А условия эти — такие, какие есть, а не такие, какие мы себе нафантазируем. Старый хлам в большой и бедной стране с народом, настроенным против бизнеса, будет гораздо дольше искать себе хорошего хозяина, чем хороший завод в малой и очень богатой стране, привыкшей работать в рыночных условиях. ■ ■ ■

© Текст: Дмитрий Травин

© Фото: Александр Тягун-Рядно

ДМИТРИЙ ТРАВИН — научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в СПб.

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

*Короткий период работы Гайдара в Институте экономики и прогнозирования НТП был не слишком примечателен. Андрею Нечаеву, тогда еще толком не знакомому с Егором, запомнился его доклад в ИЭПНТП о Китае, точнее, одна фраза из него: «Китайские экономические реформы пролегли через площадь Тяньаньмэнь». Подход Гайдара показался Нечаеву новаторским: он изучал экономические предпосылки политических решений и политические предпосылки экономических шагов. Впрочем, к формированию своей команды внутри Института Егор относился серьезно и звал с собой множество своих коллег. Правда, в результате, как шутили его друзья, в ИЭПНТП Егор руководил группой, а «группа» состояла из одного Юрия Александровича Левады, известного социолога, го-
дившегося Гайдару в отцы.*

«Змеинка». Тут все начиналось. Фото из архива С. Васильева

В вообще говоря, сам факт того, что гуманитарий и социолог существенную часть своей жизни — до основания Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) — работал в экономических институтах, сначала ЦЭМИ, а потом ИЭПНТП, примечателен. Математические и управленческие проблемы имели гуманитарное измерение — во всех этих процессах присутствовал человек. Человек руководящий, принимающий решения, испытывающий на себе последствия этих решений. И при всей компьютерно-математической проективности работ экономистов тех лет и сдержанности в оценках и выводах, это была сфера, где могли заниматься наукой ученые других специальностей и иного, не математического и не технического, склада.

Одну из самых интересных статей того глухого периода, «Проблемы экономической антропологии у К. Маркса», Юрий Левада опубликовал в 1983 году в «Сборнике трудов ВНИИСИ» — она как раз об экономических мотивах поведения человека. Экономика как антропология — этот подход был чрезвычайно важен. И Гайдар как человек гуманитарной, а не только экономической культуры, это прекрасно понимал. Потому и общался с Юрием Александровичем, и пригласил его в свою группу в новый Институт на том этапе, когда нужно было думать о будущем, анализируя быстро меняющееся настоящее.

Не случайным оказалось и то, что Юрий Левада стал участником знакового экономического семинара молодых экономистов в августе-сентябре 1986 года на Змеиной горке.

«ЗМЕИНАЯ ГОРКА»

Группа ученых становится командой реформаторов

Разрозненные усилия московской и ленинградской команд нуждались в подведении итогов: к чему, собственно, пришли молодые экономисты после нескольких лет интенсивных обсуждений устройства экономики СССР и путей возможных реформ. Оставалось только найти механизм такого обобщения сделанного. Организационным мотором снова стала ленинградская часть команды.

Весной 1985-го на конференции в Нарофоминске Сергей Васильев познакомился с Борисом Ракитским, тем самым, к которому Гайдар когда-то едва не ушел в ЦЭМИ, и его женой Галиной Ракитской, специалистом по трудовым отношениям. Классик пригласил молодых ленинградцев в подмосковную школу Гавриила Попова, который в то время уже не был деканом экономфака МГУ, но продолжал заведовать кафедрой управления. Попов, будущий первый мэр Москвы, впоследствии стал одним из главных ненавистников команды реформаторов, но в те годы делить ему с молодыми экономистами было нечего, да, может, и не знал о том, что его доклад о крестьянской реформе 1861 года в подмосковном Пушкино на так называемой «Гавриилиаде» в январе 1986 года слушали два ленинградца — Васильев и Чубайс.

«Я заметил, что школа организована для общения единомышленников, — вспоминал Сергей Васильев, — В предпоследний вечер мы с Чубайсом гуляли по территории дома отдыха, обсуждая наши впечатления, и я сказал, что неплохо бы самим устроить подобное мероприятие».

Организацией семинара занялся именно Васильев. У Финансово-экономического института

была спортивная база «Змеиная горка» в Выборгском районе — примитивные домики без удобств в 100 километрах от Питера, в семи километрах от станции, но в чрезвычайно живописном месте, где Гладышевское озеро имело прямой выход на Финский залив. Последние спортсмены уезжали оттуда 25 сентября, организаторы стали договариваться о том, чтобы сезон был продлен до субботы, 6 сентября. Питание оплатил Совет молодых ученых Финэка — все-таки Васильев был в своем институте в авторитете.

Конечно, все делалось на голом энтузиазме. И на любопытстве: члены, говоря сегодняшним языком, «виртуального» сообщества, наконец, могли увидеть друг друга живьем, был шанс и расширить круг общения за счет совсем новых людей. Ну, и укрепить ядро команды, и согласовать в большей или меньшей степени единые представления об экономике и способах «совершенствования хозяйственного механизма». Собственно, официально семинар молодых ученых назывался так: «Развитие хозяйственного механизма в свете решений XXVII съезда КПСС». Кстати, именно этот съезд оказался последним в истории Компартии Советского Союза...

Комнаты в зданиях «Змеиной горки» были рассчитаны на 4-6 человек. Женатых селили в деревянных домиках, отапливаемых трамвайными печками. Тех, кого спартанские условия, равно как и походы по грибы и ягоды и экскурсия в Выборг не слишком привлекали, несколько переживали. Например, Петр Авен, дотянув до 4 сентября и сделав свой доклад о «проблемах совершенствования хозяйственного механизма в АПК», как выразился Сергей Васильев, «эвакуировался в Ленинград». На семинар Егор Гайдар приехал с Марией Стругацкой. А его мама Ариадна Павловна Бажова была крайне удивлена, узнав, как называется место, куда отправился «семинариться» Егор: Змеиная горка была известна по сказу деда Гайдара Павла Бажова «Каменный цветок»: «Змеиную горку Данилушко хорошо знал». Можно было усмотреть в этом некий символ.

Технически мероприятие было оформлено так: заслушивались два-три-четыре доклада (в зави-

симости от программы дня), а дальше шло их обсуждение. Работал профессиональный фотограф. Выпускались стенгазеты — вполне хулиганские, но тем и опасные — все-таки перестройка только начиналась, время было еще совсем советское. Кроме того, существовало естественное деление на своих — узкий круг, и чужих — не вполне проверенных.

В так называемом ректорском домике доклад для узкого круга — фактически об административном рынке как основе социально-политического устройства СССР — делал Симон Кордонский.

И здесь необходимо сделать важное отступление, поскольку теория административного рынка стала одной из ключевых для «московско-ленинградской школы», а уже вызревавшая докторская диссертация Гайдара была во многом развитием этой теории. Егор потом не раз возвращался к этим проблемам, и на основе диссертации написал книгу «Экономические реформы и иерархические структуры». Собственно, отчасти об этом был и его доклад в Змеинке, которым открывался последний рабочий день семинара 6 сентября. Он уклончиво назывался «Проблемы проведения экономических реформ». Странно, кстати: в программе семинара он еще значился сотрудником ВНИИСИ, хотя уже с 8 мая официально работал в Институте у Анчишкина.

Так вот, как потом говорил Вячеслав Широинин, «было три термина: “административный рынок”, “экономика торга” и “экономика согласований”. “Экономику торга” придумал Петр Авен, “административный рынок” придумали Найшуль с Кордонским, а “экономику согласований” придумал я».

Одним из первых теорию сформулировал Симон Кордонский, сотрудничавший в Новосибирске с академиком Татьяной Заславской. Ее доклад на научном семинаре «Социальный механизм развития экономики» в 1983 году — практически по Высоцкому — «раструбили на Би-Би-Си»: он оказался скандальным по своему содержанию, а потому засекреченным. В докладе открыто говорилось об «исчерпании возможностей централизованно-административного управления

хозяйством». Кордонский, как и Заславская, занимался тем, что потом назовут экономической социологией, то есть изучал самую обычную жизнь самых обычных людей со всеми ее неформальными практиками выживания.

В одну из экспедиций в сельские регионы Алтая по инициативе Заславской отправились коллеги Гайдара по 12-й лаборатории Петр Авен и Вячеслав Широинин. Там столичные экономисты имели возможность наблюдать, как работает настоящая экономика торга. (Их статью, опубликованную в «Известиях Сибирского отделения Академии наук СССР» в 1987-м, Гайдар цитировал в «Экономической реформе и иерархических структурах», равно как и текст Кордонского, опубликованный в «Сборнике трудов ВНИИСИ» в 1986 году.)

Вячеслав Широинин рассказывал: «Началось все с того, что мы едем через Барнаул, столицу Алтайского края. Татьяна Ивановна поехала туда еще утром, чтобы успеть на заседание бюро крайкома... Выглядело это так: зал дома культуры, партер и сцена, на ней — бюро крайкома во главе с первым секретарем, а в партере — первые секретари районных комитетов. Обсуждают они план по урожайности. Вопрос звучит так: «Ты сколько центнеров взял?» Так первый секретарь крайкома обращается к районным секретарям. И дальше они начинают торговаться. Вилка — от 16 до 18 центнеров с гектара. Районы хотят брать меньше, чтобы потом было легче отчитываться, а с них требуют больше, и они торгуются очень всерьез: все красные, курят в коридоре, нервничают... Вообще, если ты выбил 16, то ты герой, если уступил до 18-ти — это стыдно. Дальше мы приезжаем в этот район, я беру в руки книжечку, в которой записана статистика по Алтаю за последние 50 лет, и вижу, что средняя цифра — 12 центнеров с гектара. За все эти 50 лет больший урожай, что-то около 18-ти, был только один раз. Я начинаю разбираться, какая тогда им разница: 16 или 18 центнеров. Оказывается, что есть. Есть план, который, если перевыполнить, то дают орден или еще что-то. Есть плановое задание, которое уже не 16, а 14, — от него зависит зарплата. Есть задание райкома, которое, скажем, уже 12,5. И от него зависит, что тебя не вызывают на ковер

и не наказывают. А еще у секретаря райкома есть книжечка, в которой записано все, что он заначил перед своим начальством, чтобы было чем кормить скотину зимой. То есть на самом деле сложность этих информационных потоков была потрясающей».

Вот потому-то и Авен, и Кордонский значились в программе Змеинки как докладчики по сельскохозяйственным вопросам (Широинин, впрочем, докладывал об эволюции модели экономики дефицита, отдавая дань увлечению команды Яношем Корнаи).

Однажды Авен и Широинин привели Кордонского в свой Институт. Это был 1984 год. И вот в 1986-м Симон Гдальевич, невысокий бородатый человек, младший научный сотрудник Алтайского госуниверситета, знающий жизнь во всех ее впечатляющих проявлениях, делал доклад на семинаре на «Змеиной горке». И остался удовлетворенным «культурой изолята» своих новых московских и ленинградских знакомых — ему понравилось, как строился семинар. Впоследствии Кордонский не раз признавался в нелюбви к команде реформаторов, считая, что они действовали, не зная и не принимая во внимание неформальную составляющую жизни страны, о чем и написал в ноябре 1991-го в статье в «Независимой газете» под названием «Третье поколение реформаторов разрушит Россию».

Правда, несмотря на напряженные отношения с командой Гайдара после этой статьи в «НГ», в 1992 году он все равно работал в правительственном Рабочем центре экономических реформ, один из отделов которого возглавил бывший новосибирский студент Кордонского Сергей Павленко, и поучаствовал в подготовке указа о свободе торговли (его авторство оспаривается разными персонажами той эпохи и к этой теме мы еще вернемся).

Впоследствии Кордонский полагал, что реформы всего лишь коммерциализировали административный рынок, а не ликвидировали его. Окончательно оформит он свою теорию прямо перед уходом на работу в экспертное управление Кремля в 1999 году. Спустя некоторое время, уже покинув администрацию президента, он лишь укрепит в своих

представлениях о том, что в стране господствует административный торг, в ходу административная валюта, сильные мира сего торгуют и обмениваются своими административными весами, разнообразные же сословия борются за те ресурсы, которые существуют на административном рынке. Чем больше административный вес — тем выше ресурс, тем основательнее получаемая административная рента.

В своей статье «Реформа хозяйственно-го механизма: реальность намечаемых преобразований», опубликованной в 1987 году в «Известиях Сибирского отделения Академии наук СССР», Авен и Широнин делали вывод: «Современный хозяйственный механизм существенно отличается как от механизма 30-х годов, так и от общей нормативной модели. В основе такого отличия — резко возросшая сложность экономической системы, в результате которой предпосылка “об объективном знании возможностей”, как правило, не работает. В этой связи не может работать и система приказов — “командная экономика” постепенно заменяется “экономикой согласований” (“экономикой торга”), в которой отношения вышестоящих с нижестоящими представляют собой не только (да и не столько) отношения подчиненности, сколько отношения обмена. Ресурсами (аргументами) вышестоящих в этом “торге” являются материально-технические средства, деньги, нормативы, различные способы поощрения руководителей и т. п.; ресурсами нижестоящих — выполнение производственных заданий (или обещания этого выполнения), участие в периодических кампаниях (особенно в сельском хозяйстве) и т. д.».

Идеи своего учителя Кордонского развивал и Сергей Павленко — его статья о неформальных управленческих взаимодействиях как обмене ресурсами, статусами и «бумагами» была опубликована в «Постижении», одном из популярных перестроечных сборников статей, издававшихся издательством «Прогресс» (первая из таких книг оказалась самой шумевшей — «Иного не дано»). Среди прочего Павленко делал вывод о том, что «элиминировать неформальные взаимодействия в настоящее время невозможно — тогда перестанет работать вся структура управления».

Теорией административного рынка занимался и Виталий Найшуль, чья рукопись «Другая жизнь», содержащая в себе популярное объяснение устройства советской экономики и путей ее реформирования, с 1985 года ходила в самиздатских списках. Найшуль писал о необходимости радикальной экономической реформы, для реализации которой, по его мнению, нужен был «руководитель с размахом и кругозором Петра Великого». Еще работая в НИЭИ Госплана, в самом эпицентре плановой системы, он пришел к выводу, что в СССР сформировалась экономика согласований: «Парадоксально, что, изучая из Новосибирска совсем другой объект — не Госплан, а сельский район Алтайского края, — Кордонский, Широнин, Авен пришли к тем же самым выводам. Когда мы с ними встретились в 87-м году (на семинаре в «Лосево», о нем речь впереди. — А.К.), это выяснилось». Как и Кордонский, Виталий Найшуль полагал, что и после рыночной трансформации административный рынок не исчез — реформы 1990-х его лишь «оденезили».

Теория административного рынка имела еще несколько вариантов, вернее, она сама была вариантом еще более широких концепций, согласно которым советская экономика, в сущности, не являлась экономикой. В экономике должны работать ценовые сигналы, а не начальственный окрик или произвольное решение, в ней происходит обмен товаров, а не конкуренция административных весов и политических приоритетов. А в советской квазиэкономической системе, например, отрасли ВПК всегда были гораздо более приоритетными, чем отрасли гражданские — именно по причине милитаристских политических установок. Предприятия должны были выполнять план, а не удовлетворять потребности. «Оптимальность» в лучшем случае была результатом моделирования, не способного учесть все возможные «входящие» — информацию о потребностях и возможностях производителей и потребителей: их лучше всяких моделей и любого Госплана учитывает рынок.

Егор Гайдар читал не только «Антиравновесие» Яноша Корнаи, где реальное неравновесие

противопоставлялось идеальным и нереалистичным представлениям об экономике, но и книгу, которую Сергей Васильев оценивал как принципиально важную для формирования представлений «ленинградско-московской школы», оформившейся в Змеинке — «Структурные изменения в социалистической экономике» Юрия Яременко, написанную в 1979-м и увидевшую свет в сильно цензурированном виде в 1981 году.

Ресурсы в социалистической экономике, утверждал Яременко, — разноуровневые, неоднородные, разнокачественные. Есть «качественные» (квалифицированная рабочая сила и первоклассное техническое оснащение), а есть «массовые» ресурсы. Как объяснял Сергей Васильев, «по сути сравнивались отрасли ВПК и все остальные отрасли. ВПК пользовался высококлассными ресурсами, высокого уровня технологиями, а все остальные отрасли довольствовались объедками с барского стола». Но ведь это было результатом не чисто экономических решений, что и подчеркивал много лет спустя в беседах с социологом Сергеем Белановским сам Юрий Яременко.

Вся социальная структура советского общества, полагал академик (Кордонский называл эту структуру сословной), «подстроена под структуру распределения ресурсов». Представления Юрия Яременко о «древнеегипетском» устройстве СССР было близко Гайдару, и это несмотря на то, что Юрий Васильевич был одним из тех академиков, которые впоследствии резко критиковали гайдаровское правительство: «...наше общество похоже не на Европу или Америку, а скорее на Древний Египет, где строительство пирамид являлось цементирующим элементом самой египетской цивилизации. Так и наша экономика в своем развитии не имела какого-то внутреннего смысла, а была неким производством для воспроизводства и расширения административных структур».

Ленинградский экономист Иван Сыроежин, создавший в Финэке кафедру экономической кибернетики, разрабатывал теорию хозяйственных систем, где действовали распорядительные центры, обладавшие разным набором ресурсов — ад-

министративных и информационных, вес которых определялся в ходе согласования интересов. Эта модель тоже была близка к теории административного рынка.

Собственно, более подробно и в то же время в более широком контексте политической экономики (не путать с политэкономией) показал устройство иерархий советской системы в тех самых уже упомянутых докторской диссертации и в книге «Экономические реформы и иерархические структуры» именно Гайдар.

В «Экономических реформах» он цитировал книгу Сыроежина 1983 года, в которой ленинградский ученый «обращал внимание на то, что отношение “поставщик-плановик-потребитель”, в рамках которого “плановик” является держателем особого ресурса — власти, — минимальная субструктура экономических взаимодействий в системе социалистического хозяйствования». Иными словами, плановик решает, что именно должен поставлять поставщик и что потреблять потребитель, а это искажает всю экономическую структуру — она административная, а не рыночная. Именно в таком понимании советской экономики как «неэкономики» — ответ на вопрос, а почему она была столь неэффективной, не удовлетворяла «потребности трудящихся» и всю дорогу оказывалась экономикой дефицита.

Через кафедру Сыроежина прошли Михаил Дмитриев, Сергей Васильев, Альфред Кох, Оксана Дмитриева, так что интерес к его работам «московско-ленинградской» группы был не случайным.

Иерархии подменяют собой хозяйственные структуры, развивал Гайдар теорию административного рынка. А наиболее «успешные» в иерархическом, административном смысле отрасли, как писал Егор в «Экономических реформах и иерархических структурах», «продолжают расти независимо от эффективности соответствующих производств, дефицита соответствующей продукции». Недосток ресурсов, сжираемых высшими иерархиями, «затрудняет формирование новых отраслей, вызванных к жизни следующим этапом научно-технического прогресса».

«Мне кажется, от этого хэппенинга все ловили кайф», — скажет потом Сергей Васильев, ребята из лаборатории которого обеспечивали всю техническую часть семинара в «Змеиной горке».

Было очевидно, что три главных действующих лица конференции — Васильев, Гайдар и Чубайс. Тощий Анатолий Борисович, «похожий на цыпленка за рубль семьдесят пять копеек», как скажет потом участник семинара Ирина Евсеева-Боева, председательствовал, будучи облаченным к вельветовую короткую куртку. Егор, наверное, был единственным человеком в костюме и галстуке. На фотографиях еще можно увидеть рядом друг с другом Оксану Дмитриеву и Чубайса, впоследствии заклятых врагов. Совершенно по-западному — в кожаной куртке, джинсах и модных очках — выглядел Авен. Удивительно, но все члены команды на этих фотографиях узнаваемы — и Сергей Игнатьев, и Константин Кагаловский, и Олег Ананьин, и Вячеслав Широнин, и Григорий Глазков.

Гайдару понравился доклад Кагаловского «Финансовый механизм и экономическое поведение предприятий», выступление Авена про сельское хозяйство, то есть — завуалированно — про теорию административного рынка. Все были в восторге от доклада Ирины Евсеевой, которая показала, как в реальности работает система материально-технического снабжения. «Мой доклад им очень понравился, — вспоминала потом Ирина, — потому что они были теоретики, а я рассказывала о вполне практических вещах».

В принципе, конечно, названия докладов были эвфемистическими и несли на себе печать и некоторой естественной не то что пугливости, но желания закамуфлировать подлинный смысл от чужих и от Большого брата, и привычки писать так, как писали в конце 1970-х-начале 1980-х. «Хозяйственный механизм» по-прежнему был главным словосочетанием. Как и другой эвфемизм для обозначения проблем, в том числе инфляционных и структурных — «несбалансированность».

Сам по себе состав докладчиков обозначал контуры команды, из которой потом выделилось ядро — те люди, которые готовы были идти во власть, обладая примерно одинаковым пони-

манием того, что и как нужно делать. Иные были не готовы к такой работе — кто-то по причине нежелания уходить из науки, а кто-то — в силу разных взглядов на суть и методы реформирования экономики. В науке остались Ананьин и Широнин, по своим траекториям стали двигаться Ярмагаев и Оксана Дмитриева; Михаил Дмитриев в предреформенный и реформистский период 1991-1992 был рядом с командой, но не в кабинете министров, а в Верховном совете; Кордонский тоже немного поработал в окрестностях Старой площади. А непосредственно в первом правительстве или в его аппарате в том или иной качестве работали докладчики Змеинки Гайдар, Чубайс, Васильев, Глазков, Авен, Евсеева, Игнатьев, Кагаловский.

«Закончив работу, жжем костры, поем песни, шутим, — вспоминал Гайдар в «Днях поражений и побед». — На завершающем семинаре-капустнике я изложил два возможных сценария развития кризиса». Первый назывался «На гребне», в нем «определялось, кто какую роль будет играть в реформировании». Второй назывался «В складке» — в нем «определялись сроки заключения и размеры пайки, которую предстоит получать участникам семинара». Словом, или пан, или пропал — таким было ощущение 1986 года.

Очень скоро высшему руководству страны стало понятно, что ускорением социалистическую экономику не спасти. Нужны экономические реформы, а не просто перенаправление форсированных государственных инвестиций. И реформы должны быть осмысленными. Соответственно, нужна их концепция. «Стало ясно, что невозможно все время спрашивать министров и людей от станка, нужно спросить у науки. И тогда для ученых открылись ворота ЦК и правительства», — вспоминал то время Евгений Ясин.

Ключевую роль в подготовке первого значимого реформаторского усилия 1987 года сыграл шеф Гайдара, директор ИЭПНТП Александр Анчишкин. Тогда состоялся большой призыв ученых-экономистов к подготовке июньского Пленума по экономике.

Об этом периоде Михаил Горбачев писал так: «...в начале 1987 года мы решили готовить Пленум по экономике и рассмотреть всю концепцию экономических реформ. Подготовкой тезисов занялась рабочая группа, в которую кроме меня вошли Рыжков, Слюньков, Яковлев, Медведев, ученые — Аганбегян, Абалкин, Анчишкин, Петраков, Ситарян, Можин (Владимир Можин — замзав отделом экономики ЦК КПСС. — А.К.)».

Активно работала группа, фактическим руководителем которой был академик Леонид Абалкин, в то время директор Института экономики АН, а также Межведомственная комиссия по совершенствованию хозяйственного механизма, реальным мотором которой был первый зампред Госплана СССР Степан Ситарян.

Определенно прореформаторскую позицию занял прежде всего сам Горбачев. Он очень серьезно относился к деталям возможной реформы, без конца обсуждал их на Политбюро, иной раз преодолевая сопротивление своего соратника Николая Рыжкова. Спорил, кипятился: «План выполняют, перевыполняют, а предприятие нерентабельно»; «Мне ученые жаловались: нагнали людей, сидеть негде, на работу через день ходят... работы нет», «Необходимо снизить количество убыточных предприятий вплоть до их закрытия»; «Самым большим стал вопрос о контрольных цифрах. Не протаскивают ли тут опять вал?»; «А кто сказал, что вы, сидя здесь, в Госплане, лучше знаете, сколько тот или иной завод может произвести или продать?»; «Почему с реформой 1965 года не получилось? Потому что не последовали совету Витте, который говорил, что если уже проводить реформу, то глубоко и быстро».

Для Михаила Сергеевича Пленум по экономической реформе был принципиально важен: он напрямую связывал рыночные отношения со стартовавшим процессом демократизации. Реформа стала его, Горбачева, НЭПом, и, пожалуй, даже чем-то важнее НЭПа.

«Время “Ч” — это был 1987 год, — вспоминал Евгений Ясин, — Тогда мы работали в пансионате Совмина “Сосны”. Я познакомился и подружился с Григорием Явлинским, вместе с ним и коллегам

ми мы подготовили двенадцать проектов постановлений правительства. Последняя редакция была за Сенчаговым (Вячеслав Сенчагов — в то время замминистра финансов СССР, впоследствии председатель Госкомцен. — А.К.). Постановления должны были выйти от имени правительства после июньского Пленума 1987 года и сессии Верховного совета. На Верховном совете должен был выступать Рыжков, а материал от группы Анчишкина готовился для Горбачева. Тексты представили Рыжкову, и они были приняты. Выступая на сессии, Николай Иванович впервые в официальной речи упомянул слово “рынок”. Не в порядке ругательства. Это было 30 июня 1987 года».

В своем докладе на Пленуме 25 июня Горбачев, характеризуя состояние экономики, не постеснялся произнести слово «стагнация». «Невосприимчивость народного хозяйства к нововведениям» — это прямо из статьи Шмелева. А рассуждения о неэффективности административных методов хозяйствования — де-факто сталинских — как будто перекочевали из статьи Ананьина-Гайдара. А вот следы того, над чем годами работали во ВНИИСИ, в докладе генсека: «Серьезного переосмысления заслуживает и проблематика соотношения централизованного планового руководства народным хозяйством и самостоятельности его отдельных звеньев, плановности и товарно-денежных отношений». Значит, необходимо «резкое расширение границ самостоятельности объединений и предприятий, перевод их на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, повышение ответственности за наивысшие конечные результаты».

А дальше — изменение системы планирования, реформа ценообразования, «противозатратный механизм».

Преимущество перестройки и косыгинской реформы была очевидна и в повестке предлагаемых мер, которые опоздали более чем на два десятка лет, и в прямых отсылках к экономической философии того времени. Михаил Сергеевич даже процитировал академика Василия Немчинова, его статью «Социалистическое хозяйство и планирование производства» 1964 года (в 1964-м ака-

демик умер, оставив в наследство институт — ЦЭМИ): «Перестройка хозяйственного управления все более настоятельно вставала в повестку дня. Этот вопрос обсуждался в научных и общественных кругах. Могу сослаться на статью академика В. С. Немчинова в журнале «Коммунист» в 1964 году. Еще тогда он писал: «Примитивное понимание взаимоотношений между большими и малыми экономическими системами может создать лишь такую окостенелую механическую систему, в которой все параметры управления заданы заранее, а вся система залимитирована сверху донизу на каждый данный момент и в каждом данном пункте... Такая залимитированная сверху донизу экономическая система будет тормозить социальный и технический прогресс и под напором реального процесса хозяйственной жизни рано или поздно будет сломана». Сейчас, на переломном этапе, когда мы подошли к кардинальным решениям, особенно важны научная обоснованность, теоретическая и идейно-политическая ясность в понимании сути и основного смысла начавшихся перемен, направленности в перестройке управления. Как и куда двигаться дальше? От чего мы можем и должны отказаться, что надо укреплять и совершенствовать, а что вводить вновь?»

Доклад на Пленуме Горбачев, по свидетельству Анатолия Черняева, передиктовывал три раза, «жил им днем и ночью две недели перед Пленумом. И то и дело звонил, размышляя вслух, — как откликнутся, как воспримут, поймут ли, и надо ли вообще, чтобы все всё поняли».

И еще из записей Черняева — очень важное замечание: «Всех беспокоит, что придется повышать цены».

В постановлении Пленума под названием «Основные положения коренной перестройки управления экономикой», густо орнаментированном идеологически округлыми — так, что и зацепиться было не за что на этом полированном словесном шаре, формулировалась главная задача: «...удовлетворение потребностей общества через максимальное использование достижений научно-технического прогресса, обеспечение разумного социалистического природопользования, решительный переход от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства на всех уровнях, всемерную активизацию человеческого фактора».

«Экономические методы руководства» — пока таким был псевдоним внедрения рыночных отношений. Которые в свою очередь, как выражался Горбачев, должны были «раскрыть потенциал социализма». «И тогда, в 1987 году, и сейчас я оцениваю документы Пленума как компромиссные, — писал впоследствии Михаил Сергеевич. — Но для того уровня массового сознания они были радикальными, можно сказать, революционными решениями».

...Александр Анчишкин, один из главных интеллектуальных «моторов» реформы, был воодушевлен, однако неожиданно скончался вскоре после Пленума, 24 июля. Александру Ивановичу было 53 года.

Следующий семинар будущих реформаторов — 1987 года, когда Гайдар уже поменял стиль существования и увлеченно работал в реформируемом журнале «Коммунист», включаясь в политику со стороны аналитической журналистики (об этом речь впереди) — был и похож, и не похож на Змеинку. Похож, потому что этот семинар проходил на базе все того же Финансово-экономического института — на этот раз на турбазе «Лосево», в весьма живописном месте рядом с так называемыми Лосевскими порогами (до войны там находился финский поселок Кивиниеми). И в нем тоже принимали участие члены команды и ее ядра, углублявшие свое понимание возможного вектора реформ. Не похож, потому что лосевская конференция была большим и многодневным мероприятием, в котором участвовали и свои, и чужие. Именно на этом семинаре произошла важная дискуссия о ваучерной приватизации. Кроме того, изменилась внешняя среда — после июньского Пленума 1987 года можно было открыто обсуждать сюжеты, которые еще в 1986-м находились в статусе запретных и опасных.

На этот раз все было обставлено очень серьезно и даже официально. Председателем оргкоми-

А. Чубайс, Е. Гайдар. «Змеинка». Фото из архива С. Васильева

Участники семинара: А. Шохин, П. Авен, К. Кагаловский, А. Улокаев, А. Чубайс, В. Мащиц, С. Глазьев. Лосево, 1987 г.

Михаил Дмитриев. «Змеинка». Фото из архива С. Васильева

Петр Авен. Фото из архива С. Васильева

тета стал лично ректор Финэка Юрий Лавриков. Жанр: «Совещание-семинар экономистов, работающих над докторскими, кандидатскими диссертациями и монографическими исследованиями». Название: «70 лет социалистического строительства и проблемы ускорения социально-экономического развития СССР». Мероприятие проходило под несколькими номенклатурными крышами, в том числе некоего Головного (!) совета по политэкономии Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР. Но в этом Головном совете, как в матрешке, был еще Проблемный совет «Пути повышения социально-экономической эффективности социалистического производства». Как будто в то время могло быть еще капиталистическое. Очень все-таки многоступенчатой системой был Советский Союз... К слову, представитель этого самого Проблемного совета Павел Капыш вел организационную работу на совещании. Впоследствии он стал нефтетрейдером и был застрелен из гранатомета на набережной Невы...

Другим организационным мотором семинара был, по воспоминаниям Сергея Васильева, Сергей Ходжа-Ахмедов, «крупный деятель теневой экономики». Он же выполнял и роль «вип-водителя» — вез из Питера в Лосево на своей «восьмерке» Васильева, Гайдара и выписанного, вероятно, для культурного досуга тогда еще скромного актера товстоноговского БДТ Юрия Стоянова с гитарой. При этом Егора страшно интересовали детали устройства теневой экономики, которыми с ним делился Ходжа-Ахмедов.

Семинар проходил с 21 по 30 сентября, в два заезда участников. Вторая часть — более содержательная и контролировавшаяся Сергеем Васильевым, была важнее для молодых реформаторов.

На семинаре Гайдар делал доклад, в сущности, по теме своей диссертации — «Властные структуры в экономическом развитии». Вообще темы выступлений за год — в силу того, что и сам экономический дискурс власти продвинулся далеко вперед — звучали смелее. Например, Юрий Ярмагаев докладывал об «Основных этапах радикальной экономической реформы», Вячеслав Широнин — о «Плане и рынке в хозяйственном

механизме социалистических стран», Сергей Васильев — о «Функциях и структуре народнохозяйственного управления в условиях экономической реформы». В общем, ключевые слова — «рынок» и «реформа».

В принципе докладывали о том же, о чем писали, что уже сформировалось в головах — «программные» статьи вышли в 1987-м в сборнике «чубайсовского» Ленинградского инженерно-экономического института (ЛИЭИ) под общим названием «Проблемы целостной концепции управления промышленностью». Тексты, в частности, отражали общие дискуссии, об одной из которых рассказывал Сергей Васильев: «В 1985 году я написал текст о том, как будут развиваться функции управления народным хозяйством в период реформ (он-то и был в результате опубликован в сборнике ЛИЭИ. — А.К.), где доказывал: Комитет по науке и технике должен быть важнее Госплана, отчего Гайдар сильно смеялся. А Ярмагаев тут же сказал, что это Минфин должен быть важнее Госплана. Так впоследствии и произошло».

Статья Егора в сборнике называлась «Экономическая реформа и проблемы управляемости социалистической экономики». Это была апология комплексной и радикальной экономической реформы с констатацией того, что все попытки реформирования экономики в СССР оставались по сию пору на бумаге. И «само по себе выдвижение экономической реформы в качестве одной из целей экономической политики отнюдь не гарантирует успеха».

А вот Чубайс рассказывал в Лосево о проблемах совершенствования оплаты инженерного труда, это были итоги его работы в рамках экономического эксперимента. («Я знакомился с очень интересными людьми, — говорил он потом, — генеральными директорами промышленных гигантов и их замами по экономике, начинал понимать, как устроены у них головы, что им интересно, а что нет. Все это в дальнейшем очень пригодилось мне».) Выступали на семинаре и, например, Александр Аузан и Алексей Улюкаев. В «Лосево» появились такие совсем разные люди, как Виталий Найшуль, Сергей Глазьев, Петр Филиппов, со-

циолог Сергей Белановский, Борис Львин из клуба «Синтез».

На заседания клуба «Синтез», образованного в начале того же 1987-го, в Ленинградский дворец молодежи ходил и Михаил Дмитриев — как и он сам, его участники были на пять-семь лет младше основных представителей гайдаровского и чубайсовского круга. И, по его мнению, быстро переросли своих старших товарищей по степени радикализма. Возможно, потому что, во всяком случае поначалу, находились далеко от власти. «Они были слишком встроены в систему», — говорил о старших Михаил Дмитриев.

В «Синтезе» с одобрения ректора Финэка Лаврикова собирались ребята аспирантского возраста в основном из того же Финансово-экономического института или, как Дмитрий Травин и Андрей Илларионов — с экономфака ЛГУ (их однокурсник Алексей Кудрин в это время учился в аспирантуре в Москве). Илларионова в клуб привел Михаил Дмитриев, с которым он познакомился еще в начале 1980-х на студенческой олимпиаде в Ташкенте. Андрей был первый в городе, Михаил — второй в СССР. Илларионов привел в «Синтез» Дмитрия Травина, который, в отличие от Михаила Дмитриева, особых отличий от старших товарищей не заметил и вообще считает, что две группы образовывали одно поколение: «Для меня они были учителями в равной степени: от Сергея Васильева и Гайдара, книжки которых я прочел в начале 1990-х, до Львина, Дмитриева и даже Илларионова: мы были ровесниками, но я понимал, что они знают больше и смелее рвут старые догмы. Я был почти на всех семинарах «Синтеза». Собирались раз в две недели. Самые лучшие — рассказы Львина, Дмитриева и Николая Преображенского о странах Центральной и Восточной Европы. Это было то, что нам не рассказывали профессора в ЛГУ, и книг не было на эту тему».

Неформальными лидерами были Борис Львин и Андрей Прокофьев — они и создавали клуб. «Прокравшись в Москву мы никак не думали, — говорит Дмитрий Травин, — Москва появилась только в 90-х, когда Илларионов, Львин, Дмитриев, Маневич и Михаил Киселев пошли в депутаты. Реально

перестали собираться еще до похода в депутаты. Лидеры выговорились. Другие не подтянулись. Круг остался узким, поскольку толковых людей больше не было. А кто-то приходил, но уходил, как Олег Вите. Кто-то увлекся деньгами с 1988-1989 года, когда появились возможности».

Заметными фигурами, помимо Илларионова и Дмитриева, впоследствии стали Борис Львин, с 1990-х работавший в российских дирекциях МВФ и Всемирного банка, Алексей Миллер, на определенном этапе своей биографии возглавивший «Газпром», Дмитрий Васильев, один из ключевых идеологов приватизации, в то время занимавшийся такой специфической дисциплиной, как экономиста бытового обслуживания, Михаил Маневич, работавший сначала в ленинградской комиссии по экономической реформе под началом Чубайса, а затем вице-губернатором и главой городского комитета по имуществу. В 1997 году он был среди бела дня расстрелян в служебной машине членом преступной группы, связанной с известным питерским деятелем Юрием Шутовым, приговоренным в 2006 году к пожизненному заключению. Был среди участников «Синтеза» и кореевед Андрей Ланьков, который и по сию пору остается главным специалистом по Корее, прежде всего Северной. Дмитрий Травин стал одним из самых популярных в интеллектуальных кругах политическим и экономическим аналитиком.

«Дискуссии в «Синтезе» были более острыми и содержательно интересными, — вспоминал Михаил Дмитриев, — Например, мы открыто дискутировали по поводу того, как будет распадаться СССР». С прогнозом распада Союза потом, в 1988 году, на семинаре в Академгородке, выступит Борис Львин, который тогда работал в финэковской Проблемной лаборатории Сергея Васильева, и для широкой аудитории (человек 250) это станет абсолютным шоком. Но с точки зрения «синтезовских» дебатов во Дворце молодежи в этом не было ничего особенного.

В «Лосево» состоялась ставшая апокрифической дискуссия о ваучерах. План «народной приватизации» по Найшулю был изложен еще в его

книге «Другая жизнь»: каждый гражданин должен был получить по пять тысяч именных рублей (под лозунгом «Народное — народу!»). О содержании же его доклада о ваучерах можно судить по статье, которая явно была написана по следам выступления в «Лосево» и увидела свет уже в 1989 году в сборнике «Постижение». Определение реальной цены предприятия, рассуждал Найшуль, «возможно только путем рыночной конкурентной торговли титулами собственности». А она может осуществляться «как на обычные рубли, так и на *специальные боны* (курсив мой. — А.К.), пущенные в обращение для приобретения общественного производственного имущества и распределения среди населения». Почему нужны боны? «Распродажа общественной собственности на обычные рубли может привести к отсечению от владения предприятиями значительный контингент населения, не имеющих свободных денежных средств». Именно эти боны, розданные всем, по мысли Найшуля, должны обеспечить равные стартовые условия для всех в приватизации предприятий, которые после этих процедур можно будет назвать «народными»: «Каждый гражданин СССР получает равную сумму именных инвестиционных рублей (бонов), которые он может в период разделения собственности вложить целиком или по частям в любые предприятия страны».

После доклада Найшуля, который слушали только «свои», произошел, по воспоминаниям Сергея Васильева, «чрезвычайно жесткий разговор в фойе корпуса». Чубайс вспоминал: «Помню бурное обсуждение этого выступления, в ходе которого наиболее агрессивно против идеи ваучеризации с полным ее разгромом выступили некто Гайдар и некто Чубайс. Основные аргументы были примерно следующие. Это чудовищно рискованная затея, она приведет к массовой несправедливости. Степень сложности процесса и вообще степень сложности объектов — отрасли, предприятия — совершенно различная, неоднородная. Фантастически упрощается и отупляется способ приватизации: сам подход предполагает примитивизацию инструмента для обращения со сложнейшим объектом, результатом чего будут массовое

недовольство и обиды. Оскорбленными будут чувствовать себя десятки миллионов граждан».

Ваучеры, утверждал Чубайс, невозможно будет реализовать с одинаковой доходностью, в результате возникнет неравенство разных групп населения. Игнатьев говорил о том, что ваучеры потенциально могут стать платежным средством и оказать инфляционное давление на экономику. Возражал и Петр Филиппов, который, правда, спустя три года, став председателем подкомитета по собственности Верховного совета РСФСР, вместе с Дмитрием Бедняковым и Петром Мостовым напишет первые российские нормативные акты, регулирующие приватизацию, и туда будет внесена норма об именных приватизационных счетах. Это было только начало дискуссии, она продолжалась годами, притом, что примерно к 1990-му году придумавший еще в 1981 году ваучерную приватизацию Виталий Найшуль сам же откажется от этой идеи.

«Лосево» — это фотопортрет четырех парней в интерьере советского захолустного пансионата. Чубайс, Васильев, Гайдар, Глазков. На столе какие-то банки, граненые стаканы, и им самим слегка за тридцать. «Нас много. Нас, может быть, четверо», — так начинал свое стихотворение 1964 года Андрей Вознесенский, а заканчивал: «Нас мало. Нас, может быть, четверо». «Нас» было, понятное дело, гораздо больше. За кадром остался Ярмагаев, на других кадрах — Авен, Игнатьев. У плаката «Пьянству-бой» в сосновом финском лесу — хохочущий Гайдар в окружении Ананьина и Широлина, друзей из развалившейся лаборатории ВНИИСИ.

Интересно, что по интернету бродит такая версия: все эти парни — проект КГБ. Кстати, после «Лосево», где было все-таки слишком много народу и масса стукачей, интерес органов к молодым экономистам стал более прицельным. Васильева даже пригласили к финэковскому смотрящему. Но у экономистов была фигура, которая передвигалась по доске, как ферзь. Как вспоминал Васильев: «Для того, чтобы прикрыть нашу команду от наездов КГБ, Егор в декабре 1987 года организовал командировку на десять дней мне и Ярмага-

еву в редакцию журнала «Коммунист», чем вызвал большое возбуждение в Финэке».

Лосевский семинар, в сущности, завершил становление команды и взглядов ее представитель. Стал понятен и кадровый резервуар. После 1987-го Гайдар регулярно появлялся на семинарах, организуемых неутомимым Петром Филипповым, горнолыжником и яхтсменом, прославившимся бизнесом на выращивании тюльпанов, что позволяло финансировать в том числе и прежде всего научные мероприятия. Семинары Филиппова проходили в 1988 и 1989 годах летом на Ладого, на Песоцком носу — длинной косе на южном берегу озера. В сугубо туристических условиях.

По сию пору Сергей Игнатьев с непреходящим изумлением вспоминает один из таких «симпозиумов» на Ладого: «Мы проводили семинар прямо на берегу озера. И вдруг начался дождь. Над нами растянули какую-то пленку, но мы продолжали бурно дискутировать. Дикость ситуации мне стала понятна уже тогда: стоят — именно стоят! — человек двадцать под пленкой в проливной дождь и с жаром обсуждают проблемы экономики». Петр Филиппов: «Чубайс ухитрился нами руководить. В метрах ста от нас стояла палатка, и туристы от изумления высунулись из нее и наблюдали за нами, как за полными идиотами».

Был и заметный семинар в подмосковном пансионате «Зименки», в организации которого принимали участие самые разные люди от Константина Кагаловского и Ирины Евсеевой до Сергея Глазьева. Но ничего равного по значению «Змеиной горке» и «Лосево» уже не состоялось.

В гайдаровско-чубайсовском кругу в ту эпоху семинаров появился крупный во всех отношениях, в том числе, и в физическом смысле, человек. Звали его Сергей Кугушев. Многие говорили, что он из КГБ, Симон Кордонский и вовсе называл

его «куратором». Формально он был советником Юрия Баталина, председателя Госстроя СССР и зампреда Совмина, а впоследствии работал в Фонде детского кино Ролана Быкова. Кугушев, по сути, был членом команды, участвовал в семинарах, катался на плавсредствах по Ладого, отчего однажды одно из таких плавсредств чуть не перевернулось вместе с Гайдаром. Питерские реформаторы, приезжая в Москву, имели возможность останавливаться в ведомственной гостинице Госстроя. Кугушев активно общался с Сергеем Васильевым и Егором. Был тесно связан с популярным в то время интеллектуальным журналом «Век XX и мир», в первом номере которого за 1990 год можно найти его совместную статью с Константином Кагаловским (главной фигурой в журнале, выходящем под эгидой Советского комитета защиты мира, был Глеб Павловский). По просьбе Кугушева, как утверждает Кордонский, он в конце 1989 года под фамилией Алтаев (ибо сам происходил с Алтая) написал сценарий перехода от социализма к капитализму, получивший название «Сценарий X. Разговор с известным экономистом, пожелавшим остаться неизвестным». Во втором номере 1990-го года он уже под своей фамилией, пародируя сам себя, написал текст «Сценарий Игрек, или Гипотеза о руководящей роли партии в 90-е годы». Статья Бориса Львина, опубликованная в №8 за 1990-й год, называлась «Долой империю!». Чтение этих текстов сегодня вызывает смешанные ощущения: с одной стороны, они чрезвычайно любопытны, с другой стороны, в них просматривалось страстное желание отличаться от традиционной перестроечной публицистики, причем любой ценой. Прогнозы, как и все предсказания той эпохи, не отличались точностью.

Кугушев разошелся с командой на рубеже развала Советского Союза. «Извини, — сказал он Сергею Васильеву, — мне жалко империю».

© Текст: Андрей Колесников

ГАЙДАР ГЛАЗАМИ РУССКОЙ ИСТОРИИ

БОРИС МИНАЕВ

Читаю воспоминания Виктора Черномырдина. Том второй. «Народный премьер». Глава вторая. «Реформы и шокотерапия».

Вот несколько важных для моей темы цитат.

«Беда нашей страны прежде всего в том, что проводить реформы в 1990-х начали столь далекие от реальной жизни России люди, что, кажется, до того они на Луне обитали!» (Не сомневайтесь, это не про Горбачева, Рыжкова или Павлова, последних руководителей СССР — это именно про Гайдара). А вот еще.

«При формировании «правительства реформ» стали выдерживать принцип никого из бывшего союзного правительства не брать, чтобы реформы не тормозить — все свои. И это был большой минус: собрались в основном теоретики, почти ни у кого не было опыта практического руководства ни в одной сфере, ничего. И советников набрали американских. Всяких».

(Тут уже никаких сомнений, «ученые мальчики в розовых штанишках», вот это все про них, все такое знакомое — именно про Гайдара и его команду реформаторов).

«Это правительство, — продолжает Черномырдин, — с самого момента возникновения в народе получило название «правительства завлабов». Там действительно собрались в основном теоретики,

бывшие руководители разных лабораторий, некоторые имели опыт работы в министерствах, но ведь для министра это ничтожно мало. Тут такой опыт нужен, что будьте любезны!».

Ну и, пожалуй, вот еще один пассаж — гайдаровское правительство глазами Виктора Степановича: «...Но на заседание правительства меня через некоторое время пригласили. Прихожу и диву даюсь: у них там чай, кофе, закуски, ходят в джинсах и кроссовках, курят, разговаривают между собой. Гайдар говорит, его перебивают, рукой кто-то машет:

— Погоди, Егор, тут интересная мысль возникла...

Клуб по интересам. Словно дети в кубики красочные играют. Только эти курят. Или в студенческой аудитории на семинаре спорную монографию обсуждают... На коленке и на клочке бумаги состав министерств расписывают: кто министр, кто зам... Забавно? Наверное. Но не смешно. Совсем.

Ребята они были, спору нет, образованные и по своему симпатичные, но бесшабашные. Их главная беда была в том, что в силу возраста, отсутствия практического опыта, незнания реальной жизни и реальной экономики они, принимая кардинальные для страны решения, не предвидели, а многие и не могли предвидеть последствий этих решений! Не было у них практического опыта, совсем не бы-

ло: ни работы на производстве, ни жизни настоящей, вне стен исследовательских институтов и дискуссионных клубов. А Россия — это не полигон для экспериментов: это живые люди со своими надеждами, чаяниями, и этим людям работать надо, детей растить — словом, жить».

«Но не знали эти министры в большинстве своем ни страны, ни людей России — всю жизнь в учебе: сначала школы, потом институты, потом аспирантуры и научные экономические изыскания, споры о «моделях развития». Привыкли они так жить. И, став министрами, продолжали жить, как привыкли».

...Поучительное, конечно, чтение — эти воспоминания Черномырдина. Тут дело, конечно, не в его формальной критике «гайдаровских теорий»: такой поверхностной критики и тогда, в начале 90-х, было навалом — и сейчас тоже. Другое важно — вот это искреннее изумление выдавшего вида аппаратчика, прошедшего все советские ступеньки карьеры: как такой человек как Гайдар вообще смог оказаться во главе правительства? Как ему доверили? Откуда он взялся?

Не скроешь эту оторопь, с которой Черномырдин смотрит на своих как бы оппонентов (с которыми потом предстоит ему работать) — на этот мозговой штурм, например, где нет иерархии, где главное — это идеи.

Не скроешь ее, эту оторопь — ну да, идеи, знания, они у них есть, но почему, почему именно эти самые *идеи и знания* должны стоять во главе угла, когда речь идет о «жизни людей»? Разве «жизнь» — она про идеи, про знания? Нет, нет, она про «опыт», про «мудрость», про «авторитет»!

Тут мы должны, конечно, вспомнить, что сам Черномырдин — был человеком, как раз, очень обучаемым. Что он с самого начала не торопился резко менять гайдаровский курс, что именно при нем в правительстве работали такие единомышленники и друзья Гайдара, как Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Евгений Ясин, Яков Уринсон, Александр Шохин и многие другие.

Правда, сам Гайдар с горечью говорил, что это был «самый дорогой образовательный проект в истории человечества», имея в виду именно Черно-

мырдина, и те ошибки, те «дрова», которые ему приходилось «ломать», постигая схемы рыночной и переходной экономики.

Но тут мы опять углубляемся в споры экономистов, теорий, подходов, а речь-то о другом.

Речь о том, откуда взялось вот это искреннее изумление Черномырдина, эта степень непонимания, при первом же взгляде на Гайдара и его министров, которые в этих цитатах выражены очень остро и отчетливо?

...Глазами Черномырдина смотрит на тогдашнее «правительство завлабов» сама русская история — и имперская, и советская. История бюрократии, история чиновничества, очень жесткой властной иерархии, безгласного общества, история подавления внешних свобод и болезненного пестования «свобод внутренних», которые также легко попадали в разряд запрещенных и жестко преследуемых в периоды «похолоданий», в периоды озлобления и репрессий.

Взгляд Черномырдина (о котором и сам Гайдар в своих воспоминаниях писал как об очень порядочном, надежном человеке) — это именно взгляд оттуда, я бы сказал, из этой вот глубины веков.

Но как же такие люди, как Гайдар — действительно вопрос — могли оказаться во власти в том 1991-м году? (*И тут я позволю себе процитировать отрывок из нашей с Андреем Колесниковым недавно вышедшей книги «Егор Гайдар. Человек не отсюда»).

Место опытных чиновников и бюрократов заняли те, кто никогда даже и не мечтал о том, что пройдет по коридорам власти. Это были типичные советские интеллигенты, кандидаты наук, младшие научные сотрудники, эмэнэсы, как тогда говорили, потолком карьеры для которых было написать диссертацию и заведовать лабораторией или кафедрой, да и то через много лет, если сильно повезет.

Но дело не только в их удивительных карьерах и неожиданных взлетах.

Изменился сам тип российского государственного человека.

А ведь тип этот — при всех изменениях общественного строя — оставался прежним сотни,

а может быть, и тысячи лет. Этот тип основывался прежде всего на принадлежности к правящему сословию. На негласном договоре лояльности. Индивидуального должно было быть в «государственном человеке» ровно столько, чтобы оно не мешало проявлению общего — то есть свойств, подчиненных исключительно корпоративным, государственным целям и задачам.

«Между тем новый градоначальник оказался молчалив и угрюм, — писал Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». — Он прискакал в Глупов, как говорится, во все лопатки (время было такое, что нельзя было терять ни одной минуты) и едва вломился в пределы городского выгона, как тут же, на самой границе, пересек уйму ямщиков. Но даже и это обстоятельство не охладило восторгов обывателей, потому что умы еще были полны воспоминаниями о недавних победах над турками, и все надеялись, что новый градоначальник во второй раз возьмет приступом крепость Хотин.

Скоро, однако ж, обыватели убедились, что ликования и надежды их были, по малой мере, преждевременны и преувеличенны. Произшел обычный прием, и тут в первый раз в жизни пришлось глуповцам на деле изведать, каким горьким испытаниям может быть подвергнуто самое упорное начальстволюбие. Все на этом приеме совершилось как-то загадочно. Градоначальник безмолвно обошел ряды чиновных архистратигов, сверкнул глазами, произнес: «Не потерплю!» — и скрылся в кабинет. Чиновники остолбенели; за ними остолбенели и обыватели.

Изображение чиновничества в русской литературе — как правило, черная сатира, всегда доходящая до абсурда.

Вот, например, как писал о чиновниках главный редактор журнала «Огонек» Виталий Коротич, через сто с лишним лет после Щедрина: «...Закройте депутатские столовые, где кормят за бесценок, ликвидируйте гараж спецавтомобилей, а сами автомобили продайте. Перестаньте предоставлять господам депутатам спецдачи и спецквартиры в специальных домах... Дайте слугам народа погрузиться в реальное бытие!... По моему мнению, наше чиновничество совершенно безыдейно. Оно

служит за свою похлебку с приправами и готово за нее служить кому угодно. Оно уникальное и во всемирном масштабе, единственная непобедимая и легендарная сила, вызревшая в стране...

Весной 1999 года я разговорился с Александром Николаевичем Яковлевым на одну из любимых своих тем: о всемогуществе и неистребимости чиновничьего племени.

— Вы неправы, — сказал Яковлев. — Чиновничество еще и как истребимо. Только на нашей памяти проходила не одна чистка. И с партийной знатью разбирались, и с хозяйственниками, и с научной или военной бюрократией. Это саморегулирующаяся машина, если одна ее часть точно разрастается и начинает грозить другой, происходит саморегулирование».

В изображении Щедрина, в изображении Герцена, в изображении Коротича, в знаменитой книге Михаила Восленского «Номенклатура» наше чиновничество (советское или российское, не важно) выглядит действительно устрашающе. Это безличная темная сила, подминающая под себя любые общественные процессы, некая корпорация монстров, справиться с которой не под силу никаким отдельным людям.

На самом же деле сила этой корпорации состоит лишь в том, что кроме нее управлять в России больше некому. Никто за этот труд больше не берется, интеллигенты от него бегут. Чиновники от обычных людей отличаются именно тем, что любят и умеют управлять, говорить с «массой», принимать решения, устранять препятствия, произносить нужные слова в нужный момент. Это особое искусство, и овладеть им удастся не сразу. Недаром и в советское время, и сейчас нужно было пройти все ступеньки управленческой карьеры, чтобы подняться наверх. Поработать на заводе для строчки в автобиографии, затем вступить в партию, стать сначала мелким начальником, потом покрупнее. Приобрести важного и влиятельного босса — это обязательно. Затем назубок выучить сословную этику, сословные правила, и постепенно стать частью корпорации.

Однако в конце 80-х — начале 90-х годов эти незыблемые традиции, неожиданно были сломаны.

Во власть пришли другие люди — и шли они совершенно другим путем. Не через «ступеньки», не через суровое подчинение правилам игры, а через выборы и публичную политику.

Это был массовый приход во власть другого человеческого материала.

Удивительно, но в масштабах большой России главным «лицом» всей этой формации стал именно Егор Гайдар. Человек, который никогда даже и думать не думал о публичной политике или о выборах. Человек, который мыслил себя только экспертом, технократом, «спецом». Человек, который всегда предпочитал оставаться в тиши своего кабинета.

Однако именно ему предстояло на своем примере доказать миллионам, что во власти возможен и даже очень нужен другой тип. Что возможен и даже очень необходим новый лидер — им вполне может быть интеллект, условный «очкарик» (хотя Егор и не носил очков — только в конце жизни, и то для чтения), который движим не властными инстинктами и не сословными правилами, а только своими идеями и идеалами. Что возможен и даже необходим обществу не «хозяин» и не «крепкий хозяйственник», не человек системы (пусть даже сам взбунтовавшийся против системы), не «вождь» и не «спаситель нации», а самый обычный гражданин.

Егор Гайдар был, наверное, первым таким человеком во власти. Самым обычным — и тем самым необычным. Со всеми своими слабостями, которых он не скрывал. Самым простым — и в этом смысле незаурядным.

Все остальные подтягивались вслед за ним. Хотя исторически шагнувшая в политику формация «завлабов» опережала Гайдара — и, скорее, как океанская волна, несла его на себе. Впрочем, сейчас... в большой моде утверждения о том, что Гайдар сам был частью «номенклатуры», партийно-государственной системы.

Да, из-за тех нескольких месяцев, которые он провел в «Коммунисте», «Правде», в кабинете члена редколлегии, он формально принадлежал к советской номенклатуре. Но реально, по всем своим типологическим и личным чертам, — Егор не просто к ней не принадлежал; наоборот,

он обозначил ту историческую границу, за которой время советской номенклатуры закончилось безвозвратно.

И, конечно, тут же возникает вопрос: а будет ли востребован этот тип лидера вновь, в другой эпохе?

Да, русская история (глазами Черномырдина) смотрит в приведенных отрывках на Гайдара и его друзей почти с нескрываемым ужасом. И ведь взгляд этот нельзя не признать в какой-то степени — точным. Черномырдин искренне не понимал, как можно доверить *такую махину* — таким мальчишкам. Как в бюрократической системе можно *так* выглядеть, *так* говорить, *так* себя вести. А если не бюрократическая — то какая же она? Конечно, бюрократическая — миллионы подчиненных звеньев, мириады исполнителей, винтики и колесики — все то, из чего именно и состоит эта *машина*, в каком бы государстве она не родилась и как бы ни называлась.

Черномырдин знал, о чем говорил: сам он все эти винтики и колесики перещупал и перебрал своими собственными руками, плоть от плоти тогдашней хозяйственной элиты, ее кровиночка и ее гордость.

Глупо спорить — сам Гайдар с горечью говорил, и не один раз, что основная проблема для реформирования экономики — это как раз потеря управляемости, отсутствие лояльных исполнителей, саботаж и ступор госмашины, я мог бы привести не одну его цитату по этому поводу. Партия ушла, и вместе с ней ушли привычные механизмы, привычные приводные ремни, все болталось в воздухе, все перенастраивалось и переналаживалось, а пока царил жуткий хаос.

Но ведь не Гайдар был в этом виноват, и по совести говоря — да, было жутко и трудно всем, в том числе и ему, но миновать этот период было невозможно.

Понимал ли Черномырдин, что в этот переходный период только такое правительство и было возможно?

Может быть, понимал своим глубоким народным умом, своей интуицией, и все равно все его существо,

весь его опыт сопротивляется этой мысли — удивительны эти глухие оговорки Виктора Степановича, «конечно, умные», «конечно, образованные», «конечно, Гайдар грамотный экономист» — но опять прорывается в них все тот же вопль возмущенного, даже оскорбленного чиновничьего сердца (в хорошем смысле чиновничьего, а в каком же еще) — ведь *не эти* достоинства являются базовыми, основными для руководителя такой страны.

Не знания — знания о рыночных категориях, моделях, переходных в том числе. Не способность рождать идеи. Нет, не это... Совсем не это.

И дело, конечно, совсем не в Чернобырдине — его глазами, повторяю, смотрела на Гайдара *вся* русская история, вся формация прежних руководителей (которых газетчики того времени неудачно окрестили «красными директорами», во-первых, отнюдь не всегда красными, и отнюдь не всегда директорами) — именно они, с одной стороны, не смогли удержать свои позиции, сохранить свои заводы и фабрики в прежнем виде под натиском перемен, а с другой — именно они и сломали гайдаровские планы, и довели страну до кровавого противостояния в 1993-м.

И тут возникают, конечно, и другие вопросы — а был ли Гайдар чем-то исключительным в этом потоке русской истории, в какой ряд его вообще возможно ставить? И что означает это его внезапное появление? Для будущих, так сказать, поколений?

Сам Гайдар, разумеется, видел себя в ряду до-революционных экономических реформаторов, скромно упоминая в мемуарах о том, что их судьба всегда в России была печальна — Витте, Столыпин. Но это примеры известные — и вряд ли они так уж много нам скажут (разве что о всегдашней нелюбви России к своим реформаторам, тут спору нет). Скажут о самом Гайдаре. Все-таки и Витте, и Столыпин, и сопутствующие им деятели царского правительства были частью тогдашней сложно устроенной бюрократии и прошли немалый путь, то есть, по терминологии Чернобырдина, «знали жизнь». Другой пример, на который ссылается и Гайдар, и его соратники — большевистский министр финансов Сокольников, автор денежной ре-

формы, создатель «золотого рубля», то есть короткой, но оттого еще более легендарной истории советской *конвертируемой* валюты.

Аналогии с большевиками, впрочем, это скорее, прерогатива врагов Гайдара — именно в большевизме их и упрекали, именно с ленинским жестоким и безрассудным правительством и сравнивали: тех, которые большевиков и советскую власть, казалось бы, сильно не любили.

Но основания для такого сравнения все же были — хотя одни разрушали частную собственность и рынок, а другие их устанавливали вновь, одни расстреливали буржуазные (гражданские) свободы, другие за них боролись.

Но... и те, и другие пришли на волне революционного идеализма. И те, и другие главным своим капиталом считали именно «идеи». И тех, и других упрекали в том, что их «идеи» оказались химерами. И те, и другие уступили власть сменившим их циничным «государственникам».

И вот тут стоит вспомнить, кого же все-таки сам Гайдар считал (в политике, а не в экономике) своими предшественниками, на чьи уроки (порой очень горькие) он опирался в трудные моменты. И выясняется, что это — деятели Временного правительства, первые думцы, профессора и интеллигенты, люди не октября, а марта 1917 года. Милюков, Набоков-старший, князь Львов — их Гайдар всегда вспоминал в связи с ситуацией октября 1993-го, когда власть едва вновь не перешла к «красным», к новым большевикам.

Эти люди пришли во власть через выборы, через открытую публичную политику (да, пусть царская власть рухнула под напором митингов и демонстраций, вооруженных столкновений, но Временное правительство было выбрано и сформировано тогдашним парламентом, оно прежде всего было *законным*).

Ровно то же можно сказать и о той формации политиков, к которой принадлежал сам Гайдар — это были люди, которые пришли на волне выборов. На волне хлынувших в общество гражданских свобод.

Их власть была законной в самом классическом понимании этого слова.

В книге о Гайдаре мы с Андреем Колесниковым приводим лишь несколько таких примеров — это, например, Владимир Рыжков, демократический активист, вчерашний студент, на волне перестройки и гласности ставший сначала вице-губернатором целого Алтая, а потом вице-спикером Госдумы. Это, например, Игорь Кожуховский, шахтер, участник забастовочного шахтерского движения — в дальнейшем вместе с Немцовым и Гайдаром соавтор угольной реформы, заместитель министра. Это и Сергей Филатов, «обычный кандидат наук», технар, на волне выборов 1990 года ставший одним из руководителей Верховного Совета России, а затем и главой администрации президента Ельцина. Это, конечно же, Собчак и Немцов — один юрист, другой физик, ученые, демократические активисты, совсем не «номенклатура», проделавшие на волне публичной политики, на волне новых свобод, на волне выборов, пусть трагический, но яркий путь в истории. И еще сотни имен. Еще сотни подобных биографий.

Это другая формация руководителей. Они появились в те годы, когда требовались иные компетенции — ясный ум, начитанность и интеллект, живая грамотная речь, понимание тех самых «моделей развития», над которыми потешается Чернобырдин. И умение вести предвыборную кампанию, ценить свою публичную репутацию, отвечать за свои слова перед избирателем. Все это — понятные в любой стране компетенции публичного политика.

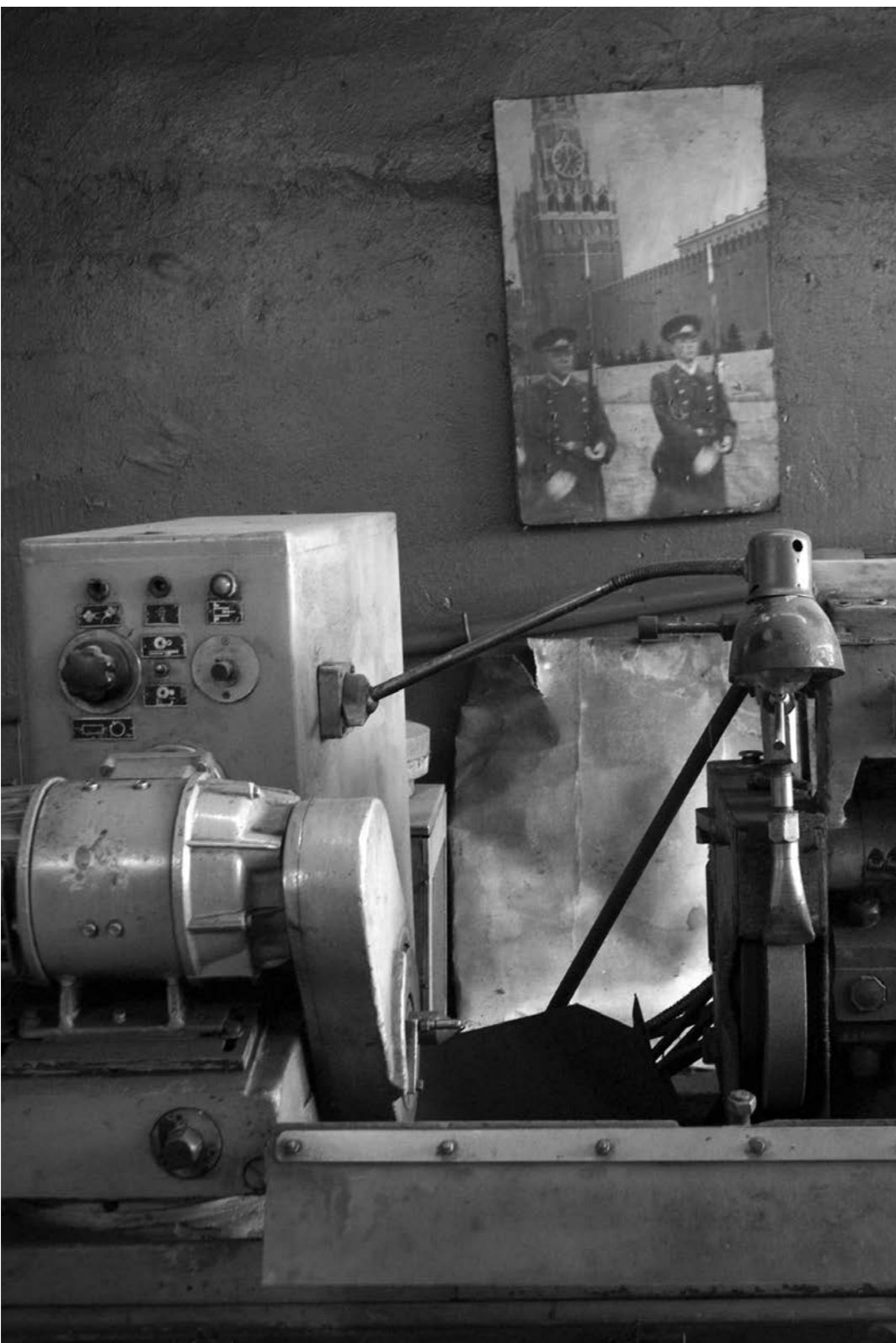
... Да, Гайдар, конечно, уникален и неповторим. И мы пытаемся показать это в книге. Но вместе с тем говорить о том, что он *случаен* в нашей истории — нельзя. Нет, он далеко не случаен.

И время, когда связная речь и глубокие знания, а не умение «строить» и пугать подчиненных сдавленным рыком наподобие глуповских губернаторов — станут главным умением политиков, это время отнюдь не за горами.

Нет, не за горами... если, конечно, мыслить исторически.

Так, как Гайдар и мыслил. ■ ■ ■

© Текст: Борис Минаев

© Фото: Константин Саломатин

РОССИЙСКАЯ «ДИЛЕММА ОДНОВРЕМЕННОСТИ»: АЛЬТЕРНАТИВЫ И РАЗВИЛКИ 1991 ГОДА

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

Тридцатилетие распада СССР — полезный повод задаться вопросом о том, «почему у России не получилось» добиться успеха на пути посткоммунистических преобразований, и почему наша страна сегодня гораздо дальше отстоит от идеалов свободы и демократии, нежели на момент краха советской системы. Хотя обсуждение этой проблемы заслуживает нескольких книг, один из ее аспектов связан с последовательностью решения тех задач, которые встали перед Россией в момент завершения советской эпохи.

В 1991 году, накануне краха СССР, немецкий социолог Клаус Оффе, рассуждая о реформах, которые предстояло проводить посткоммунистическим странам, заметил, что они столкнулись с необходимостью проводить одновременные преобразования такого масштаба, который ранее не имел аналогов в мировой истории. Посткоммунистическим странам надо было трансформировать:

- 1) имперское национально-государственное устройство, сформированное в советский и досоветский периоды, — в современные национальные государства;*
- 2) находившуюся в состоянии упадка централизованную плановую систему — в свободную рыночную экономику;*
- 3) однопартийный политический режим — в конкурентную демократию.*

Владимир Гельман

Оффе отмечал, что страны Западной Европы в прошлом решали эти задачи последовательно (и не всегда успешно) на протяжении веков и десятилетий. Но посткоммунистическим странам Восточной Европы и бывшего СССР необходимо одновременно осуществлять процесс «тройного перехода», проводя трудные и болезненные реформы на всех этих трех аренах сразу. Соблазн растянуть преобразования во времени, выстроить их последовательность в ту или иную логическую цепочку (сперва государственность, затем рынок, затем демократия) или отказаться от них был слишком велик. «Дилемма одновременности», по мнению Оффе, парадоксальным образом заключалась в том, что, несмотря на все сложности и вызовы, только одновременное проведение демократизации, рыночных реформ и строительство новых национальных государств могло принести странам бывшего коммунистического лагеря относительно быстрый успех. В то же время попытки решать все эти задачи последовательно, «шаг за шагом», грозили лишь усугублением кризисов.

Глядя на опыт посткоммунистических стран спустя три десятилетия, можно сказать, что «дилемма одновременности» была разрешена относительно успешно в странах Восточной Европы, которые в 1990-е годы создали демократические политические режимы и рыночную экономику, а в 2000-е годы стали членами Европейского союза. Намного более болезненным и драматическим оказался опыт стран бывшей Югославии, где распад союзного государства стал точкой отсчета серии кровавых войн в ущерб демократизации и рыночным реформам. Затянувшиеся процессы трансформации в этом регионе сопровождалась крайне тяжелыми издержками. В России и в других постсоветских государствах траектория реформ оказалась кардинально иной. Хотя нашей стране удалось избежать рисков полного «отслоения» от нее отдельных территорий, Россия все же не смогла построить эффективное (с точки зрения качества управления) национальное государство ни в 1990-е, ни в 2000-е годы. Рыночные реформы в России сопровождалась глубоким и длительным трансформационным спадом в экономике, который сменился ростом, лишь начиная с 1999 года. Хотя в конце концов российская

экономика перешла на рыночные рельсы, и в 2000-е годы она демонстрировала немалые успехи, сегодня ее едва ли можно охарактеризовать как свободную и эффективную. Наконец, демократизация в 1990-е годы оказалась остановлена, а в 2000-е сначала свернута, а затем и полностью сведена на нет. Что повлекло за собой такое развитие событий? Почему «дилемма одновременности» после падения коммунистического режима в России так и не была решена? И почему альтернативные решения начала 1990-х годов дали столь негативный эффект для политических реформ? Поиски ответов на эти вопросы требуют переосмысления вариантов развития событий, выбор между которыми определял повестку политических процессов в России осени 1991 года — необычайно напряженного времени, которое вместило в себя провал путча, запуск рыночных реформ Гайдара и роспуск СССР.

Эти месяцы были периодом невероятно высокой неопределенности в жизни нашей страны: горизонт планирования резко сузился до месяцев, если не недель, и многие принятые в таких условиях решения влекли за собой непредсказуемые и порой непреднамеренные последствия. Когда после провала путча в августе 1991 роспуск СССР стал неизбежным, перед российскими лидерами, которые внезапно оказались на капитанском мостике распадающейся страны, неизбежно встал вопрос о характере и направленности преобразований в России. К столь быстрому развитию событий никто не был готов: многие решения принимались спонтанно и *ad hoc*, исходя из текущей политической конъюнктуры и восприятия событий ключевыми игроками. При этом, если для других союзных республик распадавшегося СССР на первый план выходили вопросы, связанные с обретением независимости, строительством собственной государственности, а в ряде случаев — и разрешения этнополитических конфликтов, то для России ключевым аспектом «дилеммы одновременности» стал приоритет рыночных реформ в экономике по отношению к строительству демократических институтов. Ситуация в России и в Советском Союзе в целом в тот момент была слабо управляемой и воспринималась многими участниками и наблюдателями

как близкая к катастрофе. На этом фоне российские органы власти, созданные для управления одной (пусть и самой большой) из республик СССР, были вынуждены решать задачи управления распадающейся страной. Однако в тот момент российские лидеры опирались на высокий уровень массовой поддержки, проявившийся при подавлении путча в августе 1991 года. В общественном мнении сохранялись надежды на перелом негативных трендов в политике и экономике, и несмотря на всю сложность ситуации, у российских лидеров, пришедших к власти в ходе распада советской политической системы, осенью 1991 года открывалось, пусть и узкое, «окно возможностей» для выбора дальнейшего пути развития страны.

Согласно предложенной Оффе логике, можно предложить теоретически возможное решение российской «дилеммы одновременности» образца осени 1991 года. Передав на переходный период необходимые рычаги власти временному правительству для проведения рыночных реформ, первым делом российский парламент должен был принять новую Конституцию, позволявшую переучредить «с нуля» российское государство с новыми «правилами игры» (уже без остатков Советского Союза). Затем президент и парламент должны были согласиться провести выборы новых органов власти всех уровней, тем самым укрепив российскую государственность, и сформировав по их итогам новое правительство страны, опирающееся на доверие граждан, Россия могла продолжить реформы в экономике. Примерно по такому пути проходили посткоммунистические преобразования в некоторых странах Восточной Европы и Балтии. О подобном развитии событий как об упущенном шансе для России писали, например, такие авторы, как Андерс Ослунд и Майкл Макфол. Однако на практике такого рода подходы даже не рассматривались российскими элитами как желательная и/или возможная альтернатива. Задачи строительства институтов нового российского государства, которые отличались от прежних советских, тогда в России не только не ставились в повестку дня, но и не воспринимались всерьез. Напротив, овладение рычагами власти, «унаследованными»

от распадавшегося СССР, воспринималось тогдашними политиками как решение стоявшей перед ними задачи.

История не терпит сослагательного наклонения, и мы никогда не узнаем, могли бы принести успех России быстрые одновременные реформы по всем направлениям или, напротив, такой подход обернулся бы провалом с куда более драматическими последствиями для России. На практике российская «дилемма одновременности» была решена совершенно иным путем:

1) демократические политические реформы сперва оказались отложены, а затем были подвергнуты кардинальной ревизии;

2) рыночные реформы сопровождалась глубоким и длительным трансформационным спадом и растянулись на долгие годы;

3) проблемы национально-государственного устройства были решены частично благодаря поддержке территориального статус-кво в России «по умолчанию» и сопровождалась весьма глубоким упадком административного потенциала российского государства.

Важнейшие решения, принятые осенью 1991 года, предусматривали совсем иное развитие событий. Собранный в Москве Съезд народных депутатов России по инициативе Ельцина не стал рассматривать проект новой Конституции, подготовленный конституционной комиссией парламента (он фактически предполагал переучреждение российского государства на новой основе — вместо РСФСР как одной из республик тогда еще существовавшего СССР). Конституционные реформы были отложены «на потом» в силу приоритета радикальных экономических реформ, анонсированного Ельциным и поддержанного депутатами. Более того, по предложению Ельцина Съезд наложил мораторий на проведение новых выборов на всех уровнях власти. Более того, Съезд согласился с фактическим совмещением Ельциным постов президента и премьер-министра России, предоставил ему право издавать указы нормативного характера, единолично формировать состав кабинета министров, и назначать и снимать со своих постов глав органов исполнительной власти

большинства регионов и многих городов на период до декабря 1992 года (позднее этот механизм получил в России неофициальное наименование «вертикаль исполнительной власти»). Таким образом, Россия фактически «заморозила» все существовавшие на тот момент политические институты и прежнее национально-государственное устройство страны, поставив во главу угла рыночные реформы. Сформированное под руководством Ельцина правительство России, экономический блок которого возглавил Егор Гайдар, с января 1992 года начало либерализацию розничных цен.

Однако быстро добиться финансовой стабилизации правительству Ельцина–Гайдара так и не удалось: реформы российской экономики оказались крайне растянуты во времени, насыщены многими драматическими поворотами и в конечном итоге завершились дефолтом и резкой девальвацией российской валюты в 1998 году. Специалисты еще долго будут спорить о том, что «пошло не так» с рыночными преобразованиями в России 1990-х годов и возможно ли было провести их более успешно и/или не столь болезненно. Но так или иначе, рыночные реформы, сопровождавшиеся ростом преступности, стали весьма суровым испытанием для многих россиян и были негативно восприняты в массовом сознании. Вместе с тем, смена приоритетов и отказ российских лидеров от проведения политических реформ в пользу экономических преобразований, который произошел в России осенью 1991 года, обеспечил по меньшей мере неочевидные и сомнительные выгоды. «Замораживание» прежних российских политических институтов оказалось «слабым звеном» конструкции преобразований. Они не выдерживали (и заведомо не могли выдержать) нагрузку реформ. Российский парламент, избранный на конкурентных выборах весной 1990 года как субнациональный орган власти, не был приспособлен, чтобы функционировать «по-взрослому», принимая решения в масштабах страны, оказался мишенью уничтожающей критики и в итоге пал жертвой конфликтов элит. Отказ от проведения новых выборов нанес тяжелый удар и по новым политическим партиям, которые возникали в 1990–1991 годах как грибы после дождя: почти никто из них не пережил период реформ,

и российская партийная система формировалась позднее уже в условиях становления авторитаризма. Наконец, отказ от выборов закрыл дорогу к обновлению состава элит в стране и ее регионах, закупорив только приоткрывшиеся в период перестройки каналы их рекрутирования.

Почему же российская «дилемма одновременности» оказалась решена в пользу отказа страны от демократизации? Если исходить из бинарной перспективы анализа (демократизация *versus* рыночные реформы), то ответы на этот вопрос кажутся простыми. Так, Егор Гайдар, возражая Ослунду и Макфолу, лапидарно замечал, что ситуация в экономике осенью 1991 года была настолько плачевной, что не оставляла возможностей для одновременного проведения политических и экономических реформ. Насколько можно судить, он опасался, что в ситуации глубокого экономического кризиса, в котором пребывала российская экономика на момент распада СССР, побочным эффектом демократизации могли бы стать не успешные рыночные реформы, а популистская макроэкономическая политика, которая лишь усугубила бы кризис. Однако хотя риски такого поворота политического курса действительно были велики, страны Восточной Европы, пошедшие по пути одновременных демократизации и рыночных реформ, сумели этих рисков избежать. Более того, и российские граждане на референдуме в апреле 1993 года, несмотря на бурный рост цен и крайне высокую инфляцию, высказались в поддержку рыночного курса, а отнюдь не макроэкономического популизма, к которому призывали противники Ельцина и Гайдара. В свою очередь, автор этих строк обращал внимание на то, что только что пришедшим к власти в стране новым руководителям во главе с Ельциным политические реформы были попросту ни к чему — они и так оказались у рычагов власти после падения прежнего режима, и не хотели подвергать себя риску новых выборов. Отказавшись от принятия и внедрения в жизнь новых демократических «правил игры», они стремились обеспечить себе «свободу рук», необходимую, в том числе, для рыночных преобразований. Характерно, что осенью 1991 года главным публично прозвучавшим аргументом

в пользу отказа от проведения в регионах России всеобщих выборов глав исполнительной власти послужили расчеты аналитиков штаба Ельцина, ожидавших, что сторонники Ельцина могли одержать на них победу не более чем в 10–12 регионах страны. Вопрос же о новых выборах президента и парламента России тогда даже не ставился в повестку дня, хотя популярность Ельцина осенью 1991 года была весьма высока, и он мог бы одержать победу на новых выборах, сформировав и парламентское большинство в свою поддержку. Но хотя эти мотивы, вероятно, играли роль в принятии решений не в пользу «дилеммы одновременности», скорее всего, они не были единственными.

Однако если добавить к бинарной повестке третье измерение «дилеммы одновременности», связанное с реформами национально-государственного устройства страны, ответы на вопрос о причинах ее решения выглядят намного сложнее. Осенью 1991 года Россия сталкивалась в этом плане одновременно с двумя вызовами — внешним, завязанным на судьбе республик тогдашнего СССР, и внутренним, исходившим от республик и регионов в составе России. Это кардинальным образом отличало Россию от стран Восточной Европы. В ситуации распада союзного государства Ельцин и его окружение не обладали возможностями для силового принуждения других политических игроков, а на фоне обострения этнополитических конфликтов от Нагорного Карабаха до Приднестровья сама постановка вопроса о силовом удержании республик была крайне непопулярна. Единственная попытка такого рода, предпринятая в ноябре 1991 года в Чечне, оказалась крайне неудачной — после того, как российские власти ввели в республике чрезвычайное положение, направленные туда войска оказались заблокированы вооруженными местными жителями и вынуждены были покинуть республику, контроль Москвы над которой оказался надолго утрачен. Неудивительно, что единственной доступной российским властям стратегией по отношению к республикам в составе России становилось маневрирование и частичные уступки по различным вопросам, которые можно было суммировать высказыванием Ель-

цина, обращенном к представителям Татарстана — «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». По мнению американского политолога Дэниэла Трейсмана, такое «селективное умиротворение», хотя и было дорогостоящим и во многом несправедливым решением, позволило российским властям сохранить республики в орбите своего влияния, не допуская полной утраты контроля (случай Чечни оказался исключением, подтверждавшим правило). Сходная логика сопровождала и действия российских лидеров по отношению к союзным республикам — не имея возможности противодействовать роспуску СССР, они вполне успешно возглавили этот процесс, сделав его наименее болезненным по сравнению с иными возможными вариантами. Можно сколько угодно клеймить позором Беловежские соглашения как «геополитическую катастрофу», но единственной реалистической мирной альтернативой этому шагу в конце 1991 года оставался лишь долгий и мучительный «развод» России с Украиной и другими союзными республиками, который, скорее всего, сопровождался бы многочисленными взаимными претензиями и вел бы к усугублению кризиса государства. Напротив, разово разрубив «гордиев узел» советской государственности, Ельцин и его окружение смогли избавиться хотя бы от части стоявших перед Россией проблем — пусть и со значительными издержками, расплачиваться по которым россиянам приходится и по сей день.

Однако на фоне роста сепаратистских настроений и националистических движений в ряде республик России обеспечить осенью 1991 года успешное проведение политических реформ и при этом сохранить страну в тех же границах без кровопролитных конфликтов было бы крайне затруднительно. Конституционные изменения и новые выборы на региональном и на общероссийском уровне могли подхлестнуть эти тенденции — более того, в столь тяжелой экономической ситуации они, скорее всего, не ограничились бы республиками, но могли затронуть и ряд краев и областей. Таким образом, политическая реформа грозила усугубить казавшиеся реальными многим политикам и экспертам риски распада России по образцу про-

исходившего у них на глазах распада СССР. Формирование негативной коалиции лидеров республик и регионов против российских властей могло стать вторым изданием сходного процесса, протекавшего весной-летом 1991 года в отношениях руководства СССР и союзных республик. Неизвестно, удалось бы российским лидерам справиться с этими угрозами, но не приходится сомневаться, что введенный осенью 1991 года мораторий на региональные выборы и установление «вертикали власти» (которая, однако, не охватывала республики в составе России) отчасти помог предотвратить такого рода развитие событий.

Так или иначе, политические реформы, направленные на демократизацию страны, осенью 1991 года, были отвергнуты как вариант «по умолчанию» и в дальнейшем уже ни разу не становились приоритетом повестки дня российской политики. Но, оценивая спустя тридцать лет развилки и альтернативы 1991 года, мы исходим из логики желательного, а не из логики возможного, из того, «как должно (или не должно) быть», а не «как на самом деле», в то время как участники событий, скорее всего, воспринимали происходившее в совершенно ином свете, и их оценки и расчеты в условиях крайне высокой неопределенности неизбежно оказывались неверными. Столкнувшись со столь комплексными проблемами и не будучи интеллектуально готова к их глубокому обсуждению и целостному решению, Россия прошла мимо «дилеммы одновременности», выбрав в итоге иные траектории своего политического и экономического развития. Но рано или поздно в политической жизни России случатся новые развилки — скорее всего, совершенно иные, нежели те, с которыми столкнулась наша страна в 1991 году. Будущее покажет, послужит ли опыт прежних решений уроком для новых поколений политиков или же они снова пойдут методом проб и ошибок, выбирая альтернативы для страны.

© Текст: Владимир Гельман

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН — политолог, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и университета Хельсинки

ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ

Ровно десять лет назад в своем эссе 2011 года «Разоблаченная демократия» американский анархист Боб Блэк написал, что «демократия уже исчезла» в некоторых посткоммунистических странах, включая Россию (Блэк 2014: 13). Сегодня уже никто не удивляется, что согласно последнему докладу журнала Economist Россия занимает 124 из 167 позиций в индексе развития демократии, прочно обосновавшись в кругу авторитарных режимов (Democracy Index 2020: 12). Впрочем, на фоне Беларуси, Китая и Ирана, занимающих в этом рейтинге 148, 151 и 152 место соответственно, нам есть куда падать. До дна еще далеко.

ВЛАСТЬ НАРОДА КАК ТИРАНИЯ

ПОЧЕМУ ПУТЬ РОССИИ К ДЕМОКРАТИИ ТАКОЙ ДОЛГИЙ И ТРУДНЫЙ

В самой России общество не может разобраться с тем, что такое демократия, есть ли от нее польза и в какую сторону развивается страна. Так, проведенное в 2016 году исследование Фонда Фридриха Науманна показало противоречивые результаты. С одной стороны, 56,9% российских респондентов сказали, что персонально для них важно наличие демократии в их стране. С другой стороны, в Турции на аналогичный вопрос положительно ответили 93,6% опрошенных. При этом 30,8% россиян вовсе не знают, была ли когда-нибудь в их стране демократия или нет (Friedrich Naumann Stiftung 2016: 20-21). Не менее противоречивыми выглядят результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2020 году. Для 58% из 1000 опрошенных по-прежнему лично важно, чтобы в России была демократия (среди молодых людей с высшим образованием это число доходит до 74%). Однако только 11% считают, что демократия приносит больше пользы, чем вреда (ФОМ 2020).

Демократия для большинства россиян — это когда «страной должен управлять народ» и лишь

4% ставят на первое место «главенство закона и порядок» (ФОМ 2020). Последнее особенно важно с точки зрения задач этой статьи.

По меньшей мере дважды за XX век в 1917 и в 1991 году Россия была в одном шаге от демократии. Мгновенные успехи и широта российской свободы каждый раз удивляли весь мир. Однако относительно короткая демократическая эйфория заканчивалась переходом к новой форме тирании на десятилетия российской истории. Во втором случае еще не известно, как глубоко и надолго авторитаризм завладел страной и каких жертв будет ей стоить. Пока же у нас есть время, чтобы провести работу над ошибками. Для начала стоит ответить на вопрос, что не так с пониманием демократии в России? Возможно, именно здесь кроется причина неудач демократического развития страны последнего столетия.

Итак, на уровне обыденного сознания демократия чаще всего определяется в России как *власть народа*. Однако именно такое понимание демократии на практике оборачивается тиранией. Происходит это потому, что такой взгляд на де-

мократию весьма ограничен и отражает лишь одну из ее характеристик. Современная демократия должна быть основана не только на воле народа, но и на верховенстве права, разделении властей и защите прав меньшинств. Опираясь на анализ классической политической теории и известных случаев использования абсолютной власти народа для установления диктатуры в России, статья доказывает, что не ограниченная нормами и институтами демократия приводит к тирании.

ОШИБКА НАРОДОВЛАСТИЯ

Академические споры о демократии начинаются с Платона. Древнегреческий философ утверждает, что тирания «получается из демократии» (Платон 2016: 354). Подобное перерождение представляется ему неизбежным и происходит из самой природы демократического строя, основывающегося на полной и неограниченной свободе. В соответствии с платоновской логикой любая крайность порождает свою противоположность, поэтому из крайней свободы в условиях демократии возникает величайшее и жесточайшее рабство (Платон 2020: 357).

В России свобода и демократия действительно напоминают большой праздник непослушания с недолгим разгульным весельем и битьем посуды, который заканчивается тяжелым похмельем и длительным тюремным заключением для всей страны. Однако объяснение Платона выглядит слишком общим и антропоморфическим, чтобы быть применимым на уровне анализа особенностей политической структуры.

Структурные ограничения демократии впервые фиксируются через важное наблюдение Аристотеля. Он выделяет несколько видов демократии, последний из которых более всего напоминает тиранию. В таком политическом устройстве решающее значение имеют постановления народного собрания в то время, как во всех остальных видах демократии «властвует закон». Народ в этом случае становится единицей власти, составленной из многих. При этом неясным остается, кому конкретно

из этих многих власть на самом деле принадлежит. Реальная власть оказывается нелегально захваченной теми, кого сам Аристотель называет демагогами (Аристотель 2020: 299-300).

Они [демагоги] повинны в том, что решающее значение предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнением, так как народная масса находится у них в послушании.

Народ не может выступать единым субъектом политики, попытки придать ему подобный статус суть демагогия. Эта демагогия на практике ведет к установлению тирании немногих, которые умело манипулируют народным мнением и используют авторитет власти народа в своих собственных интересах. Поскольку законом в каждом конкретном случае служит только направляемая демагогами сиюминутная воля народа, здесь отсутствует право. Опираясь на это, Аристотель отказывает такому политическому строю не только в возможности называться демократией, но и вовсе быть признанным в качестве государственного устройства (Аристотель 2020: 301).

Теперь посмотрим, каким образом была установлена коммунистическая диктатура в России. В 1917 году Ленин и большевики требовали передачи всей власти советам, но добились ее для себя. Советы рабочих и крестьянских депутатов формировались из широких беднейших слоев и наделялись всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти. Съезд советов стал высшим органом в стране, способным в любой момент времени большинством голосов принять или изменить любой закон, вынести решение о лишении гражданских прав конкретного человека или группы лиц. Советы могли коллективно решить что угодно, была бы на то воля. Спрашивается, чья? Большевики демагогически ссылались на волю народа, но на самом деле советы одобряли решения вождей партии. Так началось с первых декретов советской власти о мире и земле, разру-

шивших международные договоренности и систему собственности в России. В 1918 году решение о расстреле царской семьи принимал не суд, а исполком Уральского областного совета рабочих.

Большевики правили страной нелегально, проводя свою политику через советы. Председатель высшего органа власти Верховного Совета СССР по конституции 1936 года мог считаться главой государства и неформально даже именовался «президентом». При Сталине этот пост долгое время занимал Калинин, но вряд ли кому-то придет в голову считать его реальным президентом страны. В задачи народных депутатов входило аплодисментами, восторженными криками и единогласным голосованием одобрять спускаемые сверху постановления, так называется процедура аккламации. Эта аккламация подменила собой демократические процедуры, а сама демократия обернулась едва ли не самой жесткой и продолжительной тиранией в истории человечества.

Как видим, аристотелевская формула подмены крайней степени демократии тиранией на советском примере работает практически безупречно. Вся полнота власти передана народу в лице его представителей, народных депутатов. Эта власть наделена максимально широкими полномочиями, неделима и осуществляется решением большинства. Однако за этим большинством скрывается манипулирующее им меньшинство в лице партии, решения которой вырабатываются еще меньшим кругом лиц в политбюро. В конечном же итоге эта система дошла до того состояния, когда желания одного человека навязывалась всей стране под видом воли всего народа. Так советская демократия обернулась сталинизмом.

Однако мытарства демократии в России на этом не заканчиваются. После крушения власти коммунистической партии многие ожидали транзита постсоветской политической системы в сторону современной демократии, но на практике произошло нечто иное. В июне 1991 года состоялись первые за всю историю страны прямые выборы президента, на которых в первом туре с большим отрывом от остальных кандидатов победил Ельцин. Осенью съезд народных депутатов РСФСР предоставил

президенту чрезвычайные полномочия, его указы стали новым аналогом первых декретов советской власти. Получив свой пост непосредственно из рук народа, Ельцин начал проводить радикальные реформы. Конституция 1993 года закрепила монархические возможности главы государства при минимальной роли парламента, не получившего контроля за исполнительной властью. Поначалу все выглядело многообещающе: для преобразования страны после десятилетий коммунистического правления нужен сильный лидер с широкими полномочиями, опирающийся на волю большинства населения. На практике спустя десятилетие все обернулось новым видом авторитаризма, именуемым плебисцитарным режимом.

Плебисцитарная (электоральная) диктатура исходит из презумпции народного суверенитета, когда роль избирателя на всеобщих президентских выборах сводится к опять-таки аккламации власти правителя (Юдин 2021: 13-16, 29-34). Первый пример подобного режима принято связывать с бонапартизмом, установившемся во Франции в результате революции 1848 года. Российские либералы заговорили об угрозе бонапартизма в начале 2000-х (Медушевский 2001), однако лучше было беспокоиться об этом десятилетием раньше. Разрушение прежних привычных нормативных основ жизни, отсутствие реального разделения властей и опора на новое большинство закономерно привели от диктатуры пролетариата к диктатуре бонапартистского типа. Можно согласиться с тем, что окончательно плебисцитарный режим в России оформился по итогам первого президентского срока Путина в 2004 году (Юдин 2021: 28). После принятия в 2020 году поправок в Конституцию мы можем наблюдать радикализацию электорального авторитаризма на пути из Франции Наполеона III ко временам Карла Шмитта в Германии.

Понимаемая как единственная основа демократии *власть народа* дважды оборачивалась в России тиранией той или иной степени жесткости. Неужели демократия невозможна вовсе, будучи обреченной на неизбежное вырождение в цезаризм или иную форму диктатуры? Однако нам хорошо известно, что по меньшей мере с XIX века демо-

кратия достаточно стабильно существует в Великобритании и США. В течение последнего столетия она распространилась почти на всю Европу, большую часть Американского континента и во многих странах Азиатско-тихоокеанского региона. Что способствует устойчивости демократии и препятствует ее превращению в тиранию? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к основам либеральной теории демократического порядка.

ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Главным противостоящим тирании институтом Аристотель считает «верховное правление закона» (Аристотель 2020: 299). Откуда берутся законы и почему они стоят над людьми? Логично было бы предположить, что люди сами устанавливают законы и вправе их менять по своему усмотрению. Однако в оптике античной и более поздней христианской философии это не так. Закон и лежащее в его основе понятие справедливости даны людям свыше, их задача следовать этим нормам в соответствии со своим местом в мироздании.

Еще Сократ в своем последнем слове перед смертным приговором суда пятисот в Афинах говорил, что готов подвергнуться любой опасности, оставаясь на стороне справедливости, закона и права. Именно этим он объяснял свою верность афинским богам, опровергая обвинение в небрежении официальной религией Афин. Победа Зевса над Хаосом путем укрощения титанов создала структуру Космоса, которой должен подчиняться мир людей. Иерархия богов античного пантеона и система отношений внутри него задавала рамки поведения людей. Понятие справедливости и основанного на ней законодательства воспринимались как дар божественного космоса, которому каждый человек обязан следовать.

Европейская идея верховенства права имеет религиозные корни, однако не вполне правомерным представляется противопоставление в данном

случае иудео-христианского и языческого подходов (Берман 2008: 320-323). На самом деле уже античные авторы начинают увязывать между собой справедливость, закон и право и давать им определение на уровне их божественной природы. Несмотря на мнение скептиков¹, есть основания считать «Законы» Платона едва ли не самой тщательной апологией верховенства права (Cusher 2014: 1032-1033). Именно в этом сочинении впервые говорится о залоге благополучия полиса в правлении некоего бессмертного, под которым подразумевается не царь, не бог, а закон. Этот закон справедлив и устойчив там, где соответствует устоявшимся обычаям и привычкам людей.

Очевидно, что в современном постсекулярном мире религиозное представление о праве не работает совсем или работает весьма ограниченно. Это заставляет некоторых авторов говорить о цивилизационном кризисе, связанном с упадком религии и права (Берман 2008: 13-30; 43-44). Куда более важным представляется дать описание современной природы верховенства права. Можно в рамках жесткого нормативизма полагаться на самодовлеющую роль закона. Однако лучше будучи реалистом исходить из некоего внутреннего баланса сил в государстве, когда ни одна из борющихся за влияние групп не обладает абсолютной властью и поэтому вынуждена апеллировать к закону.

Механизм действия верховенства права может быть описан в виде структуры, подразумевающей прозрачность, предсказуемость и индивидуальную автономию для всех действующих субъектов. Каждый закон издается на основании существующих норм, включая в первую очередь понятие справедливости. Он четко определяет, что можно, что нельзя и какие наказания грозят нарушителям установленных правил. Закон таким образом делает действия людей предсказуемыми, информируя их о том, что можно ожидать от других (Maravall, Przeworski 2003: 3-5). Наконец, защищая право собственности и обязывая к соблюде-

нию договора, закон гарантирует свободу и безопасность каждого в пределах его права на жизнь, имущество и предпринимательство. Поэтому так важно, чтобы законы государства действовали непрерывно и не подвергались частым и произвольным изменениям.

Правительства заинтересованы в верховенстве права не меньше, чем граждане. Если власть ведет себя рационально, благодаря предсказуемости собственных действий и реакции на них общества, оно может рассчитывать свой политический курс на долгосрочную перспективу (Maravall, Przeworski 2003: 19-21). Стабильность и преемственность такого курса обеспечивают законы, принятые на основании действующих норм и отвечающие общему для конкретного социума представлению о справедливости. Особенно важны в этом случае конституирующие законы, которые дают понимание действий политических акторов и создают для них стимулы. Если нарушения в ходе выборов чреваты для нарушителей значимыми наказаниями и потерями, основные игроки скорее всего воздержатся от нарушений. И это гарантирует устойчивость структуры.

Получается, право действительно неотделимо от политики. Победители в политической борьбе могут нарушать право и издавать неправомерные законы, с этого начинается авторитаризм. Однако они могут не преступать закон, предпочитая прозрачность, предсказуемость и личную автономию абсолютной власти. И тогда перед нами демократия.

Верховенство права служит краеугольным камнем демократического порядка, однако в его условиях важна проблема противостояния двух «верховенств». Верховенство права в условиях демократии неизбежно сталкивается с властью народа как источника легитимности любого правительства. Чем закончится это столкновение, каждый раз остается открытым вопросом. Вмешательство большинства может дорого стоить верховенству права и основанному на нем демократическому порядку. Так или иначе на сегодняшний день известно, что именно либеральная демократия наиболее последовательно придерживается принципа верхов-

венства права по сравнению с любыми другими формами государства.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ

Если в качестве гарантии соблюдения принципа верховенства права мы признаем необходимость внутрисударственного баланса сил без гегемонии одной из них, во избежание концентрации власти в одних руках нам потребуется ее институциональное разделение. Хрестоматийно известный принцип разделения властей таким образом служит первой гарантией верховенства права и дополнительной страховкой демократического порядка.

О разделении властей говорит Макиавелли, который допускает соседство трех властных начал в республике — монархии, аристократии и народного правления. Каждое из них имеет свои достоинства и недостатки, но будучи объединенными вместе они «могли бы удобнее наблюдать друг за другом» (Макиавелли 1998: 157). Так, в республиканском Риме монархическая власть была представлена консулами, аристократия Сенатом, а власть демоса — народными трибунами. Монархический уклад хорош, когда необходимо лицо ответственное за исполнение конкретных управленческих задач. Аристократия востребована там, где требуется компетентное решение знатока законов. Народное правление в свою очередь гарантирует свободы.

Макиавелли не видит вреда от общественных дебатов, в результате которых устанавливаются «законы и порядки для пользы общественной свободы». Он считает, что с задачей защиты свободы лучше всего справляются именно представители народа. Ведь они в меньшей степени посягают на ее захват, довольствуясь сохранением личных прав (Макиавелли 1998: 162-164). Однако баланс сил очень хрупок и может быть нарушен, если власть народа посягнет на основы общественного устройства. Макиавелли считает неблагоприятным отменять укорененные в государстве нормы и правила, даже если они представляет собой известное

¹ Франциско Лиси указывает на радикальные различия между концепцией Платона и современным пониманием верховенства права (Lisi 2013).

неудобство (Макиавелли 1998: 242). Подобные действия могут вызвать гражданские столкновения, что в итоге приводит к установлению тирании. Поэтому республика в древнем Риме благополучно существовала лишь до тех пор, пока не был нарушен баланс трех властей в пользу народного правления в ходе аграрных реформ братьев Гракхов.

Следовательно, демократическое начало необходимо для установления и поддержания общественной свободы, но оно ни в коем случае не должно иметь возможности легко и запросто вмешиваться в конституционные основы государства. Власть должна быть разделена между институтами так, чтобы каждый имел возможность следить за другими и при этом ни один не мог бы сосредоточить в своих руках все могущество и управлять единолично.

Между тем постоянное балансирование власти не означает достижения полного равновесия. «Уравновешенный государственный строй невозможен», — убежден Милль, довольно метко описывая ситуацию посредством следующей метафоры (Милль 2017: 81-82):

Равновесие существует почти всегда, но никогда стрелка весов не указывает на ноль.

Какая чаша перевешивает — не всегда ясно видно.

Важнейшей функцией власти народных представителей (парламента) является постоянный контроль за исполнительной властью (правительством). Однако возможность контроля не означает непосредственного участия в исполнительной власти, которая действует самостоятельно на свой страх и риск под присмотром законодательного собрания. Глава правительства назначается депутатами и держит перед ними отчет, но это не значит, что депутаты могут участвовать в работе его кабинета. Они лишь ставят перед правительством общие задачи и контролируют результаты их выполнения.

На уровне парламентской практики это означает вотирование государственного бюджета и налогов. Сам проект бюджета и инициатива изменения налогового законодательства остаются прерогативой правительства. Власть депутатов ограничива-

ется тем, что они могут поддержать или наоборот отвергнуть предлагаемые правительством проекты бюджетных расходов и покрывающих их налогов. В случаях, когда управление требует досконального знания предмета, вмешательство народных представителей может оказаться вредным в силу отсутствия у них соответствующих компетенций. Исполнение управленческих функций на уровне отдельных отраслей лучше поручать профессионалам под контролем парламента, но не с его участием. В этом случае каждый отвечает только за себя.

Принципом разделения властей обусловлено и существование двухпалатного парламента. Ни один институт власти не должен обладать монополией. По мнению Милля это ведет к самоуверенности, высокомерию и деспотизму любой группы лиц, привыкших действовать сообразно и навязывать свою позицию в ситуации безальтернативности. Собрание депутатов в такой ситуации может руководствоваться принципом *sic volo* («так хочу»), что чрезвычайно вредно с точки зрения общественного блага (Милль 2017: 252-253). Главная цель здесь состоит именно в ограничении власти большинства и достижении более сбалансированного соотношения сил за счет сдерживания «наиболее народной» части законодательного собрания (Милль 2017: 256). Наличие второй парламентской палаты особенно с другим партийным большинством гарантирует народное представительство от того типа тирании, о котором предупреждал Аристотель.

Общепотребимое в наши дни конституционное разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную может быть описано в оптике Макиавелли. В таком случае монархическое начало находит выражение в исполнительной власти, где важны следование определенному курсу, специальные управленческие навыки и персональная ответственность за реализацию конкретной политики. Законодательная власть может быть разделена на две палаты, где представительство широких демократических слоев в одной должно быть по возможности уравновешено представительством той или иной формой аристократии в другой. Наконец судебная власть также носит

© Москва, 1991 г. Фото: Александр Тягун-Рядно.

скорее аристократический характер, будучи представленной независимыми от чьего-либо мнения знатоками права. Таким образом, нетрудно сосчитать, что в парламентской республике власть народа представлена только в нижней палате законодательного собрания. В президентской республике волей народа напрямую выбирается и глава государства, однако голосующее за него большинство не обязательно должно совпадать с большинством в парламенте.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ДЛЯ ВСЕХ

Принято считать, что демократическую политику определяет мажоритарность. Большинство принимает законы, вырабатывает и реализует политический курс. Оно не может ошибаться, его воля служит единственно возможным способом легитимации политики в демократическом государстве. Нередко возникает идея абсолютного (подавляющего) большинства, но ее чаще используют авторитарные лидеры для оправдания своей неограниченной власти. Последнее обстоятельство заставляет задуматься, все ли так просто с большинством, действительно ли его мнения и желания носят абсолютный характер.

В своей критике демократии Кант объясняет, почему считает ее формой деспотизма. Опираясь на волю большинства демократия предполагает ситуацию, «при которой все решают по поводу одного». Несогласный одиночка в таком случае противостоит всем, которые при этом «не являются всеми» (Кант 2018: 260-261). Потому что существует тот один, кто имеет другое мнение. Данная философская конструкция не выглядит умозрительной, если еще раз вспомнить о судьбе Сократа. Независимый ум был приговорен к смерти демократическим собранием, большинство которого проголосовало за приговор. Меньшинство при этом не имело никакого значения и фактически исчезло, ведь его голоса не были учтены в окончательном решении. Сложившееся в силу сиюминутных обстоятельств большинство таким образом стало теми самыми «всеми», хотя на самом деле бы-

ло лишь частью всех. Если бы процесс продлился дольше, Сократ по его собственным словам успел бы убедить совет пятисот в своей правоте. Однако на момент голосования ведомое мнением немногих безликое большинство оказалось таким, каким его запомнили на века.

Из этого получается несколько важных выводов. Во-первых, большинство может ошибаться порой весьма трагически. Во-вторых, большинство выглядит крайне неустойчивой переменной. С течением времени его мнение может меняться, в результате чего уже завтра взамен существующего может возникнуть совершенно другое большинство. Наконец вследствие первых двух причин мнение большинства не должно рассматриваться как абсолютное и может быть подвергнуто законному сомнению со стороны меньшинства.

Где воля большинства имеет значение, так в легитимизации существующего порядка. Как правило, она выражается в пассивном согласии подчиняться существующей власти. На такую поддержку большинства опираются не только демократии, но любые политические режимы включая автократии. Не случайно Аристотель первым заметил, что «вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству» (Аристотель 2020: 292-293). Любой режим в прошлом и настоящем апеллирует к поддержке большинства. И чем более тираничный этот режим, тем больше он абсолютизирует эту поддержку.

Что на самом деле отличает демократию, так это повышенное внимание к правам меньшинств. Для нее важно не столько мнение большинства, сколько его репрезентативность. Чем больший спектр мнений различных групп будет учтен в итоговом решении, тем более демократичным оно будет. Поскольку демократия признает равенство политических прав всех граждан, мнение любого меньшинства в идеале должно быть услышано, представлено и учтено. Поскольку любое большинство при другом исчислении может оказаться меньшинством, считает Милль, все политические силы должны быть представлены «сообразно своей численности» (Милль 2018: 132-134). Участие в управлении по крайней мере на уровне предста-

вительных органов власти должно быть доступно не большинству, а всему спектру политических сил пропорционально их сторонникам. Некоторые в порядке соблюдения демократических процедур считают необходимой максимально широкую коалицию в правительстве. В этом заключается смысл подлинно демократического порядка, ориентированного на максимальный общественный консенсус.

Характеризуя современную консенсусную демократию, Лейпхарт пишет о ее немажоритарном и даже антимажоритарном характере и для ее описания предлагает использовать термин «шеринг власти» (Lijphart 2008: 6-13). Правление большинства здесь может быть принято только в качестве минимального требования, причем само это большинство должно быть максимально широким и включать в себя все возможные группы интересов с учетом их особого мнения по каждому вопросу.

Большинство таким образом уместно исключительно как предельно пестрая коалиция меньшинств, находящихся в постоянном поиске компромиссов между собой. Такое большинство образуется тем, что каждый может найти себе в нем место и заявить о собственной позиции. На уровне работы политического курса это означает, что голос каждого по возможности должен быть учтен в итоговой формуле соглашения всех со всеми.

(НЕ)ВОЗМОЖНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Итак, шеринг власти применим как широкое понятие, характеризующее гарантии от перерождения демократии. Сюда может быть включено институциональное разделение властей и распределение власти между различными политическими субъектами. Демократическая власть не представляет единого целого и не может рассматриваться в качестве приза в игре по принципу все или ничего. Власть в условиях демократии распределена среди разных игроков. Каждый из них имеет свою долю власти не в пожизненном владении, а именно на правах шеринга. Каждый при этом нуждается в верховенстве права, которое гарантируют его

претензии на власть, защищают от посягательств других и дают надежду на успех в будущем. На этом хрупком балансе и держится демократия.

Власть народа является важным, но не единственным признаком демократии. Большинство в ней имеет значение с точки зрения устойчивости существующего порядка. Лучше всего, когда это большинство образует среду поддержки верховенства права и разделения властей. Мажоритарность образуется множеством меньшинств, каждое из которых претендует на свою долю власти и готово для этого соблюдать существующие нормы. Никто в такой системе не претендует на гегемонию, но все игроки сдерживают друг друга посредством апелляции к праву и шеринга власти.

Стоит появиться одной гегемонистской силе, она подчинит себе большинство и с его помощью переделает законы под собственные нужды. Разрушение привычных норм покончит с верховенством права и уничтожит разделение властей. Демократии тем самым наступит конец. Однако в случае с Россией куда важнее вопрос, как демократия может быть установлена там, где до сих пор не ведают о верховенстве права, не понимают принципа разделения властей и не видят смысла в защите прав меньшинств.

Может ли демократия установиться вследствие революции? Если революция легализует сложившийся порядок, как это произошло в ходе войны за независимость США, если по ее итогам достигается консенсус основных сил, а не победа одной из них, это создает предпосылки для соблюдения принципа верховенства права и делает демократию устойчивой. Если же революция только разрушает старый порядок, как это происходило во Франции в 1789 и 1848 годах, верховенства права не получается, террор уничтожает сильных игроков и короткий миг демократии сменяется очередной диктатурой.

В случае с Россией мы знаем уже два примера, когда крушение государства в результате революции приводило к смене гегемонистской силы и ассоциированной с ней формы тирании. История каждый раз делалась с нуля, но в обоих случаях имела схожие результаты. Произошло это не в си-

лу цикличности истории и проклятия пресловутой колеи. Просто демократию невозможно построить на руинах, отказавшись от привычных в обществе норм. В этом случае новый гегемон навязывает свои правила всем остальным, используя конструируемое им большинство. Когда эта абсолютная сила распадется на противоборствующие группы, для балансирования друг друга они могут сформулировать общие нормы и допустить шеринг власти. Такая ситуация вероятно достижима эволюционным путем, долгим и непростым. Разрушение автократии приведет к ее неизбежной регенерации. Какой путь выберет Россия на следующей развилке истории, вопрос открытый.

Библиография:

1. *Аристотель (2020)*. Политика / Пер. с древнегреческого С. Жебелева. М.: РИПОЛ классик.
2. *Берман, Гарольд (2008)*. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Московская школа политических исследований.
3. *Блэк, Боб (2014)*. Анархия и демократия. М.: Гилея.
4. *Кант, Иммануил (2018)*. К вечному миру. М.: РИПОЛ классик.
5. *Макиавелли, Никколо (1998)*. Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс.
6. *Медушевский, Андрей (2001)*. Бонапартистская модель власти для России // Вестник Европы. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/vestnik/2001/1/bonapartistskaya-model-vlasti-dlya-rossii.html>
7. *Милль, Джон (2017)*. Рассуждения о представительном правлении. М.; Челябинск: Социум.

8. *Платон (2016)*. Государство. М.: АСТ.
9. *ФОМ (2020)*. О демократии. Подходит ли России такая форма государственного правления, как демократия? // Фонд «Общественное мнение». Результаты опросов общественного мнения о политике, экономике и повседневной жизни россиян. 17 декабря. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14519>
10. *Юдин, Григорий (2021)*. Россия как плебисцитарная демократия // Социологическое обозрение. Т. 20. № 2. С. 9–47
11. *Cusher, Brent Edwin (2014)*. How Does Law Rule? Plato on Habit, Political Education, and Legislation // The Journal of Politics. 2014. Vol. 76. No. 4. Pp. 1032–1044.
12. *Democracy Index 2020 (2021)*. In sickness and in health. The report by The Economist Intelligence Unit. London: The Economist Intelligence Unit.
13. *Friedrich Naumann Stiftung (2016)*. Freedom perception of Russian population. Russian citizens on individual freedom, the state and society. Presentation of the opinion poll results conducted between 28th of July and 2nd of August 2016 among the population of the Russian Federation. URL: <https://www.freiheit.org/sites/default/files/import/2016-10/2517-presentationen.pdf>
14. *Lijphart, Arend (2008)*. Thinking about Democracy. Power sharing and majority rule in theory and practice. Oxford: Routledge.
15. *Lisi, Francisko (2013)*. Plato and the Rule of Law // Methesis. Vol. 26. Pp. 83–102.
16. *Maravall, Jose Maria & Przeworski, Adam (Eds.) (2003)*. Democracy and the Rule of Law. Cambridge: Cambridge University Press.

© Текст: Василий Жарков

ВАСИЛИЙ ЖАРКОВ — декан факультета политических наук «Шанинки»

ТИРАНИЯ ИСТОРИИ И ДУРЬЯ ДОБРОТА

ГАСАН ГУСЕЙНОВ

У слова тиран два пересекающихся круга значений. Один круг — терминологический, а другой — разговорный. Как политический термин тиран — это человек, зацепившийся за власть, хотя и не имел на это права. Как разговорное слово — это описание мучителя, которого вынуждена терпеть, например, родня. Общими для обоих значений являются согласие большинства людей сносить власть тирана, невозможность избавиться от власти тирана путем переговоров и неспособность самого тирана прекратить тиранствовать.

Некоторые тираны формально приходили к власти законным путем, например, получив царскую власть по наследству от отца или в составе коллективного руководства. Но что делать, если ради достижения личной власти новый царь или какой-нибудь генеральный секретарь убил старого царя или поубивал своих ближайших соратников? От Гигеса, умертвившего царя Кандавлу, история европейских тираний — это история принципиального отступничества, удачного стечения обстоятельств, превращения самого незаметного в самого заметного, типичного неудачника — в любимца публики. А сама тирания и начинается с мелочей и кончается в результате действия никем не замеченной мелочи.

Ключевой европейский текст, объясняющий природу тирании — это сценарий триллера, оставленный нам Геродотом¹. Последний представитель царской династии Гераклидов в Сардах Кандавл страдал редким психическим заболеванием — испытывал неодолимую потребность поделиться с кем-нибудь красотой собственной жены. Занятно, что Геродот даже не сообщает имени жены Кандавлы, хотя именно она была главным действующим лицом происшедшего тогда в Лидии. Дальнейшее хорошо известно: Кандавл угрозами заставил своего слугу Гигеса подсмотреть, как раздевается прекрасная его супруга, та заметила это, затаила обиду на Кандавлу, а потом под угрозой казни заставила Гигеса убить Кандавлу и возвела цареубийцу на престол, сделав того своим мужем. Гигес сообразил, что все предприятие не увенчается успехом без одобрения богов и подкупил жрецов Аполлона в Дельфах, которые выдали ему и его потомству ярлык на тиранию аж на пять поколений вперед. Как мы видим, Гигес оказался не только первым тираном, но и первым политтехнологом, и притом одним из самых удачливых: он сохранял власть почти сорок лет и передал ее потомкам. Гераклиды, конечно, потребовали от жрецов Аполлона сатисфакции, и те им, надо сказать, пообещали, что Кан-

давл непременно будет отщепен, но только в пятом поколении.

Не исключено, что именно этот первый ярко описанный Геродотом случай тирании и показался таким привлекательным бесчисленному множеству последователей. Но чем более охотно они становились тиранами, тем более мрачным оказывался для них выход из тирании. Или, вернее, наступавшая безысходность. Да и сами жертвы тирании были не лучше. Сначала им казалось, что новый правитель прекрасен. Потом признавали его ужасным, а свое долготерпение — прискорбным и вынужденным, как бы заражались от тирана искусством поведения в безвыходной ситуации: «А что мы могли сделать? Верные слуги тирана были повсюду...» Ведь и сам Гигес стал тираном из трусости. Сначала не смог отказать Кандавлу, а потом — царице. Впрочем, и Дельфийский оракул не смог отказать убийце Гигесу.

Разумеется, когда тирании приходил конец, перепуганные последними годами его правления люди славили уже не тирана, а победу над тиранией. Чем лучше они понимали, что сами не только не причастны к этой победе, но, в сущности, являются соучастниками в преступлениях своего тирана, тем громче они славили тираноубийц. Вот почему по миновании тирании люди всячески сопротивляются изучению этой тирании: им неприятно думать, что в списке соучастников им придется увидеть и свое имя.

Вот и после второй мировой войны в Европе нарастало самолюбование. Казалось бы, национал-социализм — этот абсолютно европейский феномен — едва был побежден, изучи его, поищи, не спрятались ли еще где-то в толще европейской традиции корешки будущих напастей. Так нет же — строительство и в самом деле прекрасной новой Европы сопровождалось безудержным самовосхвалением идейных европейцев. Начинается новая прекрасная эпоха, хватит ворошить прошлое, копать в грязном белье.

Очень похоже было, правда, и на красном Востоке. Не только главные советские идеологи, но и так называемые простые люди твердо верили, что советские граждане — самые образован-

ные и начитанные, что у них лучшее в мире метро, мороженое и шоколад. «Зато мы делаем ракеты, перекрываем Енисей, а также в области балета мы впереди планеты всей» — впечатано в головы миллионов бывших советских людей и даже их потомства, никогда не видевшего ни Енисей, ни балетного спектакля.

Летом 2021, через тридцать лет после конца СССР, европейские газеты пишут, что в России медленно, но верно устанавливается тирания. Другие называют сложившийся строй так же, как это делают в самой России, — олигархией. В истории олигархические режимы проваливались довольно быстро, почему же нынешний кажется таким прочным? Нам объясняют, что у руля власти нашли друг друга три кита или три слона, на широких спинах которых и стоит всё — новобогачи-миллиардеры, сотрудники спецслужб и просто бандиты. Такая связка, говорят нам, даже Аристотелю не снилась. Но только Аристотелю, трактуемому механически.

Между тем, вполне возможен и такой взгляд на его классификацию политических строев, который во главу угла ставит не политику, а психологию. Ведь именно Аристотель — величайший — сразу после Гомера — греческий психолог. Он даже трактат «О душе» написал. Если Аристотель и плохо приложим к современности, то проистекает это, возможно, из его убежденности в превосходстве доброго начала в человеке над злым. Аристотель гонит от себя мысль о злонамеренности настоящего политика, но понимает и природу политтехнолога — человека, которому результат нужен любой ценой, безотносительно к истине.

Филантроп Аристотель считал, что самое естественное человеческое устремление — поиск истины (в «Метафизике»), а самый естественный принцип поведения — подражание лучшим образцам (в «Поэтике»). Вот почему в круговороте политических систем всё упирается в различные понимания истины. Для аристократа зерно истины — достоинство человека и пресечение анархии, для демократа — равенство людей и терпимость к анархии, для олигарха — стремление сохранить неравенство и, как следствие, нежелание делиться

властью с кем бы то ни было. Если ради этой благой цели приходится превращать подданных в мычащую толпу, охлос, то что ж делать:

Паситесь, мирные народы!

Вас не разбудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремучками да бич.

Так мог бы написать и Архилох! В обмен на забвение политического долга тирания умеет расположить к себе чернь телесными свободами, **сладкой тиранией тела**.

Всех пролетающих птиц смоковница горная кормит,

Всем Пасифила гостям, добрая, щедро дает!

Но и этот ресурс когда-то кончается: на смену беспечной make love not war приходит проповедь воздержания и «наших традиционных моральных ценностей».

Для тирана истина — то, что необходимо для сохранения его мудрой власти. Вот почему олигархаты не только быстро переходят к террору, но иногда сразу с террора и начинают.

И вот почему олигархи и тираны, даже, может быть, придя к власти политическим путем, оказавшись на вершине этой самой власти, переходят от политики к священнодействиям и к тому, что сейчас называют политтехнологиями, из политиков становятся жрецами-политтехнологами.

Что же происходит, по Аристотелю, с политтехнологами, этими наследниками греческих демагогов и оракулов?

Политтехнологи ведь тоже стремятся к подражанию, в том числе — лучшим международным практикам. Но они презирают истину, вернее — пытаются показать, что главное не истина, а пожелание заказчика. Вот почему, когда за дело государственного строительства берутся политтехнологи, они не задумываясь предпочитают хитрость простодушию, порочность — добродетели, а богатство — бедности. В обыденной жизни, как всякий знает, богатство и бедность могут сочетаться и с пороком, и с добродетелью в любых

пропорциях. Бывают непомерно щедрые богачи-филантропы, но бывают и скупые завистливые бедняки-душегубы. И только жрецы, демагоги и политтехнологи делают связку богатства с пороком главной осью общественной жизни, буквально толкая добродетель в лапы бедности. В этой схеме политтехнология заботится только об одном — о сохранении вселенского добра. В чем же добро? Да в сохранении того, что выстроено и только-только начало приносить доход. В этот момент начинается разговор о невозможности менять команду («коней на переправе») и о том, что сама история требует, чтобы текущий режим стал, наконец, вечным. Или хотя бы продержался пять поколений, как Дельфийский оракул обещал Гигесу.

Политтехнолог при этом настаивает, что всякий иной взгляд, все эти «левацкие бредни о равенстве, братстве и свободе», что все это — форменный обман, слабоумная аполитичная ложь. А суровая правда жизни, говорят они, это вражда, это война, из которой наши Эмпедоклы и Карлы Шмитты выводят всю мудрость мира: найти или назначить врага, убить и съесть его, проклянувшего, и вот тогда заживем!

Беднота может сколь угодно долго почитать богачей, а восхождение к богатству в олигархических обществах возможно только на путях порока. И вот мало-помалу такой режим начинают считать порочным и не достойным все граждане, включая и тех, кто его создавал. Но ближе к финалу тиранического режима гражданам отказывает память. Даже возбудившись из-за новых случаев лютого казнокрадства или мздоимства, подданные олигархов и тиранов избегают разговоров о текущей политике.

Вот как об этом писал в седьмом веке до н.э. Архилох (в пер. В.Вересаева):

О многозлатном Гигесе не думаю

И зависти не знаю. На деяния

Богов не негодую. Царств не нужно мне:

Все это очень далеко от глаз моих.

Вся политика делегирована политтехнологам, жрецам и самим тиранам и олигархам. Но не могут все хаты в городе стоять с краю. Пусть новые раз-

дражители вытесняют у погруженных в летаргический сон всё вчерашнее. Но раздражение накапливается. Вот почему распад олигархического режима становится тем более жестоким, чем дольше такой режим держится. С особой ненавистью побеждающее крыло наносит удар по создателям режима: оно, это крыло, прекрасно понимает, что только чудом успело — хотел бы я увидеть радость Аристотеля, если бы он узнал это выражение, — успело «переобуться в воздухе». В древнегреческом это был бы один глагол — ἀεροσυνδάλισσα.

Аристотель замечает, что одним из главных пороков политехнологов и обслуживаемых ими тиранов и олигархов является невнимание к мелочам². К своим клиентам политехнологи относятся по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Вот почему, даже попав поначалу в цель, политехнологи сами же разрушают потом все подступы к ней, и цель, казавшаяся такой близкой, становится недостижимой.

Аристотель говорит, что разрушение государства, которое либо от олигархии пришло к тирании, либо наоборот — от тирании к олигархии, не происходит *вследствие* мелочей, а возникает *из* мелочей³. Великий философ приводит множество примеров таких мелочей в прошлом.

Такая прекрасная мелочь запечатлена в рассказе Геродота: ведь если бы Гигес не обнаружил себя в опочивальне Кандавла и его жены, ничего бы не было: Кандавл остался бы царем, а Гигес — пастухом. И только мелочь — шорох шторы и дрожание пламени светильника — выдала его присутствие. На художественных мелочах держится историческое событие у Геродота. Аристотель объясняет, почему это так.

Теперь, больше двух с половиной тысяч лет после смерти Аристотеля, можно предположить, что учитель Александра Великого предвидел в деталях, как именно будет разрушаться империя после смерти ученика и патрона, из-за чего Аристотель сначала бежал в Афины, а потом, из страха перед казнью, в дом своей матери, в Халкиду, на остров Эвбея. Не исключено, что и смерть от отравления, настигшая Аристотеля, не была случай-

ной: он умер от действия древнегреческого новичка — аконита, который добывали из растения, выросшего на том самом месте, где уронил на землю слюну Цербер, которого вывел из загробного царства Геракл⁴.

Впрочем, не сам ли Аристотель отвечал за воспитание божественного Александра? Не он ли внушил наследнику престола восторженное отношение к Гомеру и Еврипиду? Не с его ли легкой руки Троянская война стала для Александра, как сейчас бы сказали, моделью поведения? Вот почему, с кем бы из героев «Илиады» ни отождествил себя сын Олимпиады от Зевса или Филиппа — с царевичем Александром, более известным под именем Париса, на стороне троянцев, или с предводителем мirmидонян Ахиллесом — на стороне ахейцев, — конец будет один. И вот беда — наделенный прямо-таки божественной харизмой Александр не смог создать ничего долговечного, а сам умер совсем молодым.

Казалось бы, за спиной у тебя — история тысячелетней поэзии, воспевавшей войны древнего царства. И вот она, роковая ошибка философа — потакать тирану, надеясь увещеваниями если не исправить природу вещей, то смягчить природу человека. Эту ошибку совершили величайшие — Платон, когда консультировал тирана Дионисия, и Аристотель, когда давал уроки Александру Македонскому.

И в России, 2340 лет спустя, за идейную основу текущего переходного режима, — то ли от тирании к олигархату, то ли от олигархата к тирании, — была принята своя Троянская война, на которой стоит «великая история великой империи». На первый взгляд, это удобно — опираться на победы русского оружия: в 1812 Бородино, в 1815 входим в Париж. Или в 1941 немцы под Москвой, а в 1945 Сталин уже в Берлине. Но неминуемо встает вопрос об аристотелевских мелочах. В политике, как и в мифологии, мелочей не бывает.

На первый взгляд, прошлое незыблемо как звездное небо. Но можно поколебать и прошлое.

В современную Россию — республику и даже федеративную республику — под конец того века, в начале которого была жестоко уничтожена монархия и аристократия, и сегодня, в начале нового века,

властно вернулись царские инсигнии. Выворачивая наизнанку название романа П.Н. Краснова⁵, мы можем сказать, что страна пошла от красного знамени к двуглавному орлу. Один из идеологов этого движения — «православный олигарх», как называют его (кто иронически, кто уважительно) газетчики, Константин Малофеев. Создатель компаний и организаций «Царьград» и «Двуглавый Орел» дает понять остальному миру, что амбиции России в его представлении простираются далеко за пределы бывшей Российской империи. Одна мелочь мешает: простираются эти амбиции не в будущее, а в прошлое, туда, где нет никакого Стамбула, и даже Константинополь — только в подтексте собственного имени, ведь Царьград — это его русское имя, но нет и никакой Российской Федерации, а есть возрожденный Византий, столица на Босфоре.

«Православный олигарх» этими своими «царьградскими» и «двуглавыми орлами» прямо-таки требует от нас, современников, толковать и его собственные, Константина Малофеева, имя и фамилию. Ромейское императорское имя Константин, да еще восходящая к имени древнееврейского пророка Малахии фамилия — это, конечно, ни в коем случае не мелочь. Или «это такая мелочь», из которой для тирании и олигархата проистекает перво-степенная угроза.

Если бы Константина Малофеева не звали Константином, а его фамилия не отсылала нас к древнееврейскому пророку Малахии, мы ничего не могли бы сказать о брендах «Царьград» и «Двуглавый орел». Но ведь так было уже с Александром Великим: названный одновременно в честь троянского царевича Париса и ахейского героя Ахиллеса, он и должен был расплатиться с судьбой дважды. Под маской Париса Александр Великий расплатился тем, что похитил величайшее сокровище. Только теперь это уже не Елена, а вся Эллада и то, что потом назовут Большим Ближним Востоком. Этот вот захват на всемирное господство и вызвал гнев богов на Македонскую империю. Ну, а за Ахилла Александр расплатился тем, что умер молодым.

Вторая часть сакрального имени — Малофей, или пророк Малахия — тот, что священников обвинял в несоблюдении ритуалов, а правителей —

в неоказании помощи бедным; тот, что требовал от еврейских мужчин не разводиться с еврейками и не жениться на язычницах, и не уставал укорять всех вообще в том, что слишком ценят людешки свою повседневную жизнь, забыли заветы и заповеди, а среди них главный завет — ждать пришествия мессии. Доживи до наших дней сам Малахия, он определенно возглавил бы антипрививочников: ваше дело готовиться к смерти, а не малодушно прятаться от нее. **Тирания духовного наставления** — вот гвоздь проповеди Малахии.

Создатель бренда «Царьград» Константин Малофеев, должно быть, и не заметил бы эту мелочь — древнееврейский хвост собственного его исторического аватара, если бы не роковое пристрастие к оружию и войне, которое некогда выдало и Ахилла. Фетида, мать-богиня, передела сына в девушку, лишь бы только тот не отправился под Троию. Но в роковой попытке отвлечь гибель Ахилла, Фетида на Скиросе только приблизила его конец: оперечработник ахейцев, коварный Одиссей, разоблачил дезертира. Дальнейшее известно — Троя пала, Ахилл погиб, греческое войско рассеялось по всему Средиземноморью. Новая сборка империи начнется через тысячу лет после падения Трои и через триста лет после гибели нового Ахилла — Александра Македонского.

Поистине, **тирания мифологии** безжалостнее любого властителя!

Новый Константин строит виртуальный Царьград, заталкивая своих спутников на корабль, который должен привезти их (нас всех) в Константинополь. Но какого года? Времен наших первых «гиперборейских» нападений на него девятого века? Или того года, с которого ведет свой отчет и русско-болгарская мечта о «третьем Риме». Павший в 1453 году город Константинополь, или просто Город, славяне называли Царьградом в пику Османской империи с ее Стамбулом-Иstanbulом. Вот почему и возвращение этого русского топонима заставляет толковать его двояко: это и мечта русского политика об отвоевании проливов, и плач о восхождении с 1923 года Стамбула на месте нашего Константинополя. Еще страшнее, если это и не корабль вовсе, а Троянский конь — по-

следняя выдумка Одиссея, позволившая грекам взять Трои.

Именно эта мелочь, если додумывать ее до конца, выбрасывает россиянина, или славных россов «времен Очакова и покоренья Крыма», слишком далеко от нашей современности. В чем тут ошибка? Она в том, что на пути к цели остается слишком много преград — глав из книги жизни и смерти и последней империи — Российской — и обеих ее соседок — Османской и Австро-Венгерской.

Тирания исторических преград на наших глазах усугубляется, прямо по Аристотелю, историей животных. Поселившийся среди нас коронавирус, говорят, и не животное вовсе, а только страшно живучая молекула, губящая других животных, и значит — уже злое, хотя еще и не живое существо.

17 июля 2021 года в Екатеринбурге, в начале третьей волны пандемии ковид-19, «православный олигарх» организует крестный ход антипрививочников⁶. Крестный ход называется «Царским», в память об убитых 17 июля 1918 года российском монархе Николае Втором и его ни в чем не повинных чадах и домочадцах. Годовщина царевубийства и страшный грех пролития крови невинных.

Как назло, этот же день — 17 июля — еще и годовщина гибели пассажирского рейса МН 17 в 2014 году в небе над Донбассом, предположительно сбитого по ошибке «ополченцами» Донбасса. Константин Царьградский, как пишут о нем СМИ, является, наряду с российским государством, одним из главных спонсоров ДНР и ЛНР.

Между убийством царской семьи 17 июля 1918 года, гибелью малайзийского боинга 17 июля 2014 года, антипрививочной демонстрацией 17 июля 2021, деятельностью «Общества развития русского исторического просвещения», общества «Двуглавый Орёл» и группы компаний «Царьград», попыткой создания «Новороссии» и отправкой в Украину войск и вооруженных формирований с последовавшим уничтожением пассажирского самолета, — между всеми этими событиями и водрузился новый Царьград — мифический Ленинград какой-то. Вроде бы его уже давно нет, одна только ленинская свирепость оста-

лась. Эта попутная свирепость и заставляет нас понять, что никакого совпадения мелочей здесь нет: они стянуты в узел именем-заклинанием. Подчинившись **тирании заклинания**, мы и начали развязывать этот узел, который завязали для республики монархические мечтатели.

В «Метафизике» Аристотель пишет, что добро — это возможность не совершить зло⁷. Эту философскую формулу не понимал, или даже отказывался понимать, сам Иммануил Кант, возводивший честность в перл создания. В двадцатом веке Василий Гроссман нашел объяснение формуле Аристотеля. Абстрактному «религиозному и общественному добру» он противопоставляет «бессмысленную» и даже «дурью доброту людей».

«Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага, это доброта молодости, пожалевшей старость, доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика еврея. Это доброта тех стражников, которые передают с опасностью для собственной свободы письма пленных и заключенных не товарищам по убеждениям, а матерям и женам».

Как мы видим, и роман Гроссмана «Жизнь и судьба» как раз об этом: чем глубже тиранический или олигархический режим погружает общество в летаргию, тем больше места остается для этой «дурью доброты».

«Она, эта дурья доброта, и есть человеческое в человеке, она отличает человека, она высшее, чего достиг дух человека. Жизнь не есть зло», — говорит она. Эта доброта бессловесна, бессмысленна. Она инстинктивна, она слепа. В тот час, когда христианство облекло ее в учение отцов церкви, она стала меркнуть, зерно обратилось в шелуху. Она сильна, пока нема, бессознательна и бессмысленна, пока она в живом мраке человеческого сердца, пока не стала орудием и товаром проповедников, пока рудное золото ее не перековано в монету святости. Она проста, как жизнь. Даже проповедь Иисуса лишила ее силы, — сила ее в немоте человеческого сердца⁸.

Эта вот дурья доброта — оказывается той последней чертой, за которой свершается устранение (или самоустранение) тирана и тирании. Даже

после того, как тирания вытоптала в людях всё — честь и достоинство, память и ответственность, она все-таки обычно останавливается перед этой последней чертой.

Аристотель подсказал бы нам, что политтехнология сама прямо-таки заставляет нас обращать внимание на мелочи, которыми сами политтехнологи, может быть, пренебрегли в недалеком прошлом. Но вот наши новые жрецы стали на «путь из варяг в греки» и закабалили себя образом безвозвратного прошлого. И где бы ни попытались восстановить его очертания царьградцы-новороссы, всюду их ждало обидное поражение: вроде и территории взяты под контроль, и свои люди расставлены на ключевых постах — от первого визиря до солдат охраны побережья, а вот повседневная жизнь на вновь обретенных берегах — что в Абхазии или Приднестровье, в Южной Осетии или в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, в Центральной Африке или в Сирии, — повседневная жизнь перестает быть переносимой. На каждом захваченном пятачке происходит то самое, что случилось при взятии Трои ахейцами в 12 в. до н.э. и при взятии Константинополя — крестоносцами ли в начале 13 или османами в середине пятнадцатого века. Осмелившийся произнести «Царьград» погружает замороженных им людей в летаргический сон.

Ответ на вопрос, когда же это остановится, мы тоже знаем заранее, ведь мы не забыли, чем и как кончались империи. Тираническая идеология восстановления исторической справедливости, возрождения исторического имени играет с теми, кто присвоил эти чужие имена, злую, очень злую шутку. Константин мечтал о возрождении Третьей Трои, и он ее получил. Правда, через тысячу

лет, скажет нам современный Малахия. Через пять поколений Гераклиды отомстят за убийство Кандава, пообещала Гигесу Пифия.

И Крез, искавший благовидного предложения для нападения на Персию, решил подкупить Пифию, чтобы заручиться единственно верным ответом. Крез его получил: «Если пойдешь войной на персов, разрушишь великое царство!»⁹ Оракул с наслаждением дает нанявшему его тирану такой ответ, который будет верен при любом исходе.

Сработает ли и на этот раз, как уже было в конце 1980-х годов, наш безропотный расчет на «дурью доброту»? Заслужили ли мы ее за тридцать лет?

Примечания

- 1 Геродот. История. Кн. первая (Клио), гл. 9-14.
- 2 Аристотель. Политика. Книга V. Гл. II § 9.
- 3 Аристотель. Политика. Книга V. Гл. III § 1.
- 4 Овидий. Метаморфозы, Кн. VII, 406—419.
- 5 Краснов П.Н. От Двуглавого Орла к красному знамени. Нью-Йорк: Всеславянское издательство, 1960, т.1.
- 6 Константин Малофеев: «К сожалению, в этом году светские власти запретили Крестный ход. Но «Кесарю Кесарево, а Богу — Богово». Именно так сказано в Евангелии. Мы не можем послушаться власть, но и не можем прекратить исповедовать Христову Веру. Тысячи православных христиан прошли многочасовым Народным ходом от Храма-на-Крови в Екатеринбурге до Ганиной Ямы — места, где большевики пытались уничтожить тела убиенной царской семьи». Малофеев о смысле народного хода в «царские дни»: «шанс вернуть Россию»: https://ekb.tsargrad.tv/news/shans-vernut-rossiju-malofeev-rasskazal-o-smysle-narodnyh-shestvij-v-carskie-dni_384163
- 7 Например, так: «И если, как мы говорили, материя есть каждая вещь, сущая в возможности (например, для действительного огня — огонь, сущий в возможности), то само зло будет благом в возможности». Аристотель. Метафизика, XIV. Глава 4. Пер. А.В. Кубицкого.
- 8 Гроссман, Василий. Жизнь и судьба. Рига, 1990, с. 331 и след.
- 9 Геродот. История. Кн. первая (Клио), гл. 51-53.

© Текст: Гасан Гусейнов

ГАСАН ГУСЕЙНОВ — доктор филологических наук, профессор Свободного Университета

ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ

КАК ФОРМА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАТРОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В АВТОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМАХ

БАЛИНТ МАДЬЯР, БАЛИНТ МАДЛОВИЧ

*В издательстве НЛО готовится к выходу книга **Балинта Мадьяра и Балинта Мадловича** «Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура» (перевод с английского Ю. Игнатъевой).*

В книге представлена единая упорядоченная структура, описывающая политические, экономические и общественные феномены, присущие посткоммунистическим режимам. Уделяя особое внимание странам Центральной Европы, постсоветскому региону и Китаю, это исследование предлагает набор понятий и теорий для анализа акторов, институтов и динамики посткоммунистических демократий, автократий и диктатур.

Авторы рассматривают структурные принципы развития посткоммунистических режимов; типологию государств в контексте таких понятий как неформальность и патронализм; типологию акторов в политической, рыночной и общинной сферах деятельности; способы, с помощью которых автократы нейтрализуют институты демократического публичного обсуждения (СМИ, выборы и т.д.); цветные революции и защитные механизмы демократии и автократии; эволюцию коррупции и механизмы «реляционной экономики»; Китай как «диктатуру, использующую рынок»; социологию «клиентарного общества»; спрос и предложение на рынке идеологии; популизм и разницу между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран; а также структуру для моделирования траекторий шести типов режимов.

«Эта амбициозная книга предлагает для описания политических режимов, возникших после коммунизма, не только улучшенный вокабуляр, но и совершенно новую грамматику. Показывая, как привычные системы координат постоянно вводят в заблуждение, Мадьяр и Мадлович демонстрируют потенциал своей новаторской теории, позволяющей по-новому взглянуть на политическую жизнь в посткоммунистическом мире и, несомненно, за его пределами», - пишет Генри Хейл, профессор политологии и международных отношений, Университет Джорджа Вашингтона.

Публикуем фрагмент из книги.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ — ЭТО НЕ КЛАСС

Чтобы рассмотреть понятие «класс», можно обратиться к марксистской традиции либо к веберовскому определению класса из его знаменитого исследования «Класс, статус и партия». В обеих традициях самой главной характерной особенностью класса является то, что это фундаментально экономический феномен, поэтому и общность интересов внутри групп, и различия в интересах между группами определяются разделением труда и капиталистическим способом производства. Именно этот аргумент подталкивает многих исследователей к тому, чтобы интерпретировать класс как исходное понятие для определения приемной политической семьи, члены которой также связаны исключительно на экономической основе. Однако патрональная сеть в посткоммунистической однопиримидальной системе **не может быть описана как класс, потому что приемная политическая семья** обладает следующими специфическими свойствами:

- **Она не является экономическим в своей основе феноменом.** Хейл отмечает, что под патрональной политикой подразумевается «политика в таких обществах, где индивиды воплощают свои политические и экономические устремления через персонализированный обмен благами, а также наказания, осуществляемые через цепочки действительных знакомств, а не при помощи таких категорий, как экономический класс»¹. Таким образом, патронализм является продуктом культуры и политических амбиций, тогда как главный двигатель экономического и социального неравенства в пользу патрональной элиты — это дискреционное государственное вмешательство. В отличие от патронализма, класс появился в результате капиталистической деятельности или безличных рыночных сил (следовательно, является фундаментально экономическим феноменом). В патрональных автократиях вовсе не класс капиталистов или предприниматели, подчиняющиеся законам рынка, используют государство. Все происходит как раз наоборот: именно политическое предприятие превращается

в бизнес, а верховный патрон распоряжается государством, использует его ресурсы для вознаграждения и наказания, а также для подчинения себе олигархов;

- **Она на политической (патрональной) основе подчиняет себе и экономических акторов с похожим классовым статусом.** Верховный патрон часто атакует богатых капиталистов, то есть людей с похожим классовым статусом в том смысле, что у них столько же производственной собственности, сколько и у приемной политической семьи. Отсюда следует, что расхождения между элитными группами возникают не по экономическому, а по политическому принципу, поскольку жертвами приемной политической семьи становятся те, кто отказываются попадать в патрональную зависимость, включаться в ближний круг, или проявлять лояльность. При этом олигархов и подставных лиц нельзя назвать «капиталистами», поскольку они не могут использовать свой капитал без позволения верховного патрона;

- **Ее сплоченность основана не на классовом сознании или идентичности, а на персональной лояльности.** Как пишут Пакульски и Уотерс, в классовой теории «принадлежность [классу] также имеет причинно-следственную связь с сознанием, идентичностью и деятельностью за пределами сферы экономического производства. Она влияет на политические взгляды, стиль жизни [...], брачные стратегии, включенность в трудовые династии [...] и так далее»². В свою очередь приемной политической семье свойственен культурный уклад патриархальных семей, прежде всего в плане патриархального господства верховного патрона. Поэтому при условии, что все члены семьи отвечают критерию личной лояльности (а также способны понимать и выполнять неформальные приказы)³, они могут быть сколь угодно разными с точки зрения культуры и образа жизни, если последние не связаны с их (неформальным) статусом внутри приемной политической семьи;

- **Ей свойственны вертикальные иерархические, а не горизонтальные связи между членами.** Из марксистского и веберовского классового анализа следует, что неравенство возможностей

возникает между классами, а не внутри них. Таким образом, класс идеального типа состоит из людей, которые связаны только горизонтально и не включены в цепочки подчинения (а вертикальные отношения возникают, только когда эти люди вступают в формальную организацию, например, партию). Между тем, как мы отмечали в Главе 2, приемная политическая семья — это патрональная сеть, состоящая из (неформальных) иерархических цепочек;

- **Она не связывает людей с одинаковым экономическим статусом в капиталистическом обществе правового равенства.** Поскольку класс — это фундаментально экономический феномен, это также и рыночный феномен, а классовые различия предполагают наличие неравенства в плане владения собственностью (особенно производственной). Однако рыночное неравенство не предполагает неравенства перед законом. В свою очередь приемная политическая семья смешивает сферы социального действия, а богатство ее членов является следствием того, что правовая система поставлена на службу их интересов. В такой системе дискреционное вмешательство государства подрывает нормативный статус правового равенства, а законы произвольно приспособляются для конкретных индивидов и бизнесов.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ — ЭТО НЕ ФЕОДАЛЬНАЯ ЭЛИТА

Проводя исторические аналогии, можно сказать, что основанием для выбора **феодалных элит** в качестве исходного понятия для концептуализации приемной политической семьи являются присущие таким элитам патронализм или вассальная зависимость, то есть «постоянное служение и подчинение одному хозяину»⁴. В феодальную эпоху отношения типа «хозяин-раб» обычно существовали между королем (землевладельцем и т. п.) и его подданными. Непотизм, важность двора и преобладание единоличной власти в правящей иерархии часто используются как дополнительные основания для сравнения приемной политической семьи с феодальным строем. Однако при феодализ-

ме права и обязанности, причитающиеся различным рангам, закреплялись законом, как это было в царской России, которую чаще всего используют в качестве примера феодального государства, сравнивая ее с государствами посткоммунистического региона⁵. Соответственно, патрональная сеть в посткоммунистической однопиримидальной системе **не похожа на служилых дворян или феодальные сословия, поскольку для приемной политической семьи характерны приведенные ниже свойства.**

- **У нее отсутствует какая-либо корпоративная организация, отдельные должности, расположенные в иерархическом порядке по отношению к верховному патрону и корпоративное самосознание.** Хотя неформальные личные связи чрезвычайно важны в обоих типах правящих элит, в феодализме они включены в «формализованную иерархическую систему отношений»⁶ и в принципе возможны благодаря ей. Приемная политическая семья же — это неформальная организация, в которой формальная иерархия членов второстепенна по отношению к неформальной. Таким образом, у приемной политической семьи нет формальной структуры членства, и поэтому она не может принимать форму корпоративной организации или ранговой иерархии должностей по отношению к верховному патрону;

- **С юридической точки зрения, клиент не является вассалом, но его социальное положение ничем не отличается от вассалитета.** В то время как вассал в феодальную эпоху имел право владеть имуществом на основании своего статуса, сеньор также мог правомерно отобрать у него это имущество. Внутри феодальной системы такое действие считалось легитимным, поэтому юридическое и социальное положения вассала совпадали. Однако, и это следует из предыдущего пункта, в патронально-клиентарных отношениях слепое подчинение клиентов патронам носит неформальный характер, хотя и подкрепляется инструментами публичной власти приемной политической семьи. Таким образом, социальное положение с помощью юридических норм закрепляется за всеми без исключения вассалами, в то время как в патрональ-

ных автократиях у клиентов и патронов равные права;

- **С верховным патроном невозможны «договорные» отношения.** Феодальные сословия имели в некотором роде легитимные договорные отношения со своим хозяином (монархом), подразумевающие права и обязанности, которые ограничивали как знать, так и самого монарха. В противоположность этому у приемной политической семьи нет формальной организации и набора обязательных правил, а главный патрон, будучи патриархальным главой семьи, полностью контролирует позиции в однопиримидальной сети. Как показывает судьба одного из императоров России Павла I, совсем не так обстояли дела в феодальную эпоху, когда вассалы были готовы отстаивать свои законные права;

- **Власть осуществляется незаконным образом, что подразумевает систематическую компрометацию, которая создает дополнительные поводы для повинения членов сети верховному патрону.** Исследователи, которые проводят аналогию между приемной политической семьей и феодализмом, игнорируя при этом неформальный характер первой, уверены в том, что это позволяет им выделить центральный элемент обоих режимов (т. е. патронально-клиентарные отношения). Однако они упускают другой важный аспект, который определяет динамику правящей элиты. Причина, по которой верховный патрон в отличие от короля с его формально ограниченной властью контролирует все позиции в сети, заключается в том, что это позволяет ему шантажировать клиентов, угрожая преследованием за совершенные преступления⁷. Эти преступления, равно как и способность главного патрона угрожать своим клиентам, имеют место именно потому, что (1) функционирование неформальных сетей не согласуется с формальным правом, что с неизбежностью приводит к постоянным нарушениям закона; (2) клиенты обязаны принимать участие в незаконной деятельности криминального государства и могут быть приняты в семью, только если главный патрон прежде всего способен контролировать их с помощью шантажа (они могут участвовать в преступной деятельности

с целью быть принятыми в семью или уже совершить преступление, которое дает им право быть принятыми); (3) верховный патрон обладает властью над правоохранительными органами, что означает, что именно он решает, какие преступления будут преследоваться, а какие нет (политически выборочное правоприменение). Следовательно, системная компрометация, проистекающая из самой природы режима, является ресурсом («кнутом»), который верховный патрон использует, чтобы дисциплинировать своих клиентов.

ПОЧЕМУ ПРИЕМНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СЕМЬЯ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НОМЕНКЛАТУРОЙ

Наконец, следует обратить внимание на попытки сравнить приемную политическую семью с **номенклатурой**. Эти группы акторов часто уподобляются, потому что во многих посткоммунистических режимах члены старой номенклатуры пережили смену режима и сумели сохранить свою формальную и неформальную власть как в исполнительной, так и в законодательной ветвях⁸. Однако если мы возьмем для сравнения классический анализ номенклатуры Михаила Восленского, то увидим существенные различия между коммунистической и посткоммунистической правящими элитами. Патрональная сеть в посткоммунистической однопиримидальной системе **не похожа на номенклатуру, потому что приемная политическая семья** обладает следующими свойствами:

- **Она распространяет сеть политического и бюрократического управления за пределы своих формальных институтов.** Одна из главных особенностей приемной политической семьи состоит в том, что в нее входят люди, занимающие официальные позиции как в государственном секторе (формально: политики, министры и т. д.), так и частном (формально: предприниматели, пропагандисты и т. д.). В свою очередь в номенклатуру входили люди, состоящие в партии и представляющие бюрократический аппарат государства;

- **В ее состав входят люди, которые могут иметь не одну формальную позицию, но несколь-**

ко одновременно. Как мы упоминали в предыдущем пункте, члены номенклатуры могли иметь только одну формальную позицию, поскольку именно эта позиция определяла и ограничивала их власть в рамках бюрократической патрональной сети. В то же время член приемной политической семьи может занимать различные формальные позиции (как публичные, так и частные), имея при этом только одну позицию в неформальной патрональной сети, которая и определяет границы его власти;

- Она, как правило, принимает в свои ряды не отдельных индивидов, а семью кровных родственников или приемных членов. В рамках номенклатуры на определенные должности назначались отдельные индивиды. Члены их семей пользовались некоторыми формальными и неформальными привилегиями благодаря nepотизму, но их влияние и доступ к привилегиям были сильно ограничены, если они не являлись официальными членами номенклатуры⁹. Напротив, приемная политическая семья принимает в свой состав семьи (состоящие из кровных родственников или приемных членов) через формирование с одним из ее членов родственных или квазиродственных отношений, скрепляемых общим бизнесом;

- Она обладает привилегиями, которые обеспечивают ей не только дополнительный доход и высокий уровень жизни, но и собственность. Поскольку частная собственность в коммунистических режимах допускалась в лучшем случае лишь в ограниченном виде, члены номенклатуры могли пользоваться привилегиями только в смысле более высоких доходов или дополнительных сфер потребления, например через использование государственных объектов (автомобилей, недвижимости, курортов и т. д.). Соответственно, отдельные члены номенклатуры не могли накапливать состояние в виде материальных благ или финансов. Но поскольку приемная политическая семья управляет патрональной автократией, которая служит фасадом для хищнического государства, ее члены могут накапливать богатство как в денежном выражении, так и в виде собственности, компаний, земли, концессий и т. д.¹⁰

УНИКАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПРИЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Суммируя тезисы, приведенные выше, **неформальную патрональную сеть в посткоммунистических режимах можно назвать приемной политической семьей по следующим причинам:**

- различные расширенные сети личных связей организованы в единую сеть приемной политической семьи;
- в нее включены не только отдельные индивиды, но и целые семьи;
- это образование остается неформальным и не имеет официального членства;
- оно распространяется на формальные институты;
- приемная политическая семья основана на патрональной, а не на организационной лояльности (возможности свободного входа или выхода не существует);
- статус внутри приемной политической семьи не обязательно соответствует официальной административной позиции ее членов;
- внутрисемейная власть основана на слиянии политических и экономических «ресурсов»;
- внутрисемейное управление организовано в соответствии с культурной моделью патриархальной семьи (т. е. патриархальным господством).

Показательным примером функционирования и развития приемной политической семьи является исследование Михаила Минакова, посвященное украинским «кланам», которые эволюционировали от мелких тесно связанных сетей до «хитроумных многоуровневых организаций» на государственном уровне¹¹. Ниже мы приводим довольно пространную цитату из его исследования, чтобы продемонстрировать, как сферы социального действия полностью смешиваются внутри сложной неформальной структуры приемных политических семей: «На начальной стадии, кланы сплотились вокруг ключевой фигуры “полигарха” (одного или нескольких), которые требова-

ли от всех членов этого клана или группы кланов полной лояльности. Эти фигуры были окружены олигархами ближнего круга, а также “приемными” и “покорившимися” олигархами, контролирующими основные заводы, банки и другие экономические объекты. Следующий круг (состоящий из подставных лиц и политических партнеров) включал в себя лидеров зависимых политических партий, глав исполнительных, законодательных и судебных институтов, а также глав формально государственных корпораций и медиахолдингов. Отдельную группу союзников представляло “силовое крыло”, состоящее из преступных групп и зависимых работников спецслужб и полиции. Эта структура оказалась достаточно прочной, чтобы преуспеть во время приватизации, пережить эпоху бандитских разборок, и успешно осуществлять (или отражать) корпоративные рейдерские атаки. [...] В 2000-2002 годах главные кланы начали постепенно выходить в публичное политическое и экономическое поле. Экономические ресурсы и объекты, законно принадлежавшие олигархам и близким к ним олигархам, были также выведены из тени; в результате этого процесса была создана самая крупная украинская корпорация 2000-2014 годов. То же самое происходило с политическими активами и клиентарными сетями. Маленькие партии сливались в более крупные и более долговечные организации, такие как, например, “Партия регионов” или “Батькивщина”, возглавляемая Юлией Тимошенко. Клиентарные сети управлялись в основном через вновь появившиеся благотворительные фонды»¹².

Можно заметить, что приемная политическая семья включает в себя большое количество акторов, характерных для патрональных автократий, — от олигархов и полигархов до подставных лиц и партий патрона. Образованная ими неформальная сеть и является тем, что мы называем приемной политической семьей, воплощающей в лучшем виде полное слияние политической, экономической и общественной сфер социального действия.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРИЕМНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЕМЬИ

Термин «приемная политическая семья» выделяет три характерные особенности неформальных патрональных сетей:

- «**приемная**» указывает на структуру сети в целом и на тип связей (родственных и квазиродственных), возникающих внутри этой структуры в частности;

- «**политическая**» указывает на функцию элиты внутри политического образования, в частности на то, что члены элиты стремятся заполучить политические посты и право на (государственное) принуждение, распространяющееся на все сферы социального действия;

- «**семья**» указывает на культурные особенности внутрисетевого взаимодействия, позитивные у патриархальной семьи: например, патриархальное господство со стороны верховного патрона;

До этого момента мы в основном обращали внимание на второе слово — «политическая» — и представляли приемную политическую семью как идеальный тип правящей элиты в патрональных автократиях. Что касается двух других слов, включенных в это понятие, то они описывают антропологические характеристики правящей элиты с точки зрения типа связей («приемная») и субординации («семья»). Ниже мы раскрываем эти характеристики по порядку.

ТИП СВЯЗЕЙ: ТИПОЛОГИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ КЛАНОВ

Если рассматривать только антропологическую составляющую, характеризующую тип связей, возникающих внутри правящей элиты, то многомерное понятие «приемная политическая семья» можно заменить на короткое и емкое слово «**клан**» точно так же, как патрональную автократию можно назвать «клановым государством» или «мафиозным государством», когда главным аспектом

анализа является природа правящей элиты. Выше мы определяли кланы следующим образом:

- **Клан** — это неформальная патрональная сеть, характеризующаяся родственными или квазиродственными связями.

В доиндустриальном обществе кланы, как и династии при феодализме, были организованы по принципу родословного дерева, но также они принимали в свои ряды людей со стороны по мере того, как расширялись через новые личные, семейные связи. В посткоммунистических кланах к родственным отношениям добавились также квазиродственные, через которые патрональная сеть (или ядро ее основателей) обрастает дополнительными семьями, не связанными узами родства с другими членами клана.

Кланы посткоммунистического региона отличаются от других в основном по своему происхождению, то есть по типу социальной группы, составляющей ядро патрональной сети, или по набору ценностей, на которых клан был основан. В соответствии с этим ниже мы приводим типологию кланов. К какому типу клана тяготеет правящая элита в отдельных посткоммунистических странах, зависит от **довольно случайных, личных факторов**.

Например, хотя в **посткоммунистических режимах Центральной Азии** именно высшее руководство коммунистической партии и служб безопасности сформировало патрональные сети, эти постсоветские республики имеют признаки сильной этнической разобщенности. Традиционные кланы, как правило, объединяются в племена, и порой племена образуют племенные союзы, которые в Казахстане называются словом «жуз» (*zhuz*). Верховный патрон иногда балансирует между несколькими подобными крупными этническими кланами, вовлекая их в функционирование режима и тем самым предотвращая появление клановой оппозиции¹³. На территории других государств кланы могут формировать шесть-семь региональных групп, а одна или две наиболее сильные из них начинают монополизировать имеющиеся позиции (Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В других случаях множество независимых, конкурирующих на политической арене племен заставляют

политическую систему прибегать к механизму парламентских обсуждений (Кыргызстан)¹⁴.

Номенклатурные кланы особенно часто формировались там, где до смены режима различные службы безопасности и военные структуры играли наиболее важную роль из-за более жесткого характера их иерархических цепочек (например, Азербайджан)¹⁵. Но даже в таких случаях не везде номенклатура превращалась в клан. Действительно, на территории советской Центральной Азии высшее руководство коммунистической партии и служб безопасности сразу же сформировало неформальные патрональные сети, однако если мы начнем двигаться через православный регион в сторону западно-христианского, то увидим, что по мере продвижения все меньший процент членов номенклатуры становился членами посткоммунистической правящей элиты¹⁶.

В **Украине** кланы, отличаясь своеобразным региональным характером, породили днепропетровскую и донецкую региональные группировки, которые включают множество малых и больших кланов и имеют в своем составе несколько важных для украинской политической жизни фигур и партий. Эти в значительной степени этнические кланы¹⁷, сначала входившие в номенклатуру, а затем продолжившие свое существование в посткоммунистическую эпоху, «также были связаны с организованной преступностью. Формирование украинских кланов происходило в эпоху постсоветской “криминальной революции”. Некоторые из лидеров этой “революции” оказались впоследствии олигархами и олигархами (включая дважды судимого Виктора Януковича и Рината Ахметова, который, как считается, с 1995 года возглавлял преступные группировки в Донецке). Другие остались на уровне поставщиков охранных услуг и глав группировок, осуществляющих рейдерские захваты. Криминальное подполье было одним из важнейших источников кадров для украинских кланов»¹⁸. Таким образом, в случае Украины можно говорить о наличии не только этнических, но и криминальных кланов.

Где-то между идеальными типами номенклатурного и братского клана находится приемная

политическая семья Владимира Путина в **России**. Центр принятия решений приемной политической семьи базируется на тех связях, которые сложились (1) на нижних уровнях бывшей номенклатуры, состоящей из партийных функционеров и сотрудников службы безопасности, и (2) между людьми, родившимися в Ленинграде и закончившими Ленинградский университет (как и сам Путин). Строго ограниченный круг людей и географическая привязка дают основания называть его «питерским кланом»¹⁹. Несколько бывших членов номенклатуры заняли позиции в патрональной бюрократии, которая в результате стала важной частью путинской приемной политической семьи. Как мы объясняем ниже, членство в путинском клане со временем изменилось, а он сам часто рассматривается в качестве «арбитра» между различными фракциями приемной политической семьи²⁰. Тем не менее неясно, действительно ли он разрешает их споры или же просто позволяет субпатронам бороться друг с другом на более низких уровнях патрональной пирамиды. Однако решающим моментом здесь является то, что роль простого арбитра — это нестабильная позиция по отношению к почти равным членам семьи и не описывает положение Путина. В действительности, он распоряжается семьей и как верховный патрон может защищать или наказывать ее членов по своему усмотрению.

Наконец, наблюдать «взлет» братского клана можно в **Венгрии** на примере бывшей либеральной партии «Фидес». Эта партия была первоначально основана как молодежная организация, которая превратилась непосредственно в патрональную сеть, базирующуюся на студенческой дружбе и университетском братстве²¹. Трансформация партии и ее последующая победа на выборах 2010 года, где она смогла добиться большинства в две трети голосов, привели к тому, что Виктор Орбан и его окружение приобрели неограниченную политическую власть. Это позволило им ликвидировать индивидуальные и институциональные автономии, а также систему сдержек и противовесов парламентского устройства и объединить членов общества в однопиримидальную патрональную систему, где доминирует сеть Орбана. Конечно, это

было сделано не на основе бывшей номенклатуры коммунистической партии и службы безопасности, однако «покорившиеся» члены номенклатуры были приняты в приемную политическую семью, а аппарат спецслужб был «приручен» для выполнения ее целей.

ПОДЧИНЕННЫЙ СТРОЙ: РОЛЬ ОТЦА СЕМЕЙСТВА

Культурные паттерны главы приемной политической семьи и характеристики его правления сильно отличаются от паттернов коммунистического диктатора. Первый редко демонстрирует свою власть, возглавляя парады или съезды партии, а ее проявления носят черты, свойственные отношениям внутри патриархальной семьи. Если рассмотреть роль главы приемной политической семьи в исторической перспективе, то ее истоки можно найти в архаичном патриархе, за которым следуют римский отец семейства (*pater familias*) и верховный патрон в патрональных автократиях. То, что объединяет эти роли, проще всего объяснить на примере **римского *pater familias***. Римская семья как община, подчиненная изначально неограниченной власти отца семейства, располагала значительной автономией по отношению к государству. «Действие публичного права (*ius publicum*), а также власть магистратов в определенном смысле оканчивались на границе частных земельных владений, на пороге частных домов, за которыми начиналось действие норм частного права (*ius privatum*), предусматривавшего абсолютную власть главы семейства»²². Эта **власть распространялась на все сферы жизни, людей, имущество и деятельность семьи**. «Сущностью семьи считалась совокупность лиц, подчинявшихся власти одного и того же главы семейства»²³, начиная с его жены и детей, кровных и приемных, а также других живущих с ними родственников, и заканчивая разного рода зависимыми людьми и слугами. Показательно, что русское слово *семья*, происходит от древнерусского *сьмита*, что означает «челядь», «домочадцы»²⁴. В исторической перспективе можно наблюдать процесс постепенной эмансипации лиц различного статуса, при-

надлежащих к домочадцам патриархального отца семейства и подчиненных ему, то есть их освобождения от неограниченной личной и имущественной зависимости. За долгие века этого процесса мы, например, только в наши дни пришли к запрету семейного насилия.

В свою очередь, в патрональных автократиях, **патриархальный глава приемной политической семьи** нелегитимным и незаконным образом **на национальном уровне распространяет свою власть** над людьми, имуществом и деятельностью семьи на юридически совершенно независимых от него граждан и их семьи, пользуясь при этом государственной монополией на применение насилия. Для него семья, дом, имение и страна принадлежат к одному культурному паттерну. Хотя формально он **«управляет»** страной, его деятельность **нельзя описать** этим глаголом, так же, как и **деятельность отца семейства в рамках своей семьи**. В действительности, **он, скорее, распоряжается людьми**, их имуществом и статусом. Соответственно, глагол «распоряжаться» более точно описывает управленческую деятельность верховного патрона во всех сферах социального действия.

НЕЛОЯЛЬНОСТЬ И АМОРАЛЬНАЯ СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ

Поскольку патрональные автократии также являются мафиозными государствами, для верховного патрона, то есть крестного отца, **самым страшным грехом приемной политической семьи**, за которым всегда следует месть, является **нелояльность**. Лояльность — это важное условие как для принятия в семью, так и для получения доли ее доходов²⁵. Актеры, желающие покинуть систему или вступить с ней в конфронтацию, могут быть наказаны за такие проступки и такими средствами, которые в либеральных демократиях сложно было бы себе представить. Из-за затрудненной деятельности институтов по поддержке демократии или их полной ликвидации, а также в силу создания патронально-клиентарной системы дискреционные инструменты, не доступные при условии, что си-

стема сдержек и противовесов работает исправно, а полномочия разделены, становятся доступными и используются, чтобы обеспечивать молчание и повиновение. Эти инструменты работают на самом глубинном уровне, их использование вызывает всеобъемлющие и долгосрочные последствия. А, как нам известно из криминологии, жертвы, сталкивающиеся с экзистенциальной угрозой, обычно молчат, потому что если заговорят, это лишь навлечет на них неприятности.

Именно поэтому невозможно покинуть систему мирно и по собственной воле. Глава политической семьи либо исключает из нее принятого ранее члена, либо преследует его в случае его отступничества. Независимо от того, был ли он президентом республики, назначенным на эту должность политической семьей, министром или членом парламента, он знает, какие последствия его ожидают в случае ухода или протеста. Эти последствия предполагают не просто потерю некоторых преимуществ, но и возможность полной потери средств к существованию. Отступничество влечет за собой не только «право стрелять», что означает, что другие члены семьи могут действовать в ущерб отступнику и использовать против него политические и экономические средства, но и «обязанность стрелять».

С другой стороны, **когда нелояльность считается грехом, члены политической семьи, совершившие какой-либо проступок**, будь то преступление против закона или нравственности, **в патрональных автократиях могут избежать наказания**. Имело ли место злоупотребление государственными должностями в личных целях, подделка официальных документов или домашнее насилие, не имеет значения, по крайней мере до тех пор, пока эти преступления не выходят за пределы того, на что был уполномочен актер²⁶. Если общественность активно выступает против преступника или если на преступление следует исключительно серьезная реакция международного сообщества, то совершивший его может быть принесен в жертву. И все же эти люди могут быть уверены в одном: **верховный патрон всегда будет их поддерживать, обеспечивая их непри-**

косновенность и безнаказанность. В крайнем случае по аналогии с программами защиты свидетелей политическая семья даст им возможность начать свою жизнь заново в другом месте, удалив их от взоров общественности. Однако это возможно только в том случае, если человек лоялен. В этом и заключается сила режима: он не сдает «врагам» своих людей. Для тех, кто осознает все потенциальные потери, которые можно понести, выбрав противоборство, а также все защитные преимущества послушания, конфронтация не только становится почти невозможной, но и теряет всякий смысл.

Термин **«аморальная семейственность»** (amoral familism) Эдуарда К. Банфилда, описывающий пропитанные мафиозными обычаями отношения в среде бедного населения Южной Италии, может быть также использован для описания правил поведения приемной политической семьи и мафиозного государства²⁷. Аморальная семейственность в патрональных автократиях вытекает из внутренней культуры кланов и означает отсутствие какой-либо ответственности и солидарности в отношении тех, кто не принадлежит к приемной семье. Кроме того, аморальная семейственность часто приводит к манихейскому мировоззрению, которое делит мир на «нас» и «их» в целях защиты сети от посторонних людей, чьи интересы находятся под угрозой или нарушаются мафиозным государством.

БАЛИНТ МАДЬЯР (р.1952 г.) — доктор политэкономии, старший научный сотрудник Института демократии Центрально-Европейского университета, один из основателей Венгерской либеральной партии (SZDSZ, 1988), член парламента (1990-2010) и министр образования Венгрии (1996-1998, 2002-2006).

БАЛИНТ МАДЛОВИЧ (р. 1993) — политолог, экономист, социолог. Написал главу для одной из книг, вышедших под редакцией Балинта Мадьяра о Венгрии как посткоммунистическом мафиозном государстве, и с 2015 года является его постоянным соавтором.

Примечания

- Hale, *Patronal Politics*, 9–10.
- Pakulski and Waters, “The Reshaping and Dissolution of Social Class in Advanced Society,” 670.
- Ledeneva, *Can Russia Modernise?*, 95.
- Hosking, “Patronage and the Russian State,” 305.
- Шляпентох и Вудс, *Современная Россия как феодальное общество*.
- Hosking, “Patronage and the Russian State,” 302.
- Lansky and Myles-Primakoff “Power and Plunder in Putin’s Russia,” 78–80.
- Анализ посткоммунистических режимов на основе этого предположения см. у Frydman, Murphy, and Rapaczynski, *Capitalism with a Comrade’s Face*.
- White et al., “Interviewing the Soviet Elite.”
- Petrov, “Putin’s Neo-Nomenklatura System and Its Evolution,” 183.
- Minakov, “Republic of Clans,” 238.
- Minakov, 238.
- Collins, *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*, 50.
- По материалам интервью, которое один из авторов этой книги взял у к.полит.н. Досыма Сатпаева (директора консалтинговой неправительственной организации «Группа оценки рисков», Алматы, Казахстан).
- Ср. Hale, *Patronal Politics*, 149–53.
- Szelényi and Szelényi, “Circulation or Reproduction of Elites during the Postcommunist Transformation of Eastern Europe.”
- Way, *Pluralism by Default*.
- Minakov, “Republic of Clans,” 238.
- Kryshchanovskaya and White, “Inside the Putin Court.”
- Staun, “Siloviki versus Liberal-Technocrats.”
- Мадьяр, *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства*, 51–56.
- Földi, “A Római Család Jogi Rendje [Правовой порядок римской семьи].”
- Földi.
- “Семья.”
- Ledeneva, *Can Russia Modernise?*, 39.
- Baez-Camargo and Ledeneva, “Where Does Informality Stop and Corruption Begin?,” 57.
- Banfield, *Moral Basis of a Backward Society*.

© Текст: Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович
© Перевод: Ю. Игнатьева

О ПАТРИОТИЗМЕ

ЦЗЫ ЧЖУН-ЮНЬ

Последние двадцать лет я часто пишу о патриотизме. Все потому, что за эти годы слишком много губительных для страны кампаний развернулось под знаменами патриотизма. И сегодня я решила поговорить о том, что такое патриотизм — в особенности

для китайцев, для современных китайцев, потому что последние сто лет вокруг этого понятия постоянно ломаются копья. И многие люди становятся жертвами этих баталий. Я говорю не о солдатах, погибших на войне с захватчиками, такие жертвы есть у любого народа. Нет, в Китае люди становятся жертвами патриотизма без всякой войны — они сидят в тюрьмах, подвергаются гонениям, погибают.

Поэтому в Китае с патриотизмом история особая. И даже сегодня несогласных с большинством, тех, кто имеет отличное мнение,

называют пятой колонной. Это стало чем-то вроде обиходного ругательства. Любой, кто мне не нравится, у кого взгляды отличаются от моих, объявляется пятой колонной. Особенно много такого в сети, люди целой толпой могут накинуться на одного человека, объявив его предателем, а все остальные наблюдают за этим и думают: наверное, с ним и правда что-то не так. И я думаю, это отличительная черта китайцев — обзывать пятой колонной всех несогласных. Черта современного Китая.

Цзы Чжун-юнь (1930) — переводчик, преподаватель, специалист по истории США, член Ассоциации переводчиков Китая. Переводила романы Бальзака, Уиллы Кэссер, Роберта Джеймса Уоллера и других писателей. В 2018 году Цзы Чжун-юнь специально для пекинской платформы YiXi прочла лекцию под названием «Разговор о патриотизме». Вскоре с официального сайта YiXi запись лекции исчезла, однако она доступна к просмотру на канале YiXi на YouTube.

Кроме того, за свою жизнь я успела столько всего пережить, что у меня появилось право говорить о том, что такое настоящий патриотизм. Я родилась в 1930 году, а в 1931 японцы вторглись в Маньчжурию. И когда я немного подросла и пошла в детский сад, мы всей группой распевали песню, которую тогда знал каждый: «Мой дом у реки Сунхуа»¹. Я родилась на юге, потом наша семья переехала на север Китая, и все до одного, и взрослые, и дети, и на севере, и на юге, — все знали эту песню наизусть. Эта песня — одно из первых и одно из самых глубоких моих детских воспоминаний.

В том году, когда я пошла в школу, произошел инцидент на мосту Лугоу². И директора школы, в которой я училась, вскоре убили японцы. Наша школа находилась на территории английской концессии, а до начала Второй мировой войны иностранные концессии были нейтральной территорией. Поэтому японцы не могли прийти и увести его силой. А он им был негоден, потому что отказывался принимать японскую школьную программу, кроме того, в книгах, по которым мы учились, были антивоенные, патриотические тексты и песни. Наш директор категорически отказался менять программу, за это японцы подослали в концессию двух агентов, и те убили его во время прогулки.

В моем окружении было много девушек и юношей, которые бросили школу и убежали на войну, убежали бить японцев. Все они были на пару лет старше, учились в старшей школе, тогда для старшеклассников такой поступок был в порядке вещей. Например, сбежала дочь друзей моих родителей, она как раз оканчивала старшую школу. Ее мать пришла к нам в слезах, сказала, что дочь сбежала, оставила записку: «Ухожу на войну, не могу сидеть сложа руки». Да еще прихватила с собой мамино золотое кольцо на дорожные расходы. Я очень хорошо помню тот день. Как моя мама утешала ее мать, говорила: «Вы воспитали ее хорошим человеком, любящим родную страну». Такой был дух времени. Потом, уже много позже, я узнала, что эта девушка добралась до Яньня³. Тогда те, кто хотел воевать, пробирались либо в Чунцин⁴, либо в Яньня. И для нас в те годы разницы между Гоминьданом и коммунистами особой

не было. Главное — пробраться в тыл, присоединиться к своим.

Все это я видела с самого раннего детства. И видела, что такое патриотизм на примере своих родителей и родственников, друзей семьи. Все они относились к довольно состоятельной интеллигенции, большинство этих людей успели поучиться за границей и вернуться домой, у многих имелись свои предприятия, и тогда в порядке вещей было пожертвовать своим состоянием для спасения страны. Например, Лу Цзо-фу⁵ отдал освободительному движению все свои суда. И я видела вокруг очень много подобных примеров. В то время люди прекрасно понимали, что такое патриотизм. Тогда вокруг этого слова не было никаких баталий. И никому не приходилось доказывать, что он любит свою страну.

В китайском языке слово «патриотизм» дословно означает «любовь к стране», но что такое страна? В примитивном понимании «патриотизм» — это любовь к родным местам, к земле, на которой ты вырос. Если смотреть шире, «патриотизм» — это любовь к культуре, к истории, к родному языку, любовь к своему народу. Китай — страна с многотысячелетней культурой, и когда началась война с Японией, страшнее всего было то, что наш народ будет уничтожен. Политика японцев отличалась от политики гитлеровской Германии, он не собирались сжигать китайцев в печах. Мы боялись другого, мы боялись истребления нашей культуры. Боялись, что Китай перестанет быть Китаем. В прошлом, когда наши земли захватывали кочевники, у китайцев не было этого страха, потому что кочевые племена быстро китаизировались: и монголы, и маньчжуры, попадая в Китай, неизбежно ассимилировались. И хотя те войны были не менее жестокими и кровопролитными, мы не чувствовали угрозы своей культуре.

Но после Опиумных войн мы увидели, как сильно отличаются от нас европейцы, это была совсем другая цивилизация, куда современнее нашей. Сильнее нашей. И мы не могли ей противостоять. Теперь мы почувствовали, что наш великий народ вот-вот падет под их натиском — в былые времена всех иностранцев было принято называть варварами, но это были вовсе не варвары. И во многих аспектах они оказались куда цивилизованнее нас. Мне креп-

ко врезалась в память фраза, которую любил говорить один знакомый профессор из Цинхуа: «Не зная китайской истории, никогда не поймешь, насколько это великая страна. Но не зная истории западных цивилизаций, никогда не поймешь, насколько Китай отсталая страна». По-моему, очень точно сказано.

Вернемся к тому, что такое патриотизм, любовь к своей стране. «Страна» или «государство» — это политическая целостность, и до недавних пор под патриотизмом понималась верность государю, преданность правящей династии. Потому что в представлении людей прошлых веков правящая династия — это и есть государство. И для них патриотизм означал преданность императорской фамилии. При династии Сун патриоты были преданы семейству Чжао. При династии Мин — семейству Чжу. Патриотизм не означал любви к родной земле, люди порой даже не представляли, где проходят границы их страны. В годы правления одной династии граница проходит здесь, потом в состав Поднебесной включают новое племя, и границы расширяются. Тогда вообще не было такого понятия, как «территория страны», зато все прекрасно знали, что такое преданность династии. Что такое верность государю. Например, у сунского поэта Синь Ци-цизи⁶, известного своей патриотической лирикой, почти все стихи посвящены призывам отвоевать северные земли, захваченные чжурчжэнями. Но вот как он писал: «Всем сердцем желаю исполнить заветную мечту государя, вернуть Поднебесной потерянные земли».

Современное понятие государства пришло в Китай только после Опиумных войн. Европейские страны формировались поступательно, начиная со Средних веков. У них к концу XIX века уже сложились представления, что такое страна, государство, границы, территория, суверенитет. Что такое международное право и международные отношения. До Опиумных войн все эти категории были плохо знакомы китайскому императорскому дому. Зато императорский дом огромное значение придавал ритуалам и церемониалу. Тогда считалось, что ритуалы важнее всего на свете. Будет посол вставать на колени или нет — это важнее экономики, важнее целостности территории. Но европейцы думали иначе.

Опиумные войны повлекли за собой огромные перемены. За три тысячи лет в стране сменилось множество династий, но с такими потрясениями Китай столкнулся впервые. И тогда же у нас появилось современное понятие государства. И люди увидели, что государство нуждается в реформах, в усилении. А для этого необходимо воспринять западную культуру, но в Китае тысячами было принято самим «воспитывать иноподданцев», никогда не случалось такого, чтобы иноподданцы пришли воспитывать Поднебесную.

После Опиумных войн наиболее продвинутые патриоты уже понимали, что страна нуждается в модернизации, что в Китае необходимо принести западную культуру, западные достижения. Почти все образованные китайцы были согласны с необходимостью реформ. Но их интересовали в первую очередь военные реформы — как добиться того, чтобы иностранцы не смогли снова разгромить нашу армию, как усовершенствовать наше оружие и флот. И только потом стало понятно, что в военном деле европейцы сильнее потому, что у них лучше развита экономика и промышленность. Мы стали пытаться поднимать свою промышленность, но вскоре поняли, что западная экономика обгоняет нашу по той простой причине, что там более продвинутый строй. В европейском обществе проявить себя могли самые разные люди из всех слоев общества, а в Китае в то время почетным считалось только гуманитарное знание, и положение в обществе имели только ученые мужи, вызубрившие наизусть все каноны. А когда образованные китайцы поехали учиться в Европу, они увидели, что и культура на Западе развита лучше. И оказалось, что европейцы смотрят на нас так же, как в былые времена жители Поднебесной смотрели на варваров. Поэтому в начале XX века мы стали так активно переводить европейскую литературу — это было необходимо, чтобы дотянуться до уровня западного общества. И тогда же появились лозунги: «Образование спасет отечество», «Промышленность спасет отечество», «Наука спасет отечество». Все мысли были о том, как спасти отечество. Но для спасения отечества необходимы были реформы. И появился новый лозунг: «Революция спасет отечество».

В то время, в конце династии Цин, все уже понимали необходимость реформ. Но часть реформаторов выступала за реформы, надеясь сохранить правящую династию, вдохнуть в нее жизнь, и таких реформаторов было довольно много. Многие были недовольны политикой вдовствующей императрицы Цыси, считали ее излишне консервативной, но возлагали большие надежды на императора Гуансюя. Но вскоре стало ясно, что эта династия безнадежна, спасти ее не удастся. И главным образом потому, что правящий дом был не готов к реформам. Вспомним, что случилось после восстания ихэтуаней: на территорию Китая вторгся Альянс восьми держав⁷, и императрица под предлогом поездки на охоту бежала из Пекина в Сиань. Только тогда Цыси поняла, что стране нужны перемены. После возвращения в Пекин она наконец решилась: если даже Россия становится конституционной монархией, нам тоже пора ввести у себя конституцию. В Европу отправили специальную комиссию, изучать западный конституционный опыт, и комиссия предложила Цыси провести целую серию преобразований, но императрица снова колебалась. Во-первых, было уже слишком поздно. А во-вторых, и это самое важное, она боялась выпускать из рук власть. Поэтому на самую главную реформу, на ограничение самодержавия, она решиться не могла. А реформаторы к тому времени устали ждать. И случилась Синхайская революция.

В тот момент многие патриоты испытывали внутренний конфликт: кому я должен быть верен — правящей династии или своей стране? У консерваторов этого вопроса не возникало: я люблю свою страну, я верен государю и я сделаю все, чтобы династия устояла. Но реформаторы, например, Сунь Ятсен, считали иначе. Если я хочу спасти свою страну, я должен избавить ее от династии Цин, только тогда можно будет построить новое современное государство.

Но настоящее падение династии Цин произошло раньше, после восстания ихэтуаней. Что делали ихэтуани все, наверное, знают. Жгли церкви, убивали европейцев, пытались истребить все иностранное, их лозунг был: «Поддержим Цин, истребим иноземцев». Изначально они добивались реставрации предшествующей династии Мин, но когда цинские власти

оказали им поддержку, вступили с ними в союз, ихэтуани отказались от этой идеи. Конечно, в те годы европейцы действовали в Китае на основании неравноправных договоров и не считали китайцев равными себе. Поэтому люди чувствовали несправедливость, но что они стали делать, чтобы восстановить справедливость: громить церкви, убивать священников, а затем — громить посольства и убивать послов. Но гораздо больше среди убитых было китайцев, исповедовавших христианство. Или сбывавших иностранные товары. В 1898–99 годах северная провинция Шаньдун страдала от засухи, многие крестьяне ушли с земли и подались в «бродячий люд» — в Китае так было во все времена: засуха, эпидемия, голод, люди сбиваются вместе, придумывают себе какое-то учение, главный проповедник объявляет себя бессмертным и ведет людей на восстание. И в такое время все зависит от того, как поведут себя местные власти. Раньше в Китае такие народные движения всегда подавляли, людям вообще не разрешалось создавать собственные объединения. Но тут власти увидели, что ихэтуани выступают против иностранцев. И подумали, что это хороший способ навести на иностранцев страху, а заручившись поддержкой властей, движение ихэтуаней стало расти как на дрожжах. Конечно же, иностранцы в ответ ввели свои войска, чтобы защитить посольства. Сановники при дворе разделились на две партии: одни выступали за то, чтобы подавить восстание и как можно скорее заключить мир с иностранцами. Другая партия ратовала за то, чтобы пустить ихэтуаней воевать с иностранцами, дать им карт-бланш. И в итоге вторая партия победила, а пять сановников из первой партии были казнены за то, что слишком настойчиво убеждали императрицу в своей правоте. И вот вопрос: кто из придворных был патриотом, а кто — пятой колонной? Ведь даже в наших учебниках сейчас движение ихэтуаней преподносится как патриотическое. Говорится, что ихэтуани просто использовали неправильные методы, а в остальном были правы.

И тогда же случился еще один инцидент. Цыси объявила войну сразу одиннадцати державам. Всем посольствам было приказано убраться из Китая. Ихэтуаням была дана полная свобода. И в этих условиях наместники южных провинций объединились и отка-

зались подчиняться приказам из Пекина, они обратились к консулам в своих провинциях и гарантировали им и всем остальным иностранцам безопасность в обмен на то, что в эти провинции не войдут войска. И в результате юго-восток Китая, а это самые густонаселенные и развитые районы, остался нетронут. А север был разрушен — сначала по нему прошли ихэтуани, потом Союзная армия. И как вы думаете, эти наместники были патриотами или предателями? Я думаю, их действия диктовались любовью к отечеству. И очень хорошо, что нашлись люди, которые смогли переступить через слепую верность трону и спасти вверенные им земли. Но если посмотреть на это с другой стороны, можно сказать, что наместники продались иностранцам. Ослушались приказа. Установили собственные отношения с европейскими консулами. Императрица объявила войну, а они попытались сохранить мир. На расстоянии становится понятнее, что было предательством своей страны, а что спасением, а вблизи этого было не видно. Но, честно говоря, и сейчас находятся люди, которые считают тот поступок предательством. Люди, которые уверены, что настоящий патриотизм — это непримиримость к иностранцам и призывы к убийству.

После поражения в войне те пять казенных сановников были, выражаясь современным языком, реабилитированы, их останки захоронили с почестями. Но дело ведь не только в том, что императрица обозвала их предателями и приказала казнить — их и простые люди считали предателями, все были уверены, что они просто пляшут под дудку европейцев. Это еще раз говорит о том, как сильны были в народе ксенофобские настроения. И на самом деле, мы до сих пор не избавились от ксенофобии до конца. В определенный момент этот костер может вспыхнуть вновь.

Сейчас многие тоскуют по былому величию Китая, смотрят на Великую китайскую стену, на терракотовую армию Цинь Шихуанди и думают: какой сильной была наша страна в древности! Почему же мы все потеряли? Но подумайте, хорошо бы вам жилось в древности, например, при династии Цинь? Когда на улице нельзя было заговорить или посмотреть друг другу в глаза, потому что император панически боялся заговоров? Когда ученых казнили, а книги

сжигали? И вся терракотовая армия стоит на костях ее создателей, похороненных заживо. И даже сам император не удостоился нормальных похорон: его смердящее тело еще много дней после смерти носили в паланкине, потому что вельможи просто боялись объявить людям, что он мертв.

В Китае есть такая поговорка: сын не видит уродства матери. Это часто распространяют на любовь к родной стране — ты должен любить свою землю, не обращая внимания на ее недостатки. Но у меня есть много вопросов к этой поговорке. С чего вы взяли, что ваша страна уродлива? Посмотрите, какие прекрасные у нас реки, озера и горы, какие добрые люди, при чем здесь уродство? Допустим, под уродством мы понимаем другое: отсталость, низкий культурный уровень. Значит, нужно придумать, как это исправить. Придумать, как сделать свою мать современной, цивилизованной и культурной. Ведь если мать заболела, дети ее лечат, а как иначе? Эта фраза про уродливую мать часто служит оправданием собственному бездействию: пусть моя страна катится дальше, к полному упадку, я все равно буду ее любить. Но это неправильно. Надо выяснить, в чем заключается некрасота, и думать, как это исправить. Все можно исправить. Отсталость — это не приговор.

Поэтому любовь к своей стране всегда идет рука об руку с реформами. Именно поэтому в конце Цин так много молодых людей уехало учиться за рубеж, и все они вернулись, чтобы переустроить свою страну. Как Прометей, который украл небесный огонь и принес его людям, так же и они — эти люди принесли в Китай достижения чужой культуры. Преобразования и реформы — дело очень непростое, потому что всегда есть огромная партия консерваторов. Реформаторы всегда рискуют, свободой, а иногда и жизнью. У нас принято ругать китайскую интеллигенцию, называть ее бесхребетной, слабой, трусливой. Но мне недавно попала на глаза статья, автор которой защищает китайскую интеллигенцию. Он говорит так: назовите еще хоть одну страну, в которой интеллигенция шла бы на такие огромные жертвы ради любви к отечеству. И я с ним полностью согласна.

Вообще, само понятие «интеллигенция» очень размыто и плохо поддается определению. Нельзя записать в интеллигенцию всех образованных людей

или всех интеллектуалов. Нельзя утверждать, что интеллигенция не может быть частью «системы», потому что пять казенных сановников, о которых я уже говорила, тоже были самой настоящей интеллигенцией. Они прекрасно знали, на что шли. В Китае считалось, что благородный муж должен увещевать императора, склонять его к правильному решению, даже рискуя навлечь на себя гнев, рискуя собственной головой. Те сановники знали, что их казнят, но все равно не стали отмалчиваться, они надеялись повлиять на решение Цыси. Они просто не могли молчать, потому что видели, что страна в опасности. Судьба целой страны зависела от одного решения императрицы, и они должны были сделать все, чтобы убедить ее принять правильное решение, пусть даже ценой собственных жизней. И во все времена китайская интеллигенция стояла в авангарде общества, эти люди были готовы пожертвовать своей жизнью ради общего блага, они считали своим долгом говорить власть предержащим неприятную правду. Они чувствовали на себе ответственность, ведь большая часть населения была попросту неграмотна.

Есть ли в Китае сейчас такие люди? Конечно, есть. Были и сто лет назад, есть и сейчас. Например, та самая сбежавшая на войну девочка, о которой я рассказывала. У них была очень богатая семья, и в то время сбежали на фронт в большинстве своем отпрыски весьма состоятельных семейств. И в результате в компартии оказалось очень много детей помещиков и капиталистов. Они сбежали из дома и присоединились к революции. И так было во все времена. В некоторые эпохи таких людей больше, в некоторые меньше, бывают времена, когда интеллигенция молчит. Но несомненно одно: интеллигенция — это та часть общества, которая готова пожертвовать собой ради родной страны, это самые настоящие патриоты.

Сейчас из-за глобализации мы уже несколько иначе относимся к патриотизму. И какими бы громкими ни были лозунги, большая часть людей голосует ногами, они просто уезжают из страны. В прежние времена состоятельные люди заботились не только о личном обогащении, но и о развитии экономики,

никто из них и помыслить не мог о том, чтобы вывести свои активы за рубеж. Но сейчас все иначе. Раньше элита тоже получала образование за рубежом, но всегда возвращалась. Возвращалась, и начинались перемены. Сейчас людям кажется, что пытаться что-либо изменить в своей стране — слишком тяжелый труд, проще уехать. Люди понимают, что за рубежом их знаниям найдется лучшее применение. Например, останься Ян Чжэнь-нин⁸ в Китае, он бы ни за что не получил Нобелевскую премию, это совершенно точно. И нет ничего зазорного в том, чтобы уехать, я не имею права осуждать эмигрантов, упрекать их в отсутствии патриотизма. Но в результате сил, которые нужны для налаживания жизни здесь, становится все меньше и меньше. Раньше интеллигенция всегда оставалась, даже если ей угрожала смерть, оставалась и пыталась что-то изменить. Сейчас появилась другая дорога. И это еще один кризис, с которым столкнулся современный Китай.

Перевела с китайского Алина Перлова

Примечания

- 1 Патриотическая песня против оккупации Маньчжурии. — *Здесь и далее примеч. перев.*
- 2 7 июля 1937 года в пригороде Пекина произошла стычка между солдатами японской Гарнизонной армии в Китае и ротой китайских войск, охранявших мост Лугоу. Инцидент на мосту Лугоу ознаменовал начало Японо-китайской войны.
- 3 Город в провинции Шэньси, с 1937 по 1948 г. в Яньане находилась ставка ЦК КПК.
- 4 Город в провинции Сычуань, временная столица гоминьдановского правительства.
- 5 Крупный предприниматель, державший под контролем все гражданское судоходство на реке Янцзы. Когда японская армия подошла к городу Ичан, Лу Цзо-фу отдал свои суда для эвакуации населения и перевоза техники из Ичана в Чунцин.
- 6 Синь Ци-ци (1140–1207) — китайский поэт-патриот, живший во времена династии Южная Сун, когда северные территории империи находились под властью чжурчжэней.
- 7 Альянс восьми держав, куда входил и русский экспедиционный корпус, подавил восстание ихэтуаней («боксерское восстание»), бушевавшее на севере страны с 1899 по 1901 год, после чего вынудил китайские власти подписать очередной неравноправный договор («Заключительный протокол» от 7 сентября 1901 года).
- 8 Ян Чжэнь-нин уехал из Китая в 1945 году, в 1957 был удостоен Нобелевской премии по физике.

© Текст: Цзы Чжун-юнь
© Перевод: Алина Перлова

СИМОНА ВЕЙЛЬ ИЗ ПОСЛЕДНИХ СТАТЕЙ

Лондон, январь — апрель 1943 г.

Предисловие переводчика

Статьи, предлагаемые вниманию читателя, написаны Симоной Вейль в Лондоне между январем и первой половиной апреля 1943 года; даже Полное собрание сочинений, снабженное подробными комментариями, более точной датировки не дает. В эти месяцы, как известно, весы войны продолжают устрашающе качаться: на Восточном фронте за сокрушительным разгромом под Сталинградом следует контрудар немцев с повторным захватом Харькова и Белгорода; в Северной Африке с переменным успехом идет борьба за Тунис; в Тихом океане американцы и австралийцы продолжают биться с японцами за Новую Гвинею. Симона Вейль, недавно прибывшая в Лондон из Соединенных Штатов с целью принять непосредственное участие в освобождении родной страны, занимает скромную должность редактора в одном из отделов «Сражающейся Франции» — организации, которая, не будучи признана в качестве законного правительства в изгнании, тем не менее, воюет от лица Франции на разных театрах — на Ближнем Востоке, в Северной Африке и даже в небе России — и намерена взять власть в стране после ее освобождения. Организации, в военной отношении далеко не сильной, имеющей едва ли более 70 тысяч человек под ружьем, но добывающей места полноправного партнера среди ключевых держав антигитлеровской коалиции. Даже читатель, которому близка основная мысль обеих статей, может упрекнуть автора: «Кому и зачем адресованы в этот критический момент декларации и высокие слова? Надо бить, бить и бить врага, всё прочее оставив на потом». Поясним ситуацию, в которой созданы эти статьи, и цель, которую Симона в них преследовала.

Симона Вейль

Оставив в США пожилых родителей, бежавших от нацистской угрозы, Симона Вейль в декабре 1942 г. прибыла по морю в Англию с двумя простыми целями: 1) добиться для себя от руководства «Сражающейся Франции» отправки во Францию в составе разведывательной или диверсионной группы; 2) предложить этому руководству составленный ею проект отряда медицинских сестер для работы на передовой. Относительно пункта 2, современного российского читателя, возможно, удивит, что до 1942 года в армиях воюющих стран мысль об отправке женщин на передовую казалась невозможной. СССР стал первой страной, где начиная с весны этого года, в связи с большой смертностью раненых, было принято решение направлять санитарных инструкторов, в большинстве женщин, на передовую для возможности оказывать раненым первую помощь прямо на месте боя. Симона Вейль, дочь старого фронтового врача, но сама чистый гуманист, выступила с аналогичной идеей в мае 1940 г., в первые дни немецкого вторжения во Францию. Находясь в эмиграции, летом 1942 г. она безуспешно обращалась с тем же проектом в министерства обороны США и Канады. Чем объяснить эту странную настойчивость? Говоря кратко, Симона ищет место практического и одновременно духовного подвига на войне для... женщины-философа. То есть для себя. Говоря еще короче, она ищет возможности достойно и жертвенно умереть. Ибо «те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью», — утверждает Сократ в любимом ею диалоге «Федон».

Де Голль отозвался о проекте просто и безапелляционно: «сумасшествие», хотя известия о примере русских до него, конечно, уже доходили. Оставался пункт 1. Но по физическим качествам Симона, с ее крайне слабым здоровьем и зрением, плохо подходила для диверсионной работы, и в этом ей тоже было отказано. Итак, за письменный стол Симону усадила не добрая воля, а невозможность сделать для Франции что-то еще. Впрочем, сдаваться она не собиралась. Лишь совсем недавно открытие английских военных архивов сделало известным тот факт, что тайно от руководства «свободных французов» Симоне удалось связаться с британским Управлением специальных операций и получить направление на тренировки по прыжкам с парашютом. Соответственно, и направить ее во Францию в этом случае должна была уже британская разведслужба. Но план так и не сбился. 15 апреля 1943 года Симону, потерявшую сознание от слабости, увозят на «скорой» в больницу, где врачи обнаруживают у нее туберкулез обоих легких. 21 августа она умирает на тридцать пятом году жизни.

Из более десятка статей, написанных Симоной Вейль в Лондоне, ни одна не предназначалась для печати. Читая их, трудно представить, что это... служебные записки. Они передавались непосредственному начальнику Симоны Франсису-Луи Клозону, далее переходя к Андре Филипу, комиссару внутренних дел и труда, т. е. «министру» зачаточного «кабинета». Помимо основных обязанностей, эти люди занимались идеологическим обоснованием и презентацией движения. Филип, совмещавший политическое кредо социалиста с верой христианина-кальвиниста, был склонен представлять «Сражающуюся Францию» не только военным и политическим, но и духовным движением, несущим европейской цивилизации весть о «священном характере человеческой личности и ее прав», основанную на христианском Откровении. Источником этих построений были труды широко известного философа-неотомиста Жака Маритена, которого де Голль надеялся видеть интеллектуальным лицом своей организации. Маритен, впрочем, до поры тактично уклонялся от прямого сотрудничества с генералом: большая, если не большая, часть французских интеллектуалов, покинувших родину, не желая жить под нацистским игом, относилась к де Голлю опасливо, видя в нем потенциального военного диктатора.

Симона Вейль, которой в Америке доводилось несколько раз дружески общаться с Маритеном, лишь в Лондоне узнала, какое место его теории отводят идеологи «Сражающейся Франции», и принялась за изучение его книги «Права человека и естественный закон», недавно вышедшей в Нью-Йорке (именно она привлекла особое внимание сотрудников де Голля). Маритеновская теория права базируется на понятии естественного закона, сформулированного св. Фомой Аквинским и другими схоластиками на основе прежде всего идей Аристотеля. По Маритену, для человека, как участника божественного начала, естественно стремление «уклоняться от зла и творить благо». Благодать Христова, касаясь человека, не разрушает в нем природного установления, но лишь дает силу и вдохновение хранить от повреждений этот первоначальный дар добра. Тем самым христиане, противостоя во имя евангельской веры и ее заповедей антигуманным идеологиям и практикам нашего

века, законно могут вступать в союз со всеми, кто верен (или хотя бы не сопротивляется) началам естественного закона, лежащего в основе человеческих прав. Борьба за социальные права и свободы становится для современных христиан конкретной формой их служения евангельскому идеалу.

Ясная, оптимально сочетающая опору на католическую традицию с ответом на вызовы современности, теория Маритена была практически удобна. Она могла послужить опорой для широкой антифашистской коалиции, которая не исключала бы и коммунистов, до тех пор, пока они, борясь с фашизмом, вносят объективный вклад в восстановление правды «естественного закона».

Де Голль в ученики к философу, конечно, не собирался. Слова о естественном праве и священном характере личности годились для европейской и американской приличной публики, но во французских колониях, как показало будущее, не имели никакого значения, да и в самой Франции прилагались не ко всем. После окончания войны голлистское правительство, исполняя волю Сталина, насильственно выдал советским «органам» со своей территории, зачастую на расправу, более ста тысяч перемещенных лиц — русских, украинцев, латышей, литовцев, поляков, включая тех, кто никогда не имел советского паспорта. В те же годы французские войска, подавляя восстание на Мадагаскаре, истребят девяносто тысяч душ местного населения, ни на минуту не вспомнив о тезисах Маритена. Симона не дождалась этих событий, но смогла предвидеть, какую цену в реальной политике будет иметь тезис о «естественной справедливости». Буквально с самого дня зачисления в штат организации она повела тихую, но упорную борьбу против теории Маритена. В отличие от функционеров, она не считала философию движения лишь декоративным элементом, но была твердо уверена в том, что «гнилой корень» не даст принести дереву добрые плоды.

В статье «Сражаемся ли мы за справедливость?» Симона стремится показать, что борцам за справедливость не подобает успокаивать себя ссылкой на «естественный закон». То, что принимается за естественный закон, напротив, может подвести к вопиющей несправедливости. Верным компасом справедливости служит лишь жертвенная, «абсурдная» любовь — любовь, возведшая Христа на Крест. И для Симоны это не отвлеченная отсылка к божественному совершенству, от которой легко отмахнуться «грешным людям»; она уверяет, что только принимая политический или военный вызов как крестный подвиг, и никак иначе, возможно осуществить нравственное обновление общества — то главное, чего ждет она от послевоенных руководителей страны. Статья «Эта война есть война религий» освещает другую грань той же задачи. В войне, где в лице идеологий, порой вовсе не говорящих о Боге или даже отвергающих его, шишаются в схватке разные виды «идолопоклонства» (национального, партийного, классового), она видит единственный верный выбор в мистике. Военачальники, ведущие народ к освобождению, должны быть мистиками и философами, пекущимися не о каких-либо частных и временных интересах, а о возможности соединения души (прежде всего, собственной, а затем и максимального числа соратников и сограждан) с абсолютным благом. Симона не указывает источники своей мысли, но знакомство с другими ее статьями, трактатами и записями позволяет угадать, что здесь наряду с Новым Заветом ее вдохновляют платоновские диалоги, «Бахавад-Гита», где царевич Арджуна учится быть мистиком, философом и аскетом в исполнении воинского долга, и даже пример Томаса Э. Лоуренса, вдохновителя и стратега Великого арабского восстания 1915 г., положившего конец турецкому господству на Ближнем Востоке. Вторая статья менее компактна и целостна, чем первая; Симона торопится затронуть в ней несколько смежных тем, которые не успевают рассмотреть сколько-нибудь подробно. Они будут развиты в последнем ее большом труде — трактате «Укоренение».

Подчас озадачивающую многомерность мысли Симоны Вейль и, одновременно, ее сосредоточенность о «едином на потребу» (Лк 10:42) читатель гораздо лучше поймет, — а возможно, и полюбит, — внимательно читая ее «Тетради», четвертый том которых в настоящее время готовится к печати в петербургском Издательстве Ивана Лимбаха. В него, в качестве приложения, войдут и публикуемые здесь, и некоторые другие статьи последнего периода жизни философа.

Петр Епифанов

СРАЖАЕМСЯ ЛИ МЫ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ?¹

«**О** том, что справедливо, рассуждают только тогда, когда присутствует равная необходимость с обеих сторон. Там же, где есть сильный и есть слабый, первый делает то, что для него возможно, а второй это принимает».

Так у Фукидида говорят афинские посланники, прибывшие с ультиматумом на маленький несчастный Мелос.

И прибавляют: «Относительно богов мы верим, а относительно людей точно знаем, что всегда, в силу естественной необходимости, каждый распоряжается везде, где имеет на это власть»².

Так в двух фразах они выразили всю суть прагматической³ политики. Только греки той эпохи сумели понять зло с такой удивительной ясностью. Они уже не любили благо, но их отцы, любившие его, передали им его свет. Они воспользовались им, чтобы познать истину о зле. Люди еще не ушли в обман. Поэтому не афиняне, но римляне основали империю⁴.

Приведенные выше две фразы — из тех, что шокируют добрых людей. Но пока человек не почувствует их правду плотью, кровью и всей душой, для него еще остается недоступной настоящая любовь к справедливости.

Греки замечательно определяли справедливость через взаимное согласие.

«Любовь — говорит Платон — не совершает несправедливости и сама не терпит ее ни от богов, ни от людей. Ибо когда она страдает, страдает не от силы, поскольку сила не властна над Любовью. И сама Любовь не действует силой, когда действует; ибо всякий согласен во всем повиноваться Любви. А где всё бывает

по взаимному согласию, там и справедливость, как говорят законы царского города»⁵.

Таким образом, противопоставление справедливого и возможного в словах, приведенных у Фукидида, <выражено> очень ясно. Когда с обеих сторон действуют равные силы, стремятся <создать> условия обоюдного согласия. Когда у кого-то нет возможности отказаться, то способа получить его согласие не ищут. Тогда рассматривают лишь условия, соответствующие объективной необходимости; тогда ищут лишь согласия самой материи.

Иными словами, человеческое действие не имеет другого правила или предела, кроме препятствий. С прочими реальностями оно не соприкасается. Материя навязывает препятствия, обусловленные ее механизмом. Человек способен ставить препятствия властью отказа, которой он иногда обладает, а иногда нет. Когда он ею не обладает, он не ставит препятствий, а следовательно, и не полагает границ. Относительно действия и того, кто действует, он, в таком случае, не существует.

Всякий раз, когда осуществляется действие, мысль доводит его до цели. Не будь препятствий, цель достигалась бы сразу, как только ее помыслили. Иногда так и бывает. Ребенок видит свою мать издали после разлуки, и оказывается у нее на руках едва ли не прежде того, как осознал, что видит ее. Но когда немедленное исполнение невозможно, мысль, поначалу сосредоточенная на цели, затем неизбежно задерживается на препятствиях.

И только на них. Там, где их нет, мысль не останавливается. То, что в материи, с которой она имеет дело, не является препятствием, — например, люди, лишённые возможности

отказаться — для нее так же прозрачно, как совершенно прозрачное стекло — для взгляда. От нее уже не зависит остановка, так же как от взгляда не зависит то, что сквозь стекло всё видно.

Тот, кто не видит оконного стекла, не знает, что он его не видит. Кто, находясь в другом месте, видит оконное стекло, тот не знает, что его не видит первый.

Когда наша воля переводится вовне нас через действия, исполняемые другими, мы не тратим наше время и силу внимания, чтобы проверить, с согласием ли они приняты. Это правдиво по отношению к любому из нас. Наше внимание, целиком расходуемое на успех предприятия, не задерживается на других, пока они послушны.

Такова необходимость. Если было бы иначе, дела бы не делались, а если бы дела не делались, мы бы перестали жить.

Но от этого действие запятнано оскорблением святости. Ибо человеческое согласие — святость, так как является тем, что человек отдает Богу. Оно есть то, чего Бог выпрашивает у людей подобно нищему.

То, о чем Бог непрерывно умоляет каждого человека, — есть то же самое, что иные из людей презирают.

Изнасилование — мерзкая карикатура на любовь, где отсутствует согласие. Угнетение — второй, после изнасилования, ужас человеческого существования. Оно — мерзкая карикатура на послушание. Согласие столь же существенно важно в послушании, как и в любви.

Палачи Мелоса были язычниками в одиозном смысле слова, тогда как их отцы таковыми не были. В одной-единственной фразе они полностью и наилучшим образом выразили языческое представление о божестве. «В отношении богов мы верим, что всегда в силу естественной необходимости каждый повелевает везде, где имеет на то власть».

Христианская вера — не что иное, как крик, утверждающий противоположное. И то же самое можно сказать о древних учениях Китая, Индии, Египта и Греции.

Акт Творения — не акт могущества. Это отречение. Этим актом учредилось иное царство, отличное от царства Божия. Реальность этого мира устанавливается механизмом материи и автономией разумных созданий. Это царство, из которого Бог удалился. Отказавшись быть в нем царем, Бог может прийти в него только как нищий.

Причину этого отречения Платон выразил так: «Он был благ»⁶.

Христианское учение включает в себя понятие о втором отречении. «Будучи в состоянии Бога, Он не смотрел на равенство с Богом как на добычу. Он обнажил Себя от него. Принял состояние раба... Унизил Себя вплоть до того, чтобы сделаться послушным до смерти...»⁷ «Хотя Он Сын, то, что Он претерпел, научило Его послушанию»⁸.

Эти слова могли бы быть сказаны в ответ афинянам — палачам Мелоса, но вызвали бы у них смех. И поделом. Они абсурдны. Они безумны.

Однако, насколько абсурдно и безумно содержание этих слов, настолько же, пропорционально, будет абсурдным и безумным для кого угодно признавать необходимость побуждения к согласию там, где не существует возможности отказа. Это такое же безумие.

Но Эсхил сказал о Прометее: «Хорошо любить до такой степени, чтобы казаться безумным»⁹.

Безумие любви, когда оно охватывает человека, полностью преобразует образ действия и мысли. Оно сродни безумию Бога. Безумие Бога в том, что Он нуждается в свободном согласии людей. Для людей, безумных от любви к себе подобным, болезненна мысль о том, что повсюду в мире человеческие существа служат проводниками чужой воли без согласия с ней. Им нестерпимо знать, что часто это касается их собственных воли или воли тех групп, к которым они принадлежат. Во всех их действиях и мыслях относительно человеческих существ, какова бы ни была природа отношения, каждый человек без исключения видится им как обладающий способностью свободно согла-

ситься с благом по любви, способностью, заключенной в его душе и теле. Таким образом, механизм человеческой мысли преобразуют не доктрины, не представления, не склонности, не намерения, не воля. Для этого нужно безумие.

Человек без денег, которого мучит голод, не может без муки смотреть на что-то, напоминающее ему о пище. Для него город, деревня, улица — это лишь рестораны или продуктовые магазины, а между ними, как в тумане, дома. Проходя по улице близ ресторана, он не в силах отказать себе в том, чтобы на какой-то миг остановиться, хотя, кажется, перед ним нет никакого препятствия, мешающего идти дальше. Но оно есть, потому что он голоден. Другие прохожие, беспечно гуляющие или идущие по своим делам, для него словно статисты в театре. Зато каждый ресторан, по действию невидимого механизма, ставящего перед ним препятствие, обладает полнотой реальности.

Но условием этого является то, что он голоден. Ничего такого не будет происходить, если не будет потребности, сосущей его изнутри.

Людам, пораженные безумием любви, просто необходимо видеть, как способность к свободному согласию расцветает повсюду в мире, во всех сферах человеческой жизни, у всех людей.

«Что им это дает?» — спросят разумные люди. Но это и не вина этих несчастных. Безумцы — они и есть безумцы. У них что-то случилось с желудком. Они испытывают голод и жажду справедливости¹⁰.

Как все рестораны для несчастного голодного, так и для них все человеческие существа реальны. И только для них. У обычных людей ощущение того, что такой-то человек реально существует, вызывается особым стечением обстоятельств или особенными личными дарованиями. А эти безумцы могут направлять свое внимание на любого человека, находящегося в любых обстоятельствах, и получить от него удар реальности.

Но для того и нужно им быть безумными, чтобы носить в себе потребность, столь же раз-

рушительную для естественного равновесия души, как голод — для функционирования органов.

Масса людей, лишенных возможности давать согласие или отказываться в нем, в целом не имеет ни малейшего шанса дорасти до этой возможности, иначе как при поддержке кого-то из повелителей. Но такую поддержку они могут найти разве что у безумных. И чем больше этого безумия в низах, тем больше шансов, что им заразятся и в верхах.

В какой мере в определенный исторический момент встречается в людях безумие любви, в той же мере присутствует и возможность роста справедливости, — и не больше.

Нужно быть слепым, чтобы справедливость противопоставлять милой любви, полагая, что их области различны, что одна из них больше, что любовь шире справедливости, или что справедливость ниже любви.

Противопоставляя эти два понятия, из любви делают лишь каприз, подчас низкий по природе, а из справедливости — лишь социальное принуждение. Те, кто этого не понимает, или никогда не бывали в ситуации, когда несправедливости дается полная воля, или до того закоснели в заблуждении, что уверовали, будто они с легкостью творят справедливость.

Справедливо не красть с полки магазина. Милостиво подавать милостыню. Но лавочник может отправить меня в тюрьму. Нищий, хотя бы его жизнь зависела от моей помощи, если я откажу, не донесет на меня полицию.

Многие споры между правыми и левыми сводятся к спору между склонностью к индивидуальному капризу и склонностью к социальному принуждению; или, быть может точнее, между страхом социального принуждения и страхом индивидуального каприза. Ни любовь, ни справедливость здесь никого не интересуют.

Справедливость имеет своим предметом осуществление здесь на земле способности к согласию. Беречь его как зеницу ока везде, где оно существует, пытаться выявить для него усло-

вия там, где оно отсутствует, — вот что значит, любить справедливость.

Несравненное, прекраснейшее слово «справедливость» включает в себя значения всех трех слов французского девиза. *Свобода* есть реальная возможность давать согласие. Люди нуждаются в *равенстве* только относительно этого. *Дух братства* состоит в том, чтобы желать этого для всех.

Возможность согласия обеспечивается образом жизни, включающим в себя мотивы к согласию. Нищета, душевные и телесные лишения препятствуют тому, чтобы согласие могло осуществляться в тайниках сердца.

Внешнее же выражение согласия необходимо лишь во вторую очередь. Невыраженная мысль несовершенна, но, если она реальна, она может проложить себе не прямые пути к выражению. Выражение, которому не соответствует никакая мысль, есть обман, и возможность обмана существует всегда и везде.

Поскольку послушание фактически является непреложным законом человеческой жизни, надо лишь установить разницу между послушанием по согласию и послушанием помимо согласия. Свобода существует только там, где есть послушание по согласию, — и больше нигде.

Свобода не может заключаться в парламенте, в прессе, в какой-либо из институций. Она заключается в послушании. Там, где послушание не имеет повсеместно повседневного и постоянного вкуса свободы, там нет свободы. Свобода есть вкус истинного послушания.

Формы и выражения согласия сильно различаются в зависимости от традиций и среды. Так, общество, состоящее из людей намного более свободных, чем мы, если оно сильно отличается от нашего, нашему невежеству может показаться деспотическим. Мы игнорируем факт, что и помимо сферы слов существует разница в языках и возможность превратного толкования. И поддерживаем в себе это невежество, ибо оно льстит скрытому во всех нас постыдному вкусу к завоеваниям, поработавшим под видом освобождения.

С другой стороны, существует некий род верности, связанный с рабством, который, отнюдь не будучи знаком согласия, есть прямое следствие системы жестокого принуждения; ибо в несчастье человеческая природа отчаянно ищет компенсаций откуда угодно. Ненависть, угрюмое безразличие, слепая привязанность, — всё одинаково хорошо для нее, чтобы избежать мысли о своем несчастье.

Там, где есть свобода, расцветает счастье, красота и поэзия; это, быть может, единственная несомненная ее примета.

Демократическому сознанию свойственна грубая ошибка: оно путает с согласием некую форму выражения согласия (она ведь не одна), которая может легко, как всякая форма, быть лишь пустой формой.

Наша парламентская демократия была бесполезной, поскольку, выбирая часть наших начальников, мы их презирали, ругали тех, которых не выбирали, и всем повиновались против желания.

Согласие не продается и не покупается. Следовательно, каковы бы ни были политические институты, в обществе, где над большей частью социальной деятельности господствует денежный обмен, где почти все послушание покупается и продается, не может быть свободы.

Как угнетение аналогично изнасилованию, так господство денег над трудом, вырастая до степени, когда деньги становятся мотивом труда, аналогично проституции.

Энтузиазм не есть согласие, это поверхностная тренировка души. К согласию он имеет такое же отношение, какое болезненная привязанность развратника к порочной женщине — к брачному союзу.

Где нет других осознанных мотивов, кроме принуждения, денег и старательно поддерживаемого и стимулируемого энтузиазма, там нет возможности для свободы.

Но именно это верно сегодня, в разной пропорции, для всех стран белой расы и всех стран, куда проникло ее влияние.

Если Англия в значительной степени представляет собой исключение, это значит, что в ней еще сохранилось немного живого и нетронутого прошлого.

К сожалению, свобода для нас — не то, что совсем просто найти, не привычная вещь, которой нас внезапно лишили. Ее надо еще изобрести.

Мы, французы, некогда провозгласили принципы 1789 года. Но совершенно напрасно этим гордимся. Ибо ни тогда, ни позднее мы не умели ни осмыслить их, ни осуществить на деле. Вспоминая о них, нам скорее следовало бы смиряться.

Известно, что когда речь заходит о родине, смирение кажется святотатством. Но такое гнушение ставит преграду между современным патриотизмом и духом справедливости и любви. Фарисейский дух отравляет в зародыше любое чувство, из которого изгнано смирение.

Современный патриотизм есть чувство, унаследованное от языческого Рима и дошедшее до нас сквозь много столетий христианства, так и не будучи крещеным. По этой же самой причине он не находится в согласии с духом принципов 1789 года; мы не можем сообразовать их друг с другом в истине, что было бы необходимо для французов.

Такой, каков он есть, этот патриотизм может возбуждать некоторых людей вплоть до самопожертвования, но он неспособен дать пищу сегодняшним отчаявшимся массам. Они нуждаются в чем-то, что чуждо корнелевского пафоса, в чем-то родном, человеческом, теплом, простым и свободном от гордости.

Чтобы послушание могло осуществляться по согласию, нужно, прежде всего, что-то любимое, то, из любви к чему люди согласны повиноваться.

Вещь, любимая не через ненависть к тому, что ей противоположно, но сама по себе. Дух послушания по согласию исходит из любви, а не из ненависти.

Правда, ненависть создает его имитацию — иногда очень яркую, но при этом бездарную,

дурного вкуса, недолговечную, которая быстро выдыхается.

<Нужна> вещь, любимая не ради ее славы, престижа, блеска, завоеваний, влияний, будущего расширения, но сама по себе, в своей наготе и реальности. Как мать юноши, с блеском принятого в Политехническую школу¹¹, любит его не за это. Иначе чувству не хватит глубины, чтобы быть постоянным источником послушания.

Нужно что-то такое, что народ страны мог бы любить естественно, из глубины сердца, из глубины собственного прошлого, своих традиционных чаяний, а не по причине внушения, пропаганды или чужеземного влияния.

Нужна любовь, впитываемая естественно, с молоком матери, любовь, побуждающая юных заключать в самой глубокой тайне своего сердца, однажды и навсегда, завет верности, за которым естественным образом последует целая жизнь в послушании.

Нужно выстроить формы социальной жизни так, чтобы непрестанно напоминать народу страны на символическом языке, более всего ему понятном, отвечающем его обычаям, традициям, привязанностям, о священном характере этой верности, о свободном согласии, из которого она исходит, о вытекающих из нее строгих обязанностях.

С этой точки зрения от Франции совершенно неотъемлемы: республиканский строй, всеобщее избирательное право, независимое профсоюзное движение. Но этого совершенно недостаточно, ибо эти вещи давно стали безразличны и вновь начали вызывать интерес лишь долгое время спустя после того, как были уничтожены.

Что же до Империи, то, если ранее полученные свидетельства отражают истинное положение дел, тогда они строжайше обязывают, во избежание роковой ошибки, поставить все проблемы, связанные с колониями, абсолютно в ином свете, чем это делается теперь¹².

Мы не обречем свободу, равенство и братство без обновления форм жизни, без творчества в социальной сфере, без целого потока изобретений.

© Российская Антарктическая Станция Прогресс.
Антарктика 2019. Фото: Григорий Ярошенко

ЭТА ВОЙНА ЕСТЬ ВОЙНА РЕЛИГИЙ¹⁴

Но для потока мы, кажется, слишком истощены.

Общая масса людей дошла до такой степени нравственной болезни, что, кажется, исцеление может быть только чудесным. Чудесным, то есть невозможным, но возможным лишь при определенных условиях.

Условия, при которых душа может открыться для благодати, иного рода, нежели условия некой механической операции. Однако здесь они определены еще строже. И еще невероятнее найти уловку, лазейку, чтобы их обойти.

Сражаться за справедливость не просто. Недостаточно установить, в чьем лагере меньше несправедливости, и, прибыв в него и взяв в руки оружие, выйти навстречу вооруженному врагу. Это, конечно, прекрасно, это выше всяких похвал. Но ровно так же поступают и люди в противоположном лагере.

Нужно, кроме этого, чтобы в нас жил дух справедливости. Он есть не что иное, как вершина и совершенство безумия любви.

Безумие любви делает сострадание более мощным мотивом, нежели величие, слава и даже честь, для любого действия, включая борьбу.

Безумие любви принуждает оставить всё ради сострадания и, как говорит апостол Павел о Христе, «опустошить себя»¹³.

В самой гуще несправедливо причиняемого страдания любовь убеждает с согласием подчиниться всеобщему закону, который в этом мире подвергает всякое создание опасности испытать на себе несправедливость. Это согласие изымает душу из зла; оно обладает чудесным свойством в той душе, где присутствует, преобразовывать зло в добро, несправедливость в справедливость; в нем страдание, принимаемое почитательно, без малодушия и бунта, становится вещью божественной.

Безумие любви побуждает различать и ценить в равной мере, в любой без исключения человеческой среде, в любом месте на земле, хрупкие земные возможности красоты, счастья и полноты; желать сохранения их всех с равно

благоговейной заботой; а там, где они отсутствуют, стремиться нежно сберечь малейшие следы существовавших возможностей, малейшие зачатки тех, которые могут родиться.

В сердце, в более глубокое его место, чем то, где обитают негодование и мужество, — туда, откуда и негодование, и мужество черпают свою энергию, — безумие любви вселяет нежное сочувствие к врагу.

Безумие любви не стремится себя выразить. Но оно неуклонно сияет — акцентом, тоном, манерой — сквозь каждую мысль, каждое слово и каждое действие, в любых обстоятельствах без исключения. И делает неосуществимыми мысли, слова и действия, сквозь которые оно сиять не может.

Это поистине безумие. Оно решается на риск, который для нас непосилен, если наше сердце привязано к любой вещи в этом мире, будь то великое дело, Церковь или партия.

Результат, к которому безумие любви привело Христа, в конечном счете не является для нее образцом.

Но нам не стоит бояться связанных с нею опасностей. Ибо безумие любви не живет в нас. Если бы оно в нас жило, это бы чувствовалось. Мы — люди рассудительные, какими, как все думают, и положено быть тем, кто занят большими делами этого мира.

Но если мироздание устроено мудро, в нем должны бывать моменты, когда, с точки зрения земного разума, разумно только безумие любви. Это могут быть только такие моменты, когда, как сегодня, человечество безумно от отсутствия любви.

Так ли очевидно, что сегодня безумие любви не способно дать несчастным людским массам, изголодавшимся телом и душой, гораздо более удобоваримую для них пищу, чем внушения, исходящие из какого-то не столь возвышенного источника?

И еще: так ли очевидно, что мы, вот такие, каковы мы есть, находимся на своем месте в лагере справедливости?

Многие люди мечтали уничтожить саму проблему, связанную с религией. Это было мечтой Лукреция: «Ко скольким преступлениям смогла побудить религия!»¹⁵. Энциклопедисты верили, что им удалось с ней справиться. Их влияние и в самом деле оказалось заметным во всех странах, на всех континентах.

И все же, возможно, нет сегодня в мире человека, который не страдал бы в своей внутренней повседневной жизни от последствий уникальной религиозной драмы, театром которой стала вся наша планета.

Человек не может уклониться от проблемы религии, потому что противоположность добра и зла является для него невыносимым грузом. Одной моралью дышать невозможно.

Альбигойское предание гласит, что дьявол соблазнил творения, сказав им: «С Богом вы не были свободны, ибо могли делать только добро. Следуйте за мной, и будете иметь власть делать добро и зло, когда вам угодно»¹⁶. Опыт подтверждает это предание, ибо невинность теряют гораздо чаще из-за притягательности познания и опыта, чем ради удовольствия.

Человек последовал за дьяволом. Он получил то, что обещал ему дьявол. Но, завладев парой «добро — зло», он чувствует себя как ребенок, принявший на ладонь горящий уголь. Он хотел бы отбросить уголь. И обнаруживает, что это трудно.

Есть три способа добиваться этого.

Первый — внерелигиозный. Он состоит в отрицании того, что противоположность между добром и злом реальна. Наш век попытался это сделать. У наших современни-

ков большой отклик получила страшная фраза Блейка:

«Лучше задушить ребенка в колыбели, чем держать в сердце желание без удовлетворения»¹⁷.

Однако усилие направляется не желанием, а целью. Сама сущность человека есть направленное усилие; мысли души, движения тела являются лишь его формами. Когда направленность пропадает, человек становится безумен в буквальном, медицинском смысле слова. Вот почему этот метод, основанный на принципе «всё равноценно», приводит к безумию. И хотя он ни к чему не принуждает, он ввергает человека в скуку, подобную той, что испытывают несчастные, приговоренные к одиночному заключению, чья самая главная скорбь заключается в отсутствии дела.

Европа впала в такую скуку после прошлой войны. Именно из-за нее она не сделала почти никаких усилий, чтобы избежать концентрационных лагерей.

В благополучное время, при избытии ресурсов, эту скуку пытаются обмануть, играя. Играя не как дети, которые сами верят в свои игры, — но как взрослые, сидящие в неволе.

Но в несчастье не хватает сил для удовлетворения собственных потребностей. Вопрос, как направлять свои силы, теперь уже не ставится. Человек может управлять только своей надеждой. А надежда несчастного — не предмет для игры. Пустота в это время становится невыносимой. Система, полагающая, будто «всё равноценно», теперь отвергается с омерзением.

Это и произошло в Европе. У ее народов, одного за другим, случался этот приступ омерзения, по мере того как ими завладевало несчастье.

Второй способ — идолопоклонство. Этот способ относится к религиозным, если понимать слово «религия» так, как понимали его французские социологи: как почитание социальной реальности под именами различных божеств¹⁸. То, что Платон сравнивал с почитанием Великого Зверя.

Этот способ состоит в том, чтобы очертить социальную область, в которую противоположности «добро — зло» не дано права войти. Человек перестает ей подчиняться, став частью этой области.

Этот способ используется широко. Ученый, художник зачастую верят, что в качестве таковых они освобождены от всяких обязанностей, превратив науку, искусство в замкнутое пространство, куда не проникают добродетель и порок. Подчас так же поступают солдат, священник: этим объясняются разграбления городов и инквизиция. Вообще, это искусство разделения за века привело ко множеству чудовищных деяний со стороны людей, которые отнюдь не казались монстрами.

Но метод ушербен, когда применим лишь частично. Ученый не освобождается от пары «добро — зло» в качестве отца, супруга, гражданина. Чтобы освобождение было тотальным, зона, откуда исключена оппозиция «добро — зло», должна быть такова, чтобы человек мог проникнуть в нее целиком.

Эту роль может играть нация. В древности так было с Римом и с Израилем. С тех пор, как римлянин перестал существовать в собственных глазах в любом другом качестве, кроме качества римлянина, он освобождается от добра и от зла. Им руководил один лишь чисто животный закон экспансии. Римлянин мечтал лишь о том, чтобы властвовать над народами в роли абсолютного хозяина, более или менее щадящего тех, кто повинуются, и сокрушающего тех, кто выставит против него собственную гордость¹⁹. Безразлично, какие при этом использовались средства, он оценивал их разве что по эффективности.

Ту же роль может играть и Церковь. Явление инквизиции в Средние века показывает, что дух тоталитаризма, без сомнения, проник в христианство. К счастью, он не завладел им; но, возможно, загубил ту цивилизацию, которую Средневековье уже готово было произвести на свет²⁰.

В наши дни только нации выполняют эту функцию — но не напрямую, а посредством правящей партии и близких к ней организаций. В странах с единственной партией, которая раз и навсегда отсеклась от любого качества, кроме этого²¹, ее член уже более не подлежит греху. Он может быть разве что неуклюж, как служанка, разбившая тарелку. Но, что бы он ни сделал, он не совершает никакого зла, ибо является исключительно членом некоего тела — Партии, Нации — которое не может сделать никакого зла.

Он потеряет эту защиту, этот доспех, если внезапно вновь станет человеком из плоти и крови, или существом, имеющим душу, — короче говоря, чем-то другим, нежели частица того тела. Но преимущество быть освобожденным от добра и зла столь драгоценно, что многие мужчины и женщины, сделав свой выбор навсегда, остаются непреклонны даже перед любовью, дружбой, физическим страданием и смертью.

Это дорого им обходится, и не надо удивляться, что они, в свою очередь, находят удовольствие в мучении слабых. Они нуждаются в том, чтобы опытным путем доказывать самим себе реальность этой абсолютной вседозволенности — той привилегии, за которую ими уплачена столь дорогая цена.

Так же, как безразличие к добру и злу, такое идолопоклонство влечет за собой что-то вроде безумия. Но это два очень разных безумия. Первым из них Германия переболела тяжелее любой другой страны в Европе. Ее реакция была пропорционально резкой. Но, отчаянно бросившись во второе из этих двух безумий, она сохранила многое и от первого. Их сочетание произвело то, что через сколько-то лет вызвало омерзение и ужас у всего мира.

Однако мы не должны игнорировать, что Германия — зеркало для всех нас, людей XX века. И то в высшей степени отвратительное, что мы в ней видим, — это наши собственные черты, только увеличенные. Эта мысль не должна убавлять энергию нашей борьбы, наоборот.

Идолопоклонство унижительно. К счастью, оно к тому же и неустойчиво. Ибо идолы скоро разрушаются. Рим кончил тем, что был, в свою очередь, разграблен и поработан. Фольклор полон легенд о великанах, которым никто не может причинить вреда, ибо они запрятали свою душу в яйцо, которое в рыбе, которая плавает в далеком-далеком озере, охраняемом драконами. Но однажды добрый молодец выведывает секрет, овладевает яйцом и убивает великана. Потому что сам великан допустил неосмотрительность, спрятав свою душу где-то на этой земле, в этом мире. Молодой эсэсовец допускает такую же неосмотрительность. Чтоб остаться в безопасности, нужно прятать свою душу в других местах.

Искусство делать это и составляет третий способ, который есть мистика. Мистика — это выход за пределы сферы, где благо и зло противостоят друг другу; этот выход, достигается через соединение души с благом абсолютным. Абсолютное благо не одинаково с благом, которое противоположно злу и соотносительно с ним, хотя первое является образцом и началом второго.

Такое соединение есть действие реальное. Как девушка, после того как она вышла замуж или завела любовника, уже больше не девственна, так и душа, пройдя через такое соединение, навсегда становится другой.

Это преобразование обратно тому, когда творения последовали за дьяволом. Следовательно, это операция трудная, почти невозможная, противостоящая закону понижения энергии еще больше, чем преобразование теплоты в движение. Но то, что невозможно, возможно Богу. В определенном смысле даже так: только невозможное возможно Богу. Возможное

он предоставил механизмам материи и автономии творений.

Способы и последствия этого преобразования изучались опытно, самым тщательным образом, в древности — египтянами, греками, индийцами, китайцами и, вероятно, многими другими, в Средние века — некоторыми буддийскими сектами, мусульманами и христианами. Уже несколько веков, как это более или менее забыто во всех странах.

Сама природа такого преобразования не допускает надежды на то, чтобы оно могло быть исполнено целым народом. Но целая жизнь целого народа может быть проникнута религией, которая была бы всецело направлена в сторону мистики. Только эта направленность и отличает религию от идолопоклонства.

Французская социологическая школа почти права в своем социальном объяснении религии. Не хватает чего-то бесконечно малого, чтобы она была права. Но это бесконечно малое есть горчичное зерно, жемчужина, зарытая в поле, закваска в тесте, соль в пище. Это бесконечно малое есть Бог, то есть бесконечно больше, чем всё.

В жизни народа, как и в жизни души, речь идет лишь о том, чтобы поместить это бесконечно малое в центре. Всё, не находящееся с ним в прямом соприкосновении, оно должно как бы пропитать собою через посредство красоты. Вот то, что едва не довершило романское Средневековье, этот замечательный период, когда глаза и уши людей ежедневно наполняла совершенно простая и чистая красота.

Бесконечно мала разница между одним способом организации труда, который открывает людям красоту мира, и другим, который ее закрывает. Но это бесконечно малое реально. Там, где оно отсутствует, его нельзя восполнить ничем воображаемым.

Везде и всегда, — если позволительно использовать такие слова для подведения итога — вплоть до недавних времен, строй труда был корпоративным. Такие институты, как рабство, крепостная зависимость, пролетариат, добав-

лялись к корпоративной организации, как рак к внутреннему органу. Спустя века рак заместил собой орган.

Когда фашизм выдвигает формулу корпоративизма, он делает это с той же степенью искренности, с какой он говорит о мире. Впрочем, ничто из того, что сегодня называют корпоративизмом, не имеет ничего общего с древними корпорациями. Антифашизм тоже может однажды воспринять эту формулу и под этим прикрытием выродиться в государственный капитализм в тоталитарной форме. Настоящий строй корпораций не разовьется в среде, не подготовленной к этому духовно.

Несчастье обрушилось на Германию в форме экономического кризиса; оно резко вытолкнуло ее из пустоты безразличия в неистовство идолослужения. Несчастье пало на Францию в форме завоевания. А у покоренного народа национальное идолопоклонство невозможно²².

Из трех способов избавления от противоположности между добром и злом для рабов, для поработанных народов не доступен ни один. С другой стороны, через скорби и унижения в эти народы постоянно вливается внешнее зло, порождая зло внутреннее в форме страха или ненависти. Они не в силах ни забыть зло, ни освободиться от него, и таким образом живут в самой близкой земной имитации ада.

Но три способа недоступны не в равной мере. Два — невозможны. Тот, который сверхъестественен, всего лишь труден. Доступ к нему лежит только через духовную нищету. Насколько добродетель духовной нищеты необходима для богатых, чтобы снять с них скверну богатства, настолько же она необходима для убогих, чтобы не дать им загнить в их нищете. Она одинаково трудна для тех и для других. Угнетенная и поработанная Европа при своем освобождении вступит в лучшие дни только при условии, что за это время добродетель духовной нищеты пустит здесь корни.

В деле развития цивилизации, массы не бывают творческими, если подлинные элиты не все-

ляют в них вдохновение. Сегодня нужно, чтобы некая элита воспламенила в нищих массах добродетель духовной нищеты. Для этого нужно сначала, чтобы члены этой элиты были бедны, и не только духовно, но и фактически. Нужно, чтобы они повседневно подвергались, душой и плотью, скорбям и унижениям нищеты.

Нужен не новый францисканский орден. Рыса из грубой шерсти, монастырь — всё это знаки чего-то отдельного. Эти люди должны жить среди массы и соприкасаться с ней так, чтобы ничто не стояло между ними. И, — что еще труднее, чем терпеть убожество, — они не должны позволять себе никакой компенсации; они должны искренне вносить в свои отношения с окружающей массой такое же смирение, как переселенец по отношению к гражданам страны, которая его приняла.

Если бы мы понимали, что эта война будет религиозной драмой, могли бы за много лет предвидеть, какие нации будут ее действующими лицами, а какие станут пассивными жертвами. Нации, не питавшиеся религией, могли стать в ней только пассивными жертвами. Это и случилось почти со всей Европой. Но Германия питается идолопоклонством. Россия питается другим идолопоклонством; и может быть, под этим идолопоклонством еще трепещут жизнью останки того прошлого, от которого она отреклась. И, хотя Англия разъедается недугами века, есть такая преемственность в истории этой страны, такая сила жизни в ее традиции, что какие-то корни здесь еще пьют сок из прошлого, насыщенного мистическим светом.

Был момент, когда Англия оказалась перед Германией, как ребенок с голыми руками в одиночку перед громилой, держащим по пистолету в каждой руке. Для ребенка в такой ситуации по-настоящему лишь малое. Но если он хладнокровно смотрит громиле в глаза, то громила, несомненно, на какое-то время остановится в нерешительности.

Так и произошло. Германия, чтобы скрыть от себя самой эту нерешительность, чтобы дать себе алиби, набросилась на Россию, о которую

разбила свои лучшие силы. Реки крови, пролитые русскими солдатами, заставили почти забыть всё, что этому предшествовало. Однако момент молчания и неподвижности Англии еще больше достоин бессмертной памяти. Остановка германских войск на Ла-Манше — в этой войне часть, принадлежащая сверхъестественному. Часть, как всегда бывает, негативная, неуловимая, бесконечно малая — и решающая. Морские потоки разливаются далеко, но что-то их останавливает. Древность знала, что это Бог полагает им предел.

Было время, когда во Франции все стены были покрыты плакатами: «Мы победим, потому что мы сильнее»²³. Слов глупее не было сказано за всю войну. Решающим же моментом стал тот, когда наша сила почти равнялась нулю. Сила врага остановилась, так как сила, не будучи божественной, подчинена пределу.

Война распространилась на другие континенты. Идолопоклонство, воодушевляющее Японию, возможно, еще неистовей, чем идолопоклонство у других народов. В Соединенных Штатах демократические верования еще живы, тогда как во Франции даже до войны, даже до Мюнхена, они были почти мертвы. Но наша эпоха — время идолопоклонства и веры, а не просто верований. Для Америки война пока переживание свежее и ослабленное ее удаленностью. Почти несомненно, что под напором Штатов, если он продлится, произойдут глубокие изменения.

Европа остается в центре драмы. От огня, низведенного на землю Христом (который, возможно, тот же, что и огонь Прометея²⁴), несколько горящих углей сохранилось в Англии. Этого хватило, чтобы помешать худшему. Но мы получили всего лишь передышку. Наше положение остается гибельным, если от этих углей и искр, потрескивающих на континенте, не поднимется пламя, способное зажечь Европу.

Если мы получим избавление только деньгами и заводами Америки, мы снова так или иначе впадем в новое рабство, равноценное²⁵ тому, в котором находимся. Не надо забывать, что Ев-

ропа покорена не ордами, хлынувшими с другого континента, и не пришельцами с Марса, которых достаточно просто прогнать. Европа страдает от внутренней болезни. Она нуждается в исцелении.

Она будет жива, только если освободит себя — по крайней мере, большей частью — сама. Она, к счастью, не в состоянии прибегнуть к идолопоклонству, которое противопоставила бы идолопоклонству завоевателей, так как поработанные нации не могут стать идолами. Покоренные страны могут противопоставить завоевателю только религию.

Если на этом несчастном континенте появится некая вера, победа будет быстрой, уверенной и прочной. Это очевидно даже на стратегическом уровне. Наши коммуникации проходят по морю, и мы вынуждены защищать их от вражеских субмарин. Коммуникации противника проходят среди угнетенных народов, и стали бы невозможны, если бы пожар подлинной веры распространился по всей этой территории.

Но ни описания самых современных бомбардировщиков, ни статистические данные производства, ни обещания помощи одеждой и продовольствием не смогут подготовить рождение новой веры. Для несчастных есть только один путь к вере — добродетель духовной нищеты. Но это истина сокровенная. Ибо духовная нищета внешне похожа на согласие с рабством. Она даже тождественна ему, с бесконечно малым отличием. Мы снова говорим о том бесконечно малом, которое бесконечно больше, чем всё.

Несчастье само по себе не является школой духовной нищеты. Но оно — почти единственная возможность пройти обучение в этой школе. Хотя несчастье далеко не так скоротечно, как благоденствие, оно всё-таки проходит, и надо торопиться.

Будет ли извлечена польза из нынешнего случая? Этот вопрос, возможно, в военном смысле куда важнее, чем планы полководцев, а в экономическом — чем статистические данные и таблицы распределения помощи. Гитлер

научил нас (если только мы способны воспринять урок) тому, что по-настоящему реалистическая политика учитывает, в первую очередь, мысли.

Он играет на стороне зла; его материя — масса, тесто. Мы играем на стороне добра; наша материя — закваска. Соответственно должен отличаться и наш образ действия.

*Перевод с французского и примечания
Петра Епифанова*

Примечания

- 1 Перевод выполнен по изданию: Simone Weil. *Écrits de Londres et dernières lettres*. Paris: Éditions Gallimard, 1957 (далее EL), pp. 45–57.
- 2 Фукидид, История Пелопоннесской войны, V, 105, 2.
- 3 Réaliste.
- 4 Намек в сторону де Голля, заявлявшего о готовности решительно бороться за сохранение целостности «Империи», т. е. колониальных владений Франции в их довоенном объеме.
- 5 Пир, 196b–c (по переводу Симоны). «Царского города» — ошибочно; должно быть: «законы, цари города».
- 6 Ср. Платон, Тимей, 29e.
- 7 Флп 6:8 (здесь и далее цитаты из Нового Завета даются в интерпретации Симоны Вейль).
- 8 Евр 5:8.
- 9 Ср. Эсхил, Прометей прикованный, 385: «Прометей. Добросердечие пустое, праздный труд. / *Океан*. Болезнью этой поболеть позволь. Расчет / Разумному — порою безрассудным слыть» (пер. А. Пиотровского).
- 10 Ср. Мф 5:6.
- 11 Политехническая школа (École Polytechnique) — самый престижный военно-технический вуз Франции, находящийся под покровительством министерства обороны. Основан в 1794 г.
- 12 См. примеч. 4.
- 13 Флп 2:7. В греч. ἐκένωσεν.
- 14 Перевод выполнен по изданию: EL, pp. 98–108.

- 15 Ср. Лукреций. О природе вещей, I, 101 (Симона цитирует по памяти).
- 16 См. Симона Вейль. Тетради. Том 3: февраль–июнь 1942. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020 (далее ТЗ), с. 29 и примеч. 105.
- 17 У. Блейк, Пословицы ада, 67 (в передаче Симоны). В оригинале: «Sooner murder an infant in its cradle than nurse unacted desires».
- 18 Речь идет о школе Э. Дюркгейма.
- 19 Симона точно передает смысл исторической миссии Рима по версии Вергилия: «Римлянин! Ты научись народами править державно — / В этом искусство твое! — налагать условия мира, / Милость покорным являть и смирять войною надменных!» (Энеида, VI, 851–853; пер. С. Ошерова).
- 20 Мысль о цивилизации «романского Возрождения», уничтоженной в ходе Альбигойских войн, развита Симона Вейль в статье «В чем состоит окситанское вдохновение?» (1942). Статья в русском переводе опубликована в ТЗ, сс. 406–417.
- 21 Кроме своей исключительности.
- 22 Возможность развития самого настоящего национального идолопоклонства в среде народа, не только покоренного, но и разделенного между державами-захватчиками, показывает, например, феномен польского мессианизма XIX в. (А. Тoviaньский, А. Мицкевич, Ю. Словацкий, З. Красиньский и др.). — *Примеч. пер.*
- 23 Слова из выступления президента республики П. Рейно по поводу объявления войны Германии (сентябрь 1939).
- 24 Образ Прометея — одно из важных для Симоны свидетельств в пользу ее идеи о «вечно существующем воплощении и страдании Христа», откровение о котором сохраняется, как она считает, в предании всех религий.
- 25 Симона, конечно, не ставит знак равенства между нацизмом, с его идеологией и практикой, и американским доминированием, от перспектив которого она предостерегает. Она переходит здесь на обычный для нее язык «геометрических» формул, заимствованный отчасти у пифагорейцев, отчасти у Спинозы. Германия, США, СССР рассматриваются как «фигуры», примерно равновеликие по потенциалу политического, военного, морально-идеологического влияния на страны Европы.

© Текст: Симона Вейль
© Перевод: Петр Епифанов

РЕЛИГИЯ В РОССИИ-2050

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

Статья говорит именно об этом. Она, если хотите — набор личных интуиций, не претендующих на статус пророчеств. Она состоит из ряда внутренне связанных утверждений, которые можно было бы считать тезисами, если бы они доказывались логически. Но они основаны скорее на интуиции.

Какое место будет занимать религия в российском обществе в середине XXI века — уже после того, как произойдут неизбежные и неведомые нам пока политические трансформации, когда неузнаваемо изменятся технологии, а человечество столкнется с непредставимыми на данный момент вызовами? Это будущее настолько близко, что у многих из нас есть шанс его увидеть — и в то же время слишком далеко, чтобы рисовать его, исходя лишь из сегодняшней статистики и аналитики. Что, если не пытаться угадать, к примеру, имя следующего московского патриарха или процент практикующих мусульман в населении столицы через четверть века, а понять, куда движемся мы все как единое общество?

ориентиры, чувство причастности к общине — это крайне важно, даже если оставить в стороне мистический опыт и надежду на благое посмертие. Трудно представить, чтобы религиозность в нашем обществе полностью исчезла — но, оглядываясь на опыт последних десятилетий, так же трудно представить, чтобы она не претерпела никаких изменений.

И еще одна важна оговорка: рассуждая про общество, я буду говорить о городах-миллионниках с преимущественно русскоязычным населением не только потому, что гораздо лучше их понимаю, но и потому, что живущие в них люди гораздо в большей степени влияют на жизнь остальной страны, чем она влияет на них. Традиционная религиозность говорит с человеком языком архаики и патернализма, потребность в них, судя по всему, уменьшается. В то же время религия дает человеку смысл жизни, нравственные

МЕЖДУ КЛЕРИКАЛИЗМОМ И АТЕИЗМОМ

Российская история — это зачастую качание от одной крайности к другой, мы видим это сейчас, и нет оснований полагать, что в ближайшие десятилетия этот принцип существенно изменится. Сто лет назад страну качнуло от государственного православия к государственному атеизму, притом к самой жестокой его разновидности, и нет смысла описывать эту историю подробней, она и так отлично известна всем.

Уже во времена перестройки маятник качнулся в другую сторону, что стало особенно ясно видно на торжествах в честь тысячелетия Крещения Руси в 1988 году. Исстрадавшийся по единственно верной идеологии, уже разочаровавшийся в парторганах, но все еще глубоко советский человек обратился за поиском такой идеологии к проповедникам, и тут в полной мере сбылись пророческие слова матери Марии Скобцовой о том, что после краха коммунизма проповедовать православие (да и любые другие религии, как традиционные, так и новые) будут именно большевистскими методами за незнанием никаких иных.

В срединном положении маятник оставался совсем недолго, уже к концу 90-х ясно наметился курс на сближение церкви с государством и на клерикализацию общественного пространства. Некоторые называют это «духовным возрождением», но сегодня все чаще мы оказываемся свидетелями утраты доверия общества к традиционным религиозным структурам (что не означает утраты интереса к обсуждаемым ими вопросам, но об этом ниже). Если говорить об РПЦ МП, то былой «победный натиск» на общественное пространство явно ослабевает: Исаакиевский собор остался в собственности государства, так и не введен, вопреки ясно выраженному совету патриарха, уроки религии в школе, помимо четвер-

того класса, и это только отдельные примеры. Внутрицерковная статистика нам принципиально недоступна, но, по косвенным данным, снижаются и пожертвования (причем быстрее, чем падают реальные доходы населения), и приток абитуриентов в семинарии. Церковные структуры, еще десять лет назад планировавшие широкую компанию по «воцерковлению общества», явно переходят к обороне в надежде сохранить завоеванные позиции, только вряд ли им удастся сделать это.

Социологические опросы показывали последние годы медленное, но неуклонное снижение доли тех, кто считает себя православным, но дело даже не в количестве. В годы перестройки стремительно входила в интеллектуальную моду религиозность, сегодня, пусть и не так стремительно, в неё входят антиклерикализм (непризнание за церковными структурами неких особых прав) и атеизм (отрицание любой религиозности), причем зачастую довольно крайнего толка. Уже становятся общим местом рассуждения о том, что Россия по меньшей мере «приняла не ту религию», или о том, что любая религия несовместима с современностью, рациональным мышлением и прогрессом.

Официальная пропаганда твердит о «духовных ценностях» и «генетических кодах» (как же она любит генетику!), которые служат главным, если не единственным объяснением и оправданием любых действий государства, но только подстегивает эти настроения. По-видимому, они станут через какое-то время доминирующими, маятник качнется в противоположную сторону. Можно ли надеяться, что его колебания затухают и в обозримом будущем мы увидим достаточно взвешенное и спокойное отношение общества к вопросам религии и подлинную терпимость, при которой ничто никому не навязывается и никто не дискриминируется? Ответ на этот вопрос зависит от других, более частных вопросов, которые мы разберем дальше.

Замечу пока только одно: «оправдание религии», по-видимому, может быть построено

не на вульгарной риторике «генетического кода», а на описании ее роли в становлении, с одной стороны, национальной культуры, а с другой — тех глобальных ценностей, которые критики религии считают наивысшими достижениями человечества. Например, в ответ на тезис о том, что христианство насаждает рабский менталитет, можно напомнить, что рабство возникло задолго до христианства, а вот его отмена произошла именно в христианских странах и именно по христианским принципам. Лозунг аболиционистов “Am I Not a Man and a Brother?” (известен с 1787 г.) вдохновлен библейскими представлениями о равенстве людей перед Творцом и об их братстве во Христе. Иными словами, если вынуть религию из современной культуры, не будет понятно, на чем вообще она может быть основана и почему нам, собственно, нельзя убивать неприятных людей — история XX века дала немало примеров тому, как это происходило в реальности.

Если клерикализм и атеизм — две крайности, то между ними располагаются разные промежуточные идеологические конструкты и формы общественного устройства. Они не обязательно выстроены на прямой линии от одной крайности к другой, смена настроений не обязательно означает продвижение к одной из этих крайностей. Полагаю, что традиционная бытовая религиозность в ближайшие десятилетия в России будет сокращать поле своего влияния (хотя в отдельных группах может, напротив, усиливаться именно как реакция на повальное «отступничество»). Но это совсем не значит, что общество в целом обречено на повальный атеизм, к тому же советского образца.

По-видимому, будут возникать и распространяться иные формы религиозности, нетрадиционные и связанные в большей степени с культурной идентичностью и личной философией, нежели с обрядовыми практиками. Но прежде, чем поговорить об этом, нужно хотя бы вкратце обсудить самую очевидную российскую проблему: сращивание государства и церкви.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ СЕРГИАНСТВА

Сергианством в узком смысле называлась политика митрополита и затем патриарха Сергия Страгородского, который уже в конце 1920-х годов выбрал ради сохранения православных церковных структур путь радикальных компромиссов с советской властью. Об этой политике было сказано достаточно, оценки ей были даны, притом разные, и в девяностые годы казалось, что это вопрос давнего прошлого, а в новой, демократической России ничего подобного сергианству не появится и появиться не может.

Однако сегодня мы видим (особенно отчетливо в Беларуси), по сути, продолжение той же линии: РПЦ ни в коем случае не спорит с государством и поддерживает все, что только может поддержать. Сотрудничество с государством граничит уже со слиянием, притом понятно, кто играет в этой паре ведущую роль.

Как ни странно, но за таким сергианством я не вижу большого будущего вне зависимости от того, как будет выглядеть политическая история страны в ближайшие пару десятилетий. Государству оно нужно в гораздо меньшей степени, чем сто лет назад: нынешнее общество гораздо менее патриархально, а каналов для пропаганды неизмеримо больше. А для РПЦ это сотрудничество чем дальше, тем более будет затратно с репутационной точки зрения, и это уже начинают понимать многие церковные функционеры.

Другое дело, что церковные функционеры слабо представляют себе, как можно от столь тесного сотрудничества отказаться. По-видимому, дистанция будет медленно увеличиваться скорее по инициативе государства (мы сейчас даже не учитываем его возможную трансформацию) и это уже происходит: возникает новый гражданский культ Победы, который может пользоваться православными формами, но не более того. Характерно, что Вечный огонь у могилы

© Церковь Святой Троицы. Остров Кинг Джордж. Антарктика 2020.
Фото: Григорий Ярошенко

Неизвестного солдата в информационном пространстве постепенно занимает то место, которое еще несколько лет занимал пасхальный Благодатный огонь из Иерусалима.

Это связано, конечно, и с нарастающим разрывом между русским и греческим православием, который при сохранении нынешних тенденций кажется непреодолимым. Проект «русского мира» от Одессы до Бишкека, некогда бывший любимой темой патриарха Кирилла, судя по всему, сдан в архив, и в ближайшей перспективе руководство РПЦ видит ее скорее хранилищем «традиционных ценностей», и, если можно так сказать, «государствообразующей церковью» (а для этого русское православие должно заявить о своей полной самодостаточности и перестать оглядываться на греческие образцы). Но у государства явно нет серьезной потребности в такой структуре, и трудно себе представить сценарий, при котором она появится, так что и руководству РПЦ, каким бы оно ни было, придется искать новые способы объяснять обществу свою значимость и необходимость.

Попытки создания самостоятельных политических партий с христианской составляющей, по образцу Германии, не привели к сколь-нибудь заметному результату в девяностые (РХДД под руководством В. Аксючица), вряд ли они будут заново предприняты в обозримом будущем. Это, разумеется, никак не исключает возможности участия христиан в разных политических партиях и движениях: политику, основанную на христианских ценностях, можно проводить и без особой вывески.

РЕКОНСТРУКТОРЫ И ДЕКОНСТРУКТОРЫ

Проект «религиозного возрождения» был открыт в поздние восьмидесятые и продолжался, по моим оценкам, до 2012-14 гг.: его завершение обозначили сначала посадка «Пусси Райот», а затем «Крымская весна»: первое событие откровенно поставило церковные структуры

по одну из сторон открывшегося раскола в обществе, а второе показало, что и по ту сторону есть несравнимо более важные ценности, нежели традиционная религиозность.

Это возрождение разные его участники представляли себе по-разному, но, в общем и целом, проект был реконструкторским. Люди, выросшие в модернистской советской среде, пытались восстановить среду досоветскую, традиционную, архаичную. Как именно ее конструировать, мнения расходились, но в любом случае она конструировалась по книгам и собственным фантазиям: одни строили ее по «Домострою» и преданиям старцев, другие — по эмигрантскому «Парижскому богословию» и опыту общинной жизни о. А. Меня. Отдельная группа — старообрядцы из интеллигенции, пришедшие в эту церковь в поисках подлинно русской и независимой от государства православной традиции.

Многие нашли, чего искали. Но стало ясно, что такая реконструкция требует огромных усилий и не воспроизводит себя сама: дети, выросшие в реконструкторских семьях, редко пытаются воспроизводить эти модели в собственной жизни. К тому же оказалось, что реконструкторство лишено механизмов сдерживания агрессии и неадекватности: поднимается волна историй о насилии в монастырях и церковных приютах, и можно быть уверенным, что мы их еще услышим много. Религиозная жизнь по определению привлекает немало людей с психическими проблемами, а мошенники могут видеть в ней удобное средство для обольщения людей. Механизмов, которые ставили бы всему этому заслон, в подобном реконструкторстве практически не существует, все зависит от добросовестности и адекватности ведущих членов общины.

Все это привело к тому, что в десятые годы начала проявляться все отчетливее другая тенденция: деконструкторство, т.е. разрушение привычных стереотипов, переход к новым, индивидуальным формам религиозной жизни. Если говорить о смыслах, то деконструктор-

ство связано с демифологизацией (термин, введенный в новозаветные исследования в середине прошлого века Р. Бультманом и вызвавший немало споров): если реконструкторы девятнадцатых воспринимали средневековые тексты насколько возможно буквально, стремились воспроизводить их в собственной жизни и порой воспринимали ее как поле битвы ангелов и бесов, то деконструкторы видят в них скорее набор символов и архетипов, описывающих реальность не напрямую. В значительной мере тут стирается граница между личной верой и культурной идентичностью, возникает версия светского, обмирщенного христианства, сходная с тем, что мы видим в наиболее секуляризованных европейских странах. И это неудивительно, если вспомнить, что статистика посещения церквей в России напоминает аналогичную статистику в секулярных Чехии или Эстонии, а вовсе не в Польше или Ирландии, «самых католических» странах Европы. Естественно, реконструкторы считают такое секуляризованное христианство отступничеством и безбожием.

Мощным стимулом стала пандемия коронавируса. Традиционный ритм богослужбной жизни оказался нарушен: хотя многие поначалу игнорировали угрозу, но, скажем, закрытие Елоховского собора весной 2020 г. в Москве по причине смертей и болезней среди духовенства поневоле заставило людей отойти от привычных моделей поведения. Реакция оказалась разной: кто-то заново открыл необходимость общинной молитвы, а кто-то увидел, что ходил в храм скорее по привычке и не готов возвращаться к прежним практикам в полном объеме.

Эпидемическая опасность заставила заговорить о тех практиках, которые существовали и прежде, но обычно не обсуждались и не замечались: домашняя молитва, когда верующие собираются на квартирах и в частных домах, не привлекая внимания и не ставя в известность церковное начальство. В период пандемии стали также обсуждаться опыты дистанционного участия в таинствах исповеди и причастия. Ре-

акция церковного начальства РПЦ на «причастие по зуму» оказалась резко отрицательной, прежде всего по той причине, что так священник не может проконтролировать, что сделает человек с Дарами, освященными через интернет.

Но это обстоятельство только делает более явным давно уже назревший вопрос: какова роль клириков-профессионалов в нынешних общинах? Они контролеры, распределяющие благодать согласно полученной от центральных церковных структур лицензии, или они предводители общин, выбранные этими общинами и возглавляющие их во время общей молитвы? По-видимому, выбор между двумя моделями будет определяться прежде всего долей в обществе людей с патерналистским и с демократическим настроем, и есть все основания считать, что патернализм постепенно уходит в прошлое.

Вероятно, разные островки реконструкторства будут оставаться на религиозной карте России, но их будет постепенно становиться меньше, а расплывчатое море деконструкции будет их постепенно поглощать (я говорю прежде всего о православии, но примерно то же можно ожидать и от иных религий). Но стороннему наблюдателю этот процесс будет мало заметен, разве что в связи с громкими историями, вроде ареста С. Романова из уральского монастыря. Наблюдатель будет видеть очень стабильную картину «официального православия», которое, тем не менее, будет ощутимо меняться изнутри.

Кстати, к реконструкторскому типу в основном относятся не признающие РПЦ «истинно-православные» общины, которые объединены резким отрицанием сергианства как главной ереси нашего времени. В настоящее время они жестко маргинализованы, в том числе при участии силовых органов, но официально не запрещены. В случае снятия давления и ограничений их, вероятно, ждет рост популярности, но вряд ли он будет взрывным, потому что они либо проповедуют нереалистичный возврат в дореволюционную архаику, либо строятся по уютному «квартирному» типу, о чем пойдет речь дальше.

ПРАВОСЛАВИЕ В СОБОРАХ И ПО КВАРТИРАМ

Официальное патриархийное «православие больших соборов» явно не настроено на перемены. Его официальная позиция — самодостаточное самосохранение. Правда, для человека, ходившего в церковь хотя бы последние двадцать лет, многие перемены очевидны. Все зависит, конечно, от конкретных людей, но в целом снижается строгость формальных требований, становится больше открытости и неформального общения. Можно полагать, что к середине века будет массово допущен русский язык в богослужении, будет предложена облегченная версия поста для мирян (нынешний суровый монастырский устав мало кто исполняет на практике) и проч.

Но это уже мало на что повлияет, если честно. Эти небольшие реформы могли бы значить многое в те самые годы «духовного возрождения», но не были проведены из опасения перед резко негативной реакцией традиционалистов. Опасается их Патриархия и сегодня, поскольку именно они способны спровоцировать формальный раскол, а этот сценарий считается катастрофическим.

В результате сегодня РПЦ объединяет огромное количество самых разных людей с самыми разными представлениями о православии. Показателен один пример: в 2016 г. православная социологическая служба «Среда» провела опрос среди православных верующих о том, от кого исходит Святой Дух (важнейший вопрос из области догматики, на который православные и католики официально дают разные ответы). Согласно полученному результату, 69% верующих православных придерживаются католического вероучения и только 10% православного (вскоре после этого опроса «Среда» прекратила свою деятельность). На самом деле, конечно, это означает, что люди просто не интересуются высокой догматикой: им нуж-

но, чтобы было, куда пойти покрестить ребенка, повенчать молодых, отпеть бабушку. Им нужно чувствовать связь с высшим миром и причастность к древним традициям, но у них нет желания при этом изнурять себя постами и молитвами и корпеть над богословскими книгами.

Православие больших соборов предоставляет им все эти возможности на вполне приемлемых условиях, и люди этого рода — его основная опора. Они, в отличие от мятежной интеллигенции, не задают неудобных вопросов и не конфликтуют с властью. Правда, от них трудно чего бы то ни было ожидать, кроме общего уважения и не слишком щедрых пожертвований, но пока власть симпатизирует РПЦ, этого достаточно. Официальной статистики опять-таки нет, но по косвенным признакам финансовые поступления от этой среды существенно сократились в последние пару лет и, скорее всего, продолжают сокращаться. Но при отказе от амбициозных проектов вроде «православного Ватикана» в Сергиевом посаде, при наличии государственных грантов и пожертвований от состоятельных меценатов РПЦ вполне может удовлетвориться этим финансированием на ближайшие десятилетия (что совсем не исключает наличия бедствующих, а порой просто нищенствующих священников на периферии). И даже в ситуации, когда государство откажет в сколь-нибудь существенной помощи, прожить на это будет можно, хотя и без былой пышности.

Православие больших соборов говорит о себе самом как о жестко выстроенной вертикали, но на деле оно постепенно превращается в некую зонтичную организацию: при декларации лояльности высшей церковной власти на местах существует немалое разнообразие. К тому же влияние православия больших соборов на умы и сердца существенно сокращается. Все больше людей, не порывая официально с православием, посещают богослужения лишь изредка, чтобы причаститься или поучаствовать в особой службе. Один из таких христиан в неформальной беседе сравнил поход в церковь

за причастием с походом в аптеку за лекарством: приходится туда идти, потому что больше взять его неоткуда. Но центр их духовной жизни — совсем не в соборе. Все больше областей жизни, где клерикальная вертикаль присутствует скорее символически, ограничиваясь общими заявлениями и отдавая всю реальную активность простым мирянам.

Параллельно, особенно в период пандемии, и совершенно неприметно для стороннего наблюдателя, растет пока еще очень незначительный сегмент «квартирного христианства», построенный по хорошо знакомой модели доперестроечных времен: собраться единомышленникам на кухне, чтобы поговорить о главном и ощутить родство душ. Как уже было сказано выше, такие посиделки могут быть и настоящими богослужениями, притом их участники высоко ценят их искренность и неформальность — ровно то, чего им не хватает в соборах. Важную роль здесь уже начали играть социальные сети, и чем дальше, тем больше будет зависеть от них.

Такую активность крайне трудно проконтролировать и запретить (хотя в отношении протестантов подобные запреты случаются, а «свидетели Иеговы», как известно, и вовсе запрещены в России, за подобные встречи приверженцы этого вероучения получают реальные и притом немалые сроки заключения). Может быть, на некоторых этапах ближайшей российской истории мы и дойдем до того, что общая молитва или чтение Библии без благословения батюшки будут наказываться штрафом или сроком по некоему безумному закону, но вряд ли это надолго. А в ситуации, когда правоохранители откажут РПЦ в преференциях (думаю, что это однажды произойдет) можно ожидать появления разного рода общин, вышедших из православной традиции и не отделяющих себя от нее, но никак не связанных с РПЦ. Они будут очень разными и будут вступать в причудливые отношения и друг с другом, и с православием больших соборов, которое тоже никуда не денется, а также с христианами иных конфессий.

ПРОТЕСТАНТСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Все это, разумеется, заставляет вспомнить о Реформации и протестантизме. О них обычно говорят как о возможном сценарии для России и русского православия, забывая, что Реформация состоялась уже полтысячелетия назад и что в России есть многие тысячи своих протестантов. Более того, в Сибири и на Дальнем Востоке, особенно в городах, построенных при советской власти (в них изначально не было храмов), число практикующих протестантов сопоставимо с числом практикующих православных, а порой и превосходит его, если судить по наполненности молитвенных зданий по воскресеньям.

Сами протестанты не любят выходить из этой серой зоны, чтобы не привлекать внимание православных борцов за чистоту веры, их миссионерская активность в настоящее время невелика, если сравнивать с девяностыми. Но она никогда не прекращалась. Особенно важно отметить, что христианское миссионерство среди народов, традиционно исповедующих ислам (и, в меньшей мере, буддизм или шаманизм), ведется в России почти исключительно протестантами. Разумеется, выходец из Дагестана или Поволжья может стать православным, но это почти наверняка означает переход на русский язык и русскую культуру, и часто служит следствием такой смены идентичности. Но если он молится Христу на своем родном языке, притом вместе с единоверцами — он почти наверняка принадлежит к пятидесятникам, харизматам или иной протестантской конфессии. Трудно сказать, какое будущее ждет эти, пока совсем небольшие национальные церкви, но они совершенно точно будут протестантскими.

Если православие для коренных народов России выглядит «русской верой», то протестантизм по своим культурным формам оказывается безусловно западным и более

конкретно — американским. В том и в другом случае собственно веру оказывается трудно отделить от культуры, а порой и от политики. Сейчас, конечно, такое афишировать не принято, но это не значит, что эти настроения исчезли и никогда больше не проявятся.

В случае разворота государственной политики и общественного интереса к западным ценностям следует ожидать и массового интереса к западным конфессиям, прежде всего протестантским (католицизм в России немногочислен и скорее востребован интеллигенцией с соответствующими этническими корнями или культурными привязанностями). При этом русские католики и протестанты совершенно лишены той рыхлости и неопределенности, которая свойственна православию больших соборов: они обычно точно знают, по какой причине выбрали свою конфессию и что отличает ее от прочих. Нередки среди них и антиправославные настроения: они предъявляют «господствующему вероисповеданию» счет за все, что происходит в стране дурного, зачастую прямо по его благословию.

По-видимому, в России 2050 года мы увидим регионы, где протестантов будет больше, чем православных, и этого никто не будет скрывать. Впрочем, будет и не слишком многочисленное обратное течение разочаровавшихся в протестантизме и возвращающихся к вере предков, как это уже было в девяностые.

ПОВЕРХ И ПОМИМО КОНФЕССИЙ

В отличие от атомизированных девяностых, сегодняшнее российское общество эффективно выстраивает горизонтальные связи и размывает формальные границы. Кроме того, за прошедшие десятилетия многие верующие с удивлением открыли, что у них порой намного больше общего с единомышленниками из других конфессий, чем со своими формальными единоверцами. К примеру, православные креационисты при всей своей нелюбви к Америке охотно

пользуются аргументацией американских фундаменталистов-протестантов, и так во многих частных вопросах.

Стоит полагать, что к середине века межконфессиональные границы будут значить куда меньше, чем сегодня. Можно сравнить их с государственными границами в нынешнем мире: нет, они никуда не делись, но они становятся все более проницаемыми (хотя возможны краткие периоды карантинных), любые серьезные бизнесы или культурные процессы трансграничны. Уже сейчас мы видим немало интересных проектов, особенно в области благотворительности и просветительства, в которых христиане разных конфессий, да и не только христиане, сотрудничают ради общей цели, их явно будет становиться все больше.

Я не вижу большого будущего у официального экуменизма: так недавняя встреча римского папы и московского патриарха скорее удовлетворила пиар-амбиции последнего, нежели решила хоть одну реальную проблему. Но низовой экуменизм, т.е. опыт совместной молитвы и совместного действия, будет процветать, к негодованию реконструкторов (они любят чистые, беспримесные традиции), причем он постепенно будет вовлекать и представителей иных религий, прежде всего авраамических: иудаизма и ислама.

Интеллектуальное пространство становится все больше похожим на супермаркет, в котором потребитель выбирает себе идеи и практики в соответствии со своими вкусами и не заботится о том, насколько они совместимы друг с другом. Интересный пример — йога. Ее появление в нашем обществе в конце прошлого века было теснейшим образом связано с индуизмом, вопрос о возможности для практикующего христианина посещать курсы йоги выглядел полной нелепостью, причем такое отношение было характерно как для христианских проповедников, так и для самих йогов. Сегодня занятия йогой воспринимаются большинством (но не всеми) как полезные телесные упражнения, в отрыве от конкретной религии и философии.

Мне довелось услышать о том, как практикующий йог получил приглашение провести семинар для... монахов в православном монастыре с условием, что он не будет упоминать слово «йога». Он отказался принять такое условие, семинар не состоялся, но сама идея показательна.

ПОЛУМЕСЯЦ ПРИ СОЛНЕЧНОМ СВЕТЕ

Кстати, об исламе. Сегодня неисламской частью нашего общества он обычно воспринимается как что-то малопонятное и потенциально опасное, связанное с отсталостью, фанатизмом, угнетением женщин. Мало кто задумывается, что ислам не менее разнообразен, чем христианство или иудаизм, и что его радикальные, экстремистские формы — тоже разнообразность религиозного реконструкторства. В ближайшие десятилетия российский ислам во всем своем многообразии будет выходить из тени и одновременно будет находить разные формы и способы своего существования в современном мире.

Этому будут способствовать два процесса, один из которых уже вовсю идет, а второй отложен на пару десятилетий. Первый — это окончательный распад традиционных обществ в республиках Северного Кавказа, связанный с глобализацией и информационной революцией. Радикальный ислам, кстати — это один из возможных ответов на вопрос «как теперь жить, когда молодежь уже не слушает старших». Но он далеко не единственный, и мы, вероятно, увидим в ближайшее время разные иные версии встраивания традиционных исламских ценностей в современный мир. Разнообразию будет способствовать и принципиальная антиклерикальность ислама: в нем нет, как в старых христианских конфессиях, особо рукоположенного священства, ведь мулла (как, кстати, и раввин) — это не священный сан, а скорее функция, которую может исполнять любой свежий мужчина.

Один из прогнозов, которые можно услышать, или, вернее, одна из страшилок — доминирующее исламское население в крупных городах России к середине века, ислам как первенствующая религия. В общем и целом, это прогноз реалистичный, но его реализация зависит прежде всего от миграционной политики государства, от привлекательности российского рынка труда для выходцев из Средней Азии. Но надо понимать, что даже в случае реализации этого прогноза ислам этих людей не будет точной копией ислама постсоветских жителей нынешних аулов и кишлаков, он явно претерпит свои изменения, хотя трудно сейчас предсказать, какие именно.

Второй процесс нам только предстоит увидеть, когда вырастут, получат образование и сделают достойную карьеру дети нынешних дворников и консьержек в больших городах. Тогда они со всей неизбежностью предъявят нашим детям претензии: почему наших родителей так жестоко эксплуатировали, почему в нас с раннего детства видели людей второго сорта? У нынешних дворников и консьержек нет ресурсов, чтобы во весь голос задать эти вопросы, но у их детей они появятся. В США главным признаком, отличающим потомков рабов от потомков рабовладельцев, стал цвет кожи, в нашем случае признаком «наследственной угнетенности» станет, скорее всего, исламское вероисповедание. Насколько убедительно удастся ответить на эти вопросы нашим детям, зависит во многом от того, как будем взаимодействовать с исламскими общинами и как будем их описывать мы сегодня.

СЕКСУАЛЬНОСТЬ, СЕМЕЙНОСТЬ, ПСИХОЛОГИЯ

В завершение поговорим немного о тех смысловых вызовах, которые стоят сегодня перед «думающими верующими» всех религий и конфессий в нашей стране. Их много, но я бы выделил три

из них, перечисленные в подзаголовке, причем именно в таком порядке.

Сексуальность — мощная сила, неудивительно, что религии стараются ввести ее в некоторое русло и поставить под контроль, иногда мелочный, придирчивый и жестокий. В притчу вошел образ молодого иеромонаха, допрашивающего на исповеди замужних женщин о подробностях супружеского секса, но в реальности такие пылкие юноши уже почти не встречаются (в девяностые они были нередки). Однако проблема не ограничивается подобными перегибами.

С точки зрения традиционных религий, секс допустим между одним мужчиной и одной женщиной, состоящими в законном браке (в исламе жен у мужчины может быть до четырех), а все остальное расценивается как тяжкий грех. С точки зрения этих религий, некоторые важнейшие духовные роли и практики допустимы только для мужчин. А вот с точки зрения светского права и современной глобальной морали, взрослые дееспособные люди могут по взаимному непринужденному согласию вступать друг с другом в любые отношения, а мужчины во всем равны с женщинами. Это противоречие неустранимо. Можно настаивать на истинности древнего Откровения, можно приводить практику жизни в соответствие с новыми нормами, но невозможно делать вид, что они говорят одно и то же.

В западном христианстве вопросы о признании однополых союзов и рукоположении женщин служат самым серьезным барьером, разделяющим христиан даже одной и той же конфессии — в частности, именно по этим двум признакам разделено всемирное англиканское сообщество, притом на стороне традиционалистов оказываются в основном молодые африканские церкви, а на стороне либералов — старые европейские и американские.

Подобных дискуссий будет все больше и у нас. Недавно один человек совершил своеобразный каминг-аут, признав себя практикующим геем в однополых союзах и одновременно

практикующим православным, приступающим к причастию. Он совершенно точно не первый, кто совмещает одно с другим, но он первый, кто об этом публично заговорил по-русски. Пока его признание было обойдено молчанием, но подозреваю, что через четверть века ключевой вопрос для многих верующих будет такой: допускаете ли вы подобное? И ответ «да» или «нет» будет отделять своих от чужих.

На самом деле гомосексуальность — лишь частный, наиболее очевидный и в российских условиях наиболее болезненный аспект общего вопроса о радикальном изменении института семьи, которое происходит на наших глазах. Проповедовать современной молодежи тотальное воздержание до брака становится все труднее, вопрос о регистрации союза и последующем венчании решается зачастую исходя из совершенно прагматических резонансов: доступность ипотеки, размеры выплат молодой семье или матери-одиночке в связи с рождением ребенка и т.д. И это уж не говоря о таком новомодном слове, как «полиамория»...

В настоящее время проповедникам традиционных религий крайне трудно объяснить, почему добровольный союз людей греховен, если он не приносит никому страданий, или почему однополые отношения, порицаемые Библией, заслуживают большего внимания, нежели воровство, взяточничество или пьянство, которых Библия тоже никак не одобряет. Может быть, размышления на эту тему приведут к появлению некоторых новых богословских и этических моделей, что в очередной раз разведет реконструкторов и деконструкторов по разные стороны барьера.

Еще одним по-настоящему глобальным вызовом для традиционных религий стало появление профессиональных психологов, психотерапевтов и психиатров, взявших на себя значительную долю тех обязанностей, которые в архаическом обществе исполняли священнослужители. Отрицать пользу этих новых профессий сегодня осмеливаются немногие (хотя такие есть), а люди, прошедшие серьезный курс

лечения, отмечают, что решились некоторые их проблемы, которые они безуспешно пытались решить с помощью религиозных практик. Пока два этих сообщества, священнослужители и психотерапевты, выглядят достаточно изолированными друг от друга, но контакты между ними есть, и все более тесные (сужу по собственным знакомым). По-видимому, они будут шириться, религиозные практики будут все больше заимствовать из области психологии, а граница между сферами компетенции будет проводиться четче. Это неизбежно приведет к пересмотру отношения к некоторым религиозным практикам, которые будут отнесены к сфере психологии или психиатрии (например, «отчитка бесноватых»).

Подводя итог, скажу, что на мой взгляд в России 2050 года будет меньше формальной религиозности, а пропорции верующих разных конфессий могут измениться. Притом, скорее всего, сократится доля официального православия. Но главное, что конфессиональные границы в значительной мере размоются, а деятельность рядовых верующих будет определяться их собственными интересами и воззрениями в куда большей мере, чем директивами священноначалия. Православное христианство не перестанет быть одним из стержней русской культуры, но тем, кому оно дорого (как и автору этой статьи), придется искать новые ответы на вызовы времени, которых не знали святые отцы былых времен.

© Текст: Андрей Десницкий

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ — библиист, переводчик, публицист, писатель, доктор филологических наук, профессор РАН

НАШЕ ВРЕМЯ — ВРЕМЯ МАЛЫХ ЛЮДЕЙ, СОВЕРША- ЮЩИХ ВЕЛИКИЕ ПРЕСТУ- ПЛЕНИЯ

Внесенные в заголовок слова взяты из репортажа писателя Юлиа Марголина.¹ В 1961 году он освещал суд над Адольфом Эйхманом в Иерусалиме как корреспондент «Нового русского слова» (НРС), старейшей эмигрантской русскоязычной ежедневной газеты.²

Насколько я знаю, эти статьи никогда отдельно на русском языке не публиковались, прочесть их можно только в архивных номерах НРС, и найти их не просто.

Глядя на то, что происходит в Европе, я думаю, что прочесть эти репортажи сейчас не менее важно, чем 60 лет назад.

В записях Эйхмана, сделанных в Аргентине, есть замечательный пассаж о долге: «Мы, немцы, имеем дело с врагом, превосходящим нас по интеллекту. Поэтому уничтожение еврейского противника необходимо для исполнения нашего долга».

А вот выдержка из последней речи Эйхмана перед аргентинскими нацистами: «Мы сражаемся против врага, который благодаря многим и многим тысячам лет обучения сделался интеллектуально выше нас ... Даже раньше римлян у них уже было своё государство, раньше римлян евреи умели уже писать».

Убийцы часто говорят, что их жертвы виноваты сами.

Вот показания Эйхмана на иерусалимском процессе:

«Международное еврейство в своей извращенной находчивости побудило простодушный и бесхитростный немецкий народ истреблять евреев — и все это с целью потребовать в будущем государство для себя».

Может быть, убийцы психически неустойчивы или как-то обижены жизнью?

Вот психиатрическая экспертиза Эйхмана (сканированный оригинал этого документа на иврите можно посмотреть на сайте израильского Министерства юстиции):

АЛЕКСАНДР СМОЛЯНСКИЙ

«Обследуемый отличается выраженными агрессивными инстинктами и стремлением к власти. Его половая идентификация неустойчива и неуверенна. Он проходит свой жизненный путь, понуждаемый инстинктами... Это человек с посредственным образованием, скромного социального происхождения, чей подсознательный принцип жизни — «слабость — это грех», а агрессивность — качество безусловно положительное. ... Стремление к проекции побуждает его обвинять других в собственных неудачах...»

Убийцы, и тогда, и теперь пользуются защитностью своих жертв, убивая их, как удавы кроликов. По иронии судьбы Эйхман в Аргентине работал именно на кроличьей ферме.

В книге «Эйхман до Иерусалима» немецкий историк Беттина Штангнет показывает, как Эйхман угрожал всем защитникам своих жертв, даже иностранным дипломатам: «Друзья евреев, такие как еврейская собака Валленберг, будут прикончены».

А вот рассуждения Эйхмана о моральности убийств и о праведности войны:

«Есть несколько кодексов морали: христианская мораль — мораль этических ценностей, мораль войны — это мораль битвы».

Эйхман вообще отвергал христианство и Библию, считая ее еврейской книгой.

Интересно было бы сравнить мнения об Эйхмане Марголина и Ханны Арендт в ее репортажах с процесса для журнала *New Yorker* и в книге «Банальность зла». Но это уже тема для другой публикации.

А для этой — ограничимся выдержками из статей Марголина для НРС. Привожу их без комментариев и оценок, с сохранением пунктуации и орфографии оригинала, норма для написания многих новых слов (например, слова «геноцид») на русском тогда еще не сложилась или была неизвестна редактору НРС, и даже фамилия Eichmann писалась как Айхман.

Кое-где сделаны сокращения, не меняющие смысл текста, и даны несколько пояснений в скобках.

Во вступлении использовано интервью Юрия Векслера

с Беттиной Штангнет и статья психиатра Александра Кунина.

Хочу поблагодарить Нателлу Болтянскую, Леонида Гиршовича, Михаила Калужского и Ирину Лукка за помощь в подготовке этого архивного материала.

Итак, 1961 год. На страницах НРС сообщения о полете Гагарина (на следующий день после начала иерусалимского процесса), о строительстве в Берлине какой-то небывалой стены, о том, что Нуреев остался во Франции и Сталина вынесли из Мавзолея. В том же году на экраны выходит фильм «Нюрнбергский процесс» и опубликован роман «Уловка-22». Смысл этой парадоксальной уловки в том, что учреждение или человек не может нести ответственность за выполнение правил, так как попытка уклониться приведет лишь к их соблюдению. Речь об подобных уловках будет идти и на иерусалимском процессе.

На фоне этих новостей и появляются репортажи Юлиа Марголина.

Редакция НРС предварила их общей информацией о суде. Привожу ее в коротком пересказе, чтобы стала понятней обстановка, в которой проходил суд:

Внутри здания расставлены пулеметы, не видные снаружи. Весь прилегающий к зданию район оцеплен.

Зал на 750 человек, из них 500 отдано прессе, 200 — для членов дипкорпуса, членов Кнессета и официальных лиц.

Публике отведено всего несколько десятков мест. Каждый из журналистов получил постоянное место в алфавитном порядке своих стран. На первом этаже — большая рабочая комната, где доступен синхронный перевод на иврит, английский, немецкий, французский и испанский.

6 апреля в Израиль из Кельна прилетел адвокат Айхмана Сервациус. Никто из немецких свидетелей, которых из Германии вызывал адвокат, не согласился приехать в Израиль. Еще за пять дней до начала процесса имена свидетелей держались в строжайшей тайне.

А теперь — отрывки из статей Юлиа Марголина в НРС в порядке их публикации. Пунктуация и орфография оригинала сохраняются.

..... **14 апреля**
 День 27 числа месяца Нисан объявлен постановлением израильского парламента днем ежегодного траура по жертвам гитлеровского избиения... По-видимому, 27 Нисана (в этом году 13 апреля) станет в ближайшие годы, десятилетия, века для всего еврейского народа тем, чем был в течение тысячелетий день плача по утраченной святыне. Траур национальный переживается острее, чем траур религиозный.

(Марголин сообщает, что на «русской площади» перед православным собором расположился штаб иностранных журналистов, прибывших для освещения процесса. Их 426 — 100 из США, 50 из Германии, десятки из других стран. Из СССР не прибыл никто и страна представлена постоянным корреспондентом ТАСС в Израиле.)

..... **16 апреля**
 Эйхман в новеньком синем костюме, неказистый, с мелкими чертами невыразительного лица, держится с полным самообладанием.

Обвинительный акт вменяет ему в вину избиение десятков тысяч цыган и варварское преследование словенцев. Здесь израильский суд, выходя из рамок национальной самозащиты, берет на себя функцию интернационального суда над преступлениями против человечества.

Кого и что здесь судят? — «Фашизм» — говорят в Москве и Пекине. «Антисемитизм» — говорят в Израиле. В лице Айхмана объединено одно и другое. Не обязательно быть фашисту антисемитом, и антисемиту фашистом. Но есть общий корень в этих двух явлениях: тоталитарное презрение к человеку, которое само обусловлено человеческой дефективностью, презрением презирающих.

..... **20 апреля**
 Право судить преступление неразрывно связано с правом на жизнь. Поэтому иерусалимский про-

цесс представляет величайшее торжество еврейского народа, впервые за тысячелетия из объекта права, вырастающего в субъект, в носителя права.

Минимум удовлетворения, которое полагается еврейскому народу, — признание его права судить палача.

Сущность преступления не в нарушении писанного текста, установленного юристом всегда приблизительно и неполно, а в нарушении глубоже лежащей нормы права. Если кодекс международного права не предусмотрел чудовищного преступления, которое в свое время не могла себе представить мысль кодификатора, то следует дополнить кодекс, а не оставить безнаказанным преступление. Ретроспективность в этом случае является мнимой, если закон вытекает из основ права, принятых человечеством.

Люди, создавшие «нюрнбергские законы» и реализовавшие геноцид, полагали, что сила создает право. Многие думают так и по сей день: — «сильному все позволено». Но сила права не создаёт — она только его утверждает или его попирает. Отношение сил меняется, и вчерашние господа положения сегодня оказываются на скамье подсудимых. ... это предупреждение тем, кто сегодня творит злодеяния, опираясь на силу и произвол, угнетая, разрушая и убивая.

..... **25 апреля**
 Идея — страшная вещь. Нет в мире ничего более убийственного и смертоносного. Идея в состоянии пожрать целый народ, вырвать с корнем миллионы цветущих жизней, подчинить себе одни человеческие импульсы и разнуздать другие — до того, что стирается граница между жертвой и палачом.

Общее впечатление: маленький, очень исполнительный человек, которого выбрали себе крупные головорезы, чтобы взвалить на него кропотливую черную работу. Они указывали задание, его дело было «досмотреть». ...маленький человек упорно держался своего поста, приобрел привычку к власти <...> осмелел и победил свою «слабонервность». (слова Эйхмана): «Всю жизнь меня учили слушаться... Чем бы помогло мое непослушание? ...Те, кто решал, планировал, давал директивы, нашли легкий способ уклониться от ответственности: покончили с со-

бой. На моих руках нет крови, но я знаю, что меня обвинят в содействии...»

..... **4 мая**
 Это не молодой человек: ему 55 лет. В первую неделю после поимки в Буэнос-Айресе он от потрясения получил жестокий понос. Его жаль, как всякое живое существо, попавшее в беду и отбрасывающее свою жизнь. Еще больше жаль нас всех, — нас, кому судьба привела жить в эпоху, когда обнажается какое-то чудовищное дно человеческих отношений. Повесят его или нет, — совершенно неважно после того, что случилось. Айхман для нас — одна из центральных фигур столетия, герой тоталитарной эпохи. В каждом из марширующих, под развернутыми знаменами, в рядах армий, идущих на захват мира, заключена частица Айхмана. Раздавленный, он жалок, как всякий раздавленный человек; торжествующий, он несет смерть и разрушение с бессмысленным роботом.

..... **23 мая**
 В сложном переплете функций и отношений вину за постановленное и в большей части осуществленное истребление целого народа несет весь режим и весь аппарат власти.

...Судьи в Израиле не выносят исторического вердикта эпохе и ее деятелям, от Ватикана до Кремля, и от позорно бездеятельной Лиги Наций до не понимавшей своего положения в эпоху между двумя мировыми войнами, еврейской общественности. Перед судом в Иерусалиме стоит один человек, занимавший ключевую пост в коллективном преступлении против еврейского народа. В его лице судят не «народ», не «класс», даже не «идею», которая привела к таким страшным последствиям, ибо с самого начала была выражением слепой и болезненной ненависти. Судят человека, который был свободен, и будучи свободен выбрал именно такую, а не другую дорогу.

В положении Айхмана ныне находятся очень многие люди, несущие ответственные функции в странах, охваченных тоталитарным безумием или зараженных слепой ненавистью. Для них этот процесс должен послужить уроком и предостережением.

.....8 июня
Мы слышали свидетельство Авраама Гордона, одного из группы евреев, которых привели летом 1944 года в сад виллы Адольфа Айхмана в Будапеште. Это был сад вишневый, но далеко ему было до чеховского... В том саду хозяином был Адольф Айхман и люди в нем казались призраками из крошечного ада. Но спелые вишни были красны как кровь, и за то, что шестнадцатилетний подросток из группы Гордона на них польстился, его заперли насмерть. Мальчик клялся и божился, что не брал вишен, но кто знает? — день был знойный, вишни так близко, только руку протянуть. Но эти арийские вишни были ему запрещены. Его завели на склад в саду, позвали хозяина. Через четверть часа Айхман вышел из двери склада, всклокоченный, возбужденный, окровавленный... Как доказать, и надо ли доказывать, что он сам не участвовал в расправе над мальчиком? Достаточно того, что расправа происходила в его присутствии и с его одобрения.

Мы знаем также, что был такой день в Освенциме, летом того же 1944 года, когда газовые камеры были до отказа загружены, и доставленную партию еврейских детей, за недостатком времени побросали в крематорийные печи живыми. Также и об этой операции можно сказать, что она происходила «в его присутствии», с его ведома и по его направлению.

Мы знаем, как большие люди совершают большие преступления: Ленин, отец системы тотального террора, — Наполеон — полководец, Гитлер, демон ненависти. — были одарены кто мощным интеллектом, кто силой воли, кто другими талантами. Мы знаем, как маленькие люди совершают «по росту» маленькие гадости. Но как это происходит, что маленькие люди совершают такие грандиозные и несоразмерные злодеяния? Как мог этот ничтожнейший из ничтожных, ни умом, ни волей, ни талантом не блещущий Айхман, воплощение посредственности, совершить такое преступление? ... Наше время — время малых людей, совершающих великие преступления.

.....25 июня
...многочисленных «протекторов» Айхмана за границей можно разделить на три категории: союзники, защитники и заступники.

Союзники — те, кто в газетах Каира и Дамаска прославляет Айхмана, выражает ему благодарность, братски приветствует, сожалеет, что «только шесть миллионов»...

Заступники — те, кто не пытаются возвеличить, не превращают преступление в подвиг и заслугу, а наоборот — стараются принизить и приуменьшить роль Айхмана в реализации гитлеровской программы. Этой дорогой идет Сервациус, и многие в Германии уже обеспокоены тем, что в своем стремлении снять с него вину, он ее переложит на все окружение — на немецкую интеллигенцию в целом и «весь народ». Предполагается, что индивидуальная вина погашается коллективной... или наоборот, можно обелить коллектив, свалив вину на одиночек. Это совершенно неверно, но суду еще предстоит ответить на вопрос — в каком отношении стоял Айхман к коллективной воле, которая не с Гитлера началась и не стерлась с самоубийством «фюрера».

Наконец, третья категория — это заступники. Те, что молятся за душу невинно-убиенного еще прежде, чем его повесили...

.....5 июля
По типу своему он мало похож на профессионального убийцу. Но люди, спрашивающие <...> «а как же он мог поступить иначе, как бы вы поступили в его положении, ведь не всем же быть героями...?» забывают, что в его положении и не мог никак очутиться человек, имеющий совесть и элементарное человеческое чувство. Из массы обывателей, голосовавших за Гитлера, только немногие стремились сделать карьеру в боевых формированиях СС — ударных отрядах нацизма.

.....13 июля
Единственный довод в пользу возможного смягчения приговора мог бы найтись — у Марселя Пруста. Этот <...> писатель показал, что в жизни человека есть место для нескольких индивидуальностей: личность с годами проходит превращения, изменяется до неузнаваемости (у Брю-

На фото: 1) Айхман с кроликом. 2) Процесс А. Айхмана в печати

сова: «как змей на сброшенную кожу, смотрю на то, чем прежде был»). Айхман в 55 лет, после катастрофы, изгнания и всего что с ним случилось, — тот ли самый Айхман, возглавлявший «Зондеркомmando» в Будапеште? Можно ли повесить вот этого, с ввалившимися щеками и худой шеей, за преступления того, 17-20 лет тому назад? — Вот вопрос.

...Попа полная достоинства. Он исполнил свой долг как полагается офицеру. Руки его чисты: он никого не убил и даже не избил. А что касается всего прочего, не его дело. Он не виноват. И ни разу не дрогнет голос...

Публика на суде менее хладнокровна. Старик Филипп Фрейдингер, барон австрийской монархии, набожный еврей, бывший председатель евр. общины в Будапеште, выступавший свидетелем на процессе, отказывается занять место во втором ряду: «это слишком близко к нему». Он был достаточно близок к Айхману в то страшное лето 1944 года. С него достаточно. И он садится дальше.

.....21 июля
«Загадка Айхмана», наконец, перестает быть загадкой. ...Нет, это не холодно-лгущий злодей. ...основное впечатление от его выступлений и заявлений — это впечатление какой-то судорожной, отчаянной неискренности, и притом не только перед судьями, но и пред самим собой. ...Айхман не аморален, а анти-морален, полная безнравственность не исключает, а даже требует наличия морального чувства, которое осознается, потом убивается и преодолевается — для полного собственного удовлетворения. .. выясняется, что это был ничтожный человек, делавший карьеру по еврейской части. Он не выдумал и не решил геноцида, но считал для себя честью в нем участвовать. .. Он «плыл по течению», как плывет большинство людей; только в данном случае «течение» было рекой крови, в которую ни один человек не мог вступить безнаказанно для душевного своего существования.

(вопрос обвинителя о коменданте Аушвица) вы видели Хесса, убийцу миллионов. Вы считали его тогда преступником?

— Я... сказал ему, что не мог бы делать того, что он делает.

— ...Вы его считали преступником?

— Это личный вопрос. Это мое личное дело...

— Вы обязаны ответить. Что Вы думали о Хессе, уничтожавшем миллионы в газовых камерах?

— Я...жалел его...Я... сочувствовал ему.

После этой фантастической, но правдивой реплики (идеалист Айхман сочувствовал бедному Хессу, исполнявшему столь неприятную работу, но не его жертвам), допрос тянулся еще долго, но так и не удалось вырвать из уст Айхмана ответа — ни положительного, ни отрицательного — на вопрос о вине Хесса.

вестник иного, беспощадного мира, вчера палач, сегодня пленник, завтра — снова оживший и немолчаливый враг.

Аргумент защиты, что он действовал по приказу, не освобождает от ответственности. Аргумент, что он не мог уклониться от исполнения возложенного задания, недействителен. Есть право самообороны перед нападающим, нет права совершать преступления в интересе карьеры или из страха перед возможными последствиями неповиновения. Ни страха, ни внутренних задержек не было у Айхмана, наоборот: было усердие и радостная готовность служить злему делу.

С точки зрения высшей человечности — место его, как в Евангелии от Луки, с другой стороны Креста, с тем разбойником, которому ничего не было сказано и не было обещано. Тем, кто говорит о прощении, ссылаясь на Евангелие, следует прочесть эту главу. Нет прощения, где нет просветления душевного.

Среди многих уроков этого процесса <...> первый — это, что корень зла всегда внутри человека, а не вне его... Есть ненависть инициативная и другая — охотно откликающаяся. В мире зла различаются соблазнитель и соблазненные. Айхман не был соблазнителем и вождем, но он дал себя соблазнить до конца...

..... 22 августа
...один из уроков этого процесса, это — что разрыв между моралью, правом и политикой, против которого возмущается нормальное человеческое сознание <...> есть открытая язва нашего времени.

Осю, вокруг которой вращалась его (адвоката) речь было слово «политика». Чего вы хотите от Айхмана? Весь мир устроен на бесчеловечии... Государство требует повиновения!

...то же самое и почти теми же словами, твердил и Геббельс, злорадно указывая на британский империализм и советские лагеря: «вот, дескать, вам можно, а нам нельзя?» Правильный ответ, единственный с точки зрения права — «нам нельзя и вам нельзя!». Политика бывает преступной, «законы государства» сами по себе не святы, есть граница слепому послушанию, — и кто сеет ветер, пусть не жалуется, пожав бурю.

Этот урок убийцам на будущее — один из уроков процесса Айхмана.

..... 1 сентября
В Иерусалиме судили не только «убийцу евреев», но и общего врага, который подвизался на территории Европы и Советского Союза. Айхман и то, что за ним стояло, было враждебно не только евреям, но и славянам, не только славянам, но и всему тому, что в нашем понимании дает смысл жизни и достоинство званию человека.

Справедливо обвинили Германию 30 годов, соблазненную блеском первых головокружительных побед Гитлера, в отсутствии гражданско-го мужества. Но поставить знак равенства между нацизмом и «истинным немецким самоопределением» и во всем обвинить «немца» и «немецкость» — невозможно именно после этого процесса, который показал, как универсально было палачество, и какой легкий отклик находило оно в каждом народе, куда проникала победоносная немецкая армия.

...тщетна попытка советской печати истолковывать Айхмана и весь гитлеризм как явление, порожденное «догнивающим империализмом». Нет, Айхман не эпигон, не порождение прошлого и не заключение минувшей эпохи, — а специфический продукт нового тоталитарного века, угроза и предвестие идущих времен.

Айхман — продукт тоталитарного воспитания, которое совесть и личную ответственность заменило актом дисциплины и мистическое отождествления с огромным целым, которое в одном случае называется «нордической расой» и «третьим Райхом» в образе сверхчеловеческого фюрера, а в другом — Партией («Партия всегда права») и иконой очередного диктатора.

Если есть аналогия с беспримерным планомерным истреблением миллионов евреев, — она в планомерном истреблении миллионов невинных жертв сталинской коллективизации. И если есть аналогия для тех, кто в эпоху Сталина-Берии подписывал все и верно служил продажным пером власти, как служит и теперь — найдем ее в образе Фиалы, того словацкого журналиста,

о котором говорилось в процессе, и который по поручению Айхмана сочинял лживые статьи о том, как прекрасно живет словацким евреям, вывезенным в Освенцим. Мы не верим, что людям этого типа принадлежит будущее, — но в настоящем они сила и до «загнивания» им еще далеко.

Процесс показал Адольфа Айхмана — как «человека-массу», существо само по себе убогое, и страшное в строю, в коллективном действии и заражении идеей гигантской — тем более гигантской, чем он сам ничтожен и мал.

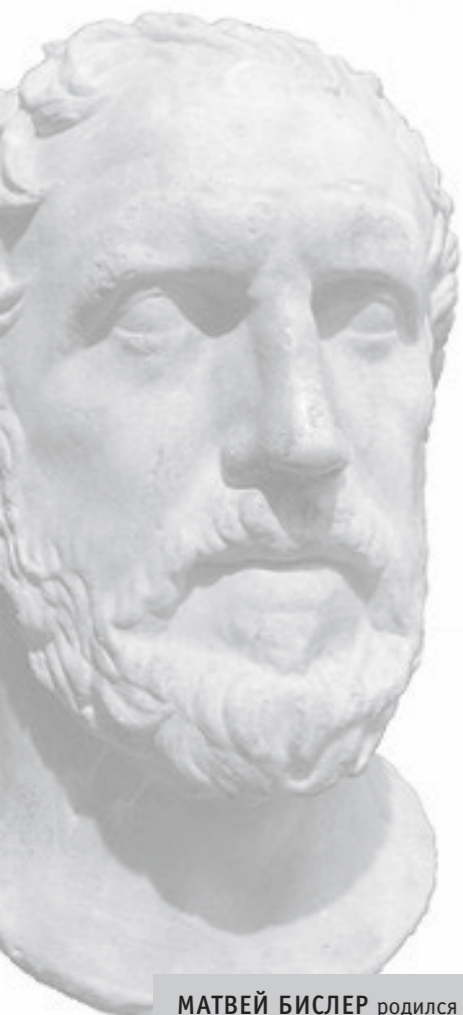
Коммивояжер, вчера продававший в австрийской глуши бензин, сегодня повелевает древнему народу — «они должны плясать под мою дудку, они в моих руках». Это ли не чудо? Такими чудесами поддерживается вера.

Никогда больше не вернется после Гитлера старая и наивная вера в «демократию большинства» «самоопределение народа» как самоцель.

Горький опыт показал, что защита идей человеческого достоинства и свободы независима от результатов голосования. Демократия должна предшествовать выборам, а не вытекать из них механически. Демократия осуществима лишь при высоком уровне морального и гражданского сознания, при отсутствии которых она превращается в угрозу для жизни и чести окружающих.

Примечания

- 1 Юлий Борисович Марголин — писатель, публицист, историк и философ. Родился в 1900 году в Польше. Его родными языками были русский, польский и идиш. В 1936 году репатрировался в Палестину. В 1939 году по делам приезжает в Польшу, где его застает война. В 1940 году арестован НКВД и отправлен в ГУЛАГ. После шести лет тюрем, лагерей и ссылки ему удается в 1946 году освободиться и уехать в Палестину, где по свежим впечатлениям, за десять месяцев, он пишет на русском «Путешествие в страну Зэ-Ка» — первый подробный рассказ очевидца о советских лагерях. Марголину посвящен мой очерк «Палестинец в ГУЛАГе».
- 2 Издавалась в Нью Йорке с 1910 по 2010 год. В 1990-е годы газета имела самый большой тираж среди иноязычной прессы США. С газетой сотрудничали Иван Бунин, Аркадий Аверченко, Виктор Некрасов, Эдуард Лимонов.

«История Пелопоннесской войны» Фукидида сквозь призму трех ветвей реализма

МАТВЕЙ БИСЛЕР

Древнегреческий полководец и историк Фукидид считается «отцом теории международных отношений», поэтому политические ученые часто апеллируют к его тезисам и мыслям, как к источникам авторитетного мнения¹. «История Пелопоннесской войны» представляет собой ту классическую работу, которой вдохновляются многие реалисты для определения основ своего взгляда на устрой-

ство международной политики. Опираясь на Фукидида, они стремятся доказать укорененность собственного мировоззрения во времени, его вечную истинность². Школа реализма широко распространена³, но неоднородна. В современной реалистической мысли можно выделить три наиболее значимые ветви: классический реализм, структурный реализм (неореализм) и неоклассический реализм⁴.

В этом эссе мы проанализируем «Историю Пелопоннесской войны» и попробуем ответить

на вопрос «Как можно интерпретировать Фукидида в рамках трех ветвей реализма?». Ответ на этот вопрос важен, поскольку Фукидид не выдвигал эксплицитных теоретических тезисов об устройстве международных отношений, но претендовал лишь на попытку

отразить соперничающие мнения о природе людей и государств⁵. Выходит, сама по себе «История Пелопоннесской войны» не наполнена научными выводами, а реалисты наполняют ее ретроспективно, что говорит о плодотворности анализа этой работы не в качестве хронологии событий, но как источника знания о сфере международного. Понять, какие смыслы вкладываются в текст Фукидида разными ветвями, — значит увидеть различия между ними на одном конкретном примере.

ОСНОВЫ ШКОЛЫ РЕАЛИЗМА

Политический реализм появился в качестве ответа на школу идеализма, которая доминировала в академическом сообществе после окончания Первой мировой войны⁶. Реализм представляет собой традицию изучения сферы международных отношений, которая руководствуется приматом эгоистической составляющей природы человека и отсутствием межгосударственного правительства (анархией) в международном поле⁷. Эти два тезиса — базовые для реализма: человек стремится к собственному выживанию и благополучию в первую очередь; а международная сфера жизни не имеет общего властителя, который бы ее регулировал, поэтому государства находятся в состоянии абсолютного безвластия. Исходя из этих двух допущений, государства должны руководствоваться не моральными и этическими соображениями, а практически стремлениями к собственному выживанию и процветанию в конкурентных условиях анархической среды⁸.

В этом контексте реалисты чаще всего ссылаются⁹ на Мелосский диалог из «Истории Пелопоннесской войны» (книга 5, главы 84–116)¹⁰. В нем афиняне апеллируют к понятиям пользы и блага, а не справедливости, когда призывают мелосцев сдаться на милость более сильному противнику, Афинам; они заявляют: «...право имеет решающее значение только при равен-

стве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный делает то, что может, а слабый уступает»¹¹. Мелосцы же готовы рискнуть собственным выживанием. Ничто не заставляет афинян усомниться в правоте, они отвечают, что в человеческом мире властвуют в соответствии с законами природы, и каждый, обладающей достаточной силой, поступил бы так же¹². Люди по природе в первую очередь ищут силы, заботятся о своих интересах, они не подчиняются универсальным правилам морали, и из-за такой природы человека поле межгосударственных отношений анархично¹³.

Фукидид первый вкладывает в речи афинян точку зрения о существовании высшей цели государств в условиях анархического устройства мира — выживании. Именно из-за стремления выжить мелосцы должны были сдаться Афинам, более сильной стороне, которая в праве истребить слабого. Тезисы реалистов об анархии в свою очередь резонируют со словами афинян о специфике человеческой природы. Выходит, работа древнегреческого мыслителя действительно может служить фундаментом для школы реализма, поэтому в XX веке Фукидид и был «приписан» к реалистам. Майкл Доил отразил отношения между Фукидидом и реалистами в фразе: «Фукидид принадлежит к реалистам. Они принадлежат ему»¹⁴.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Считается, что к классическому реализму принадлежат такие именитые личности, как, например, Томас Гоббс¹⁵, Никколо Макиавелли¹⁶ и Ганс Моргентау¹⁷. Первые два были названы реалистами, как Фукидид, ретроспективно, а Моргентау же был в рядах тех, кто помог реализму обрести оболочку обстоятельной теории¹⁸. Во вступительной главе к книге «Politics Among Nations» Моргентау обобщает классический реализм в шести основных принципах¹⁹. Международная политика подчиняется законам,

МАТВЕЙ БИСЛЕР родился в 2001 году, а с 2019-го учится в бакалавриате Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинки) на российско-британской программе «Мировая политика» / International Politics in Cultural Context. По итогам своего второго года обучения студент показал одни из наиболее высоких результатов на своем курсе. Самым сильной его работой в этом учебном году стало эссе ««История Пелопоннесской войны» Фукидида сквозь призму трех ветвей реализма», написанное по итогам дисциплины «Теория международных отношений» под руководством преподавателя Марка Симона. В рамках этого курса студенты разбирали реализм, идеализм и другие важнейшие школы в теории международной политики. Текст, написанный студентом, демонстрирует взрослый подход к решению проблемы исследования, глубокое понимание исследуемых теорий и понятий, живой и ясный стиль изложения. Хочется поздравить Матвея с дебютом в качестве автора полноценной научной статьи и пожелать больших успехов в дальнейшем.

Василий Жарков,
декан факультета политических наук МВШСЭН (Шанинки)

происходящим из особенностей человеческой природы. Концепция национальных интересов, выраженных в стремлении к силе, — ключевой компонент понимания политических действий. Мораль не универсальна, она в некоторой степени влияет на процесс принятия решений, но не играет решающую роль. В соответствии с этими принципами классические реалисты анализировали классические тексты Гоббса, Макиавелли и Фукидида. Связав этих авторов в одну логическую цепочку, они стремились показать процесс генезиса реалистической мысли, ее вневременную актуальность.

Допущения Гоббса, касательно международных отношений, резонировали с описанным Фукидидом устройством мира в «Истории». Вероятно, факт того, что Гоббс перевел на английский эту работу Фукидида, является дополнительным доказательством их идейного родства²⁰. В своей титульной работе — «Левиафан»²¹ Гоббс интерпретирует заложенные Фукидидом концепции об анархическом состоянии международной системы, и выдвигает понятие «естественного состояния» человека²². В естественном состоянии все люди равны между собой в правах и способностях, но различны по своей силе, поэтому из-за недоверия законы природы побуждают забирать ресурсы у слабых — люди находятся в состоянии «войны всех против всех»²³.

Во время прочтения «Истории» Гоббс бы также обратил внимание на «истинную причину» начала войны: страх Спарты перед ростом силы Афин²⁴. Афины, в свою очередь, наращивали свои силы из-за страха перед Персидским вторжением, поэтому империя, созданная афинянами, должна была удовлетворить их базовую потребность в безопасности; но в соответствии с природным стремлением к силе, даже после исчезновения угрозы от персов, они продолжили силовое развитие²⁵.

Макиавелли поддерживает тезис о необходимости наращивания силы государствами для их выживания, и превентивные войны представляются ему вопросом безопасности: он сти-

рает границу между нападением и защитой²⁶. Макиавелли полностью оправдывает действия как афинян, так и спартанцев. В этих условиях не существует моральных ограничений, а значит и сама мораль в международных отношениях не универсальна²⁷.

И Гоббс, и Макиавелли выделяют страх как абсолютный мотив для наращивания сил, начала войны²⁸. Моргентау же более сосредоточен на понятиях «интересов» и «рациональности», поэтому в его перспективе поведение государств на международной арене движимо их национальными интересами, а не страхом²⁹. Исходя из этого, Моргентау ссылается на Фукидида в контексте обращения коринфян к спартанцам по поводу начала войны в первой книге, когда рассуждают об интересах обеих сторон³⁰. Этим аргументом он частично доказывает верность своих «шести принципов».

В итоге классические реалисты тесно связаны с Фукидидом, они находят доказательства в его работе для укрепления своего мировоззрения. Их тезисы о человеческой природе и анархии пересекаются со словами афинян об устройстве мира. Преемственность между Фукидидом, Гоббсом и Макиавелли играет ключевую роль в качестве демонстрации развития реалистической мысли.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОРЕАЛИЗМА

Неореализм (другое название — структурный реализм) представляет собой ответвление реализма, важным отличием которого является объяснение международных процессов не через природу участников этих процессов, а через структуру международной системы: одно-, би- и мульти-полярность³¹. Государства оцениваются как абсолютно одинаковые по всем критериям, кроме их материального богатства, то есть силы. Из-за изменений в структуре распределения ресурсов происходят изменения в поведении государств³².

Владея такими базовыми тезисами, неореалисты бы обратились к Фукидиду в контексте биполярности той эпохи: Афины и Спарта были двумя наиболее материально обеспеченными державами, а Пелопоннесская война воспринимается как война за гегемонию, единоличное властвование в международной системе³³.

Неореалист Роберт Гилпин полагает, что Пелопоннесская война — первый пример гегемонистической войны в истории³⁴. Он цитирует Фукидида для подкрепления своего тезиса об изменениях в распределении силы в международной системе как о фундаментальной причине начала войны, поэтому Спарта начала превентивную войну, пока разница в силе с Афинами еще не была колоссальна и спартанцы могли победить³⁵.

Итак, неореалисты проигнорировали бы различия во внутривосточном устройстве Афин и Спарты, но сконцентрировались на балансе сил и международной структуре той эпохи. Благодаря этому, неореализм может продемонстрировать то, как изменения в распределении ресурсов (и, соответственно, силы) могут привести к крупномасштабной войне, сделать выводы о поведении государств в биполярной структуре.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОКЛАССИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Неоклассический реализм пытается объединить и внутренние, и внешние факторы принятия решений. С одной стороны, неоклассические реалисты все же рассматривают положение страны в международной системе, но с другой, они утверждают, что связь между материальными возможностями и действиями государств непрямая, ее необходимо пропустить через призму внутреннего устройства государств³⁶. Внешнеполитические решения ограничены типом управления, а знание несовершенно³⁷. Это означает, что государства с одинаковым количеством ресурсов, но раз-

ным государственным устройством будут действовать по-разному³⁸.

Гидеон Роуз является основателем этой школы³⁹, он апеллирует к «Истории Пелопоннесской Войны» как к архетипу неоклассической мысли. Согласно ему, война началась из-за разницы в материальных возможностях, но в ходе войны действия различались в зависимости от тех, кто их принимал⁴⁰.

Например, Фукидид создает символическую границу: до и после смерти Перикла. Принятие решений при Перикле было выверенным и сохраняло безопасность Афин, но его преемники под влиянием «личной корысти и честолюбия» отошли от пути, которому завещал следовать Перикл, и «вели политику во вред себе»⁴¹. Дополнительно стоит упомянуть и различия между устройством Афин и Спартой, про которые говорил Перикл в своей речи (книга 2, главы 35 — 36) и которые, по мнению Перикла, влияли на стиль принятия решений⁴². В Афинах решения принимают большинством народа, в ней нет олигархии и меритократии, как в Спарте.

В итоге неоклассический реализм руководствуется изменениями в структуре распределения материальных ресурсов для объяснения феномена войны между Афинами и Спартой, но при этом также обращается к внутренней природе двух полисов, не упуская из виду различия в самом процессе принятия решений политическими акторами. Совмещая обе перспективы (внутреннюю и внешнюю), неоклассические реалисты способны учитывать не только лишь структурные факторы (чем занимается неореализм), и не только лишь факторы человеческой природы (чем занимается классический реализм). Благодаря этому, неоклассические реалисты показывают, как продуктивно может оказаться «встретиться на полпути» между двумя ветвями.

Проанализировав работу Фукидида с помощью разных линз, мы выявили, что древнегреческий автор действительно служит источником

вдохновения для всей школы реализма, однако отличающиеся трактовки событий Пелопоннесской войны показывают ключевые расхождения между ветвями. Конкурирующие «реализмы» одинаково стремительно претендуют на то, чтобы назвать Фукидида принадлежащим к ним. Благодаря этому, они демонстрируют корни своей теории, уходящие глубоко в историю.

Более того, с помощью применения разных теоретических оптик нам удалось углубиться в понимании работы Фукидида: многообразие прочтений позволило взглянуть на описанные процессы с перспективы современной теоретической мысли во всем ее многообразии. Классический реализм дал нам знание о человеческой природе, правилах выживания и морали, которыми должны были руководствоваться Афины, Спарта и другие полисы. Неореализм попробовал объяснить межгосударственную политику на более глобальном, структурном уровне, изменения в котором вынудили государства начать войну. Неоклассический реализм, комбинируя обе перспективы,

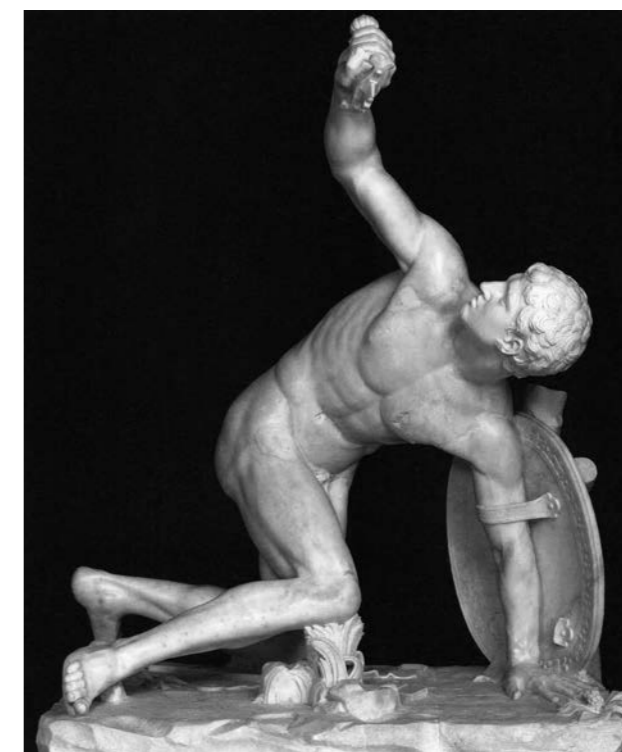
обратил наше внимание на роль внутреннего устройства государств в принятии решений, тем самым разъяснил разные подходы Афин и Спарты к принятию решений.

Примечания

- 1 Lebow, R. *International relations and Thucydides / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 200.
- 2 Кучеренко, С. А. Рецепция Фукидида в политическом реализме: наука и риторика / Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». №3, 2018. С. 79.
- 3 Joseph, J. Realism and Neorealism in International Relations Theory / *The Encyclopedia of Political Thought*. 15.09.2014. Электронный ресурс. URL: <https://online.library.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118474396.wbep0864> (дата обращения 4.06.2021).
- 4 Ibid.
- 5 Korab-Karpowicz, W. J. How International Relations Can Benefit by Reading Thucydides // *The Monist*. №89, 2006. P. 232. Также Doyle, W. Thucydidean Realism // *Review of International Studies*. №16, 1990. P. 232.
- 6 Korab-Karpowicz, W. J. Political Realism in International Relations / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 26.07.2010. Электронный ресурс. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/realism-intl-relations> (дата обращения 4.06.2021).
- 7 Donnelly, J. Realism / *Theories of International Relations*. — Palgrave Macmillan, 2005. Pp. 29–30.
- 8 Ibid. P. 31.
- 9 Lebow, R. *International relations and Thucydides / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 210.
- 10 См. Фукидид, История. — СПб.: Наука, 1999. С. 258–263.
- 11 Там же. С. 258.
- 12 Фукидид, История. — СПб.: Наука, 1999. С. 260–261.
- 13 Korab-Karpowicz, W. J. How International Relations Can Benefit by Reading Thucydides // *The Monist*. №89, 2006. P. 234.
- 14 Doyle, W. Thucydidean Realism / *Review of International Studies*. №16, 1990. P. 237.
- 15 Donnelly, J. Realism / *Theories of International Relations*. — Palgrave Macmillan, 2005. P. 32.
- 16 Forde, S. Thucydides and ‘realism’ among the classics of international relations / *Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. Pp. 178.
- 17 Lebow, R. *The Tragic Vision of Politics*. — Cambridge University Press, 2003. P. 275.
- 18 Korab-Karpowicz, W. J. Political Realism in International Relations / *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*.

- 26.07.2010. Электронный ресурс. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/realism-intl-relations> (дата обращения 4.06.2021).
- 19 См. Morgentau, H. J., Thompson, K. *Politics Among Nations*. — New York: McGraw-Hill, 1985. 689 p.
- 20 Forde, S. Thucydides and ‘realism’ among the classics of international relations / *Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. Pp. 184.
- 21 Гоббс, Т. *Левифан*. — М.: Мысль, 2001. 478 с.
- 22 Donnelly, J. Realism / *Theories of International Relations*. — Palgrave Macmillan, 2005. P. 32.
- 23 См. Гоббс, Т. *Левифан*. — М.: Мысль, 2001. 478 с.
- 24 Doyle, W. Thucydidean Realism // *Review of International Studies*. №16, 1990. P. 229.
- 25 Forde, S. Thucydides and ‘realism’ among the classics of international relations / *Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 181.
- 26 Ibid. P. 182–183.
- 27 См. Machiavelli, N. *The Prince*. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2008. 426 p.
- 28 Forde, S. Thucydides and ‘realism’ among the classics of international relations / *Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 183.
- 29 Ibid. P. 180.

- 30 Lebow, R. *International relations and Thucydides / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 204.
- 31 Donnelly, J. Realism / *Theories of International Relations*. — Palgrave Macmillan, 2005. P. 35.
- 32 Monten, J. Thucydides and Modern Realism // *International Studies Quarterly*. №50, 2006. P. 15. Также см. Waltz, K. *Theory of International Politics*. — Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.
- 33 Lebow, R. *International relations and Thucydides / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present*. — Cambridge University Press, 2012. P. 210.
- 34 Ibid.
- 35 Gilpin, R. *War and Change in World Politics*. — Cambridge University Press, 1981. P. 191.
- 36 Rose, G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. №51, 1998. P. 146.
- 37 Ibid. P. 147.
- 38 Ibid.
- 39 Carlsnaes, W. *Foreign Policy / Handbook of International Relations*. — SAGE Publications, 2013. P. 308.
- 40 Rose, G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // *World Politics*. №51, 1998. P. 153–154.
- 41 Фукидид, История. — СПб.: Наука, 1999. С. 111–112.
- 42 Там же. С. 99–104.

Библиография

Источники:

1. Фукидид, История. — СПб.: Наука, 1999. 590 с.

Литература:

2. Гоббс, Т. Левиафан. — М.: Мысль, 2001. 478 с.
3. Кучеренко, С. А. Рецепция Фукидида в политическом реализме: наука и риторика // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». №3, 2018. С. 74–86.
4. Carlsnaes, W. Foreign Policy / Handbook of International Relations. — SAGE Publications, 2013. Pp. 298–326.
5. Donnelly, J. Realism / Theories of International Relations. — Palgrave Macmillan, 2005. Pp. 29–55.
6. Doyle, W. Thucydidean Realism // Review of International Studies. №16, 1990. Pp. 223–237.
7. Forde, S. Thucydides and 'realism' among the classics of international relations / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present. — Cambridge University Press, 2012. Pp. 178–196.
8. Gilpin, R. War and Change in World Politics. — Cambridge University Press, 1981. 272 p.
9. Joseph, J. Realism and Neorealism in International Relations Theory / The Encyclopedia of Political Thought. 15.09.2014. Электронный ресурс. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781118474396.wbep0864> (дата обращения 4.06.2021).

10. Korab-Karpowicz, W. J. How International Relations Can Benefit by Reading Thucydides // The Monist. №89, 2006. Pp. 232–244.
11. Korab-Karpowicz, W. J. Political Realism in International Relations / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 26.07.2010. Электронный ресурс. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/realism-intl-relations> (дата обращения 4.06.2021).
12. Lebow, R. International relations and Thucydides / Thucydides and the Modern World: Reception, Reinterpretation and Influence from the Renaissance to the Present. — Cambridge University Press, 2012. Pp. 197–211.
13. Lebow, R. The Tragic Vision of Politics. — Cambridge University Press, 2003. 405 p.
14. Machiavelli, N. The Prince. — Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2008. 426 p.
15. Montan, J. Thucydides and Modern Realism // International Studies Quarterly. №50, 2006. Pp. 3–25.
16. Morgentau, H. J., Thompson, K. Politics Among Nations. — New York: McGraw-Hill, 1985. 689 p.
17. Rose, G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. №51, 1998. Pp. 144–172.
18. Waltz, K. Theory of International Politics. — Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 251 p.

© Текст: Матвей Бислер

«ОНА ШЛА ТАК, СЛОВНО ВСТУПАЛА В ВЕЧНОСТЬ»

История жизни принцессы Алисы, матери принца Филиппа, скончавшегося в 2021 году

КАРИНА КОКРЭЛЛ-ФЕРРЕ

Пожилая женщина в сером облачении греческой монахини взошла на трап небольшого военного самолета.

Когда самолет набрал высоту и внизу остался Акрополь, у нее выступили слезы. Чтобы успокоиться, она привычно закурила крепчайшую сигарету.

— Ну вот и все, — сказал ей голос тетушки Эллы.

— Ну вот и все, — прошептала она.

Знала, что улетает навсегда.

В Афинах опять полыхал государственный переворот. Комендантский час, на улицах танки, перестрелка. Это был конец и Марфо-Мариинской обители, которая держалась только ее усилиями.

Она видела столько войн, революций, смертей. Страх и бессилие перед «веком-волкодавом» (как называет его один не известный ей русский поэт)

сначала свели ее с ума, а потом, неожиданно, открыли истину о том, как нужно жить и что делать, чтобы не чувствовать бессилия. Все потрясения мира происходили для нее в тишине. Звуки, если и доносились, то словно из страшного далека. Глухая от рождения, она не слышала ни криков, ни выстрелов.

*Шестьдесят три года назад,
словно в прошлой жизни, приплыла
она в Грецию морем из Англии.
Юная красавица, жена принца
Андреаса Греческого. И его землю
она полюбила тоже.
Почти всех, кого
она тогда знала, больше
не было в живых. Той жизни,
уничтоженной мировыми войнами,
тоже больше не было.*

По губам, на четырех языках, она читала слова, по глазам — мысли. Часто одно и другое решительно не совпадало.

Она давно уже ничего не боялась, и, конечно, осталась бы в польхающих Афинах, если бы сын Филипп, ее маленький «Баббкинс» — герцог Эдинбургский — и невестка, королева Великобритании Елизавета II — «Лилибет», не настояли на ее немедленной эвакуации. Ей нашлось место на борту королевских ВВС, так как в самолете, на котором бежала семья последнего короля Греции Константина II, для нее места не оказалось. Да она и не стремилась.

Это была ее вторая в жизни срочная британская эвакуация. Она опять бежала налегке, раздав все свое имущество и мебель из небольшой афинской квартиры. Сокровища земные — тлен, было бы странно сделать иной вывод, получив такую судьбу.

Шестьдесят три года назад, словно в прошлой жизни, приплыла она в Грецию морем из Англии. Юная красавица, жена принца Андреаса Греческого. И его землю она полюбила тоже.

Почти всех, кого она тогда знала, больше не было в живых. Той жизни, уничтоженной мировыми войнами, тоже больше не было.

ВИНДЗОР

Она родилась в Виндзоре. Великая прабабка взяла ее на руки и посмотрела с тревогой. Оскар Уайльд скажет, что XIX век определили три человека: королева Виктория, Наполеон и Виктор Гюго.

Мать Алисы, Виктория («Викки»), супруга герцога Людвиг Гессен-Дармштадского, была любимой внучкой легендарной королевы. Королева перенесла на внуку свою скорбную любовь к ее матери, Алисе Великобританской, самой злополучной из своих дочерей. Судите сами. Две дочери принцессы Алисы Великобританской, два зятя и пятеро ее внуков будут зверски убиты в России (к счастью, мать об этом не узнает), двухлетний сын выпадет из невысокого окна и скончается от гемофилии

чешского кровоизлияния (если бы не гемофилия, он бы выжил, заключит врач), одна из дочерей умрет во время эпидемии дифтерии и, наконец, ухаживая за детьми, дифтерией заразится и сама Алиса Великобританская и скончается в 36 лет, по злой иронии, как раз в день годовщины смерти своего отца, принца Альберта, самый черный день в жизни королевы Виктории. И это еще не все, потому что, старший сын Алисы Великобританской, кайзер Вильгельм, последний монарх Германии, начнет Первую мировую войну, которая погубит старую Европу.

Королева воспитает осиротевшую Викки и настоит, чтобы рожала Викки у нее, в Виндзоре, в Зале Гобеленов, там, где и сама королева родила свою несчастную дочь. Туда привычно внесут кровать, и 25 февраля 1885 года, под изображениями античных аллегорий Милосердия, Мудрости, Справедливости, появится на свет девочка, которую назовут, в честь покойной бабушки, Алисой. Позже станет ясно, что ребенок родился глухим.

Мать прикажет всей семье не делать никаких послаблений на глухоту Алисы: говорить с ней с нормальной скоростью, пусть учится читать по губам. И она научится этому блистательно, по-английски, по-немецки, по-гречески и по-французски.

АНДРЕАС

Она впервые увидела Андреаса (офицер, но в очках из-за близорукости!) на коронации короля Берти — Эдуарда VII, «непутевого» сына королевы Виктории. Коронация откладывалась. Полный, жовиальный Берти, завсегда парижских кабаре, попал на операционный стол с аппендицитом, и собравшиеся в июне 1902 года в Лондоне коронованные особы Европы были предоставлены сами себе до самого августа, когда коронация, наконец, состоялась. Двое — принц Греческий и Датский Андреас и Алиса Баттенбергская ничуть не жалели об отсрочке. Парки летней Англии. Любовь с первого взгляда.

В 1903 году в Дармштадте сыграют веселую свадьбу, с фейерверками. Будут две службы: протестантская и православная, в православной церкви, построенной в Дармштадте буквально на русской земле (землю привезут из России). Все это стараниями тетушки Аликс, императрицы Александры Федоровны и ее мужа, царя Николая II. Они тоже будут здесь, со старшими дочерьми. Царь подарит молодым редкость — автомобиль.

Никто толком не понимал, почему королева Виктория была так решительно настроена против того, чтобы ее внучки — и Элла, и Аликс — выходили за Романовых и предрекала, что ничего хорошего из этого не выйдет. И итоге, она сдалась: там тоже оказалась большая любовь. К тому же, все они, в 1903 году, были счастливы и могущественны, и уверены, думали, что на этот раз ошибалась «Мать Европы».

РОССИЯ. ТЕТУШКА ЭЛЛА

Выросшая среди английских лужаек и дармштадских дождей, среди серого перламутра британских моря и неба, Алиса неожиданно полюбит жаркую синь, пыль, энергию и хаос Афин. Местами счастья станут для нее, сначала — неустроенный, с разошедшимися рамами, зимой холодный и полный сквозняков королевский дворец в Афинах, а потом — их собственный дом, в Татои. Принц Андреас, полурусский-полудатчанин, которого Мари Бонапарт сравнит с «породистым скакуном», искренне полюбит жену. Родятся четыре чудесные девочки. Алиса вскоре прекрасно освоит трудный греческий, но и без этого греки радушно примут молодую принцессу. Ее будут приветствовать толпы. Высокая, стройная, голубоглазая, своей изысканной красотой она совпадала с греческим идеалом и с легкостью могла бы вызвать Троянскую войну. И роковая война вскоре начнется, но не из-за нее.

Но сначала будет 1908 год и лето в России, в гостях у Романовых. Избыточная, душная, тяжелого золота, роскошь царских дворцов не увлечет Алису, воспитанную на протестантской

простоте и привыкшую к античной скромности Афин. Гораздо свободнее 23-летняя принцесса почувствует себя в Ильинском, поместье своей крестной матери, любимейшей тетушки Эллы, недалеко от Москвы.

Они будут играть в крокет на зеленой траве в белых платьях, пить чай в саду, купаться в теплой, прозрачной, медленной реке с длинными, как волосы русалки, водорослями.

Алиса увидит, как подросли за пять лет племянницы: серьезные подростки Ольга и Татьяна, смешливая Мария, и пополнение: толстушка Анастасия и бледный мальчик, долгожданный наследник престола Алексей, с внимательным, взрослым взглядом. Вот и они с Андреасом мечтают о сыне, но пока рождаются девочки. Ничего, вся жизнь еще впереди.

Хозяйка Ильинского, тетушка Элла, принцесса Гессенская и Прирейнская, родная сестра императрицы России Александры, жены Николая II, принявшая русское православие и известная под именем великой княгини Елизаветы Федоровны, в 1905 году пережила страшную трагедию. Бомба террориста Каляева разорвала на куски ее мужа, великого князя Сергея Александровича (младшего брата Александра III), выезжавшего из Кремля в конном экипаже.

Элла оказалась рядом и видела кровавое месиво, в которое за одно мгновение превратилось тело мужа. Вспоминают, что она шептала в глубоком шоке: «Прикажите все убрать... все убрать... Сергей Александрович не любит грязи и беспорядка...».

Великий князь был губернатором Москвы, когда произошла трагедия на Ходынке. Во время коронации Николая и Александры, в давке за «царскими подарками», погибло 1389 человек и 1300 получили тяжелые увечья. Ходынка, усыпанная трупами, напоминала поле боя. Празднества богопомазанников, однако, продолжились пышным балом у французского посла, на котором танцевал и великий князь Сергей. Виновником трагедии москвичи сочли именно его.

Елизавета Федоровна ходатайствовала перед царем за сохранение жизни Каляеву, а когда в этом было отказано, пришла в тюрьму к убийце мужа, принесла Библию и сказала, что прощает.

Оставшись вдовой, она задумала организацию женской обители. В ее вере было меньше созерцательной мистики, чем у ее сестры, Аликс, а больше протестантского действия: организована школа сестер милосердия, оборудована современная больница, открыта аптека, приют для сирот. Почти все английские аристократки XIX века были под сильным впечатлением от деятельности Флоренс Найтингейл, прославленной сестры милосердия Крымской войны.

В Ильинском Алиса не отрывала глаз от Эллы, считывая с ее губ важнейшие для себя вещи и поняла: вот так и она хотела бы жить. Элла навсегда станет ее идеалом. 10 июня 1908 года Алиса будет, волнуясь, стоять рядом с ней во время службы, посвященной закладке камня Марфо-Мариинской обители. Заметим, архитектором ее церкви станет Щусев, тот самый, который потом прославится другим культовым зданием — Мавзолеем Ленина.

ВОЙНА

В 1912 году начнутся Балканские войны греков с турками, предтеча Первой мировой. Андреас тут же отправится офицером на фронт, и Алиса, оставив детей на попечении нянек, последует за ним, для организации госпиталей у линии фронта. Алиса делает перевязки, ассистирует на жутких ампутациях, организует питание раненых. Условия невыносимые. Она напишет матери, в Англию — «все коридоры в крови». Мать делится беспокойством: то, что человек не замечает из-за остроты момента, может сказаться потом на психике. Она будет права.

Первая Мировая война тектоническими трещинами расколет Европу и разорвет связи ее королевских домов. Родители Алисы покинут Германию и поменяют немецкие имена на

английские — Баттенберги становятся Маунт-баттенами и Милфорд-Хевен. Британский королевский дом Сакс-Кобург-Готта — династией Виндзоров.

Штандарты кайзера вынесут из часовни святого Георга, совместные с ним фотографии вынут из альбомов и его портреты уберут на чердаки. А ведь Вильгельм был частым здесь гостем, мечтал жениться на Элле, и бабушка, королева Виктория, умерла практически у него на руках.

Яростная и кровавая война унесет миллионы жизней, уничтожит несколько империй и начнет собой XX век.

В 1917 обрушится Российская империя, а в 1918-м придут известия о расправе над царской семьей и гибели Эллы. Ее расстреливать не станут, а вместе с другими арестованными сбросят в многометровый колодец шахты в Алапаевске, недалеко от Екатеринбурга. Туда же швырнут гранату... Когда город займут белые и извлекут останки, станет очевидно, что жертвы долго и мучительно умирали там, в крошечной тьме, от истощения и ран. Отступающая белая армия перевезет останки убитых в Китай, оттуда — в Египет, и только в 1921 они обретут покой в Израиле, на Масличной горе.

Алиса так никогда и не оправится от кошмара этого известия.

ШТОРМОВАЯ НОЧЬ

Балканские войны будут идти, с перерывами, до 1922 года. 10 июня 2021 года Алиса родит на острове Корфу, в резиденции Мон Репо, долгожданного и совершенно здорового мальчика. Его назовут Филиппом.

Греки потерпят тяжелейшее поражение. Козлами отпущения за это сделают королевскую семью, которую несправедливо обвинят в недостаточном патриотизме из-за отсутствия в них даже капли греческой крови. «Революционный комитет» приговорит Андреаса к смерти за неповиновение приказу греческого генерала. Уже идут расстрелы офицеров и министров правительства, огульно обвиненных в измене. Алиса живет на Корфу в полной изоляции и

немыслимой тревоге. У них с Андреасом тоже четыре дочери и сын, как у тетушки Аликс, там, в Екатеринбурге...

Штормовой декабрьской ночью спасение приходит в виде моряков британского флота. Король Георг V посылает к берегам Корфу канонерку «Калипсо», чтобы вывезти семью. Английский король не хочет повторения судьбы Романовых, спасти которых не смог, в том числе и из-за политического противодействия в Британии. Российская монархия, из-за расстрела мирной демонстрации 1905 года и еврейских погромов, имела у британцев репутацию деспотической. Георг хорошо понимает: все троны Европы сейчас в опасности, включая британский...

Положив спящего Филиппа в коробку изпод апельсинов, не успев взять почти ничего из имущества, Андреас и Алиса, уплывают в неизвестность долгого изгнания. Им повезло больше Романовых...

ВЕК, СВОДЯЩИЙ С УМА

Семья поселяется в Париже, на иждивении и под крышей Мари Бонапарт, это жена брата Андреаса, Георга. Надежды на улучшение политической ситуации и возвращение в Грецию тают, дети растут в изгнании. Конца унижительному и неопределённому положению не видно. Супруги отдаляются. Алиса не выдерживает.

В 1928 году они проведут свое последнее совместное, нормальное лето. 3 октября отметят серебряную свадьбу, после которой все покатится под откос. В день юбилея — прекрасная погода. Гости приглашены на банкет на рюде Мон Валерьер. Алиса ведет еще нормальные разговоры. Художник Ласло пишет ее знаменитый портрет, она все еще в зените своей красоты.

Через две недели после юбилея, Алиса заявляет, что решила принять православие, как покойная тетушка Элла, о которой она все чаще видит сны. Ее мать в беспокойстве: православие не принесло счастья ни одной женщине в роду Гессен-Дармштадских. Но обряд совершают.

Однажды дочь Сесилия, войдя в комнату, видит мать распростертой на полу. Та объясняет, что получает от земли силу для того, чтобы лечить наложением рук. Ее разговоры становятся все более странными. Она заявляет, что находится в физическом контакте с Христом, который избрал ее для какой-то важной миссии, о чем она вскоре сообщит. Семья в беспокойстве. Целыми днями Алиса бродит по дому и что-то шепчет или улыбается невидимым собеседникам. Она невероятно меняется внешне, отказывается от пищи, не меняет одежды, спит на полу, изнуряет плоть. Говорит, что в интере-

© Фото: Александр Тязин-Радно

сах мира нужно установить связь между Христом, Буддой, Магометом и всеми остальными божествами людей.

Ее безумие становится трудно скрывать. Андреас пишет матери Алисы, в Лондон, просит помощи. Та приезжает немедленно.

По рекомендации Мари Бонапарт, которая и сама практикует психоанализ и находится в дружбе с Зигмундом Фрейдом, Алису помещают в клинику под Берлином. Из клиники Алиса пишет логичные письма, но ставит в верхнем левом углу маленький крест. На языке стенографии это означает, что текст «надиктован».

Ее осмотрит Зигмунд Фрейд и посоветует «лечение рентгеном». Практически принудительно, яичники Алисы будут облучать сильными дозами рентгена, чтобы вызвать менопаузу: надеются, что гормональные изменения излечат психику. Фрейд привык объяснять все психические отклонения половыми расстройствами. Он не спрашивает, какой страшной была для Алисы ночь, когда горел подожженный королевский дворец, или, во время погромов и мятежа 1916 года в Афинах, ей с дочерьми приходилось укрываться в подвале от пуль; он не спрашивает, что пережила она на вилле Мон Репо, ожидая возможной расправы. Доктор Фрейд словно не замечает, что большинство пациентов психиатрических клиник страдает от военных неврозов и потери всех опор, которые выбило из-под человека новое столетие, «шум времени» которого сводил людей с ума. Облучение рентгеном, конечно, не поможет.

Алису выпишут, и мать увезет ее в Дармштадт, но вскоре ситуация ухудшится. От лечения Алиса откажется, и Виктория решится на крайнюю меру. Из закрытой швейцарской клиники вызовут психиатра Карла Уилмана. Бабушка возьмет ничего не подозревающих дочерей Алисы и 11-летнего сына Филиппа на прогулку, в парк, на пикник. Когда они вернутся, матери в доме уже не будет. Ее, оглушенную транквилизаторами, к ночи доставят в швейцарскую клинику Бельвью. Джозеф Рот упомянул эту клинику в «Марше Радецкого». Здесь лечили от

шизофрении Нижинского. Главный ее психиатр – Бинсвангер — друг Хайдеггера и Фрейда.

«Врачи способны лечить тело, но у них совершенно нет инструментов для излечения души», — скажет ему потом Алиса, и Бинсвангер не сразу найдет, что ответить.

Мать будет посещать ее в Бельвью, но только спустя несколько лет Алиса узнает, что в клинику ее поместила мать, и расценит это как предательство. Алиса попытается бежать и будет уже в поезде, когда ее схватят и вернут. Она замечает: «Инженера Цеппелина тоже считали сумасшедшим, пока он не изобрел то, чего не изобретал никто». В этой клинике ей исполнится сорок пять.

В плохие дни она раздает горничным свое имущество и думает о самоубийстве.

В дни ясности ведет себя безупречно. Читает любимых Платона, Плотина, Кейзерлинга, Шурэ. Ежедневно работает над проектом греческой конституции, в котором очень логично выстраивает разделение властей, электоральный механизм, налогообложение; она пробует себя в живописи и говорит с восхитительной самоиронией: «У меня получается «современная живопись. Наверное, ее создатели тоже безумны».

Голоса, которые звучат в ее голове, она описывает так: «Как будто кто-то читает тебе вслух». Она радуется, когда слышит голос Элы. Они ведут долгие беседы.

ГОДЫ СКИТАНИЙ

В 1932 году ее сочтут достаточно здоровой, чтобы выписать. Начнутся годы скитаний инкогнито, под чужими именами, когда только мать, с которой у Алисы состоится примирение, будет знать, где она, и обеспечивать ее содержание. Алиса будет жить то в маленькой немецкой гостинице, то в домике на берегу Средиземного моря. Наконец — в небольшом реабилитационном пансионе супругов Марковиц в Брейбахе, где она задержится надолго, так как найдет не только уважение и свободу, но и стимулирующую интеллектуальную среду.

Безумие уйдет, останется желание разобратся в мироустройстве и природе добра и зла. Она изучает педагогику Монтессори и Фрёбеля. Ее политические идеи будут экстравагантны и несвоевременны. Например, вот что она напишет брату – «Дикки» Маунтбаттену (Гитлер еще не захватил ни Австрию, ни Чехословакию): «в итоге, идеалом было бы объединить все немецкие государства в Европейскую федерацию с одной валютой и без внутренних границ.»

В письмах она никогда не спрашивает ни о семье, ни о детях. Не хочет связей, которые все равно всегда обрываются, не хочет никого компрометировать своим диагнозом: шизофрения?

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наступает страшный день, 12 ноября 1938 года, который все меняет.

Ее беременная дочь Сесилия, с мужем и двумя детьми летели из Германии в Лондон. Самолет разбился в тумане над Бельгией.

Похороны проходили в Дармштадте. Муж Сесилии был нацистом. Свастики, длинные кожанки и высокомерные кокарды, почетный караул — безупречные, квадратные подбородки. Гитлер и Геббельс прислали соболезнования.

Нацизм разрежет семью по живому. Когда начнется война, и родной брат Алисы, британский адмирал Маунтбаттен, вместе с единственным сыном Алисы, офицером британского Королевского флота Филиппом, в битве за Сицилию будут сражаться с нацистами, мужья ее дочерей окажутся на другой стороне.

И сама Алиса, которая хоронит так ужасно погибшую дочь и внуков среди всех этих свастик, живет в «еврейском» пансионе, где, наконец, нашла покой и дружбу.

Именно скорбь по дочери и внукам окончательно пробудит Алису и победит ее болезнь.

Шел за гробом почерневший от горя Андреас: Сесилия была его любимой дочерью. Рядом с отцом — высокий подросток Филипп. Они не сразу узнали Алису: так изменила ее бо-

лезнь. Ее никто не видел с 1932 года. С Андреасом они встретились равнодушно, как чужие, как корабли в ночи.

Вернуться в Брейбах, к Марквитцам, Алиса уже не сможет: из-за антиеврейских законов они закрывают свой пансион и бегут в Швейцарию. Алиса сохранит переписку и теплую дружбу с ними на всю жизнь.

АНГЛИЯ. «ДИКАЯ МЕСТНОСТЬ»

После похорон мать уговорит ее приехать в Англию. Здесь, в особняке садовника Wilderness House («Дикая местность»), на территории великолепного дворца Хемптон корт, живет уцелевшая родная сестра Николая II, великая княгиня Ксения. Ее, успевшую добраться до Крыма, вместе с мужем и семерыми детьми, удалось вывезти британским фрегатом «Мальборо», отправленным Георгом V.

Ксения увешала гостиную фотографиями детей. Алисе особенно понравилась одна. Сфотографированы в 1925 году. Красивые, молодые, совершенные англичане. Смокинги, элегантные платья. Живые. Спасенные. О большевиках в доме Ксении не говорят, как о веревке в доме повешенного. К тому же, отношение неразговорчивой Алисы к жизни — действенное, теперь еще более, чем раньше. Она давно поняла: единственное, что можно противопоставить «веку-волкодаву» — человечность отдельно взятой души и практическую помощь там, где она нужна. Больше ничего. Княгиня Ксения и ее верная фрейлина, монахиня Марфа Масленникова, рассказывают Алисе о благотворительном приюте для пожилых православных священников и аристократии в Кенте, Севеноук. И Алиса отправляется туда, помогает на кухне, ухаживает за больными до самого 1939 года.

«СПАСТИ ОДНОГО — СПАСТИ МИР»

Когда становится ясно, что война неизбежна, она возвращается в Грецию. Она устала от изгнания. Только здесь она не будет одинока.

Только здесь не почувствует снисходительности, не будет судима. Только здесь почувствует, что нужна. Королевская семья Греции эвакуируется в Южную Африку, но Алиса решает возвратиться к своему народу, не в королевском понимании: в человеческом.

Когда Афины оккупируют немцы, в городе начнется голод. Алиса, сама от недоедания похудевшая на 26 килограммов, кожа да кости, с головой уйдет в организацию суповых кухонь (продовольственная помощь американского Красного Креста), будет устраивать беспризорных детей, продолжать оказывать помощь афинским старикам и больным. Именно тогда она будет писать бодрые письма сыну Филиппу, который бьет нацистов на морях. Именно тогда Алиса все чаще станет одеваться в монашескую одежду: это немарко, удобно для работы на кухне, в больнице. Однажды она увидит свое отражение в потемневшей амальгаме и ... на нее смотрит Элла. Они всегда были похожи, а теперь, достигнув близкого возраста, слились.

Ей удобно, что нацисты относятся к ней как к курьезу: невозможно узнать дармштадскую аристократку в полубезумной глухой старухе-монахини! Она утрирует перед ними и свою придурковатость, и глухоту. У нее получается добыть у немцев разрешение на поездку в Швецию, к сестре Луизе, супруге шведского короля. Оттуда она привозит морем медицинское оборудование, перевязочные материалы, лекарства через «Шведскую благотворительную комиссию». Ей шлет продовольствие королева Румынии Елена. Она принимает любую помощь, которая помогает выживать ее народу, терпящему бедствие.

Живет в то время с единственной верной служанкой, гречанкой Популо, в трехэтажном доме, принадлежащем греческой Короне. Он давно требует капитального ремонта, полон надрывного скрипа половиц и прогорклого запаха каминной сажи.

Закрытые ставнями окна выходят на ту же площадь, где сухой греческий ветер колышет черные флаги штаб-квартиры гестапо. Однаж-

ды к Алисе приходит генерал оккупационной власти и спрашивает, не мог бы он что-либо сделать для принцессы фон Баттенберг. «Вы можете сделать следующее: вывести свои войска из моей страны», — отвечает она с королевским достоинством, не подав генералу руки.

Генерал, конечно, и понятия не имеет, что в верхних комнатах, под носом у гестапо, Алиса скрывает еврейскую семью Коэнов, которым грозит неминуемая отправка в Аушвиц.

С захватом нацистами Салоников, в городе истребят более 60 тысяч евреев. В Афинах гестапо организует специальную комиссию для уничтожения евреев — «Комитет Розенборга». Простые греки укрывают евреев в домах. Архиепископ Дамаскинос активно участвует в их спасении, шеф афинской полиции Ангелос Эверт издает более 18500 фальшивых документов, позволивших евреям бежать.

Коэнов Алиса знала с 1913 года. Однажды, во время наводнения, депутат парламента, владелец строительной компании Хаимаки Коэн предоставил убежище в своем удобном особняке Алисе, Андреасу и королю Георгу I. Теперь, когда страна переживала нацистский потоп, Алиса поселила у себя его вдову Рахиль (Хаимаки умер до войны), дочь Тильду, сыновей Эли, Альфреда, Якова и Михаила. Ранее их укрывала на ферме одна протестантка, но их случайно там обнаружили и могли донести. За укрывательство евреев декретом оккупационных властей любому грозила неминуемая смертная казнь, часто публичная.

Алиса, узнав, что Коэны в городе, ни минуты не раздумывая, сделала все, чтобы спрятать их в верхних комнатах своего дома 15 октября 1943-го, где они и оставались до самого освобождения Афин. Из братьев в доме оставался только младший из братьев, Михаил, а старшим удалось пересечь на баркасе Эгейское море, попасть в Турцию, а оттуда — в Египет, где они вступили в армию греческого Сопротивления.

Алиса будет часто подниматься наверх, и, делясь скудной едой, какую сумеет раздобыть,

будет разговаривать с Рахилью, Тильдой и Михаилом об иудаизме, о мироустройстве, о многих других вещах.

Альфред Коэн впоследствии расскажет о том, как они выжили, своему знакомому, британскому адмиралу Ховарду-Джонсону, и так об этом узнают. Алиса никогда и никому не станет об этом говорить.

После освобождения Афин Алиса едет в Ниццу, на могилу Андреаса. Он умер в 1944-м, во сне, в гостиничном номере, в Монте-Карло. В последние годы Андреас жил во Франции на чужих яхтах, производил впечатление страшно одинокого человека, сильно пил, нуждался, но регулярно присылал сыну Филиппу, в Англию, немного карманных денег. Андреас никогда не просил развода. Никогда ей не помогал, не писал и практически забыл о ее существовании с тех самых пор, когда она попала в лечебницу. В последний раз они случайно встретились на улице, в Афинах, до войны. Его похоронили в православной церкви, в Ницце. Она положила на могилу букетик анемонов. Она давно всех простила.

ФЕНИКС

Свадьба Филиппа и Елизаветы будет первой свадьбой одного из ее детей, на которой ей посчастливится быть. Ей понравится серьезная, стеснительная, немногословная будущая невестка. Алиса решит сделать ей королевский подарок. После смерти Андреаса она получит доступ к своим драгоценностям, хранившимся в банке на его имя. Из многих камни будут вынуты и проданы, но уцелеет пожалованный ей Николаем II российский орден святой Екатерины, с бриллиантами особенно чистой воды. Из них она закажет на Бонд-стрит, у лучшего лондонского ювелира, Филиппа Антробуса, великолепный перстень для своей невестки, будущей британской королевы.

...Самолет подлетал к Англии. Алиса никогда не могла бы ни с чем перепутать это лоскутное одеяло бесчисленных оттенков зе-

леного. Недалеко от нее сидели молодые летчики. Они тихо переговаривались, с интересом разглядывая ее монашеский головной убор. Чтобы ее не отвлекали чужие слова, она закрыла глаза. Теперь никто не мешал ее воспоминаниям.

Король Георг VI неожиданно быстро сгорел от рака в феврале 1952 года.

Коронация 2 июня 1953 года не просто обручала со страной юную, бледную женщину, сидевшую преувеличенно прямо под видимой тяжестью драгоценных королевских регалий, она была манифестом: Британия возродилась, как Феникс. Возродилась из щебенки бомбардировок «люфтваффе», послевоенных карточек, дефицита угля, огромного военного долга, смертельной усталости и тяжелого осознания невосполнимых потерь, которые приходят после того, как улегся восторг победы.

Тогда, на коронации в Вестминстерском аббатстве, Алисе вдруг показалось, что никакого двадцатого века не было. Сложное действо совершалось с восхитительным порядком и уверенностью. Торжественным львом ревел орган. Под серебряные фанфары, под ангельские голоса хоров шли процессии рыцарей в горностаевых мантиях, в сиянии парчи и драгоценностей шли герольды, архиепископы, пэры. Поредевший строй династий Европы высоко нес свои коронованные головы, чудом уцелевшие в революциях XX века.

Алиса шествовала по синему ковру в сером облачении греческой монахини так, что о ней напишут: «Она шла так, словно вступала в вечность».

Ее простота была контрастом и тоже манифестом. Она тоже, как Феникс, восстала из пепла безумия, изгнания, войн, революций.

Потом, с почетного места, с хоров, она смотрела на сына, преклоняющего колено перед своей женой и монархом, и вспоминала, как положила его, спящего, в коробку от апельсинов, той штормовой, зимней ночью во время бегства с острова Корфу. Сейчас

он, высокий красавец, был в центре действия, в горностаевой мантии рыцаря — новый принц-консорт. Она гордилась своим «Баббинксом», но гордость была с горечью: безумие не позволило ей быть ему хорошей матерью. От всяких притязаний на греческий престол он отказался и принял британское подданство: ничего не поделаешь. Его вырастили здесь, без нее, совершенным британцем, влюбленным во флот. Он любит свою Лилибет, маленькую принцессу, неожиданно ставшую королевой. Что их ждет? Сможет ли Филипп смириться с вечно второй ролью? Дети у них родились хорошие, Чарли и Анна. Алиса их сразу любила.

...Сквозь дрему Алиса почувствовала, что у нее заломило в ушах: самолет снижался.

— Ну вот и все, — сказал голос Эллы, когда они приземлились, — и возвращается ветер на круги своя. Ты вернулась в начало.

— Я вернулась, — сказала Алиса.

«И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР...»

Алиса Баттенбергская поселится в верхнем этаже Букингемского дворца, ее очень полюбят внуки — особенно наследник престола Чарльз — за то, что она будет так отличаться от всех остальных. Она будет сильно курить, кашлять, смеяться и рассказывать детям захватывающие истории. Внуки поплывут с бабушкой

на яхте «Британия» в круиз вокруг Шотландии. Последние ее годы будут спокойны, благополучны и наполнены памятью.

Из больницы она напишет сыну последнюю записку: «Будь отважен и помни: я никогда тебя не покину, и ты будешь чувствовать мое присутствие всегда, когда я буду нужна тебе больше всего».

Алиса умрет в Лондоне, во сне.

Имущества от нее останется — несколько халатов и книг. Почти все свои письма и записки перед смертью она уничтожит.

На ее похороны многие не смогут прилететь: будет страшный туман. Ее положат в Виндзоре, в королевской усыпальнице. Ее завещание — похоронить себя рядом с Эллой, в Иерусалиме, в храме Марии Магдалины, в Гефсиманском саду — из-за политических препятствий исполнят только в 1988 году.

Статуя Эллы, «великомученицы Елизаветы», будет установлена на западном фасаде Вестминстерского Аббатства, среди других жертв XX века, на его исходе. Ее торжественно откроет королева Великобритании.

В 1994 году принц Филипп придет в Иерусалим, чтобы принять посмертно присвоенное его матери звание Праведницы Мира.

В ее честь в Израиле на Аллее Праведников посадят дерево.

Сейчас оно уже высокое.

© Текст: Карина Кокрэлл-Ферр
© Фото: Александр Тягун-Рядно

КАРИНА КОКРЭЛЛ-ФЕРРЕ — филолог, писатель, журналист, переводчик, автор книг "Легенды и мифы мировой истории" и "Мировая история в легендах и мифах" (АСТ - Астрель). Живет в Великобритании.

РАЗГОВОРИТЬ ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ ПРОШЛО

НИКОЛАЙ ПОДОСОКОРСКИЙ

Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — 576 с.

«Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий»¹ — этот афоризм историка В.О. Ключевского, кажущийся, на первый взгляд, банальностью, на самом деле, по-своему парадоксален. В нем прошлое представлено подлинным субъектом истории, который к тому же является не тем, чем кажется, — он не столько прошедший/прошлый, сколько ушедший/ушлый, иначе говоря, не случайный уличный прохожий, но покинувший дом (на время?) хозяин, обладающий хитрым, коварным, изворотливым характером и оставивший в жилище много запертых комнат с трупами наподобие той, что была у Синей Бороды во французской сказке.

Когда речь идет об изучении государственных преступлений столетней и менее давности, то исследователь, особенно родившийся, выросший и живущий в том самом доме-государстве с воюющими друг с другом детьми, при-

**И почему народ, что призван
Ко всеобъемлющей любви,
Подменной низкой создал призрак
Смерчем бушующий в крови.**

Даниил Андреев, 1950.

давленными авторитетом исчезнувшего отца, не способен полностью сохранять непредвзятость и отстраненность.

Филолог, переводчик и журналист Николай Эппле, написавший книгу о неудобном прошлом XX столетия, признается, что импульсом для ее создания стала «необходимость разрешить недоумение глубоко личного характера» (с. 11). Как выяснилось, две ветви его семьи (дедушка по матери и бабушка по отцу) слишком по-разному оценивали свое прошлое периода сталинских репрессий. Эппле излишне рационализирует и сциентизирует человеческую природу, замечая, что ему кажется «невероятным», что согласно опросу ФОМ 2014 года,

16% респондентов заявили, что массовых репрессий при Сталине не было, а еще 18% и вообще затруднились что-либо сказать по этому поводу (с. 12).

Более всего удивляет Эппле именно осознание, что «различаются не только и не столько оценки прошлого, сколько само восприятие реальности» (с. 12), а это выбивается из понятных и удобных схем типизации общества, собственных позитивизму, полагающему, что все люди живут по одним и тем же законам. «Может показаться привлекательной попытка объяснить расхождение представлений о прошлом «шизофренией». Но она ничего не дает, если за этим словом стоит оценочное высказывание» (с. 12), — замечает автор.

Понятно, что опасность возникает вовсе не тогда, когда вдруг обнаруживается, что миллионы взрослых людей не могут или не хотят дать правильный ответ на вопрос из «школьной программы», но когда власть, считающая себя прямой наследницей сталинизма, начинает запрещать свободно говорить о научных проблемах, принимает разного рода законы в защиту сложившихся патриотических мифов, препятствует открытию государственных архивов, публикации документов, ведению независимой просветительской деятельности, а также преследует историков, профессионально выполняющих свою работу. Эппле справедливо пишет о двойственности в поведении такого государства, которое может одновременно чтить память о жертвах репрессий прошлого и при этом возвеличивать и защищать тех, кто эти репрессии осуществлял.

Структура книга состоит из трех частей. В первой части («Анамнез») исследуется память о трудном советском прошлом и наследии сталинизма в современной России. Вторая часть («Анализ») раскрывает похожие проблемы работы с национальным прошлым в других странах: Аргентине, Испании, ЮАР, Польше, Германии и Японии. В третьей части («Синтез») рассматриваются сценарии и механизмы преодоления преступного наследия государств

и обществ и принятия ответственности за него. Таким образом, Н. Эппле видит цель своей книги в практическом применении международного опыта для исправления ситуации в нынешней России, которая, по его словам, «находится на пороге “прорыва памяти”» (с. 22).

О специфике взгляда автора на неудобное прошлое XX века можно косвенно судить по именному указателю к его книге. Абсолютный рекордсмен по упоминаемости — советский диктатор И. Сталин. Из исторических и политических деятелей также наиболее часто в тексте упоминаются А. Гитлер, Ф. Франко, Хирохито, Н. Мандела, К. Аденауэр, В. Брандт, Х. Видела, А. Пиночет, В. Ярузельский, Н. Хрущев, М. Горбачев и В. Путин. Из исследователей — Т. Адорно, Х. Арндт, Дж. Гибсон, Я.Т. Гросс, К. Ясперс, Ю. Хабермас, О. Хлевнюк, Ю. Дмитриев, Д. Карагодин.

Цифры, которые приводит Эппле со ссылкой на труды историков, порой, действительно, ужасают. Так, он пишет, что «к моменту смерти «вождя народов» ГУЛАГ представлял собой непомерно разросшуюся, убыточную и неэффективную систему, в которой находилось огромное число неправосудно осужденных людей. В начале 1953 года в разнообразных подразделениях ГУЛАГа содержались 5,5 млн человек, или около 3% населения страны (около 2,5 млн в лагерях, более 150 тысяч в тюрьмах, более 2,8 млн в спецпоселениях и ссылке)» (с. 47-48). Последствия сталинизма описываются им весьма выпукло и доходчиво: «Последствиями ленинской и сталинской политики террора были не только миллионы отнятых и десятки миллионов сломанных жизней, но также разрушение уклада русской деревни, разрыв социальных связей, деградация управленческой, судебной и политической системы, выстраивание неэффективной и работающей на износ экономики и установление тоталитарных режимов в соседних государствах. Хотя собственно ГУЛАГ был в основных своих элементах демонтирован в конце 1950-х и начале 1960-х годов, последствия советской политики террора оказались

чрезвычайно растянутыми во времени и дают о себе знать в действительности, которая окружает нас сегодня» (с. 48).

Весьма симптоматичным представляется спор внутри Русской православной церкви в связи с канонизацией мучеников, погибших за веру в Бога в годы Большого террора. Впервые публично этот вопрос поднял на Поместном соборе 1988 года выдающийся христианский подвижник и богослов, митрополит Сурожский Антоний (Блум). Ему оппонировал влиятельный церковный функционер, изощренный в политических интригах, митрополит Коломенский и Крутицкий Ювеналий (Поярков), считавший, что поспешность в этом вопросе могла бы вызвать ненужное брожение среди атеистов и верующих — патриотов своей родины и советской власти (с. 60-62). Уже в другую эпоху, при патриархе Алексии II, владела точка зрения митрополита Антония, но реализовывал эту инициативу все тот же Ювеналий, возглавлявший Синодальную комиссию по канонизации святых. Такой казус отнюдь не редкий случай, когда изначально к преодолению травматичного прошлого призывают идеалисты, а практические шаги на этом пути делают компромиссные фигуры, в равной степени принадлежащие разным режимам и идеологиям.

Подробно описывая аргументы нынешних российских теоретиков этатизма против излишнего педалирования темы советского террора (В. Мединского, А. Пушкина, Н. Нарочницкой, Т. Шевкунова и др.) Эппле делает следующий вывод: «К концу 2010-х годов российская государственная политика памяти о советском терроре — главным символическим событием которой стал запуск «франшизы» «Россия — моя история» и открытие Стены скорби в Москве — представляет собой стремление законсервировать крайне токсичную и опасную для государства тему символического и институционального осуждения этого террора, используя внутреннюю логику уравнивания преступлений успе-

хами и риторику «примирения» без обращения к теме ответственности» (с. 94).

Говоря об общероссийской гражданской акции памяти жертв политических репрессий «Возвращение имён», организуемой обществом «Мемориал», автор приводит свидетельство одного из участников, который увидел в этом ритуале нечто вроде «призывания духов», хотя и с оговоркой, что «ведь реально никакие имена никуда не возвращаются, реально никто этих людей не знает, как не знаем мы любые имена, написанные на кладбищенских табличках» (с. 100)².

Не менее любопытен и рассказ о призраках прошлого, описанный уроженкой села Тополиное в Якутии, а ныне британским антропологом Ольгой Ултургашевой. Эппле передает его следующим образом: «Эвенская оленеводческая деревня была основана в 1970-х годах на месте одного из многочисленных лагерей Дальстроя, заключенные которого использовались для строительства ответвлений знаменитой Колымской трассы. Умерших не хоронили должным образом. Многие из них служили «наполнителем» для трассы, так что название «дорога на костях» — вовсе не фигуральное. С 1990-х годов местные жители рассказывают о многочисленных явлениях призраков. Они называют их «аринкель», отождествляя со злыми духами умерших насильственной смертью. Контакт с ними, по местным верованиям, опасен для живых.

Здесь много аринкель, эти места прямо кишат ими, — рассказывает Ултургашевой оленевод Коля, один из жителей села. — В клубе постоянно видят двух русских зечек. Один раз они напугали моего брата Мишу, он играл в прятки и решил спрятаться на чердаке дома культуры <...> Когда он тихонько сидел в углу чердака, две эти женщины напугали его до смерти <...> В школе тоже живут несколько призраков зек; они всегда ходят тут ночами, когда темно и никого нет <...> Рядом с моим

домом есть амбар, и в этом амбаре живет призрак мальчика в телогрейке, такая жуть! <...> Потом еще старуха в бывшем помещении котельной, она пугает людей, ходит за ними по пятам <...> Еще один призрак-зек живет в квартире тети Изы, говорят, она в последнее время как бы свихнулась, потому что люди слышат, как она с ним разговаривает. Моя старшая сестра рассказывала, что тетя Иза сама почти превратилась в аринку, она в последнее время сильно пьет. А еще в гостинице видели русского старика-зека с белой бородой. Он однажды сильно напугал жену главы сельской администрации, когда они впервые сюда приехали. После того, как она увидела его во второй раз, она уехала отсюда и больше не возвращалась. И тот человек [глава администрации] тоже недолго тут пробыл» (114-115).

И хотя подобные явления, вполне естественные для Якутии, Эппле считает всего-навсего «экзотическим примером реализации метафоры о “призраках трудного прошлого”» и «иллюстрацией прозаической проблемы разрыва в социальной ткани» (с. 115), уже то, что он включил их в книгу, лишний раз доказывает поразившее его наблюдение, что «различаются не только и не столько оценки прошлого, сколько само восприятие реальности».

Из второй части исследования, посвященной проработке национальных травм в ряде других стран, узнаем, что «в последние годы в Аргентине идет больше судов по нарушениям прав человека, чем в любой другой стране мира; Аргентина переживает самый долгий период демократического правления в своей истории». Как полагает Эппле, «это хороший аргумент в пользу того, что даже самое усердное “воросшение прошлого” не приводит к дестабилизации. Наоборот, оно укрепляет доверие граждан к государственным институтам» (с. 158).

В главе об Испании, отмечается, что именно опыт преодоления франкизма может быть наиболее релевантным для постсоветской России.

«Главной характеристикой “испанской модели” преодоления трудного прошлого принято считать согласие общества забыть о былых разделениях ради сохранения единства нации, достижения гражданского мира и совместного движения в будущее. В этом смысле испанская модель куда ближе России, чем так часто ставящаяся ей в пример германская. В отличие от Германии, в Испании не происходило слома государственности, страна не была завоевана иностранными державами, период диктатуры длился не 12, а 40 лет» (с. 159), — отмечает Эппле.

Весьма противоречивые результаты борьбы с апартеидом в ЮАР, которая после прихода к власти Н. Манделы пережила масштабный исход белого населения и резкий рост преступности и социального неравенства, автор справедливо предлагает рассматривать в сравнении с ситуацией в соседних странах: Анголе, Мозамбике и Зимбабве, где белых почти не осталось (с. 212), а социально-экономические показатели развития заметно хуже. «Современная ЮАР, со всеми ее проблемами и противоречиями, — пример страны, наметившей для себя новое будущее в ситуации, когда будущего могло не быть вовсе» (с. 216).

Особенность Польши состоит в том, что эта «самая гомогенная страна Европы (по данным на конец 1990 годов, 96% католиков и 95% этнических поляков) <...> живет сразу в нескольких реальностях, переключаясь из одной в другую в зависимости от обстоятельств» (с. 218). При описании польской модели работы с трудным прошлым Эппле сосредотачивается на двух основных линиях: работе с социалистическим прошлым и теме ответственности за преступления против польских евреев. «В 2009 году польский Институт национальной памяти (далее ИНП) оценил потери страны во Второй мировой войне в 5,6–5,8 млн человек. Из них 2,7 млн — этнические поляки, пострадавшие от немецкой оккупации, от 2,7 до 2,9 млн человек — евреи — жертвы Холокоста, 150 тысяч человек — жертвы советских репрессий» (с. 224).

Одна из острых задач, которая встает перед исследователями польской национальной памяти, состоит в том, чтобы выяснить, как могло произойти, что в стране, ставшей ареной наиболее трагичных событий Холокоста, сегодня растут антисемитские настроения. «По данным Pew Research, который в 2015 году исследовал шесть государств Европы, Польша оказалась наименее дружелюбно настроенной к евреям страной. Только 59% опрошенных относятся к евреям положительно (в среднем в 6 странах по Европе 78%) и 28% отрицательно. По данным Центра исследования предрассудков Варшавского университета, в 2014–2016 годах в польском обществе заметен рост антисемитских настроений. Хотя еврейская община насчитывает сегодня не более 10 тысяч человек (0,1% населения 38-миллионной Польши³), и 85% опрошенных признаются, что лично никогда не сталкивались с евреями, они все менее готовы терпеть евреев в качестве коллег (15% в 2016-м против 10% в 2014 году), соседей (32 против 26%) или членов семьи (55 против 45%)» (с. 235).

Н. Эппле в главе «Попытки осмысления: от Едвабне до “Иды”» описывает те немалые усилия, которые были предприняты интеллигенцией и представителями высшей власти страны для просвещения общества относительно польской ответственности за убийства евреев до, во время и после Второй мировой войны; и приходит к неутешительному выводу, что всё сказанное и сделанное обернулось «скорее ростом раздражения и усталости польского общества от этой темы» (с. 247). В настоящее время в стране возобладал национальный миф об исключительности страданий самих поляков, который предполагает «восприятие других претендентов на роль жертвы как конкурентов» (с. 222).

В главе, посвященной немецкой модели взаимодействия с собственным преступным прошлым Н. Эппле отмечает, что этот опыт также не стоит идеализировать и считать эталонным. «В значительной степени это история неудач — неудач в попытках насильно перевоспитать побежденную нацию, отделить чистых от не-

чистых, снова и снова “закрыть тему” и освободиться от нее. В итоге трудности и проблемы немецкой работы с нацистским прошлым не менее, а может быть, более важны для тех, кто хочет поучиться на примере Германии» (с. 256). Например, ставший хрестоматийным образцом торжества справедливости Нюрнбергский трибунал, как отмечает автор, по сути, был примером типичного «суда победителей». Так, «Харлан Ф. Стоун, председатель Верховного суда США в 1941–1946 годах, даже назвал его “мошеничеством”: принцип состязательности не соблюдался, допускалось обратное действие законов, индивидуальная ответственность смешивалась с коллективной, преступления союзников (бомбардировки Дрездена, грабежи и изнасилования гражданского населения) не рассматривались. Те, кто олицетворял торжество правосудия, также не всегда годились на эту роль: главные обвинители от СССР Юна Никитченко и Роман Руденко были активными участниками Большого террора; обвинитель от США Фрэнсис Бидл в годы пребывания на посту генерального прокурора санкционировал создание лагерей для интернированных японцев. О предвзятости нюрнбергского правосудия свидетельствовал и довольно прихотливый выбор обвиняемых» (с. 258-259) и т.д.

Ни Эппле, ни я нисколько не умаляем высокого исторического и морального значения Нюрнбергского процесса, речь идет о том, что даже он не может считаться универсальной практикой и готовым решением для других сложных и запутанных ситуаций, требующих суда над деятелями преступного государства. Тем более, что в случае Нюрнберга, справедливость восстанавливалась не внутренними, а внешними силами. К тому же этот трибунал решал лишь вопрос об уголовной и политической ответственности, тогда как у всякой ответственности за преступления, по замечанию философа К. Ясперса, были и другие, не менее важные, стороны, а именно моральная и метафизическая; и они могут разрешиться лишь совсем иными способами, требующими

личной заинтересованности и осознанности. Точно так же было немало изъянов и у т.н. политики денацификации, которая быстро стала восприниматься современниками как «техника обеления виновных» (с. 263).

Подробно рассматривая трудности поэтапной проработки немецким обществом своего нацистского прошлого и выработки практик памяти о Холокосте, Эппле указывает, что движение в этом направлении ускорялось благодаря энтузиазму и смелости конкретных мыслителей и политиков и вопреки общественным настроениям, поначалу заикленным на теме трагического поражения своей страны в мировой войне и ее последующей оккупации. Многолетняя послевоенная разделенность Германии добавила к нацистской травме травму советскую. И уже после объединения страны, в начале 1990-х годов, «сохранявшийся внутренний раскол отразился и на политике работы с прошлым: преодоление нацистского прошлого было оставлено бывшим “западникам”, а преодоление коммунистического — бывшим “восточникам”». Спустя еще три десятилетия многослойная германская мемориальная культура «оказывается перед необходимостью становиться более инклюзивной, более адаптируемой к опыту иммигрантов. И здесь память о Холокосте и Второй мировой оказывается основанием для выработки ответов на новые вызовы времени», — заключает автор.

Японский вариант проработки преступного прошлого не менее интересен и специфичен. Согласно подсчетам политолога из Гавайского университета Рудольфа Руммеля, за 1937-1945 годы японский режим уничтожил около 6 миллионов человек — жителей Китая, Индонезии, Кореи, Филиппин, Индокитая и западных военнопленных (с. 313). Вместе с тем, «в отличие от Германии, где за Нюрнбергом, пусть и не сразу, но все же последовали судебные процессы, инициированные властями под давлением общества, в Японии таких процессов никогда не было. Дело в том, что японская военная агрессия не отличалась от “обычных” во-

енных преступлений в такой степени, как Холокост. Вдобавок японцы считали себя достаточно наказанными ядерными бомбардировками и международными трибуналами. Но главной причиной, делающей невозможным самостоятельное осуждение собственных преступлений и преступников, была мастерски разработанная Макартуром и его советниками схема ненавязчивого отъема у Японии ее суверенитета. Самостоятельный расчет с прошлым невозможен при отсутствии самостоятельности» (с. 318).

При этом нормализации отношений Японии с соседними государствами содействовало не столько словесное покаяние, сколько оказание им финансовой помощи, ставшее возможным благодаря восстановлению экономики. «По соглашению 1952 года Япония к середине 1970-х выплатила Филиппинам, Индонезии, Бирме и Вьетнаму репарации в размере 1 млрд долларов США. Аналогичное соглашение с Кореей было заключено в 1965 году, по его условиям Япония к 1975 году выплатила 800 млн долларов “экономической помощи”. Договор о сотрудничестве с Китаем был подписан только в 1972 году. В его рамках Китай отказался от требований репараций с Японии (тем не менее в 1980-х Япония оказывала Китаю помощь в виде низкопроцентных займов более чем на 3 млрд долларов)» (с. 321). Это полностью устраивало авторитарные режимы этих стран, для которых «взгляд на историю с точки зрения жертв был под запретом» (с. 321).

Отказ от исключительно триумфальной памяти стал возможен на фоне всеобщей демократизации азиатского макрорегиона в конце 1980-х годов. Тогда были сняты многие внутренние табу, мешающие публично говорить об ответственности Японии и ее императора Хирохито в военных преступлениях и гибели миллионов людей. «Отношение Японии к своему прошлому сохраняет принципиальную двусмысленность. С одной стороны, интегрированность в мировую экономику требует следования правилам хорошего тона, предполагающим признание вины за агрессию против

Китая, Кореи и Вьетнама (о чем Японии не дают забыть западные партнеры). С другой — продолжающееся соперничество с этими странами не позволяет вполне отказаться от “оборонительной памяти” и всерьез переосмыслить историю взаимоотношений с ними» (с. 336).

Примеры всех этих стран от Аргентины до Японии показывают, по мнению Н. Эппле, что «публикация имен жертв репрессий и палачей, обустройство мест памяти, дискуссия о признании ответственности за советский государственный террор — все это напрямую связано с изменением окружающей социально-политической реальности, а вовсе не ограничивается “музейно-гуманитарной” сферой, как это может послышаться в словосочетании “переосмысление прошлого”. Ведь главная задача всех этих усилий — не допустить повторения подобных преступных практик в будущем и обеспечить их прекращение в настоящем» (с. 340).

Так называемая «проработка прошлого» призвана не столько организовать память о прошлом, сколько институционализировать переход от одной политической системы к другой, от авторитаризма (диктатуры) к демократии» (с. 340), — отмечает Эппле. Это, кстати, вполне соотносится с христианским покаянием, которое, вопреки часто встречающемуся заблуждению, является вовсе не бесконечным риторическим обвинением себя во всевозможных грехах, а реальным изменением ума. Такое изменение ума позволяет в дальнейшем видеть в грехе не соблазн, от которого под угрозой наказания требуют отказаться могущественные внешние силы, а вызывающую отвращение ошибку, которая не должна повториться.

В третьей, заключительной части своей книги — «Синтез» — автор отмечает, что «логика развития России последних двух десятилетий напоминает курс бригаантины “Пилигрим” из романа Жюль Верна “Пятнадцатилетний капитан”. Команда и пассажиры “Пилигрима” были убеждены, что корабль движется из Сан-Фран-

циско в Южную Америку, но в конце концов он оказывается в Африке: прятаящийся под личиной кока агент работоторговцев Негоро, подложив под компас железный брусок, тайно вел корабль другим курсом. Если компас сломан, проверить, каким курсом на самом деле идет корабль, можно только по звездам. Аналог звездного неба, по которому стоит пытаться повернуть сегодняшний курс российского государства, движущегося, согласно настойчивым уверениям его руководителей, по демократическому пути, — это мемориальные практики и отношение к ним власти» (с. 342). Важно заметить, что современная Африка в ряде случаев уже не является безусловным примером отсталости во всех сферах, как это было в позапрошлом веке. Но в том, что государственный «компас» начал давать серьезные сбои, трудно не согласиться с автором. Книга Николая Эппле, несомненно, облегчает задачу навигации для тех, кто хочет понимать, где сейчас находится российское общество, куда оно идет и как можно направить корабль по правильному курсу.

Примечания

- ¹ *Ключевский В.О.* Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. — М.: Эксмо, 2007. С. 10.
- ² В главе о Японии эта же тема взаимодействия с душами погибших и Духа того места, где они умерли, раскрывается в приведенной Эппле цитате из письма 1986-1987 годов, с которым жители Хиросимы и Осаки обратились к городским властям: «Город Хиросима обязан принять во внимание возможные реакции посетителей на выставку, посвященную японской агрессии. Что, если они сочтут атомную бомбардировку неизбежным последствием такой агрессии? Такое понимание противоречило бы нашему желанию передать посетителям Дух Хиросимы. Более того, мы опасаемся, что подобное понимание может побеспокоить души жертв ядерной бомбардировки. На Хиросиме лежит ответственность сообщить “правду об атомной бомбардировке”, поэтому “исторические факты” о Хиросиме как главной военной базе и центре подготовки военных мы планируем представить в новом музее» (с. 329).
- ³ Тогда как к 1939 году евреи составляли около 10% населения страны (с. 237).

■ ■ ■
 © Текст: Николай Подсококорский

история конца истории

(о романе Владимира Сорокина «Доктор Гарин»)

ТАТЬЯНА ЩЕРБИНА

Здесь все говорят на разных языках, существующих и не существующих. Вавилон, но не тот, где языки разделились при строительстве башни (хотя и башня в романе появится), они, наоборот, стали сосуществовать в Алтайской республике, где начинается действие. Алтайский, русский, китайский (китаец — владелец санатория «Алтайские кедры»), немецкий, французский, английский, итальянский — языки пациентов санатория, некогда бывших президентами: Ангелы, Эммануэля, Дональда, Джастина, Бориса, Сильвио и, конечно, Владимира. Им уже плюс-минус сто лет, на людей непохожи — было некогда популярное выражение «жопа с ручкой», такие они и есть, жопы с ручками, бути, как их тут называют, и потому они такие, что привели мир к состоянию, в просторечии называемому «жопой». Теперь их лечит от неврозов в санатории доктор Гарин, знакомый нам по повести «Метель». Он выжил в то свое путешествие по морозу, когда ехал срочно привить население от эпидемии, превращавшей людей в зомби. Из нового романа мы узнаём подробности прежнего: все уже зомбировались и чуть не растерзали доктора, когда он приехал. На обратном пути Гарин отморозил ноги и потому теперь ходит на титановых протезах — ничем живым ногам не уступающих и даже превосходящих: этим новым ногам ни мороз, ни огонь нипочем.

Метель была написана задолго до эпидемии (издана в 2010 году). «День опричника» (2006 г.) — задолго до появления в России настоящей опричнины. И потому во всех интервью от Сорокина хотят услышать предсказания будущего, а он отвечает, что он писатель, а не предсказатель. Но пока будем считать и «Доктора Гарина» предсказанием.

Время действия романа — 1950-60-е годы (судя по футболке с датой 2055, найденной в свалке вещей прежней жизни, которая так растрогала Гарина, и это прямо лирическая сцена). Третья мировая война давно прошла, государства исчезли как класс, теперь есть образования и государственного типа (Казахстан, Алтайская Республика), которые постоянно воюют между собой, и клубно-идеологического, как лагерь анархистов (и мать Анархия, их богиня — размером с куклу Барби шоколадного цвета), и сословного, как поселок русских аристократов-имения, в которых соседи сильно друг друга недолюбливают. И крестьянские владения великанши Матрешки с ее собственным теремом, и центр «витагиндеров», коммуницирующих с миром

при помощи дронов, которые отправляют по разным адресам их продукцию, психоделические «конусы» и «пирамидки», а обратно получают деньги.

Китаец, тот, что был владельцем «Алтайских кедров», из которых доктору Гарину с компанией пришлось бежать, поскольку санаторий подвергся точечному ядерному удару (а в том времени — это рутинное явление), не унывал и построил в Барнауле Аквамир, куда пригласил Гарина с его пассией, медсестрой Машей, но и тот взорвали как раз во время их визита. Гарин выжил, о судьбе Маши до конечного пункта своего вынужденного путешествия-приключения, Хабаровска, что под японцами (а они надежнее китайцев, потому Гарин его и выбрал), ничего не знал, а самое страшное произошло, когда его похитили с речного берега черныши.

Черныши — это специально выведенная порода людей, полностью покрытых шерстью: «Их история началась в 1969 году, когда КГБ удалось выкрасть американские генетические разработки по созданию суперсолдат, устойчивых к холоду и неблагоприятной климатической среде. Через два года Сенат закрыл американский проект. Но советские его продолжили». Проект замораживали, возобновляли, Горбачев закрыл окончательно, решив выселить этих суперсолдат на Крайний Север, и тогда «убив ночью охрану и завладев оружием, подопытные бежали. Лесами они ушли в барабинские болота, благо сырость, тамошние комары и гнус из-за густого волосяного покрова были для них неопасны. Там они укоренились и размножились. (..) Активизировались они после Третьей войны, причем довольно круто, делая быстрые и коварные ночные набеги».

Доктор Гарин оказался в плену, фактически, в концлагере, бежать оттуда было некуда, а множество разноязыких пленников не понимали языка чернышей, как и те не знали языков, кроме своего. Была лишь одна женщина, черныш-альбинос, покрытая не черной, а белой шерстью, которая служила переводчиком, остальные общались со своими заключенными ударами молотка по голове, а заболевших или непослушных сбрасывали в болото. Доктору повезло, как везло и во всех прочих местах, где он появлялся, именно потому, что он доктор. Фактически, единственная востребованная специальность в рухнувшем мире будущего. Помимо работ, цели которых никто не мог понять, по выпиливанию сотен тысяч деревянных смартфонов, доктор лечил, ему даже оборудовали отдельный кабинет, а переводчица-альбинос была его надсмотрщицей, или ассистентом. В ней и заключалось его спасение.

Язык романа, как можно увидеть из приведенной цитаты — это как бы язык историка, бесстрастно излагающего канву событий. В «Метели» он был как бы чеховский, в предыдущих романах тоже «как бы» прочих русских классиков и советских писателей, а здесь — хроника, местами псевдомедицинская, а в основном псевдоисторическая. Хотя не так уж и псевдо, если считать события хроники как метафоры.

Язык хроники в романе прослаивается текстами разных жанров — фрагменты романа («Утреннее августовское солнце со всепоражающей настойчивостью обливало нежно-золотистой глазурью дачное Подмосковье»), который читает Гарин, магическая книга 15 века, которая сыграет самую важную роль в жизни доктора («И без единой буквы! — Как так? — Одни рисунки. На телячьей коже. — Средневековый комикс? — спросила Маша. — Нет, мадмуазель, не комикс. Магическая книга»), сказка («Кирстен тем временем бросила серебряную паутинку на золотой орех, и он исчез»), валявшаяся возле лавочки раскрытая книга, изорванная на самокрутки, от которой «осталось лишь несколько страниц. Она была старая, вероятно, прошлого века, с дешёвой жёлтой бумагой. И на русском». Это были страницы из жизни сталинских чекистов, с «особыми папками», расстрелами и характерным говорком персонажей: «А вот просто Иванов Иван Федорович, тоже попал в право-троцкистский блок, угораздило... и тоже пу-

ля в затылок тебе, Ваня, чпок.. Сноп Исаак Соломонович, «за» (резолуция Сталина — ТЩ) и чпок..». А вот и пожелтевшие листки для подтирки в деревенском сортире, «Гарин стал читать: «сеевич, надо что-то делать с крышей, от этого нам никуда не деться..» - малограмотное не то письмо, не то дневник. Еще книга «в мягком пластиковом переплёте», которую Гарин нашел в свалке вещей прежней, свободной жизни, находясь в рабстве у чернышей. Из нее доктор прочитал совсем немного, потому что куда более «говорящими» оказались футболки (и та самая, с надписью Vladivostok 2055 — датой, ориентирующей нас во времени действия), рюкзак, банка с кока-колой, зажигалка, пачка сигарет. Всё то, что черныши отбирали у своих пленников.

Однажды работы по производству деревянных копий смартфонов прекратились, и своих рабов черныши собирались утопить в болотах, поскольку они были больше не нужны (поначалу им, конечно, обещали: будешь хорошо работать — через два месяца пойдешь домой, но это говорилось, чтоб у рабов был стимул работать). Суперсолдаты, которых власть вывела для того, чтобы сделать своими рабами, сами стали властью. И это еще один вид обособленного социума из представленных в романе.

(В сегодняшней жизни тенденция к обособлению территорий уже есть: в парижских пригородах, на московских окраинах, а недавно подобие анклава возникло в самом центре Москвы: в район Малой Бронной теперь нельзя въехать после семи вечера, если ты не здешний резидент).

Доктору повезло увидеть, для чего нужны были деревянные «смартки», как их называют герои романа, или «омороты», как их зовут черныши: в священный день, раз в году, из них строится гигантский топор, «мохавта», этакая Вавилонская башня, которая поджигается и медленно горит. «Гигантский, упирающийся в ночное небо, топор словно был собран из пикселей! Гарин вспомнил допотопные компьютеры дедушки, где пространство его любимой игры Quake было собрано из таких крошечных кирпичиков. Когда компьютер барахлил, интерьер и персонажи игры разваливались на эти кирпичики». Карго-культ, похожий на любой культ.

Собственно, в этом месте романа язык меняется. Хроника кончается, начинается магия. А все встроенные обрывки текстов показывают: это не роман о теоретически реальном, но роман-реальность, не волшебная сказка, но сказка-реальность, это не про кошмары далекого прошлого, но кошмары здесь и сейчас, это не письмо/дневник, но это и письмо, и дневник, и это воззвание к средневековой магии в новом средневековье. Потому что кроме магии ничего не остается, она — сверхконцентрация, дающая на выходе чудо, подсказывающая этот выход. Чудо — ошипанное, поломанное, но, как говорит в конце Гарин: «Это наш мир. Самый лучший мир во Вселенной». Мир, где остались обрывки, отрывки людей, текстов, стран, понятий, где всё и разъединилось, и смешалось одновременно. Гарин периодически сыплет несуществующими, бессмысленными пословицами (почти из фольклора наших бонз), люди и зомби стоят рядом за стойкой бара, бути, б/у президенты, выступают в цирке, а средством передвижения становятся «Маяковские» - трехметровые роботы, несущие на закорках пассажиров. Но некая, словами не определимая, и черная, как у чернышей, и белая, как в той средневековой книжке, магия, как-то этот мир-инвалид держит.

© Текст: Татьяна Щербина

“мы живем во время гниения времени”

интервью с Владимиром Сорокиным

После того, как я прочитала «Доктора Гарина», стала вспоминать другие книги Сорокина, включая рассказы и пьесы, напечатанные на пишущей машинке, которые он иногда читал у меня дома — тогда, в 1980-е, просто собирались друзья, даже без предварительной договоренности («был рядом — зашел»), читали, обсуждали, болтали, под чай с тортом (торты продавались в булочной внизу дома, и это был самый легко добываемый продукт) или еще как, и Володины тексты всегда шли на ура. Потом я читала увесистые машинописи романов («Тридцатая любовь Марины», «Роман»), в то, что они когда-нибудь будут изданы, Володя не верил, несмотря на бурление перестройки.

Мы были молоды и прекрасны, «совок», ставивший на гонку вооружений, разбился в «гонках на лафетах», и Сорокина стали издавать и переиздавать. А когда новые властители принялись огораживать свой подиум вечного дефиле, до литературы им дела не было, нет и сейчас. Хотя поползновение заинтересоваться литературой было, и именно Сорокиным — пожалуй, это единственный современный писатель, чьи книги жгли перед Большим театром молодогвардейцы нового образца по имени «Наши», но их начальство, видимо, вспомнило о неприятной параллели с другими книгозжигателями, и больше к книгам не прикасалось.

Так вот, после «Доктора Гарина», в котором, как в микроскопе и телескопе разом, можно высмотреть микрофлору и макросхему прошлого и будущего, я написала Володе несколько вопросов, а он прислал ответы.

Татьяна Щербина

— *Володя, можешь ли ты соотнести время написания тех или иных романов, повестей, рассказов с той энергией, которой они порождались?*

В какой момент у тебя произошел поворот от соцарта к «русской матрице»? Роман «Роман»? И получилась ли советская история вставной в этой матрице или для тебя это последовательный/логичный процесс?

Энергия порождения романа зависит не только от энергии окружающего социума и его кактаклизмов, но и от внутреннего вакуума пишущего, который он заполняет с момента начала погружения в литпроцесс. В ранних вещах этот вакуум всасывал энергию, тексты появлялись, как кумулятивные снаряды и взрывались, один за другим. Нечеловеческий мир Совка давал материал и делился своим адским напряжением коллективной паранойи. Концептуализм вооружил меня совершенной оптикой, дистанцией, помогающей видеть советский текст как предмет, как вещь без сентиментальных теней. Потом, когда СССР рухнул, эта оптика осталась со мной навсегда, я стал наводить ее и на другие тексты. Энергии внешнего и внутреннего были уже, естественно, другие. И оптику приходилось и приходится все время корректировать. Соцартом я занимался с 1980-го по 1984-й. За это время написались три романа и сборник рассказов. И мир советской идеологии и литературы перестал меня интересовать. Но было интересно проследить его эволюцию, корни. Соцреализм вырос из русской литературы, из ее худших текстов, вроде «Нови» Тургенева, «Что делать?» Чернышевского, поздних морализаторских рассказов Толстого. Он опирался на пласт отечественной посредственной «гражданской» прозы, на провинциальный русский роман, как на кучу перегноя, из которого и вырос. Собственно, роман «Роман» это и есть та самая родимая куча с дачными застольями, прогулками, бесконечными описаниями природы, свиданиями в рощах, разговорами о России и барским переодеванием в посконное и хождением к кре-

стьянам. С этой пахучей, прелой кучей хотелось что-то сделать, как с объектом. Я с наслаждением погрузился в мир русской дачной прозы, не зная, чем это кончится. Но по мере погружения и развертывания сюжета, стала нарастать некая метафизическая тошнота от этой родимой патоки, и когда роман перевалил за шестьсот страниц, произошел естественный взрыв. Он разметал персонажей, пейзаж и сам текст. Конечная фраза — «Роман умер» звучит как тавтологическая констатация. Русский роман в очередной раз умер, чтобы воскреснуть вновь. Но этот взрыв явно пошел ему на пользу: роман обновил свою кровь.

— *Твои романы, как мне кажется, иероглифичны. Если в «Очереди» это «энциклопедия советской речи», из которой вылупляются и персонажи, ею порождаемые (или «норма» и нормативные ситуации в «Норме»), то в последних романах теллур, мормолоновый витаминдер — это не метафоры, а именно иероглифы, которые и непонятны как аналогия, слово, образ, но являют собой некое облако ощущений.*

По поводу теллурических гвоздей, мормолоновых скул, витаминдеров, неологизмов вроде «Тип-тирип по трейсу» — это все некие знаки будущего, подсмотренные в самодельную замочную скважину со все той же концептуальной оптикой. Я вуайёр, обожаю подсматривать за новыми мирами, которые еще не пришли. Почти детское любопытство, как бы подслушать, о чем взрослые говорят. Мы же надеемся на наше взрослое, умное будущее. Естественно, мы и не должны его полностью понимать! В том и фишка, как говорится. Но новые слова и выражения вызывают вопросы у переводчиков: что это? Что такое мормолон, который я придумал еще в «Голубом сале». Отвечаю честно: биометалл будущего, используемый в пластической хирургии. А живородящий войлок? Самовоспроизводящийся материал, используемый в строительстве и для вечных валенок. А tip-tirip on the trace по-английски звучит

лучше, чем по-русски. Главное — ничего не надо объяснять! Кстати, Max Lawton сделал гениальный перевод «Голубого сала», который скоро выйдет. Новоречь в первой части по-английски лучше звучит, чем по-русски. Как автор я этому очень рад.

— Если взять все твои сочинения, это будет такая энциклопедия (по охвату и беспристрастности описания) советского... не жизни, не ментальности, а как бы лабораторного процесса, где всё варится, но осознаются только выходящие за ее пределы готовые, психологически облагороженные, пусть и страшные, формы и формулы, ты же рассматриваешь то, что табуировано сознанием. Затем пауза на постсоветском периоде, и начинается будущее, оно даже не только, но в основном, российское. (Не знаю, согласен ли ты с этим). Последние 30 лет — как бы не существуют, они — подготовительный период к будущему, которое и начинается с «Дня опричника». Фрагментация, локальные войны, расчеловечивание, сочетание архаики с высокими технологиями итд.

Когда совок рухнул, я написал небольшой, но довольно жестокий роман «Сердца четырех» и восемь лет после этого не писал романов. Не получались. Писал пьесы и киносценарии. С прошлым рухнуло и настоящее, в плане стремительного его движения. Его было невозможно описать, язык описания не поспевал за этим зверем, он помещался только в телящик. Собственно, тогда и открылась та самая замочная скважина. Через нее подсмотрелось будущее, в чертах которого увиделось и настоящее. Такая сложная система линз и зеркал. В России же сейчас будущее остановилось, на него сзади, как ледник напозаает прошлое, а на границе их столкновения и возникает хрупкий, ломающийся, гниющий шов — настоящее. Мы живем во время гниения времени.

В. Сорокин. Из цикла «Достоевский»

— *В этом году 200 лет Достоевскому. У тебя была пьеса (которую я не читала) «Dostoevsky-trip» и недавний цикл «Достоевский» из сорока картин — что достоевского (сам, персонажи, коллизии, достоевщина) проросло в сегодняшнюю жизнь?*

Достоевский — удивительный писатель, он умеет завораживать и отталкивать одновременно. Это действует на людей и не всегда приятно: вспомним ненависть к нему Набокова, который его побаивался и всячески старался унижить. Фёдор Михайлович мастер постановки великих вопросов, как и Ницше, которому очень понравились «Записки из Мертвого дома». Стилистически он меня дико раздражает, как пьяный, вонючий бомж в ресторане. Его стиль катастрофически неряшлив. Но этот бомж говорит то, что все вдруг забывают о еде и слушают. С Достоевским, с его образами и с ним самим, хочется работать. В свое время я написал пьесу «Dostoevsky-trip» о литературных наркоманах, решивших попробовать новый наркотик — Достоевский. Он оказывается для них смертельным. Этот писатель, как никто, выразил бездны и взлеты русского характера, наш агрессивный коллективизм, тягу к иррациональному, неумение, а главное — нежелание выстроить «нормальную жизнь», романтический мистицизм, совокупающийся с мазохизмом и умение, как писал Мамлеев, «превращать проклятия в акт благодати». Достоевский актуален и по сей день, в этом плане он обошел наших других бородатых классиков. Моим любимым писателем он никогда не был, но возбуждал постоянно. За два последних года я написал сорок картин, связанных с его образом, назвал этот цикл «Dostoevsky-40». Когда-нибудь выставлю и покажу.

— *Еще вопрос про три размера людей и существ (большие, маленькие и человеческого размера), которые сосуществуют и взаимодействуют. Мы знаем Гулливера в стране лилипутов, Кинг-Конга, Дюймовочку, но до сих пор это были метафоры,*

гиперболы, у тебя же перепады масштабов — такие американские горки в качестве обычного ландшафта. Мне очень нравится, а как это возникло и что это для тебя значит?

Большие и маленькие люди в моих текстах рождаются из метафизики русской жизни. Здесь сдвинуты европейские масштабы, сбиты мушки здравомыслия и предсказуемости: то, что в Европе считается самодурством и произволом у нас — основа государственного устройства, что у них равноправие и гражданское достоинство — у нас глупость и слабость. Большой человек на Западе среднему россиянину может показаться доверчивым лохом, то есть человеком глупым и маленьким, и наоборот. Сами понятия «маленький человек» и «большой человек» — безнадежно архаичны, отдают Средневековьем, которое у нас актуально до сих пор и обросло, как живородящей шубой, технологиями 21-го века. Естественно, сдвигаются представления и о размерах вещей и животных. Но мои маленькие лошадки из «Метели» вывалились табуном из фразы «мотор в пятьдесят лошадиных сил».

— *Как ты думаешь, куда выведет эпидемия ковида? Чума 14 века в Европе, выкосив половину населения, привела к эпохе Возрождения, инквизиции, гигиене и цивилизации. А тут?*

Вирус SARS-CoV-2, похожий на инопланетянина из блокбастера Роланда Эммериха, человечеству для чего-то послан. Мне кажется целей много, как и белков в этом вирусе, но главная — заставить человечество на миг остановиться и оглянуться. В том числе взглянуть на себя. То есть: нажми на тормоза, человеке! За последние десятилетия мы слишком уверовали в силу прогресса, в его поступательное движение, во «всесилие» медицины и лекарств, в нарастающее благополучие настоящего, в то что можно потрогать и купить, в скорость перемещения в пространстве, в тотальную агрессию визуального, подчиняющего

себе все остальное, в том числе и слово, в виртуализацию сознания, в бесконечность потребления, претендующую на роль нашей новой Вселенной, разрывающую этику и мораль, в высокотехнологичный материализм. И еще. Я за время пандемии потерял трех друзей, двое из которых были моложе меня. Нам лишней раз напомнили: смерть рядом, цените каждое мгновение жизни, довольствуйтесь тем, что у вас есть сегодня. И берегите друг друга, мудаки. Ваша планета — единственная во Вселенной. Другой такой нет.

— *Чувствуешь ли ты себя тем же человеком, что 30 лет назад? Что в тебе изменилось: в том, как ты пишешь, о чем думаешь, что стало неинтересно и невозможно, а что интересно и возможно, что осталось неизменным, есть ли у тебя протест против запрограммированной конечности жизни и/или как ты представляешь себе свою вечность?*

Звучит по-идиотски, но я действительно внутренне чувствую себя как 30-40 лет назад. В этом смысле опыт этих десятилетий нового не прибавил. Все нажитые в юности ценности сохранились. До сих пор верю, что мир без любви — помойка, что смерти нет, что творчество божественно по своей сущности, а демократия лучше тоталитаризма. Но что-то новое открылось, безусловно. Например, осознание, что миром правят посредственности, что доверчивость не есть добродетель, что люди не делятся на плохих и хороших, что чужая жизнь более хрупка, чем ты предполагал, что не все великие книги уже написаны. В литературном процессе изменилось многое; приобретен неслабый опыт по заполнению бумажного листа буквами, наросла слоновья кожа против критических пуль и стрел, но сохранился главный принцип: сперва удиви новой книгой себя, а потом — остальных. И еще — если можешь не писать — не пиши. Это трудно, но временами необходимо.

homo sedens

ОЛЬГА МЕДВЕДКОВА

I.

Жена сказала мне по телефону, что он вроде бы перенес только что достаточно тяжелое сердечное заболевание и даже отлежал в больнице. Когда он позвонил ей и сказал, что проездом в Париже, и она, как потом пересказывала мне, недовко попыталась пожалеть о том, что он ненадолго, потому что ее-то как раз в Париже нет, что она-то как раз в Бургундии и не успеет вернуться повидаться с ним, он немедленно возразил, что едва ли не ради того только и приехал, чтобы с ней повидаться, и ни за что не уедет, покуда с ней не встретится.

Она поняла, что спастись могла только одним, неизбежным способом, и продиктовала ему мой номер телефона и наш адрес. Принимать его и кормить его ужином одному, а именно об этом она меня просила, мне вовсе не хотелось. Ничего хорошего я от этой встречи не ждал. Как только этот старинный приятель сохранил или раздобыл заново ее номер телефона, думал я, возвращаясь домой из библиотеки.

Мы с женой и девочками — и с кошкой — жили тогда на Правом берегу, в доме № 17 по улице Сан-Рок, то есть святого Роха, идущей от сада Тюильри, пересекающей улицу Сант-Оноре, то есть святого Гонория, далее вдоль бокового фасада церкви поименованного уже Роха, святого из Монпелье, XIV века, паломника и чудотворца, покровителя врачей и целителя от чумы. Мы жили в большой, слишком даже для нас большой, старинной квартире, случайно нам доставшейся, то есть унаследованной моей женой от своей незамужней и бездетной тетки, бывшей не то графиней, не то маркизой. Дверь нашего дома представляла собой подобие триумфальной арки, а сам дом в пять этажей, плюс мансарды, был построен в XVIII веке из известняка цвета крем-брюле, с большими окнами, обрамленными довольно монотонными наличниками. Пять окон на четвертом этаже были нашими. Но в тот момент жена и девочки отсутствовали, ибо уехали на каникулы, точнее на выходные, продленные по случаю праздника Вознесения, в загородный дом родителей жены в Бургундии, неподалеку от городка под названием Везле, оставив меня в одиночестве с тем, чтобы я — свободный от любых и всяких обязанностей, забот и прочих семейных ритуалов и времяпрепровождений — мог интенсивно, рьяно, с упоением и беззастенчиво утонуть в омуте, нет, наоборот, именно не утонуть, а вынырнуть и поплыть, и даже добраться до берега, короче, дописать ту книгу, которую я тогда писал, и которую ждал мой издатель, регулярно и все более настойчиво напоми-

мая мне об этом. Да, пора было уже отправить ему рукопись. И главное, главное, наконец-то... что это был за наконец ни мне, ни моей храброй и веселой жене ясно не было, но и ей, и мне было понятно, что там, за горизонтом сдачи рукописи, было все же освобождение.

От библиотеки Музея декоративных искусств, в которой я тогда занимался, до нашего дома на улице святого Роха идти было недалеко: я потому и ходил тогда именно в эту библиотеку, хотя не только потому, ибо и до другой, Большой библиотеки ходьбы было не больше двадцати минут, но в ту, другую, библиотеку ходили все, я там мог встретить кого угодно, а в эту никто толком не ходил, она была полупустой, и это мне нравилось, равно как и то, что там можно было садиться где угодно, что книги приносили одни и те же трое служителей, работавших там бессменно последние тридцать лет. А когда они не приносили книги, то сидели за одним из столов, все трое, спокойно и сосредоточенно, как ангелы из фильма Вима Вендерса, и лишь иногда смотрели то на редких читателей, то в большие окна, выходящие в сад Тюильри, на его зеленые газоны, на лабиринт и на круглогрудых и крепкобедрых бронзовых женщин Майоля, одинаково похожих на отчаянную одесситку Дину Верни, послужившую им моделью. Я и сам любил, работая там, подолгу бесплотно смотреть в эти окна, наблюдать за забредавшими туда утками, за их манерами, за тем, как они чесались лапой под крылом и как ругались с воронами, как тренировались в боскетах сада немолодые женщины под надзором молодого тренера, как он их подбадривал и как они старались. Мне нравилось сочетание этих больших окон, за которыми была влажная зелень, земля и нехитрая жизнь, и стен, сплошь застроенных стеллажами, на которых размещалась коллекция альбомов, созданная одним из первых хранителей библиотеки, господином Жюлем Масье в начале прошлого века. Коллекция состояла из вырезанных из разнообразных журналов и газет картинок и иллюстраций, открыток и гравюр, наклеенных на больших листах бумаги, разложенных по темам и собранных им в этих больших альбомах, на которых были написаны названия стран и городов, значились также век, вид искусства или декоративного производства, мотив, как, например, «Италия: XVI век, церковные алтари» или «Испания: XVII век, чугунные решетки». Библиотека была создана для того, чтобы этими примерами из прошлого поощрять развитие во Франции прикладного искусства: вдохновлять художников по фарфору, тканям, бронзе, стеклу, мебели, но если отвлечься от этого прагматического подхода, то получалась коллекция изображений всего и везде, некая изобразительная утопия, от полноты которой захватывало дух. Тут были альбомы по архитектуре в Голландии, по религиозной живописи в Тулузе, по замкам и по тарелкам, по кружевам и по сапогам где-то там тогда-то. Я представлял себе господина Жюля Масье: как он приходил ежедневно сюда на работу, в этот павильон Марсана, примыкавший к Лувру, садился за стол, доставал свои очки, ножницы, клей и карандаш с резинкой и принимался за дело: рассматривал, выбирал, вырезал, наклеивал, подписывал. Этот человек с ножницами и клеем, именно в их взаимном сочетании, человек вырезавший, то есть выделявший, и человек наклеивавший, то есть собиравший разрозненное, нравился мне чрезвычайно.

Мне и самому было приятно попеременно то работать над моей книгой, то, как уже было сказано, смотреть в окно, на блестящий на солнце газон, а то взять вдруг наугад один из этих тяжелых альбомов и медленно, одну за другой, переворачивать желтые гигантские страницы, потрескивавшие под пальцами, как сухое дерево в камине. Рассматривать картинки было одним из занятий, которые я любил больше всего. Другим таким занятием было смотреть на траву и на деревья. Таким образом, в этой полупустой библиотеке, в которой невелик был риск встретиться с коллегами и отвлечься на пустые, а порой и не слишком приятные разговоры, ибо посещали ее скорее именно художники, а не историки, каковым я сам являлся, можно было в промежутках между чтением и письмом медленно разглядывать эти столь симпатичные мне, непредсказуемые вещи и предметы.

Что же до деревьев за окном, то на них я, с самого детства, выучился смотреть одним особенным способом, а именно наловчился так прыгнуть вслед за взглядом ввысь, зацепиться за ветки и за листья

Луви́вар. Фрагмент фрески в церкви дер. Ланка (Шарлотта, Франция). Ок. XIII в.

и обитать там, наверху, или перемещаться в разных направлениях с дерева на дерево. Я научил мою жену, и без того легкую как птицу, такому взлетающему рассматриванию, и мы с ней, гуляя, так вместе нередко отрывались телом от земли и, следуя за взглядом, носились там, между листьями и небом. Особенно в мае. А тогда именно май и был, и вся эта листва так быстро, быстро, появлялась, откуда ни возьмись. И там, где только что фасад напротив было видно на просвет, вдруг повисал махровый, густой занавес, постоянно находившийся в движении, ибо ветки, черенки и сами листья, а также цветы, безостановочно гнулись и клонились, кланялись, оседали и распрямлялись, без усталости. Все это мне нравилось. Не отвлекало, не мешало мне, а напротив того, помогало писать мою книгу. И если книга не была еще к тому времени закончена, то это отнюдь не было связано с тем, что я не мог сосредоточиться, нет, отнюдь не с этим, а только лишь с тем, что тема, избранная мной для книги, была сложной и объективно требовала много, весьма даже много, времени, знаний и воображения. Речь в этой книге шла о подушках.

Эти подушки меня давно буквально преследовали. Уже в далекие тогда годы первых путешествий, между Римом, Константинополем и Афинами, между Венецией и Сицилией, глаз мой был тронут, я был поражен размерами и роскошью подушек, на которых — на мозаиках и фресках, на стенах и сводах — сидели христианские мученики и святые, а также сами Мария, Иисус и его апостолы. Эти подушки, бывшие не столько под-ушками, сколько под-задниками, длинные, круглые, завязанные с двух концов, вышитые и украшенные до чрезвычайности, так мне почему-то нравились — особенно быть может тем, что даже ангелам они полагались —, что я постепенно ими увлекся, стал их, если можно так сказать, вырезать невидимыми ножницами, коллекционировать, фотографировать, зарисовывать, специально выискивать, ходить или ездить за ними повсюду. Главное откровение ждало меня в Равенне, где в церквях первых веков христианства, как например в так называемом баптистерии Арианцев или в Святом Аполлинии Новом все не просто сидели на подобных подушках, а еще и фигурировал сам великий архетип, то есть Престол уготованный, или по-гречески Этимасия — трон с подушкой, на котором никто не сидел и который ожидал Второго Пришествия. С этого момента, то есть с момента обнаружения этого Трона с его уже готовой, но еще не занятой подушкой, я и решил написать об этом книгу, ибо понял, а вернее тогда еще только почувствовал, что имел перед собой нечто весьма неординарное, глубокое и превосходное: как по форме, так и по смыслу. Я рассказал жене о моем намерении, и мы сразу же вместе решили, что это и станет темой моей к тому времени уже третьей книги, но о первых двух я здесь распространяться не стану, ибо здесь речь идет именно о том месяце мае, когда я уже практически дописывал книгу о подушках, а жена моя и две мои дочери-перепелки, плюс кошка, отправились в деревню, с тем, чтобы отдохнуть от Парижа, но также и с тем, чтобы оставить меня наедине с самим собой и дать мне возможность додумать и дописать эту книгу.

Мое открытие заключалось в следующем. Основываясь — помимо изображений этой на первый взгляд невыдающейся детали — на множестве текстов, комментариев, переводов, описаний и упоминаний, я сначала сделал вывод о наследовании подушки персонажами христианской истории от римских императоров. Но этого было недостаточно для объяснения Этимасии, которую мне, в конечном счете, удалось понять вот каким образом. Символ шел от древнеримских игр в цирках. Там подушка (*pulvinus*, *pulvinar*) была очень важным предметом. Она помещалась в открытой нише, которая означала финишную точку для гонщиков, то есть «стоп», приехали. Символически это «приехали» определял отсутствующий император (это было как бы его кресло), который на самом-то деле (как, например, в цирке Максенция в Риме) смотрел гонки из окон своего палатинского дворца.

Так было не только в цирках. Тем же словом (пульвинар) назывался в римских храмах алтарь, также бывший в виде подушки, на который ставились статуи богов. По принципу обратной синекдохи, то есть с частного на общее, пульвинаром назывались и целиком храмы. Римский автор мог написать: *ad omnia pulvinaria supplicatio decreta est*, то есть: во всех храмах постановили молиться богам. На римских монетах

некоторых императоров, пульвинар изображался на оборотной стороне: например, на монетах императора Тита, в память о его предшественнике Веспасиане, или же на динарии Антония Пия, императора середины II века. На этой последней, пульвинар изображал алтарь Юпитера и Юноны. Так чтобы сразу было понятно, каким богам Антоний Пий поклонялся, но не только это. Ведь и сам он, император, был богом.

Короче говоря, эта подушка, подкладка или прослойка — именно не пьедестал, не каменный или бетонный постамент, а мягкий валик — означала такое место, такой терминал, где никого не было, но где все могло быть, куда могло нагреться чудо, усесться император или спуститься божество. Человек в своей неспособности представить божество иначе как похожим на самого себя (и наоборот), да еще на самого себя не стоящего, а именно сидящего (вспомним Зевса сидящего скульптора Фидия в Олимпии), подкладывал ему для мягкости под известное место такой странный, на первый взгляд, диспозитив.

Да, этот пульвинар, этот, если можно так выразиться, матрасик, означал некое (мягкое и холмистое) воздвижение, предназначенное для смягчения шока той части тела божества, которая первой касалась земли при посадке. Для перехода от того мира в этот создавалась промежуточная переходная среда, имитирующая облако. Это открытие доставило мне тогда много радости и показалось мне важным. Бог, не просто и не только на подушке сидящий, а на подушке же и ожидаемый, этой подушкой к земле привлекаемый, этой ее раздутой мягкостью заманиваемый, показался мне чудесным фактом человеческой истории.

Мне был свойственен тогда именно такой, синекдотический образ мысли, благодаря которому подушка — она же подкладка, опора, изголовье или ложе (ибо пульвинаром называлось и ложе, причем как императриц, так и богинь), валик или пуфик — представлялась символом культуры вообще. Всякой и любой культуры. Разумеется, пришлось изучить и римские монеты, и устройство древних цирков, и историю античных игр и много еще чего. Культура — дело длительное, постепенное, кропотливое (люблю это слово), мелочное и детальное (люблю детали). Не вообще истина в деталях, любил я тогда повторять, а и человек, и божество, и вообще все живое — в деталях; а именно этим, то есть жизнью, человек и божество (по принципу метонимии) схожи: так я тогда думал.

Что же касается Этимасии, от греческого слова, означающего готовность (по принципу «будь готов, всегда готов», пародия на авраамово «я тут»), то в этой области круг моих интересов, поисков и находок расширялся почти до бесконечности. Речь шла уже не просто о невидимом и о его приземлении, а о его ожидании, о желании и о приготовлении к встрече. Такому сюжету можно было посвятить жизнь. Целая глава моей книги повествовала о том, что условно называется «этимасия той опоной», то есть греческому переводу текста IX псалма, как основополагающему для всей этой традиции. Другая — раннехристианским изображениям Уготованного трона в Равенне и в Риме. Тут дорогая моему сердцу подушка, словно надувная лодка, занимала собой весь трон и несла на себе крест, словно мачту, как на мозаике V века в церкви Санта-Мария Маджоре в Риме. Я изучил в этой связи и, не покупившись, по полной программе, теологический корпус так называемого *adventus domini*. Целая глава описывала фреску Джотто в Аретцо, на которой святой Франциск молился перед Распятием, а наверху, над ним, плавали в небесных хлябях пустые кресла, готовые принять Воскресшего и его людей, и на каждом из этих кресел покоилась подушка, покрытая чистой белой материей. Моя жена лучше бы не приготовила.

Да, если что моя жена умела делать, так это ждать: и не то чтобы переждать, не то чтобы надеяться, что что-то поскорее наступит, а испытывать от этого длительного состояния радость и творческую приподнятость. Парузия — в смысле ожидания Пришествия, но и в еще большей степени платоновское присутствие Идеи в вещах, присутствие пока что, до поры, не до конца проявленное, но о котором догадываешься и полного проявления которого ждешь — была ее царством. Ее не раздражало то, что я не продвигаюсь по служебной лестнице, не стремлюсь занять более важный, ответственный пост, а все так же, год за годом, преподаю на подготовительных курсах все в том же, хоть и старинном, и замечательном,

но все же лице, а не в университете. Сама она была прекрасной пианисткой. Как и я зарабатывала она не Бог весть сколько, но и не особенно старалась, пользуясь тем, что ее предки, из рода в род небесталанные и неленивые люди, приготовили для нее: нашей чудесной квартирой на улице святого Роха, с видом на боковую фасад церкви, посвященной этому же святому, и семейным домом в Бургундии, и еще другим домом на океане, на острове Рэ, где мы жили летом, купались и катались на велосипедах. Это было нечто вроде подушки, и моей жене этого было довольно. Мы с ней часто и подолгу обсуждали мои истории. Идея сидящего Бога ее увлекала. Ей нравилась и мысль про человека не стоящего (Homo Erectus), а сидящего (Homo Sedens), выраженная не высокопарно, а именно через такую цепь деталей. Она терпеть не могла обобщений, а то, как я мыслю и работаю, ей было по душе. На что я говорил ей, что с такими взглядами на жизнь и науку мы далеко не уедем. Она отвечала, что нам далеко и не нужно, и удовольствие светилось в ее светло-карих, а если на солнце, то янтарных, глазах, обрамленных густыми пушистыми ресницами.

2.

— **н** рими его, умоляю тебя, — сказала она, — он проездом, только что переболел, кажется, что-то сердечное, накорми его ужином.

Я, конечно, не смог ей отказать, но кормить мне его не хотелось, и я корил себя за эгоизм, медвежий нрав и нелюбовь к незнакомым людям.

— Он певец, — сказала жена. — Мы когда-то вместе учились в консерватории.

— Певец-сердечник, чем его кормить?

— Ну чем-нибудь легким...

Времени идти в большой супермаркет на авеню Оперы у меня уже не было, ибо я досидел в библиотеке до самой последней возможности, то есть до закрытия, и теперь мне оставалось только заскочить в магазин на улице Сант-Оноре, напротив церкви святого Роха, но и тут я сам себе на удивление, прежде чем пойти в магазин — ибо дома у меня было пусто, все что мне оставила жена, я исправно съел —, я поднялся по крутой церковной лестнице и вошел в просторный неф под высоким сводом, освещенным вечерним майским светом. Слева у входа мраморный Иоанн крестил мраморного же Иисуса. Справа от входа было написано, что знаменитый итальянский писатель Александр Манцони обрел в этой церкви веру 2 апреля 1810 года. В который раз подивившись точности даты, я взял свечу и прошел к соседней с Крещением капелле, с тем чтобы зажечь ее перед деревянной статуей святой Риты, специалистки по заведомо пропавшим ситуациям. Я любил этот ритуал. Вдруг вспомнил о том, как однажды нам на каникулы мои родственники навязали на целую неделю какую-то племянницу. И как в ожидании этой племянницы, я изобретал разные способы сбежать, исчезнуть, раствориться и пропасть, короче, сделать так, чтобы этой племянницы у нас не случилось. Но она все же приехала и поселилась, причем не только в нашем доме, а и в наших сердцах, ибо мне редко когда приходилось встретить существо более доверчивое и симпатичное, так мне во всяком случае тогда показалось, и моя жена была со мной согласна. Хотя была эта племянница совершенно темной и непросвещенной — как, впрочем, многие подростки ее поколения. Дело было, как мне помнится, на Рождество, и мы зашли к святому Роху посмотреть на свежестроенные Ясли, и тут выяснилось, что племянница ничего не знала о том, кто были эти мужчина и женщина, склонившиеся над колыбелью, и что за ребенок такой в колыбели лежал. И почему они так сидели, среди животных и ангелов. Однако выслушав, в переложении наших девочек, соответствующую историю, она пришла в неописуемый восторг и не могла успокоиться, все продолжая как-то по-птичььи воздевать над головой свои тонкие руки и пищать что-то невнятное, но явно одобрительное. На мой вопрос, не-

ужели ей никто никогда об этом не рассказывал, она ответила, что ей вообще никто ничего не рассказывает, и залилась слезами, и тут моя жена сделала мне знак, чтобы я немедленно прекратил расспрашивать, ибо за этим «никто ничего» скрывалось, может быть, что-то неприятное, тяжелое и даже трагическое, о чем мне знать не стоило и говорить не следовало.

За святой Ритой довольно грубой работы в капелле располагался надгробный памятник художнику Миньяру, странный, наверняка, как многие в этой церкви, да и не только в этой, сначала разбитый, разрушенный и разворованный, а потом заново из того, что осталось, составленный: бюст художника с драпировкой, париком и тревожным взглядом куда-то вбок, а под ним на коленях в профиль некая дама, которая словно молилась, но в руках держала ткань, и моя жена имела обыкновение при виде ее говорить, что-де дама тут приставлена пыль вытирать. А про памятник, стоящий напротив, говорила, что тут кто-то поскользнулся, потому что там изображался ангел в явно неустойчивой позе. Я привычно обошел церковь. Она была как продолжение нашего дома. В следующей капелле на мраморной доске были написаны слова святого Франциска «Боже, сделай из меня орудие мира». На этой же доске было написано: «Бухенвальд, Дахау, Маутхаузен, Аушвиц» и цифры: «10 тысяч мучеников, 15 тысяч мучеников, 140 тысяч мучеников». Дальше шел Христос в Гефсиманском саду скульптора Фальконе. Он сидел на сухом пне, подложив под себя ногу, и спал с юным, даже детским лицом и упавшей безвольно рукой.

Я вышел из церкви с мыслью о племяннице. Магазин был напротив. Первым делом я запасся минеральной водой и соком, поскольку о том, чтобы предлагать вина сердечному больному не могло быть и речи. Чего приятель моей жены ел или не ел — например, мяса или молочного — я не выяснил, да жена моя вряд ли знала, и решил на всякий случай, с тем чтобы избежать неловкости, ограничиться копченой семгой нескольких видов, с перцем и с травами, зеленым салатом, помидорами, редиской, сырами и мороженым. Затем заскочил в булочную, и нагруженный таким образом, с багетом наперевес, вошел наконец в подъезд нашего дома. Лифт был на ремонте уже третий день. О, Господи, подумал я, как же он будет карабкаться на наш четвертый этаж.

Едва я успел разгрузить покупки и достать скатерть, как раздался звонок. Я нажал на кнопку домофона. Это был он. Он так и сказал: это я. Через некоторое время он стоял передо мной. Он был даже не круглой, а скорее квадратной формы со спортивной сумкой на плече и тяжело дышал. Он вошел и сразу заполнил собой все пространство. Стало неловко. Захотелось отделиться. Я сделал несколько шагов назад и вдохнул, но весь воздух, весь, был уже занят им, пропущен через его легкие, и дышать теперь можно было только тем, что он выдыхал. Ты несправедлив, сказал я себе. Так нельзя. Это старый товарищ твоей жены. Он бросил сумку на пол и обтер рукавом красное и потное лицо. Я испугался и, не представившись, стал извиняться за лифт. Не ответив мне, он уже входил в нашу гостиную и осматривал ее с каким-то специальным хитроватым выражением лица.

— Ишь ты, батенька, сказал он, немедленно переходя на ты, — богатенько живете, где ж это вы столько денег-то наворовали?

Он рассмеялся и оглушительно втянул в себя остаток свободного воздуха. Я подумал, что сейчас он задохнется, и бросился открывать окно.

— Да ты что пугливый-то такой, — вскричал он. — Я же шучу, шучу, ты что, не понимаешь?

Я предложил ему присесть, и он повалился на жалобно занывший под ним диван.

— Ну, давай, рассказывай, как вы тут живете?

Он говорил с сильным акцентом, но с каким именно, я не понял. Жена мне ничего о нем рассказать толком не успела, я должен был выкручиваться сам. Тебе дано задание накормить ужином приятеля, проездом в Париже, и все, сказал я себе. Ничего более. Я поинтересовался, что бы я мог предложить ему на аперитив, уточнив, что имеется сок и, конечно, вино, но вероятно... Я сбился, не зная как лучше сформулировать, но он уже перебил меня:

— А покрепче ничего не найдется?

Я ответил, что имеется виски, но он по-кошачьи сощурился:

— Давай, признавайся, коньячок-то небось имеется?

Я сказал, что да, имеется, и пошел за бутылкой. Это был дорогой и изысканный коньяк, который друзья подарили мне на день рождения. Бутылка была едва почата. Какие странные манеры, думал я: пить коньяк перед ужином. Он повертел бутылку, причмокнул и наполнил наполовину стакан, предназначенный для минеральной воды. Отхлебнул.

— До чего хорош, а ты что, не будешь? Здоровье бережешь или экономишь на спичках? Да я шучу, шучу!

Внезапно он узрел рояль, проворно вскочил, плюхнулся на табурет, забил по клавишам и громко запел по-итальянски. Потом повернулся ко мне.

— Что за мерзкий у вас город! Это я про Париж. Лет, пожалуй, что с десяток я тут не был. Тогда еще он на что-то был похож, хотя и тогда уже был городишко обшарпанный, грязь, вонь, крысы...

Я сказал:

— Этот городишко такой грязный и вонючий чуть не с основания. Lutetia Parisiorum происходит по всей видимости от lutum, то есть от грязи, хотя Рабле игриво связывал Лютецию с греческим словом «леукос», что означает светлый или белый, якобы происходящий от белотелых парижанок и даже, в духе Рабле, от их белокожих задниц.

Он махнул на меня своей пухлой рукой.

— Да ладно вам, интеллектуалам, будет! С вас станется! Вас только пусти! Голову заморочите в два счета.

Он расхохотался, обрызгав слюной журнальный стол, на котором стоял его уже допитый стакан. Я предложил ему проследовать к столу, что он и сделал, прихватив стакан с собой. Я собирался было спросить его о цвете предпочитаемого им вина, но он, опередив меня, снова лукаво хмыкнул и оповестил, что предпочитает ужинать, как он выразился «под коньячок». Я снова достал уже спрятанную было бутылку.

— Экономный, — сказал он. — Понятно, воровство да экономия. Зря вас, буржуев, тогда, в 1789 году, не добились.

— Позвольте, каких таких буржуев? — попытался я возразить. — Ведь именно буржуи...

Но он не дослушал.

— Я же шучу, шучу!

И он расхохотался. Тот факт, что меня его шутки не смешили, его не смущали. Неужели он не понимает, не чувствует, подумал я. Ведь не нарочно же он так. Мы ведь практически не знакомы. За что? Что я ему сделал? Помимо того, что кормлю его ужином? Он и впрямь пользовался моим гостеприимством и, если бы не его квадратная необъятность, я бы решил, что он не ел по меньшей мере пару недель. Он уписывал и семгу, и салат, и особенно сыры, запивал все это, как водой, коньяком и, похоже было, ничуть не опасался за свое здоровье.

— Да, рассуждал он, — до чего страну-то довели, нечего сказать. Белокожих днем с огнем не сыщешь. Одни братья наши по разуму шныряют.

— Простите, но что Вы имеете в виду? — перебил я его, поскольку и впрямь не понял.

— Имею в виду этих, которые недавно с дерева слезли. Ну ты вообще что? С Луны свалился? Ты выйди на улицу-то? Это что, Париж — столица Франции или африканская деревня эпохи палеолита? Вы тут дождетесь! Вы тут доиграетесь! Они вас слопают и не подавятся!

Я поперхнулся от неожиданности.

— Да что Вы такое несете? — не выдержал я.

— А ты мне не выкай, — закричал он, засовывая в рот неудобный кусок помидора, брызнувшего на скатерть. — Мы с тобой поди одногодки. А что правду-матку слушать неприятно, это да, это разумеется. А ты послушай, послушай, не убудет. Авось что и услышишь. В своем, как говорится, отечестве. Вы тут научились и самим себе и друг другу врать в глаза, мол все такие добренькие, вежливенькие. У-тю-тю, сладенькие какие! Обо всех или хорошо, или ничего. Разучились правду-то в лицо. А правда, она...

Он потянулся вновь к бутылке, но она была пуста. Он поднял ко мне вопрошающий взгляд, ставший вдруг ласкающим и робким.

— А если повторить? — сказал он.

— Нет, больше нет, — сказал я.

— А если поискать?

Я помотал головой.

— А если спою?

— Нет, больше правда нет, — сказал я.

Это была правда.

— Ну тогда тащи, что есть. Виски ты мне что ли предлагал?

Я отправился на кухню за виски. Когда я вернулся, он уже снова сидел на диване.

— Нет, ответил он на мое предложение десерта. — Сладкое — это для дам. Я вот височки допью. Это наше, мужицкое! А кстати о дамах. Что там твоя жена-то, — поинтересовался он. — Была ведь закадычная моя, ты понимаешь, о чем я.

— Она в деревне, в Бургундии, — ответил я, удивляясь тому, что продолжал так же искренне и подробно ему отвечать.

— Это ты так думаешь, — сказал он. — Известное дело, да уж, что они там в отпуске выделяют, на воле-то, наши жены. А уж чем мы занимаемся, мужики-то, в их отсутствие в городе. Тоже известно. Если не лукавить и не притворяться, а? Если как на духу? Вот где оно лезет-то, нутро! Я ж тебе, небось, моим приездом кое-что пообломал.

Он расхохотался. Больше всего мне хотелось выдворить его вон, выставить из дома. Чего он добивается? Я открыл второе окно и постоял возле него, подышал, стало немного легче. Посмотрел на часы.

— Только и думаешь, как от меня избавиться. А сказать не решаешься. Вот ведь образованный, воспитанный, а я что, музыкантишка, клоун, шут. А музыканты, да еще певцы, они ж, известное дело, идиоты.

Я подумал: а вдруг никакой это не товарищ жены, вдруг вышла ошибка. Такого товарища у нее быть не могло. Вдруг это случайный человек, или даже проходимец какой-то, знакомый того товарища, который на самом деле милый, приятный человек, случайно узнавший, как в фильме Хичкока... и все это был фарс? Я повернулся к нему.

— Да я шучу, смеюсь я, то есть, понимаешь?

— Вы знаете, как это все называется? — сказал я.

Но сам я не знал ответа на этот вопрос. Я закрыл окно и стал демонстративно собирать тарелки и остатки еды на поднос.

— Ну и выдрессировала же она тебя, — сказал он. — Не мужик, а тряпка. Половая тряпка. Ты, может, еще и полы моешь, на четвереньках? А что ты еще умеешь делать на четвереньках? Может, покажешь?

Я взял поднос и вышел с ним на кухню. Поставил поднос на стол, стоял и ждал, когда пройдет желание толкнуть, ударить, укусить, сделать ему больно. Оно не проходило. Я принялся за посуду. Он, не смотря на свое хамство, сейчас поднимется и уйдет, думал я. Ему наверняка пора. А если и не пора, мое отсутствие покажет ему, что пора. Хорошенького понемногу, повторял я про себя. Так продолжалось около пятнадцати минут, а может быть, и больше. Держать его, да и кого бы то ни было, в таком положении, было крайне затруднительно, но я боролся с собой и провел за мытьем посуды еще некоторое время.

А потом еще, глядя в окно на соседние крыши, залатанные как старые покрывала; смотрел на большие деревья внизу, уже покрытые ярко-зеленой листвой, и на темное безоблачное небо. Шел двенадцатый час. Я пошел назад, в столовую.

3.

Непонятно, на что я надеялся, но явно не на то, что обнаружил. Он все так же сидел на нашем старом кожаном диване и совершенно явно, очевидно спал. Глаза его были закрыты, а рот, наоборот, открыт, и он громко сопел, то есть практически храпел. Он даже не сидел, а полулежал, раскинув ноги, широко распахнув колени, как сидят дети и старики, свесив голову и уронив по сторонам короткие руки, ладонями вверх. Сквозь его маловатую для него рубашку, в открывшихся между пуговицами миндалевидных прорехах, виднелся сложенный в несколько валиков, розовый пухлый живот без признаков растительности. Я разглядывал его. С волосами у него было в целом неважно. Я только теперь заметил, что рубашка на нем была не первой свежести, а ботинки довольно истоптанные. Что мне было делать? Как я должен был с ним поступить? Я не знал. Будить его я не решался. Был он сердечником или нет, перенес он недавно операцию или не перенес, но я не мог себе представить, что выпроваживаю его на улицу пьяного и полусонного. О том, чтобы снять с него ботинки и уложить его на диване, также не могло быть и речи. Некий сладковато нечистоплотный запах реял вокруг его тела. Я подумал было позвонить жене и посоветоваться с ней, но было поздно, она наверняка отдыхала, уложив наших девочек, убрав в саду их игрушки. Да и зачем было ставить ее в такое нелепое положение. Так я стоял и смотрел на друга ее юности, на его желатиновый живот и ругал себя последними словами. В конце концов, сказал я себе, он наверняка скоро проснется, ведь это такой краткий дурман от алкоголя. И я оставил его развалившимся, сопящим на диване, а сам пошел в кабинет, и в ожидании его скорого воскрешения и моего от него близкого избавления, стал перечитывать рукопись последней — не по порядку их в книге, а по написанию — главы моей книги, что-то правя, вставляя недостающие и вычеркивая лишние слова, убирая повторения и заменяя отдельные вялые и скучные слова на более точные и живые, как это обычно бывает, когда вычитываешь рукопись.

Речь в этой главе шла о связи между изображением трона с подушкой и первыми христианскими ритуалами, ибо известно, что первые епископы и священники, которые играли роль Христа и его апостолов, сидели на таких тронах и на таких подушках. Существовало схожее мнение о том, что некоторые сцены Апокалипсиса описывали ритуалы ранней церкви, в частности ее преследования. Но что есть чего отражение, судить всегда трудно. В связи с чем я изучил некоторое количество ранних епископских тронов, из которых моим любимым был так называемый трон папы Григория Великого из римской церкви Сан-Григорио-Магно, исключительно красивое мраморное кресло с подлокотниками в виде бараньих голов, с крыльями и волютами на спинке. Археологи утверждали, что это было, скорее всего, императорское кресло из Колизея, но я не видел тут противоречия: почему подобное императорское цирковое кресло не могло потом использоваться Папой? Первоначально я намеревался в связи с этим изучить еще другие стулья и кресла, как античные, так и средневековые, но тут моя жена воспротивилась и сказала, что надо иметь совесть, что издатель ждет, и что в любом случае, даже если бы он не ждал, у книги должен быть приемлемый размер, ее должно быть удобно держать в руках, читать сидя или полулежа и все прочее, и что если не думать в таком роде о размере книги, о ее композиции и гармонии, то, как в музыке, соната может превратиться в симфонию, симфония в оперу, а опера еще неизвестно во что, и тут она спросила меня, что же именно я писал, оперу или сонату, а поскольку я не нашелся, что ей ответить, то она сказала, ты так можешь писать бесконечно и, например, добавить еще главу (мы шли по улице Риволи)

о спящих бездомных и их матрасах, и этот аргумент сразил меня наповал, и я немедленно решил, что ничего уже больше добавлять не буду, а только дорабатывать детали.

Я так увлекся, что незаметно для самого себя дочитал эту главу, а затем и всю рукопись, не останавливаясь, до самого конца. А когда дочитал, то так же, единым духом, написал послесловие. В этом довольно коротком тексте я описал античную фреску из Геркуланума, известную с XVIII века по гравюре, на которой изображался трон с огромной подушкой, на подушке голубка, а по сторонам от трона — амуры-эротики с гирляндами, из чего следовало, что это был алтарь Венеры. От этой фрески я переходил к картине художника Андреа Мантеньи, под названием Парнас, перед которой я столько времени простоял в Лувре. Она была написана для кабинета Изабеллы Д'Эсте в самом конце XV века, для прославления самой Изабеллы и ее мужа Франческо Гонзага, правителя Мантуи. На картине они были символически представлены в виде Венеры и Марса, причем Венера изображалась обнаженной, как античная статуя. Они стояли на вершине горы, представляющей собой натуральную арку, в просвет которой виднелся чудесный пейзаж. Мантенья любил изображать такую естественную архитектуру, то есть скалы, горы и пещеры, устроенные как дома, с окнами, арками и лестницами. И на этой картине справа и слева такие имелись. За спиной Марса и Венеры были густые, покрытые зеленью и плодами, растения, причем Марс рисовался на фоне яблони — символа любви, а Венера — на фоне лавра, символа славы. Их руки были перевиты, головы и ноги соприкасались. Они составляли одно чудесное существо: любовную амфибию. У ног Марса бог Антерос целился стрелой в разгневанного бога Вулкана, законного мужа Венеры, грозящего из своей кузницы любовникам на горе. Под скалой слева сидел Аполлон и играл на лире. Справа стоял Гермес, в плаще на голое тело, в крылатой шляпе и пернатых сандалиях, а рядом с ним — Пегас, серый в яблоках, с симпатичной, улыбающейся мордой. Гермес с Пегасом выглядели такой же влюбленной парой, как Марс с Венерой. А между Аполлоном и Гермесом плясали нимфы, все девять, в легких разноцветных хитонах, голубых, красных, желтых, зеленых. Они скакали и вертелись, и волосы их развевались на ветру. Обычно писали о том, что сюжет этой странной, чудесной картины был взят художником из «Метаморфоз» Овидия, но мне казалось, что за этим просвечивал сам Гесиод, его «Теогония» — загадочный текст, особенно самое его начало, где рассказывалось о нежноногих Музах, танцующих у подножия священной горы Геликон. Они-то и научили Гесиода говорить стихами и рассказали ему про богов и так далее и тому подобное. Но это не имело к моей теме прямого отношения. А вот что имело, так это то, что за спиной Марса и Венеры располагался трон, а на троне лежали подушки, из-за чего все, кто описывал эту картину, говорили, что это их постель. В заключении книги я уточнял именно эту деталь. Ученый художник Мантенья, собеседник блестяще образованной Изабеллы, разумеется, знал римские античные монеты с изображением пульвинара, и его-то и представил. В последних строках я сравнивал этот похожий на постель трон или алтарь Богини любви с некоторыми библейскими мотивами, в частности из «Песни песней».

Тут я поставил точку, поднял глаза от рукописи и понял, что было утро. Небо над боковым фасадом церкви святого Роха было расчерчено розовыми полосами. Вдоль фасада тянулись прилипшие к нему лавочки, каким-то немислимим способом выжившие и свидетельствовавшие о старинной парижской застройке, о ее плотности, тесноте и случайности. Сосед со второго вышел из парадного с пуделем на поводке: было около шести. Я вспомнил о моем странном госте и снова разозлился на него, но как-то вяло. Пойду разбужу его и выставлю вон без завтрака, подумал я. Пусть идет себе... я вдруг понял, что не знал его имени. Жена не сказала, он не представился, я не спросил. Я вошел в гостиную. На диване никого не было. Осталась только вмятина на его потускневшей коже. Я обошел квартиру: гостя не было нигде. Я постоял некоторое время в растерянности, а потом принялся вытирать стол, за которым мы вчера ужинали. Потом подождал еще, и когда часы дотикали до подходящего часа, позвонил жене.

— Да, все хорошо, ответил я на ее беспокойный вопрос. Да, накормил твоего друга. И, знаешь, ты мне не поверишь, я дописал книгу. Да, да, я ее дописал совершенно, до конца, до самой распоследней точки.

Нет, это так, ты мне верь. Это чистая правда. Я работал всю ночь, а сейчас возьму и приеду к вам и останусь с вами, и мы будем все вместе. Правда, хорошо?

— Да, сказала жена, это прекрасно, и по ее голосу я понял, как она была рада.

В полдень я выходил на поселковой станции, заросшей травой. По ту сторону прозрачного вокзального киоска, я увидел жену и девочек. Заметив меня, они запрыгали на месте, а жена подняла руки и замахала ими крест-накрест, как регулировщик, будто сообщала кому-то там наверху о моем приезде. Я подошел к ним, и мы все четверо обнялись, так что каждому досталось что-то свое, кому щека, кому плечо. Потом нырнули в машину и поехали домой. Мы уже подъезжали к дому по обсаженной платанами аллее, когда жена, вдруг быстро взглянув на меня, спросила:

— А про что ты будешь писать твою следующую книжку?

Я сказал:

— Не беспокойся. Вот об этом ты точно можешь не беспокоиться. Найдется про что написать.

Она сказала:

— Ну тогда ладно, тогда хорошо.

И я знал, что она чувствовала то же, что и я, точно также, как я. А именно, что дописанная книга была радостью, но что она была и грустью о том, чему уже есть, уже известен конец.

Тут мы приехали. Девочки выскочили из машины и понеслись по тропе, ведущей к большому зеленому саду и к нашему дому.

© Текст: Ольга Медведкова

© Фото А. Тяны-Радно

иди сюда, дружок

Вероника Долина стихи 2021 г.

***

Недаром я ждала, недаром,
Стараясь не тонуть в слезах —
Когда, не уловим радаром,
Ты испаришься на глазах.

Не плачь, диспетчер. Рано, рано.
Еще найдётся в аккурат —
Пропавший с черного экрана
Тот серебристый аппарат.

Не плачь, как маленький, ей-богу.
Такие вышли эти дни.
Летающий найдёт дорогу,
Когда внизу горят огни.

***

Как прекрасно хотелось делиться —
Сыром, яблоком и курагою.
И секретничать, и веселиться.
Но судьба оказалась другою.

Ничего не поделишь пожалуй,
Коль свиданья давно прекратились.
И на случай последний пожарный —
Уж и яблоки все раскатились.

Нежный сыр очерствел как бумага.
Абрикосы подернулись дымом.
Чем поделишься ты, бедолага,
С человеком до боли любимым...

Разве только что неба бездонность
Разве облака, может, нездешность.
Это то что и было влюблённость.
И почти что убитая нежность.

***

Хорошо, что мне снился сегодня сон —
Из моих видений, из хромосом.
Потерялся мой пёс где-то там в горах.
Вот он, мой подростковый страх.

Я ищу его и не нахожу.
Я терзаюсь, мучаюсь и дрожу.
Не умею в чужих отыскать дворах.
Вот где мой бестолковый страх.

Я пытаюсь бежать, зову дурака:
Возвращайся, прошу тебя, жив пока.
Тут собаки, волки, ты в их мирах.
Вот где мой безотчетный страх.

Вероника Долина. Фото: Вл. Мехслер

Ну и нет его, хоть я и зову.
Надрываюсь во сне будто наяву.
И людей встречаю со всех сторон.
Вот же он, беспросветный сон.

Вы не видели — спрашиваю я — пса.
Я ишу его, может быть, два часа.
Я ишу собаку, одна навек.
Я ишу его, я человек.

Говорят мне люди, мрачны, страшны:
Ты напрасно ищешь тут свои сны
А ещё надоел человеческий язык
И собрания ваших книг.

Надоел и все тут. У нас своё .
Свои дети-собаки-житьё-бытьё.
И зачем ты ходишь у нас в горах,
Ты и твой незрелый страх.

Тут я вижу его, о мой бог, мой бог.
Он лежит, разорван, растерзан бок.
Это вовсе не он, мой веселый пёс,
Разбитной мой родной матрос.

Безучастного я подниму с земли.
Мы давно в обнимку вдвоём не шли
И по лесу, беспомощного, несущу.
На руках несущу, на весу.

Хорошо, что мне снился сегодня сон.
Там во сне, замучен и сокрушён ,
Мой любимец остался лежать в горах.
Там во сне — моя боль и страх.

* * *

Через одну довольно известную мосбольницу,
А после и через другую, сердце скрепя...
Я преодолевала своей нелюбови границу,
Я переставала мучительно презирать себя.

Через этих тётток , откровенно достаточно
страшных.
Через их окрики, грубости,

тюремный менталитет —
Стала я различать своих младших и старших.
Два дуэта — вот тебе уже и квартет.

Через этот скрежет, липкое месиво, зерна
и плевелы —
Я услышала небо и в нем золотые звонки.
Здрасьте, детки. Из чего-то же я вас склеила.
И приладила вам носы и пристроила
ноготки.

Непохожи что-то. А я не просчитывала.
Ничего не знала, не ведала до поры,
Как же было оно неразумно
и непростительно —
Жизнь затеять, не зная правил игры.

Вот вчера, к примеру — у внучки заметила
пальцы ног.
Это точно мои. Но не прочие телеса.
И никто мне пока что не падчерица
и не пасынок.
И в грубейших больницах совершаются
чудеса.

Чудеса. Через грубость и грязь нахальную.
Я их видела, нюхала, помню тот аромат
пещер.
Эту жидкость кровавую, эту молочность
пасхальную.
Этот писк свободы. Москва, ты мой акушер.

* * *

Что вот ты сделаешь, когда как-то вдруг
Вся земля из под ног убежала....
Убежала, ушла из под ног, из под рук,
Будто и не лежала

Под ногами, уверенно и горячо,
Не давала совета.
Не ощущалась почти как плечо,
Плечо человека.

Ни земля, ни воздух.
Ни огонь, ни вода, ни сила.
Ни душа, ни возраст —
А нечто что невыносимо.

Остаюсь со своим стишком.
С детской своей любовью.
Ни на крылышках, ни пешком,
Все само собою.

Забываю, но помню. Земля-Земля.
Пропадаю с радара.
Ничего не случилось. Ляляляля.
Я почти не страдала.

* * *

Книги читала когда-то.
Песни о рыцаре пылком,
Любящем так безнадежно,
Редкостно и горячо...
Тонкая дремлет цитата
Где-то под самым затылком.
Вспомнить уже невозможно,
Но постараюсь ещё.

Скоро забуду уже
Добрые старые строки —
Как он стонал несчастливо,
Имя чертя на стволе.
Пусто сиротской душе.
Люди всегда одиноки.
Невыносимо тоскливо
Всем, кто живет на Земле.

Сколько читала о том,
Как он отчаянно рвётся.
Море он переплывает.
Стены штурмует в ночи.
Спит будто пёс под мостом.
Ест что найдёт, где придётся.
Вот как все это бывает,
Сколько стихов ни учи.

Женщина. Как тебе жить.
Как тебе длить свои силы.
Как же ты это выносишь,
Ссылку свою, забытьё.
Море сумей переплыть.
Розой взойти у могилы.
Там, где ты милости просишь —
Ты не получишь ее.

* * *

Без скидок на женское или мужское —
Скажи мне пожалуйста что-то такое,
Что вмиг обуздает мой голос внутри,
Который считает тебе — раз, два, три.

Без скидок, без бонусов, без реверансов.
Скажи, что оставлена парочка шансов.
Возможность — исчезни. Возможность —
воскресни.
И я напишу ещё лучшие песни.

Без скидок на бедность-безденежье-сроки
Скажи, что запомнил предчувствий уроки.
Предвиденья зуммер. А суд — наотрез.
Ты вроде и умер. Но вижу — воскрес.

* * *

Кольцо теплеет и охладевает.
На самом деле так оно бывает:
То руку греет, то перчатку жжет.
То остывает , будто смерти ждёт.

Не ты же сам, веселый и могучий ,
А только он, неуловимый случай.
Откуда и досталось, среди толпы.
И оказалось, в шаге от тропы.

А это важно — отойти немного,
Чуть в сторону, где не одна дорога,
А есть тропинка узкая в лесу.
Там и найтись старинному кольцу.

Оно тебя обнимет не нарочно.
Оно обхватит палец так-то прочно,
Что со слезами слюбишься, терпя,
С кольцом, которое нашло тебя.

* * *

Слава богу, ничто мне не нужно уже
На моем сегодняшнем этаже.
Может, пудра-помада, золотые духи.
Ничего. Стихи да стихи.

Слава богу. Ни мальчиков. Никого.
Я давно не вижу ни одного,
Кто зажег бы крохотный огонёк.
Я сама свечусь как пенёк.

Вот стоит, мерцает, кругом зима.
И в лесу крошечная наступает тьма.
Накатила все-таки, год спустя.
Он стоит и стоит, света.

Слава богу, все-таки жизнь прошла.
А когда была- то была светла.
Снизу — жемчуг. И перламутр — верхи.
Ничего. Стихи да стихи.

* * *

Соскучилась немного, господа,
По голове своей, когда-то ясной.
Уж я туда пыталась, я сюда...
И там, и тут хотела быть причастной.

То Фальк отличный, круче, чем Ван-Гог.
То Дюрер над Москвой летает зримо.
Казалось бы, так каждый вроде мог,
А вот берёшься сам — и мимо, мимо.

Все ищешь притулиться хоть к кому.
Хоть и подмышкой старенького мага.
И вечером приходишь, как в тюрьму,
Домой к себе, где ни Париж, ни Прага,

Ничто из европейских городов,
И никого из тех, кто был бы богом.
И пёс в ногах лежит — любовь, любовь.
Так день и завершился эпилогом.

* * *

На дружка готова, на подружку.
И на то, что я себя убую.
На твою холодную подушку,
На детей, на женщину твою.

На ее кудряшки, пудры, платья,
Сумочку и туфельки ее.
На ее чрезмерные объятия,
На исчезновение твоё.

Растворяйся в облаке жемчужном.
Потеряйся в ласковом дыму.
Тот меня поймёт, кто стал ненужным,
Сам не понимая почему.

Кто сегодня плачет анонимно,
Но ещё придёт забрать должок
И шепнёт виновнику интимно —
А теперь иди сюда, дружок.

* * *

И вот опять строка колышется
На воздухе и на земле.
И музыка такая слышится,
Как будто бы на корабле,

На упомянутом Титанике,
Все-все уже стоят во льду
Да и последнюю литанию
Дочитывают на беду.

Так шёл кораблик неуверенный,
Зачерпывая сквозь края,
И берег уходил потерянный,
И там была душа моя.

Застыла строчка окаянная.
Окоченела, вмёрзла в лёд.
Но, может, там, за океанами
И продолжает свой полёт.

* * *

На воздухе и на земле —
Все тише музыка простая.
Такая темная, густая,
Как мёд последний на столе.

На воздухе и на земле-
Слова медового оттенка.
Слова медового патента.
Тень человечья на скале.

На воздухе и на земле —
Пока ещё довольно мёда
Для человеческого рода.
Поверьте старенькой пчеле.

* * *

Как будто бы на корабле,
Где мы с котами и собаками,
Беда случилась, и во мгле
Мы разговариваем знаками.

И каждый плачет о своём,
Не видя общего количества.
А океан как водоём —
Не подаёт нам электричества.

Плывем по звёздам, без огней,
Без маяков опознавательных.
Но счёт ведём ночей и дней
Своих надежд безосновательных

На то, что век ещё пройдёт,
И переговоришь с соперником.
И народится Геродот,
А может Улугбек с Коперником

Доступно ль будет кораблю,
Идущему путями малыми,
Транслировать -люблюлюблю-
Неуловимыми сигналами...

Коты с собаками лежат,
Им дела нет до общей пагубы,
И небесам принадлежат
Ночные лапы влажной палубы.

* * *

На воздухе Москвы, на ветерке,
На беззащитном, в сумерках, бульваре,
Мне снится кто-то в чёрном свитерке.
Да он меня забыл. Да нет, едва ли.

Да он оставил все. Он говорит:
Идём со мной, никто и не заметит.
И смотрит ясно, и огонь горит,
И жизнь творит, и в темноте мне светит

Таким пучком, сиянием, лучом
И шепотом — теперь бежим отсюда.
Вниз не гляди, твой город ни при чем.
Там все мертвы и не дождалось чуда.

А ты жива. Дай руку наконец.
Такая боль в твоих словах надсадных.
И плавится в глазах его свинец.
Сверкающих, орлиных, беспощадных.

❁ ❁ ❁

© Текст: ВероникаДолина

для бедных людей

ХРИСТОС ИКОНОМУ

Христос Иконому — греческий журналист, переводчик и писатель — родился в Афинах в 1970 году. Его дебютом в прозе стал сборник рассказов «Женщина на рельсах» (Ellinika grammata), опубликованный в 2003 году. Второй сборник — «Что-то будет, вот увидишь» (2010) — удостоен Государственной премией Греции в области литературы и литературной премией Prix Littéraire des jeunes Européens (2018). Эта книга стала самой рецензируемой в 2011 году и переведена на многие европейские языки, в том числе английский, французский, немецкий, датский, испанский, итальянский и хорватский. Сборник «Что-то будет, вот увидишь» также вышел в 2021 году на русском языке в издательстве «ОГИ».

Христос Иконому выпустил еще два сборника рассказов — «Добро приходит с моря», который сразу же был переведен на английский, французский и итальянский языки и вошел в шорт-лист премий Best Translated Book Awards и London Hellenic Prize, а также сборник рассказов «Дочери Вулкана», которые были переведены в общей сложности на двенадцать языков и выходили в греческих и иностранных антологиях, в том числе — в Best European Fiction (Dalkey Archive Press, 2019). По некоторым из рассказов Иконому поставлены спектакли и сняты короткометражные фильмы.

Сегодня Иконому — один из самых оригинальных и талантливых писателей Греции, рассказы которого стали настоящей летописью отчаяния, страхов и надежд его соотечественников.

Христос Иконому

ЛИТЕРАТУРА

Когда тебя выгоняют с работы, все равно, что хребет перешибают. В тот день, когда нас выгнали с работы, я спустился к порту. Пешком из Коридаллоса, словно за мной гнались, Халкидона, Маниатика, потом прямо вниз по улице Фермопил до Айос-Донисис — к причалам критских паромов. Как будто за мной гнались, потому что день был, не знаю, чудовищный, июль месяц, далеко за полдень, от зноя в глазах темно. Все в тот день было освещено странным светом — черным и жестким, как возмездие, светом, что менял привычные очертания предметов и делал их неузнаваемыми, дома, улицы, машины, все казалось чужим, словно бы ты был иностранцем в чужой стране, и люди исчезли с улиц, только и можно было изредка встретить, что пса, что жадно слизывал с тротуара воду, капающую сверху, из кондиционеров, что вибрировали и задыхались в последней агонии, а я шел вперед и смотрел вверх и говорил, что там, наверху, был совсем другой день, совсем другая страна, один прохладный день, одна страна, что дремала, прохладная, сытая, напуганная. Я шел вперед с трудом, будто бы что-то надломилось внутри, и меня все не отпускали слова Ариса, то, что он проговорил в тот момент, когда опустошал свой шкафчик и складывал свою форму, и перчатки, и широкий пояс цвета хаки, и все старье, что носил, он складывал их медленно и осторожно, словно бы то была не рабочая одежда, грязная, рваная, заляпанная, но вещи, принадлежащие кому-то, кто внезапно умер и оставил все это позади, и кто-то, кто еще жив, должен их собрать, кто-то всегда должен это делать, кто-то всегда должен собирать вещи умерших, потому что вещи, что умершие оставляют позади, — последний канат, и кто-то, кто еще жив, должен, всегда должен отвязать его, этот последний канат, потому что никто из людей не остров, верно, все мы — корабли в этом море.

Те слова Ариса.

Когда тебя выгоняют с работы, все равно, что хребет перешибают.

✱

У меня было свое место в порту. Мое собственное, второй дом, покосившаяся деревянная скамейка, там рядом причаливали фуры, чтобы погрузиться на паром до Крита. Там же причаливал и я, вечером, зимой и летом, сидел часами и смотрел на корабли, что входили в порт и покидали его, и на людей, и на машины, и на фуры, что загружались на паромы. Если было что выпить, я пил и пел, одну и ту же песню, всегда одну и ту же песню, всегда *Sittin' on the dock of the bay*, Отис — то, что надо, то, что надо для того, кто проводит ночи в порту, на причале, там, где море сливается с сушей, там, где все становится единым и разделенным, где люди только что держали друг друга в объятиях, и вот они уже расстаются, как песок и волны, когда безмятежно и равнодушно, а когда и со страстью и слезами.

Да, даже и трезвым если был, все одно пел эту песню, всегда одну и ту же песню, и расстраивался, что никогда мне не удавалось воспроизвести свист Отиса, ни разу, так я и не смог добиться этого, ни трезвый, ни пьяный, — от ворона лысого голос да от пеликана шипение, как говорил Арис. Если погода была хорошей, я смотрел на закат. Смотрел на солнце и на свет солнца, что освещал все вокруг, на последние его лучи, пока они не исчезали, смотрел на солнечный свет, что медленно скользил по кораблям, по портовым зданиям и по жилым домам, что окружали порт, по людям, что пили кофе на балконах, курили и смотрели телевизор, вели машины и шли, и бежали, чтобы успеть на автобус, он скользил по женщинам, что развешивали белье на террасах, по детям, что прятались за висящими простынями, белыми и цветными, прятались и изображали привидения, и завывали, и пугали своих матерей. Скользил по воробьям и горлицам, они гулили и порхали и пили воду, что сочилась капля за каплей из бойлеров, гревших воду за счет солнечных батарей. И то, что я видел, было куда пре-

краснее и причиняло глазам куда большую боль, чем то, что я думал, что видел, потому что я думал, что видел пожар. Пожар, что сжигал мир изнутри, без языков пламени и дыма, пожар, что сжигал мир бесшумно и коварно, и жестоко. Арис не верил ни во что из этого, не верил, что птицы пьют воду из бойлеров, не верил, что я видел пожары без пламени и дыма, но как-то в канун Рождества, то было последнее Рождество, когда, как я помню, в порту еще шел снег, тогда я спустился в порт и издалека увидел свою скамейку, погребенную под горой плотного снега, и сказал, что издалека она похожа на гигантское восхитительное курабье или на снеговика, еще не рожденного, еще только ждущего прихода в этот мир, ждущего того, кто сделает его правильным снеговиком, с округлым телом, круглой головой и морковкой вместо носа, — в этот канун Рождества на часть новогодней премии Арис купил мне подарок и отдал, когда мы заканчивали работу. И когда я разорвал подарочную упаковку, — красную блестящую бумагу, по которой ай-василисы неслись в летающих санях, влекомых безрогими оленями, — и открыл коробку, то увидел, что внутри были очки, из тех, что используют при газосварке, пара больших очков с оранжевой защитой по краям и с очень толстыми линзами.

Он схватил меня за плечи, обнял, чмокнул куда-то в районе уха. От него пахло ципуро, сигаретами и работой. Глаза его блеснули в ледяном свете дня.

— Это для порта, — сказал он. — Чтоб ты надевал, когда загораются костры, чтобы они не сожгли тебе глаза. Тебе нравится? Примерь. Хорошие, правда? Тебе нравится?

Он крепко держал меня, не позволяя уйти.

— Многая лета. С Рождеством, многая лета. И чтоб никакое зло до нас не добралось.

А затем он сдал назад и притворился, будто держит микрофон, и взглянул на меня, и начал танцевать и петь.

Твои огненные взгляды разбивают меня на куски как снаряды

На куски разбивают меня как снаряды твои огненные взгляды

Вокруг собрались и остальные, что тоже успели подвыпить, и смотрели на нас, и хлопали, и смеялись.

В канун Рождества в офисе, на одном из складов запчастей в Коридаллосе, звучат смех и песни — внутри, а снаружи снег покрывает мир, и мир сияет, белый, холодный и твердый, словно мраморный лунный диск.

✱

Поэтому я обратил на нее внимание — в самом начале. Потому что показалось, что волосы ее охватил огонь, и они горят без дыма и пламени. И затем, когда первый шок отступил, как говорится, я надел свои специальные очки, закрепленные на поясе, они всегда были у меня под рукой, и сказал, что она заслуживает того, чтобы сгореть целиком, — у нее, правда, были красивые волосы, пышные и золотистые, окружавшие ее голову как ярко освещенный ореол, — но она заслуживает того, чтобы сгореть целиком, потому что она сидела на деревянной скамейке, в доме моем, на моей собственной деревянной скамейке. Мне от этого стало тошно. Это все ненормально. Все равно, что вернуться домой после работы и обнаружить незнакомку, что непринужденно развалилась на твоём диване. Да даже и одежда ее тоже была далека от нормальной. Июль месяц, а на ней — пальто, черные брюки, ботинки. Я встал в стороне и уставился на нее, пожирая взглядом. Закутанная в пальто, руки в карманах, она сидела, скрестив ноги, и наблюдала за морем, полуприкрыв глаза. И сквозь свои специальные очки я видел, как солнце окрашивает ее волосы в багровый цвет, и видел, как ветер перебирает пряди ее волос, и сказал я, что вижу дерево, ствол которого почернел от пламени, и теперь огонь уже высоко, добрался до самого верха и сжигает его крону, его только что народившиеся листики, его раскидистые ветви. И тут же у меня на-

шло для нее прозвание. Я назвал ее госпожой в пальтеце, потому что, если ты даешь имя чему-то неизвестному, и мы все это знаем, если ты даешь имя чему-то неизвестному, твой страх перед неведомым становится меньше. И пусть она не была госпожой, и пусть даже и отдаленного сходства с госпожой не имела, и пусть то, что на ней было надето, было не пальтецом, но обычным пальто, черным и тяжелым, до самых колен. Но пусть будет так. Госпожа в пальтеце. Потому что мне нужно было дать ей имя. И потому что у нее не было собачки.

*

Когда тебя выгоняют с работы, все равно, что хребет перешибают.

Вначале ничего не чувствуешь, перелом свежий, и ничего не болит. Боль и страх приходят позднее, когда травма вступает в свои права. Когда вспоминаешь об арендной плате, и счетах, и объявлениях в газетах. Обзвоны по утрам, грубые голоса. Тебя опередили, брат. Набери завтра снова. Пришли-ка нам резюме, мы посмотрим, — уже чтоб в грузчики пойти, от тебя резюме требуют. Боль и страх приходят позднее, сказал Арис. Арис, которого вытряхнули на улицу вместе с нами, как окурки из пепельницы, безо всякого «как» и «почему», одним только телефонным звонком. Арис, который ответил, что не знает, что будет делать сегодня вечером, — может, повешусь на ремне, сказал, а, может, отправлюсь в Фалиро и утоплюсь. Посмотрим. Я еще не решил. По настроению. Но был бы у меня пистолет, было бы проще. Бах, и упал. Наверняка. Его, беднягу, все это поразило в самое сердце, хотя мы знали, оба знали — и давно, что наш черед не за горами. Вопрос времени, как говорится. «Вас на складах, звин, звин, звин, и головы лазером снесут», — повторял нам один козел из бухгалтерии. Звин, звин, звин, тыкал он пальцем в Ариса, сталкиваясь с ним в коридоре или в буфете. Звин, звин, звин, — и он заливался смехом. И он был прав, подонок, на раз-два нас сожрали, только без лазера обошлось, хватило и телефона. Утром позвонили, в обед вышвырнули на улицу. А затем случилось что-то очень странное. Пока мы брели, Арис остановился выпить воды из фонтанчика, что стоял у самого входа. Июль месяц, далеко за полдень, даже воздух закипал от жары. Но когда он пустил воду, — питьевой фонтанчик был из тех, что в саду ставят, большой, с краном, направленным вверх, — вода вырвалась вверх, как и-под давления, и ударила Ариса в лицо, так, что он чуть не упал на землю. Никогда такого не видел, честное слово. Его отбросило назад, как от выстрела. Оступился, посмотрел на меня — потерянным взглядом. Мокрый с головы до ног, вода текла с его волос, воротника, по рукам. Он смотрел на меня, безмолвно, но его глаза говорили, говорили, говорили. Пятьдесят два года, так? Сын — в армии, дочь — студентка в Ретимно. У их матери — четырехчасовая смена в «Склавенитисе». Кредитные карты. И теперь мы остались без работы. Пятьдесят два года, так. И что теперь будет? Что нам делать. Ты мне скажешь?

Я подошел к нему, взял за руку, отвел на автобусную остановку. Когда автобус подошел, Арис зашел внутрь, и мы переглянулись через окно. Его губы лишились слов, но глаза там, за стеклом, продолжали твердить свое.

Не знаю, были ли слова у моих глаз, не знаю, сказали ли они Арису хоть что-нибудь.

*

Я сел в дальнем углу причала, на самом краю бетонной платформы, свесив ноги над водой, синей, черной, вишневой водой, с разводами бензина и мусором на поверхности. Взглянул на госпожу в пальтеце. Июль, сорок градусов, пекло, а она завернулась в свое пальто, словно бы находилась в другом времени, другом дне, другом мире. Я устремил взгляд на корабли, и на воду, и на чаек, что пикировали с высоты, тоже глядя на меня своими желтыми глазами убийц. Попытался увидеть все, вдохнуть запахи всего, услышать все, ветер и волны и рокот двигателей, и голоса людей. Не для того, чтобы время

быстрее прошло, но, чтобы оно не проходило, потому что время не лекарство, время не лечит, и песня о том же говорит, время — худший из всех врачей. Я посмотрел на огромный корабль, «Лиссос», он готов был отплыть и поглощал людей, машины, фуры, исчезавшие в его темном чреве. Повернулся к госпоже в пальтеце, смотревшей на корабль, и проговорил, что она точно не путешествует и пришла сюда не для того, чтобы проводить кого-то, и сказал, что все это совершенно ненормально, — но что было нормальным в тот день? А затем увидел, как с одного из бортов к морю спускают шланг, из которого под давлением вырываются потоки воды — в море, и мои мысли снова вернулись к Арису. Как его отбросило назад, когда его ударил поток воды, как он оступился, внезапно ослабев, как взглянул на меня, когда вода хлестнула по лицу. И я сказал, что он точно не повесится сегодня вечером на своем поясе и не поедет в Фалиро, чтобы утопиться. Сказал, что он точно упадет на кушетку и будет курить, и пить ципуро без аниса, и смотреть телевизор. Потому что он много раз об этом рассказывал. Если тобой завладеет печаль или горе, говорил он, включай телевизор. Лучшее средство ото всего телевизор, ты вот послушай, что я тебе говорю, уж я-то знаю. Телевизор. Для таких людей, как мы, для бедных людей, другого лекарства нет.

*

Когда корабль отдал швартовы, когда причал опустел, избавившись от портовой полиции, от машин и пассажиров, когда волны перестали иступленно биться о резиновое покрытие причальной стенки, госпожа в пальтеце поднялась с моей скамейки, и пошла к краю причала и села на один из кнехтов. Села, не вынимая руки из карманов и провожая взглядом корабль, исчезающий вдаль. Белая кожа, солнце словно бы вовсе не прикасалось к ней. Она сидела там, пока окончательно не растаяли и паром, и дым из его трубы, и белая кипящая пена, что корабли всегда оставляют позади себя, когда уплывают вдаль. Затем встала на колени перед кнехтом и достала из карманов два флакона с краской, с силой встряхнула их и начала красить черное железо кнехта. Увидеть такое — что-то совсем особенное. Особенное, честно. Как она двигала руками со спреем, искусно и изящно, как меняла флаконы, как останавливалась, чтобы что-то подправить, и потом продолжала свою работу, склонившись, безмолвно, полностью поглощенная тем, что делала, — один только раз я увидел, как она подняла голову и смотрела вдаль, туда, где исчез корабль.

Закончив, вытерла руки тряпкой, и ее тоже она вытащила из кармана, — кто знает, сколько еще вещей скрывало ее пальто, — и потом встала, и сделала два шага назад, и посмотрела на кнехт, склонив голову к плечу, и вернулась затем на скамейку. Я ждал. Ждал, пока пройдет какое-то время, чтобы не выдать себя. И потом я встал, и прошелся по причалу по направлению к кнехту — не спеша, как бы безразлично, глядя на море, приложив руки козырьком к глазам, как бы ожидая корабль, который доставит меня туда, куда я хотел, или, быть может, корабль, что привезет мне того, кого я ждал. Я сказал, что она, должно быть, нарисовала что-то занятное на этом кнехте, но все, что я увидел, подойдя ближе, больше напоминало детский рисунок. Хохочущее желтое лицо с черными глазами и ярко-красными губами. Это точно не было произведением искусства, но я задержался, чтобы его рассмотреть, — и растерялся. Что это было, что значило? Что вообще это может значить — рисовать на кнехте желтого человечка — ни мужчина, ни женщина, — с огромной красной улыбкой. Что это было, что значило. И женщина на скамейке тоже смотрела на разрисованный кнехт, — на меня она не обратила никакого внимания, словно бы меня вовсе здесь не было, хотя я, разумеется, был прямо перед ней, снова надев мои специальные очки с оранжевой защитой по краям и с очень толстыми линзами, — она смотрела, завернувшись в свое пальто, спрятав руки в карманах и позволяя ветерку раздуть ее волосы, которые теперь, когда солнце погасло, утонув за жилыми домами, утратили весь свой блеск и начали темнеть и чернеть как ореол на старой иконе. Все равно, что вернуться домой после ра-

боты и обнаружить незнакомку на твоём диване, незнакомку, что смотрит безмолвно на картину, которую нарисовала на стене напротив. И мои мысли снова вернулись к Арису. Если бы он был здесь, точно завязал бы с ней беседу. Наверняка. Он сел бы рядом с ней и угостил ее сигаретой и обглодал бы ее своими что да почему и говорил бы с ней своим спокойным хрипловатым голосом.

Не стоит здесь сидеть, сказал бы он ей в конце концов. Не то это место, чтобы здесь девушка сидела, совсем одна. Иди домой и включи телевизор. Телевизор — это хорошее дело. Телевизор — это лекарство, знаешь ли. Точно. Самое лучшее лекарство. Точно.

*

Спускалась ночь. Какой-то паром вошел в гавань, и, маневрируя, прижался кормой к причалу. Пустой, ни людей, ни машин. Когда трап упал на берег, вышел матрос, взял канат и подтянул его к раскрашенному кнехту. Он оцепенел на мгновение, затем наклонился, увидел желтое улыбающееся лицо, засмеялся, покачал головой и снова засмеялся, и огляделся вокруг, но ничего не увидел, накинул канат на кнехт и вернулся на корабль.

Я ждал. Поднялся, в полутьме я слышал, как бьется о флашток на корме корабля натянутая веревка. Я бы различил среди тысяч других этот звук. Нет другого такого, как он, столь одинокий, столь меланхоличный, бесконечный стон, жалоба, словно бы пустой флашток вздыхал, оплакивал свой флаг и восхищался им. И я никогда не говорил о нем Арису, зная, что он не поверил бы мне и ни за что бы не побежал покупать мне пару наушников, как те, что надевают, когда работают с отбойными молотками, с поролоном внутри, они нежно прижимают уши и согревают их, не побежал бы и не вручил, и не сказал бы:

— Это для порта. Надевай, если ветер поднимется, чтобы ты не слышал, как жалуется флашток, и не грустил. Хорошие, правда? Примерь. Хорошие, правда?

*

Теперь уже сильно задувало. Обжигающий ветер, суховей, он приставал к тебе как старые грехи. Я увидел, что женщина поднялась со скамейки и двинулась в сторону кнехта. Она встала на колени и достала из кармана баллончики, — или, может, она достала только один баллончик, не знаю, трудно было разглядеть. Она что-то сделала и потом поднялась, и застыла без движения, и посмотрела недолго на закутанное во мрак море, и засунула руки в карманы, и завернулась покрепче в пальто, и ушла, почти бегом, повесив голову. Вышла за ворота, перешла улицу, исчезла. Когда я подошел к кнехту, увидел, что она изменила что-то в лице нарисованного человечка. Улыбку. Улыбки больше не было, она погасла. Она погасила красные смеющиеся губы и вместо них провела черную полосу, что сползала книзу, черную жирную полосу, рану, травму. Она погасила улыбку на смеющемся лице, и теперь оно стало печальным и испуганным. Сначала я не понял. Почему она это сделала? Это смеющееся лицо было как утешение. Сидеть одному ночью в порту и смотреть на смеющееся лицо, нарисованное на причальной тумбе, это же верное утешение, — зачем же его разрушать? Однако, когда я сел на скамейку и снова взглянул на рисунок, теперь издалека, тогда увидел. Увидел канат, затянутый вокруг рисунка, увидел, как канат, словно петля, сжимает горло нарисованному человечку и душит его. Поэтому она погасила улыбку и сделала смеющееся лицо печальным. Потому что он задыхался. Потому что вокруг горла его была затянута толстая веревка, и он задыхался.

Я снял свои специальные очки, потер глаза и снова посмотрел.

Что может быть страшнее, чем веревка, что обвивается вокруг твоей шеи. Даже для рисунка, для настоящего человечка, что может быть страшнее. На самом деле, что.

*

Спустилась ночь. Там вдалеке, за выходом из гавани, огни кораблей, что стояли на рейде близ порта, загорались и гасли, трепеща в воздухе и выстраиваясь в длинные прерывистые линии, как будто то были бусины из разорванного кольца, что рассыпались в темноте. Я не мог этого увидеть с того места, где стоял, но знал, что так должно быть. Маленькие блестящие бусины, что рассыпались в темноте, — казалось, протяни руку и сможешь их собрать, но это кольцо разорвалось раз и навсегда, никто не смог бы его починить. Я сел на свою скамейку. Наконец.

Сел, как человек, что полумертвый от усталости вернулся с работы, — ноги вытянуты вперед, глаза закрыты, руки безвольно опущены. Провел ладонью по потрескавшемуся дереву скамейки. Оно было горячим и оцарапало мне кожу. Я вдохнул ее запах. Ладонь пахла солью, солнцем и мазутом. Затем я встал и пошел на край причала и встал на колени перед кнехтом и прикоснулся к его железной поверхности и печальному лицу, что было нарисовано на ней. Оно было грубым на ощупь, грубым и горячим. Я выпрямился и двумя руками схватился за толстый влажный канат. Схватился за удавку, что сжимала горло нарисованному человечку. Схватился двумя руками, крепко вцепившись и со всей силы попытался снять его с кнехта.

Я боролся с канатом и пел ту же самую песню *Sittin' on the dock of the bay*, каждую ночь одну и ту же песню, и сказал, что этой ночью, сегодня, может я и смогу правильно повторить пусть даже один раз, один-единственный раз, свист Отиса. Это не было легко, но я старался изо всех сил. Старался ослабить давление петли. Ослабить давление петли, снять канат с кнехта, чтобы мог сделать вдох тот человек, не настоящий, нарисованный. Мужчина, женщина, какое это имело значение.

Я бился, чтобы снять удавку с тумбы, вложил все силы, что у меня были, сказал, что должен справиться. Сказал, что надо бы, чтобы и Арис был здесь сегодня, чтобы увидеть и объяснить, было ли что-то хорошее в этом, было ли и это лекарством — срывать канаты с кнехтов, ослаблять удавку на шее, чтобы освободить ненастоящих людей. Чтобы он объяснил мне, было ли и это лекарством для таких людей, как мы, для бедных людей.

Петля не поддавалась, и веревка выскальзывала из рук, царапая их, разбивая их в кровь.

Но я не сдавался, бился изо всех сил, тянул канат из последних сил, что еще оставались.

— Прошу тебя, — повторял я. — Помоги мне, прошу тебя.

Я сражался с петлей, пытаюсь снять ее. Изо всех сил, что у меня были.

Был июль. Занималась суббота. Море дышало маленькими разреженными волнами.

Перевод с греческого Анны Ковалевой

© Текст: Христос Иконому

© Перевод: Анна Ковалева

ИВАН*

ЛЕНА ЭЛТАНГ

С тоячий воротничок и белая вставка делают человека невидимым, так, кажется, написал Честертон. Всегда об этом думаю, когда надеваю желтый комбинезон в комнатухе, где на дверях написано *carregador*.

Каррегадор — это я. Есть еще два каррегадора, но они приходят после полудня. Утренняя смена считается паршивой, по утрам на склад привозят окорока, но я попросил утреннюю, чтобы уходить, пока Лиза еще спит.

На северной окраине порта, где в девяностых построили мой склад, раньше была кузница, на заднем дворе до сих пор валяются толстые кованные полосы, скобы и шестерни. Весь главный двор занимают бочки с треской, в этой стране она адски соленая, сто лет надо размачивать, но народу нравится. После полудня я пью кофе в забегаловке, похожей на баржу, да это и есть баржа, списанная лет сто назад, на борту еще видна надпись *freira bonita*, проступающая сквозь белую краску.

На той шхуне, что приняла Амундсена на борт примерно сто лет назад, было написано «Мод», я видел фотографию шхуны в норвежском музее и прочел, что когда ее спускали на воду, то вместо шампанского разбили сосульку. Может, поэтому она вечно застревала во льдах и вставала на зимовки чаще, чем следовало.

Помню, как сидел на причале в Тромсё с бутылкой местного пойла и думал о том, что такое настоящее невезение. Ты отправляешься в экспедицию, о которой мечтал, но в первые же дни ломаешь руку в двух местах, отравляешься угарным газом, насмерть ссоришься с командой, и под конец тебя кусает белая медведица.

Я сидел там и не знал, что этим летом в Гатчине умрет моя мать, и удача от меня отвернется. Теперь я каррегадор, у меня долги, девушка, желтый комбинезон, и мои путешествия закончились. Но если я когда-нибудь вернусь на причал в Тромсё, то уроборос, похожий на корабельный канат, укусит себя за хвост, и все начнется по новой, с чистого листа.

Днем в забегаловке шумно, приходят туристы и местные бездельники; хорошо, что не все знают, что за рубкой стоит железная скамья, где можно устроиться с чашкой и соленым бубликом. Каждый раз, когда вижу эту скамью, я думаю о матери. Когда мать умерла, я приехал к тетке в Гатчину, мать лежала там на садовой скамье, сначала мне показалось, что она голая, и я зажмурился. Но это была клеенка телесного цвета, тетка прикрыла тело от насекомых, под клеенкой было платье из синего бархата.

Я сидел на полу и смотрел на лицо матери, густо напудренное, в щербинках, такое же бедное, как паром на алябьевской переправе, на котором я ездил довольно часто в прежние времена, кораблик

с облупленным носом и ржавыми перилами, там еще был паромщик, который ко всем приставал, изображая морского волка. Ветер сегодня шквалистый, говорил он, вытягивая руку в направлении берега, на волнах барашки и птицы возвращаются к берегу, значит, завтра переправа работать не будет, помните мое слово!

Там, в Гатчине, отца не было, он не приехал. Мать лежала хрупкая и пустая, будто глиняная копилка, запах у нее был незнакомый, меня просто воротило от него, так что я пошел в ванную, взял там «Красную Москву» и хотел вылить на клеенку, но пробка намертво присохла к флакону, и ничего не вышло.

* * *

М не предназначено было быть никем. В две тыщи десятом я был никем для одной девушки с восточного факультета, потом еще для нескольких. Когда Лиза на меня обрушилась, я все еще был никем, и мне приходилось это скрывать. Я сказал, что пишу книгу, и даже показал ей стопку бумаги издаека, но она стала требовать хотя бы страницу, и пришлось сказать, что я все сжег. Про покер я тоже сказал, но она только плечами пожала. Покер казался ей незначительным увлечением, чем-то вроде игры в три камешка или гончарного кружка в доме пионеров.

За два года до появления Лизы я встретил одноклассника, с которым в школе и словом не перемолвился, и зачем-то пошел с ним в зал для автоматов. Пока он нажимал там на разные рычаги, я постоял у рулетки, а потом пошел в конец зала, к зеленому столу, где над картами сидели мужики со страшно сияющими лицами.

Некоторое время я стоял за их спинами, наблюдая, как тасуют, подрезают, раздают, и чувствуя, как вокруг меня сгущается электричество, заставляя покачиваться с носка на пятку, как будто я слышал потаенный би-боп, спрятанный за стеной казино. Целый пласт сладкого, щиплющего язык электричества висел над столом, от него то и дело отслаивались липкие пузырьки, и один такой, наверное, залетел мне в рот.

Прошел год, потом еще один, однажды ночью, на отцовской даче, я зажмурился и ткнул пальцем в карту, висевшую возле печки. Карта была выцветшая и покоробленная от жара, наверху краснел герб какого-то герцогства и дата: 1870. Английская тетка вела на поводке ирландского львенка, турецкая старуха дремала с кальяном, а мой палец попал на смуглого португальца в камзоле, сидевшего лицом к океану, подтянув колени к подбородку. На лице у него были две мушинные точки, северная и южная, мы подумали немного и поехали в северную.

Я сказал Лизе, что покера больше не будет, и его не было. Она танцевала, я таскал ящики в порту — думаю, во времена герцогства с красным гербом дела обстояли бы точно так же. А потом я познакомился с Крамером, он взял меня на собачьи бега, и я поплыл. Кураж вернулся, и его приходилось прятать, будто щенка за пазухой. Теперь вместо полутемных квартир, где табачный дым разъедал глаза, были просторные ряды макао с откидными стульями. И псы, обезумевшие виолончельные смычки, сияющие во тьме.

* * *

Я не сразу поверил в то, что сказал клошар. Аграмонте такое место, сказал он, вычищая щепкой мясо из зубов, туда только раз-другой зайдешь, и удача вцепится тебе в рукав, как продажная девка. На трамвайном билете и то выигрешь! Никаких баб, не брить бороды, никакой еды, кроме сырой рыбы и хлеба, говорить только с мертвыми. Мой приятель Бата был жирным, как монастырский гусак, а после *сидения* лет на восемь помолодел, штаны булавкой застегивал, жаль только, не удержался и нарушил. Спустил все до копейки!

— Мне нужно долг вернуть, — я зачерпнул кофейной бурды из чугунка. — Вернее, деньги, что я украл. Она их на учебу отложила, понимаешь?

Деньги я и вправду украл, но дело было не в этом. Я соскучился по игре, по тому, как она укачивает, не давая замечать ни погоды, ни времени, по сыромятному запаху диванов, по острой, бессонной тишине, по светящимся, чахоточным лицам тех, кто неделями оттуда не выходит.

В тот день я набрел на клошара на набережной, по дороге к маяку. Мы раньше не здоровались, хотя я видел его много раз, проходя под мостом, а тут он вцепился в мой рукав, как старый знакомый. Какой-то ты смурной, сказал он, и вид у тебя холерный, пошли ко мне, налью тебе выпить. Помнишь, ты пару раз угощал меня славными горячими шокиньюш? Я кивнул, развернулся и пошел за ним.

Когда Лиза спросила меня, что я чувствую, когда играю, я сказал ничего, и это была чистая правда, чувствуют холод, голод, жажду, желание, а в игре просто пребывают, как в невесомости. Твое тело поднимается над заплыванным полом, покуда разум морозно твердеет, виски заполняются шумом крови, музыка, женский смех, автомобильные гудки, все невразумительные звуки чужого веселья пропадают, как будто за тобой задернули плюшевый занавес, а собственные пальцы кажутся тебе длинными и ловкими, как щупальца морского животного.

Стоит же выйти на свет, как чувствуешь себя бессмысленным лиловым носком, есть такой представитель класса моллюсков, который копирует ДНК пищи, которую поедает. Вот и я за пределами куража становлюсь тупым отражателем действительности. А скоро и отражать будет нечего. Мир выветривается, как горная порода, запад и восток истекают клюквенным соком, обмелевшую Европу можно засунуть в лиловый носок, и никто не заметит, а я сижу на кухне ресторана, где работает моя мать, передо мной тарелка с розовыми обрезками лосося, громоздкий радиатор шипит и щелкает, за окном постукивают на ветру обледенелые скатерти на веревке, в ресторане проверка, и мать ходит по залу, высоко подняв кудрявую голову, накинув меховое пальто на плечи, как шотландская королева перед казнью.

* * *

День был такой солнечный, когда она зашла в редакцию на Большой Морской, что, казалось, краски выцветают на глазах, стены, бумага, свет из окна, все стало белым, как топленое молоко. Под потолком слабо поскрипывал деревянный вентилятор, от этого жара казалась еще плотнее. Окна у нас были заколочены зимой и летом, потому что тогдашний завхоз сошел с ума. В полдень я остался один и лежал головой на столе. Дверь хлопнула, и я поднял голову. Она стояла на пороге, маленькая, прохладная, с бритой головой, в мятых льняных штанах.

— Какое у вас тут арктическое лето, — сказала она. — Я принесла объявление, это правильный кабинет?

— Давайте его сюда, — сказал я шепотом. Любовь будто простуда чиркнула по горлу. Когда она села напротив меня и принялась копаться в рюкзаке, жара сразу спала, и лопасти вентилятора тихо жажужжали. Я не знал о чем спросить, чтобы она подняла глаза, и любовался ею тайно, будто карпом в японском пруду.

— Зачем вы так голову побрили?

— У меня были вши, — сказала она, вынимая из рюкзака бумажки, заложенные почему-то в справочник «Лекарственные растения». — В нашей балетной школе недавно были вши, почти у всех, и у меня тоже.

— Так вы танцуете? — я взял ее бумажки, сунул в папку для субботнего номера, спросил, не хочет ли она мороженого, и она кивнула. Потом мы дошли до ее дома и постояли на лестничной площадке, куда свет попадал через грязные витражи. Потом два года куда-то делись и началась португальская,

© Бухта Коллинз. Остров Кинг-Джодж. Антарктика 2020.
Фото: Григорий Ярошенко

выложенная изразцами лестница, по которой мы побрели, заходя в съемные комнатухи, гарсоньерки с расколотыми биде, и выходя из них с коробками, которые становилось все больше, потому что она помешана на местной керамике, с оленями, похожими на ящериц, а я иногда все же выигрывал и покупал ей тарелки.

Еще она любит рисовые хлебцы и запах клеевой краски. Теперь я знаю цвет ее глаз, я даже знаю цвет ее внутренних бедер, или как там это называется, я еще не насытился этими бедрами, недрами и алой чавкающей глиной ее болот, другое дело, что она смотрит на меня ледяными глазами, будто на вора, да я и есть вор.

* * *

Я устроился неподалеку от северного участка, принадлежащего братству Тринидад, перед входом в склеп росли две давно не стриженные туи, занавески за стеклянными дверями пожелтели, а в известковой вазе был только песок. Похоже, родственники нечасто здесь появлялись.

С утра мне приходилось поработать — кладбищенский сторож строго соблюдал свою пользу. Сначала я собирал листья в тележку, отвозил их на пустой участок возле мастерской, собирал в кучу и поджигал. Потом обходил дорожки, посыпая их кварцевым песком, потом поливал цветы на тех могилах, за которые сторожу платили.

Хуже всего была сырая рыба. Я научился ловить ее под мостом, сидя на парапете, но от склизкой плоти и пресного запаха меня с души воротило. Мендеш косился на меня со своего причала, но близко не подходил, говорить нам все равно не полагалось. Говорить только с мертвыми! Иногда я находил на парапете подарок — кусок хлеба в бумаге, перевязанный бечевкой, или крупная соль в фунтике.

Выходить в город было опасно, там трудно избежать разговоров, так что я держался Аграмонте, и быстро изучил всех его обитателей: женщин одетых по моде времен Педро Пятого, воинов в доспехах и глиняных потрескавшихся младенцев. Большинство старожилов умерло от холеры. Потом шли почтенные люди, дожившие до старости, археологи, владельцы мастерских, городские чиновники.

Оскар Барриош, москательщик, был упокоен в подземной части склепа, мы с Динамитом спали в обнимку на скамье, где я устроил гнездо из сухой травы и ватных одеял. Динамит был горячим, и я был рад тому, что собачья температура выше человеческой. По утрам я кипятил воду на туристическом примусе, купленном заранее по совету клошара, у меня были две кружки и охотничий нож, нож я держал под скамьей, прикрывая его куском гранитной плитки, и там же держал свой банкролл.

Если меня накрывало, я уходил в рошу за каменной стеной, садился под кленом или буком и тихо выл. Делать это приходилось довольно часто. Но дни шли за днями, азарт придавал мне силы, предвкушение веселило.

Я представлял как все, что я потерял, возвращается ко мне, выстраиваясь как разрушенная поленница в фильме, пущенном задом наперед — бревнышко за бревнышком. Вот я спиной выхожу из казино и быстро пчачусь по проспекту в сторону дома, вот желтый конверт наполняется банкнотами и залетает в шляпную коробку, вот моя девушка смеется обратным смехом — ахахах! — и выключает свет в спальне босой ногой.

* * *

Моя мать говорила: первый характер марьяжный, второй куражный, третий авантажный, так вот у Лизы — куражный, иногда я хочу взять ее за волосы и бить головой о подоконник, она такая маленькая, что я мог бы разнять ее руками на два половины, достать ее сердце и за-

сушить как пион между страницами справочника, да только где его взять, книги мы свезли к ней на дачу, за неделю до португальского рейса. Думаю, что книги пошли на растопку, да и кому они теперь нужны, Лиза читает только либретто, а я живу в царстве мертвых.

Я никогда не думал о ее теле, потому что его как будто и не было, глиняная фигурка, петушок на палочке. Я битый месяц был влюблен в ее походку, я даже сам пытался ходить такой походкой, когда думал, что меня никто не видит. А про тело я не думал, мне бы даже в голову не пришло приставать к ней с поцелуями, все равно что поймать цаплю в камышах и попытаться засунуть язык ей в клюв.

Все началось, когда в январе мы пришли на показ «Жизели», балет шел на учебной сцене под фонограмму, и со звуком у них было не очень, а со светом еще хуже. После того, как занавес, похожий на плюшевую штору, опустился, все хлопнули и разошлись, а нас позвали в комнату за кулисами. В комнате было полно густо напудренных девиц, пахло острым потом, словно на скаковой конюшне, и двое парней разливали какую-то дрянь, вроде портера. Потом все заволокло дымом, цветочные стебли хрустели под ногами, лампы дневного света гудели, балерины толкались, зеркала сияли, и я забыл где выход.

Помню, что часов в десять в коридоре раздался странный звук, не то скрежет, не то жужжание, свет вырубился, и стало темно. Кто-то хрюкнул, потом засмеялись, хлопнула дверь, где-то посыпалось стекло, и меня поцеловали в темноте. От того, кто это сделал, пахло вином и жженым сахаром. Неизвестно чей поцелуй горел на моем лице, между щекой и виском, я чувствовал его как набрякшего от крови комара.

Через два дня мы с Лизой уехали, потому что я сильно задолжал на Морской, и в городе торчать не хотелось, так что я взял два шерстяных свитера и повез ее на отцовскую дачу, где всегда был запас консервов и водки, вот только печку приходилось топить, а не затопишь с ночи, проснешься, стуча зубами в голубоватом холоде, под волглым комковатым одеялом, набитым как будто бы живыми утками.

* * *

Я сказал себе *нэ бойса!* — как турки, когда те находят раненых на поле битвы. Я прочел это в дневниках Делакруа. Турки говорят им *не бойся*, ударяя в лицо эфесом шпаги, и заставляют откинуть голову, которую затем начисто сносят. Я стоял на мосту, перегнувшись через перила и смотрел на реку, сизую, ровно лежащую, тихо пополняемую дождем. Капли были мелкими, и поверхность реки слегка шевелилась, рябила, как тяжелое знамя на ветру.

Я помнил, что в воду нужно входить ногами, иначе шею сломаешь. Я еще ни разу не прыгал с такой высоты, и мне показалось, что я пробиваю ногами асфальт. Потом вода раздвинулась, и я увидел илистое дно, сплошь покрытое проволокой, будто поле боя с противопехотным заграждением. Потом я увидел человека, скользящего вниз по стенкам водоворота, как он переворачивается, вытягивает руки, но сильная вода не уступает, крутит его мягко, медленно, темная тина набивается ему в рот, заполняет его сердце и печень, становится им.

У Делакруа с отцом тоже было что-то не то. Мой отец бросил мою мать, когда я был в восьмом классе, пропал года на три, потом появился и пригласил меня пообедать. Я одолжил у приятеля галстук и пришел в «Асторию», на столе стояло блюдо с поросенком и бутылка водки, отец сказал, что есть повод, и я кивнул. Он сам разделявал мясо, подтянув рукава рубашки, я сразу вспомнил *бледный поросенок, словно труп ребенка, кротко ждет гостей, с петрушкою во рту* и зачем-то произнес это вслух. Он тоже кивнул, и мы стали жадно есть.

* * *

Мне было лет восемь, когда сосед по даче взял меня в лес, по просьбе матери, к которой приехал любовник. В лесу не было ни ягод, ни грибов, сосед ходил туда наблюдать за птицами, он казался мне очень старым, старше всех, кого я видел. Мы увидели дрозда, и сосед сказал, что дрозд не просто трещит, а говорит — филипп... петрович... пойдём... чай пить..., а под конец раскатисто добавляет: с сахар-ром! Еще он сказал, что дрозды раньше были белыми, как снег, а потом научились пережидать внезапный мороз, сидя на чьей-нибудь печной трубе. Почернели от сажи и потеряли красоту. Зато уцелели, сказал я важно, и он кивнул.

В тот день мы вернулись домой раньше, чем ожидала мать, и я увидел ее голую спину, мелькнувшую в коридоре. Мужик, который приезжал к ней из города, был преподавателем физкультуры в техникуме, я презирал его мягкий крестьянский подбородок. Мне мерещились карбонарии, охотники, белые офицеры, я читал о них в книгах, сваленных на чердаке, один из них должен был оказаться моим отцом. Но у моей матери был собственный список ролей. Будь она директором русского театра в старину, когда в труппе должны были пер нобль, трагический любовник, резонер и подъячий, она бы точно выбрала резонера.

Когда я увидел Лизу, то сразу понял, что у нее другой список: в нем бродят метерлинковские слепые, причитая и охая, а за ними плетется душа сахара. Сахар-ра, Филипп Петрович! Мы сидели в чайной на Большом, она протягивала руку за хлебом, белая рука качалась над зеленой скатертью, словно кувшинка над озерной водой. Я замечал все: простудный кончик носа, оспинку на переносице, при этом я видел ее лицо особым образом, как будто ее голова отделилась от тела и тоже качалась над зеленой водой пруда.

Мы не виделись год или больше, потом я позвонил ей ночью и попросил одолжить две сотни, я стоял на Литейном и звонил всем подряд, пока не дошел до буквы Л, мне нужно было отыгаться, я даже лица ее не помнил, кажется, я выл, и она сказала: стой, где стоишь, я возьму такси.

До сих пор не знаю, как это вышло, наверное, сработал тот же механизм, что потом заставлял ее раз за разом впускать меня в дом после игры. Я привозил ее на отцовскую дачу, расплетал косички, заколотые тонной всякого железа, гладил маленькую грудь и ягодицы, всегда холодные. Завяжи бедра в узел, сделай из желе ледышку, зажми попой пятак! говорили им на занятиях. Обнимая ее, я старался не думать о тех, кто делал это до меня, но они толпились вокруг кровати, кивая и подмигивая, как фитильки в масляной плошке. Балетную нашел, усмехался отец, смотри в оба, не подцепи какую-нибудь дрянью.

Лиза засыпала, а я вертелся часов до четырех, между собакой, которой у нас не было, и волками, бродящими в токсковском лесу. Постель становилась географической картой, альпийские рельефы из смятых простыней, острова из бисквитных крошек, рваный кратер в одеяле. Я лежал там, глядя в потолок, и думал о том, что ждет меня без нее, о женщинах, сидящих в партере, стоящих в проходах, струящихся в складках занавеса, ожидающих того дня, когда меня вышвырнут из моего шларафферланда. Того дня, когда уже нельзя будет разгуливать никчемным юнцом и придется завести бобровую хатку из валежника и грязи, а там, глядишь, и мокрую волосатую горстку бобрят.

* * *

Мне снилось, что я в ресторане с Лизой где-то на Петроградской стороне, на ней ветхое синее трико, и нас не хотят обслуживать, гарсоны стоят поодаль, шепчутся, обмахиваются картами вин, будто веерами — а мы все ждем, упряимся, тогда они подходят все сразу, обступают

нас и мгновенно раздевают стол, пожирают его, как термиты — ствол упавшего дерева, уносят даже скатерть, на мгновение мы остаемся за пустым столом, но тут приходит самый крепкий гарсон и уносит стол, положив его на голову, как индийский носильщик. Проснувшись, я понял, что во сне упал со скамейки, и еще понял, что ночью ко мне приходил призрак нищеты.

После кладбища покер принял меня, как теплое озерное дно, мягко и безопасно, хотя за четыре года я многое растерял, покерную мышцу надо все время качать. В полночь пицца стала крутиться в животе, будто вертолетные лопасти. Два голодных месяца сделали из меня отшельника в пустыне, поедателя акрида и дикого меда, пришлось отойти за угол в подворотню и сунуть два пальца в рот. Никогда в жизни этого не делал. И никогда в жизни не получал фулл хаус на флопе, имея карманную пару.

Теперь все будет иначе, полагаю. Моя жизнь будет полна падений и взлетов, как если бы я жил с женщиной, нет, со всем женщинами сразу. В игре живешь как на кельтском острове, где можно было жить либо ровно три дня, либо ровно три года, ошибешься — и любое яблоко может тебя отравить. Я буду жить так, пока не начну проигрывать. Должна же магия когда-нибудь кончиться. На дне колбы-пеликана останется только свинец, мне перестанут выкрикивать номера, а зеленый бархат превратится в трясины. Тогда я распахну фишки по карманам, встану и выйду на свет божий. Сниму себе дом в Тромсё, и буду гулять с уиппетом в дюнах, дожидаясь, пока полярная ночь упадет на остров, будто подстреленная белогрудая кайра. Птенцы этой кайры прыгают в море со скалы, потому что тушка у них тяжелая, а крылья еще маленькие. Если ты голоден, а взлететь не можешь, прыгай в воду и надейся на лучшее.

* * *

Старая дружба похожа на канатную дорогу. Ты приходишь на знакомую станцию, садишься на железное сиденье, и тебя уносят быстро, уносят высоко, канаты гудят, кабина ходит ходуном, и никому дела нет до того, какие у тебя лыжи, красная трасса или черная, и что ты вообще умеешь. Правда, бывает, что ты приходишь с лыжами, как дурак, а станция сто лет как закрыта, и билетное окошко заколочено крест-накрест досками. Проверять надо чаще.

Когда я встретил Кристиана на кладбище, он прочел мне свою книгу, вернее, рассказал по памяти. Поначалу он каждую ночь приходил, а потом мы стали ссориться, в точности, как раньше, когда он был жив, и его визиты стали редкими. Язык по-прежнему лежал между нами как меч, пожирал нашу дружбу, медленно, как термит выедает дом, заполняя пустоты землей.

Зато ко мне приходили другие, почти забытые, с ними я всегда хотел поговорить, но не мог. Бесплезно было писать им письма, подбрасывать в небо голубей или оставлять сообщения, зато на кладбище мы, наконец, повидались. Я сказал им, что Амундсену, когда он вернулся из экспедиции, давали самое малое шестьдесят, а ему было тридцать три, в точности как мне. Я не покрывлся арктическими морщинами, но потерял прекрасную легкость маневра, которую считал несокрушимой, я струсил, я перессорился с командой, я дрейфую в зоне паковых льдов.

Жаль, что здесь нет единого языка, чего-нибудь вроде эсперанто, я хотел еще бы поговорить с архитектором да Сильвой, построившим вокзал, похожий на гжельский столовый сервиз, и театр с грустными чудовищами. Будь у меня португальский получше, я бы со многими тут поговорил.

Кристиана я любил, это я точно помню. Хотя понимал его с пятого на десятое, даже когда мы переходили на английский. Любовь представляется здесь чем-то простым и понятным, как хлеб или вино, трудно поверить, что раньше она доставляла столько хлопот.

Лизу я тоже любил, ел ее как хлеб и пил как вино. В ту ночь, на токсковской даче я ткнул в старинную карту пальцем, спросил, годится ли завтрашний день для отъезда, и Лиза кивнула. С ней все

казалось легким, я как будто потерял вес, наглотался лунной пыли и совершал диковинные прыжки. Утром мы вернулись в город, зашли в интернет-кафе на Лахтинской, заказали по мороженому, купили вечерние билеты на ТАР, потом зашли домой за вещами и документами и поехали прямо в аэропорт.

В городе мы разыскали свой отель, бросили сумки в номере и пошли в город, но все было закрыто из-за церковного праздника, только в арабской лавке дверь была нараспашку; там нам сделали кофе во дворике и сказали две важные вещи: хороший перец совсем черным не бывает, а корица должна быть ломкая, тонкая, как бумага, и главное — рот должна согревать. К этим арабам я потом часто ходил, за кофе и рахат-лукумом.

Через неделю у нас появилась комната, а чуть позже — кровать, поролоновый матрас на занозистых поддонах. Ушастый Люб, кот с золотой шерстью, которого я видел на гравюре в старинной книжке, охранял нашу кровать почти четыре года, пока не пришел Нелюб, черный кот с веткой белены во рту. Коты на гравюре сидели, тесно прижавшись, и были похожи на двух озябших сорок.

* * *

Мой прадед Иван в двадцатые годы попал в лагерь для русских беженцев, на норвежском острове — на 400 километров севернее Полярного круга. Я читал его письма моему деду, подробные, как отчеты экспедиции, писем было немного, марки я отодрал и присвоил. Дед его никогда не видел, а вот письма поначалу приходили регулярно: сначала из лагеря в Тромсё, потом из Линца, в двадцать девятом они приходили перестали. В одном из писем говорилось о лютеранской церкви из дерева, я это письмо запомнил, потому что в нем прадед спросил сына, как его зовут.

Как только у меня появились первые деньги, я поехал в Тромсё, не знаю зачем, кажется, хотел увидеть полуночное солнце, это было лето две тыщи девятого. Город показался мне унылым, я попробовал вяленую оленину, посмотрел на обломки самолета в музее и оставшиеся два дня провел на пирсе с бутылкой аквавита, глядя на мост самоубийц с забором для самоубийц. Я думал о корабле усатого Нансена, выходившем отсюда за тридцать лет до того дня, как мой прадед написал письмо сыну, которого никогда не видел. Еще я думал про норвежца, упавшего в ледяную воду, и о том, подумал ли он, что во всех справочниках мира место его смерти будет значиться как *Баренцево море*.

Очнулся я в альпийском саду, оттого что замерз. Не помню, как я там оказался, помню, что вышел из автобуса возле обсерватории, а дальше — обрыв, какие-то тропинки и камни, о которые я спотыкался. Я лежал ничком на чугунной скамейке, вокруг нее цвели голубые гималайские маки, которых здесь быть не могло. Мне показалось, что я увидел чилийскую араукарию, я резко сел и протер глаза. Там была целая поляна араукарий, за ними, будто в раме, стояло стреляющее голубыми искрами озеро, и вокруг на километры не было ни души.

Минут через тридцать я вышел к пешеходному мостику, протрезвел и нашел табличку с надписью *выход там*, но эти полчаса, пока я шарахался среди рунических булыжников, похожих на спящих баранов, и натыкался на ту же самую скамейку, будто сам был камнем с острова Мона, который возвращается на свое место, даже если его бросают в море, эти полчаса, пахнувшие синей горечавкой, заполонившей там каждую трещину, просвеченные ночным солнцем, выкатившимся неведь откуда, эти полчаса были лучшими за весь мой год, а может, и за все девятнадцать. Наверное, прадеду тоже бывало там хорошо.

Связь между нами с тех пор наладилась, какая-никакая, правда, на Аграмонте он ко мне не пришел, а некоторые пришли. Когда пять лет назад я скрывался от кредиторов и ночевал на ржавом катере в Пьяной Гавани, ко мне приходила уборщица из дацана, толстая и раскосая. На вмержшем в лед катере было холодно, но печка уцелела, и я спал возле нее, не раздеваясь. Женщина приносила водку в баклажке, на дне

всегда лежала лимонная кожура, до сих пор помню ее вкус и помню, как ночью льдины терлись о борт катера, а я слушал громыхание и треск, воображая себя открывателем полюса. На вид женщине было лет сорок, и умирать ей было рано, но на Аграмонте она пришла первая, и мы наконец-то поговорили.

* * *

На канидроме мы с Крамером понимали друг друга ясно, почти без слов, по поджатым губам или движению брови. На Аграмонте тоже есть свой язык — выцветшие фотографии, золотые имена, тряпичные орхидеи — и через несколько недель я начал его понимать.

Когда моя удача созрела, я ушел из царства мертвых, сбрав бороду в туалете Макдональдса. Я попросил сторожа присмотреть за псом, пришлось пообещать ему долю с выигрыша. Останавливаться нельзя, надо начинать сразу и играть каждый день, иначе система не сработает. Когда я уходил, Динамит лежал смиренно, не лаял, и был похож на кусок светлой шерсти в пожухшей кладбищенской траве. Всю осень он грелся на солнце рядом с поэтом Феррейру, у которого на могиле лежит бронзовая собака, думаю, у этих двоих тоже был какой-то особый язык.

Утром я спустился в город, купил в киоске опасную бритву и дождался пока откроется Макдональдс возле военного музея, я помнил, что там есть туалет для матерей с детьми, с душем и бумажными полотенцами. Закрывшись на крючок, я посмотрел на себя в зеркало и присвистнул: мужику, который на меня уставился, было лет сорок, не меньше. Дело было не в бороде, которая оказалась красноватого оттенка, как у кобальда. Дело было во взгляде, он стал темным, плавающим и почти неуловимым, я сам не мог поймать его в зеркале. *Глаз янычарский светит как из чащи, и западает клавишей зрачок.*

Так вот как это работает, думал я, примериваясь бритвой к заросшей щеке: за два месяца в склепе я потерял десять лет и заработал выражение лица. Холодное, ускользающее, бесценное для покера, практически боевой инструмент. Китайский конный секач! Сегодня я узнаю, отсекает ли он ноги вражеским лошадям.

Несколько раз в дверь туалета стучали, и довольно настойчиво, но я изображал сварливый женский голос и меня оставляли в покое. Мыться пришлось очень долго. В какой-то момент мне показалось, что я слышу запах речной тины, и меня передернуло. Я не мылся с тех пор, как выбрался на берег, и тина жила на мне своей жизнью все шестьдесят четыре дня. Слой за слоем с меня сходили проведенные на Аграмонте дни, когда созревала моя удача. Она созревает, как плоды шиповника, сказал Мендеш, ты когда-нибудь ел плоды шиповника?

* * *

Уборщица, стоявшая под дверью с ведром, ткнула пальцем в табличку *feminino* и сердито улыбнулась. Я вышел в зал Макдональдса, запах жареного мяса и кетчупа бросился мне в лицо, но я даже бургера купить не мог. Гудящий голод заполнил мне голову, я быстро вышел на бульвар и вдохнул осеннюю горечь и бензин. Сегодня шестое ноября, среда. Значит я закончу десятого января, вечером. Как писал один русский писатель своей жене: играть надо много времени, много дней, довольствоваться малым, если не везет, и не бросаясь насильно на шанс!

Теперь на моем лице ровно блестят непроницаемые покерные глаза, будто две бойницы в стене крепости, эти глаза я заработал в царстве мертвых, сегодня я их испробую на деле, во время осады. В восемь вечера я войду в салон на руа Беко, где когда-то проводил беспросветные дни. Ходил вокруг стола, сжимая ставочку в кулаке, смотрел на вытертое сукно, на головы, склонившиеся над ним, на быстрые белые руки крупье, а сесть с людьми не мог. Хорошо, что весной макао нашел, а то бы задохнулся.

Не помню, чем я Лизе поклялся — то ли водами Стикса, то ли погрузив в море кусок железа, как древние фокейцы, но теперь клятва потеряла свою силу, и я, как говорил Стивен Д., уже не тот я, что занимал у вас фунт. Но второе обещание я намерен сдержать: я сам отправлю Лизу в академию, соберу сумки и отвезу в аэропорт, иначе у нее не хватит куража. А у меня этого куража хоть ложкой ешь. Я наполнен куражом, будто цеппелин гелием, и воздух держит меня весело и надежно. Как пассажирский цеппелин с жестким каркасом и курительными комнатами. Не какое-нибудь там мелкое воздушное ограждение.

Пощупаем удачу в хорошо знакомом месте, там даже галстук не нужен. Первая ставка лежит у меня в пакетике из-под арахиса, всю осень пакетик был засунут за портрет мадонны с лампадой, которую для Оскара давно не зажигали. В макао не поеду. Собаки — это не везение, а знание, а мне нужен чистый, беспримесный, искрящийся фарт, от которого мерзнут ноздри и волосы наполняются электричеством. А потом я поем.

* * *

— **Р**азумеется, я верю в счастливую случайность, иначе как объяснить успехи людей, которых я не выношу? — сказал профессор, грызя утиную ногу. Прошлой весной он позвал нас с Кристианом на ужин, печеные каштаны, утка, портвейн. Вернее, он пригласил аспиранта с девушкой, но у аспиранта девушки нет, так что он взял меня. Там еще были люди, старые люди и старые тарелки на дубовом столе времен Энрике Чистого.

Не помню, когда в последний раз наблюдал настоящее искусство беседы. Не светской беседы, не академической, а просто беседы за вином, в которой остроумие рождается из жара и напряжения, как саламандра в огне, стоит там на хвосте несколько обжигающих часов, колыхается благодатно, а потом исчезает и — merde! — ничего не записать, не запомнить, только искры в золе и потеря прежней уверенности.

Когда наутро я позвонил Кристиану, чтобы выразить свой восторг, он недоуменно выслушал меня и прощаясь, фыркнул:

— Три джокера и три дамы, общий возраст компании четыреста лет.

Был такой человек дождя, а Кристиан — человек засухи. Все, что я говорил ему, и страшное, и смешное, словно падало на дно пересохшей реки, его глаза никогда не увлажнялись. Даже глядя на бегущих уиппетов, рыжих и белых, прекраснее которых только черные уиппеты, он мог набивать трубку или чистить ногти пилочкой.

Однажды я рассказал ему про альпийский сад в Тромсё, где я проснулся на рассвете, будто Садко у крепостной стены, про консольный мост, на котором поставили решетку, потому что самоубийцы то и дело сигали оттуда в воду, и про полярный парк, где я целовался с волком, неподвижно стоя на коленях. Крис откровенно скучал: вертелся на стуле, протирал очки краем свитера и морщил переносицу — там, между сведенными бровями, у него душа, которая теперь тоже освободилась.

* * *

Почему шестьдесят четыре дня-то? Связано ли это с гексаграммами? Как бы там ни было, стоило мне сесть за стол, где играли в холдем, как я понял, что наши, как говорил один грузчик на складе, погнались городских. Так чувствует себя зазубренный нож, входящий в масло, в росистый, сливочный куб, стоящий на фаянсовой тарелке на рынке Больян.

Удача была не сплошной, а как будто прерывистой, иногда я видел драконов, бьющихся в небесах, и кровь их была синя и желта, но я ни разу не вышел из игры разоренным, и банка для червей уже не гремела, как бедняцкая повозка, а пыхла и сыто отдувалась.

Спустя два месяца Мендеш сказал мне, что китайцы здесь не при чем, это, мол, древняя лузитанская магия, но к тому времени мне было все равно. Хотя в список гексаграмм я все же поглядывал и знал, что №63 означает «уже конец» а №64 «еще не конец», и вот эта последняя будет неустойчивой и неблагоприятной. Я сам знал, что еще не конец, что остановиться я уже не смогу, так и стану жить между кладбищем и зеленым столом. Но сначала сделаю то, что должен. Осеннее сидение на Аграмонте было посвящено одной цели, про себя я называл ее шляпная коробка, не называть же ее *верни, что украл*.

Я шел по длинной руа Бразил и жевал снег, это была удивительная неделя, снег шел не переставая, как будто мы перенеслись на широту Петербурга, Ухты и Магадана. В полдевятого я был в гостинице, сказал, что завтра выписываюсь, взял бутылку водки из мини-бара, вышел на заснеженную террасу и сел на перила. Утром я достану фишки из банки для червей, обменяю их постепенно в нескольких казино, найду к Лизе и поцелую ей ноги, маленькие сбитые ступни, вечно обклеенные пластырем. Потом свожу клошара пообедать, заплачу сторожу, заберу Динамита, и мы сходим с ним к парикмахерам — сначала он, потом я. Потом я куплю себе свежих рубашек, возьму машину в прокате, забью багажник собачьей едой и отправлюсь на юг.

* * *

Лестница была узкой и крутой, на площадке второго этажа Динамит остановился, вздохнул и лег на выщербленные плитки. До квартиры Баты было еще четыре пролета, так что я взял своего пса на руки и понес. Из пасти у него пахло ацетоном, я подумал, что он голоден, оставил его в квартире и побежал в лавку за обедом для нас обоих, купил ветчины, артишоков и длинный французский батон.

По дороге из лавки я грыз батон и думал о том, какая у Динамита была собачья жизнь. Ни жены, ни детей, ночевки в проволочном загоне и вечный бег по прямой, за механическим кроликом, которого он так и не поймал. Завтра куплю ему меховую подстилку, отведу в собачью гостиницу и заплачу вдвое, чтобы за ним был хороший уход.

Зима на юге оказалась дороже, чем я думал, хотя все, что я делал — это гулял по берегу, глядя на пустынные отмели. Римляне построили там мост, мавры — мечети, а потом пришли христиане и переделали в церкви все, что смогли. Я сказал себе, что буду приезжать сюда каждую зиму, проводить негодные для кладбища месяцы в пуседе, поживу так года три, покончу с игрой и стану жить под полуденным солнцем. Куплю дом в Тромсё, сложу во дворе алтайскую пирамиду из камней. Посажу голубую горечавку.

Спальня Баты была такой захлавленной, что я не сразу нашел в ней пса, забравшегося под стол. Я звал его, свистел, но он не вышел, а когда я залез туда и вытащил Динамита за передние лапы, то увидел, что он уже застыл. Его рот остался открытым, глаза казались льдинками, серой и голубой. Уиппет с разными глазами — это племенной брак, сказал его хозяин, когда мы виделись в последний раз, на развод не подходит, зато, как видишь, сгодился для бегов.

Я снял с Динамита бинты, нашел в душевой щетку и причесал его немного. Потом я завернул его в скатерть и пошел на кладбище. Я знал, как туда пройти, не беспокоя сторожа, со стороны новостройки стены не было, только деревянный забор, а в заборе дыры. Мне было страшно, как, наверное, могло быть страшно рыцарю, обнаружившему, что прохудилась кольчужная сетка. Я решил похоронить

своего пса в склепе Оскара Барриоша, вырыть яму и накрыть гранитными плитками, это подходящая усыпальница, там его никто не побеспокоит.

До кладбища оставалось минут двадцать ходьбы, я как раз вышел на набережную, когда вспомнил про цветы, остановился возле киоска с розами, опустил Динамита на землю и стал рыться в карманах. Денег не было. Ни в карманах куртки, ни в джинсах, нигде. Я точно помнил, что свернул сотенные в трубочку и перехватил аптечной резинкой.

Я сел на парапет и прокрутил утреннюю пленку еще раз, стараясь дышать равномерно. Пустая квартира, шляпная коробка, соседка, кладбище, обиженный сторож. Потом запах горячего гудрона, переулки Рибейры, еле плетущийся пес, и всю дорогу солнце в глаза. А, вот что! Дрожь в руках унялась, я спокойно снял правый ботинок, достал из него замызганный банкролл, посмотрел на него и спрятал обратно. Я ночую в квартире Баты, играю, не слезая с карусели, как Бата, и машинально прячу деньги в ботинок, как Бата. Может, я и есть Бата?

* * *

Некоторое время я сидел на парапете, глядя на сверток, лежащий на земле. Потом я вспомнил что Мендеш сказал мне в августе, когда я выбрался из реки и шел сам не зная куда. Люди повсюду ищут смысл, а натываются только друг на друга, сказал он, протягивая мне початую бутылку медроньи. Знаешь, когда я ходил в школу, мы составляли списки книг, которые нужно сберечь на случай третьей мировой, а я все время думал — кто же будет их читать? Вот и ты, парень, подумай!

Мне показалось, что сверток шевельнулся, я спрыгнул с парапета и развернул его, но пес оставался мертвым. Пасть у него развалилась, видны были желтоватые зубы, а между ними кончик языка, будто веточка сирени. Надо идти, а то яму придется рыть в темноте.

Вода в реке казалась на удивление чистой и быстрой. Когда я смотрел на воду с моста Арабида, в ней чего только не было, пакеты, пластиковые бутылки, оторванные от берега кусты, даром что ли местные называют эстуарий соломенным морем. А здесь, у маяка, река впадает в океан, захлестывает дощатые причалы, бросает свежие брызги в лицо. Правда, цвет все равно как у чайной заварки. Как там трещал невидимый дрозд в токовском лесу? Филипп Петрович...пойдем чай пить...с сахар-ром! Я облизнул губы и почувствовал соль.

Ладно, всё. Прощай, собака, и ты фенек, прощай, лисичка с большими ушами, способными ушышать саранчу в песке. Наши дрозды почернели, растеряли белоснежные перья, но уцелели и сидят на печной трубе, а наше путешествие закончилось, оно было похоже на полярную экспедицию, которая дразнит тебя, ободряет, тревожит и заставляет двигаться туда, где тебе совершенно нечего делать.

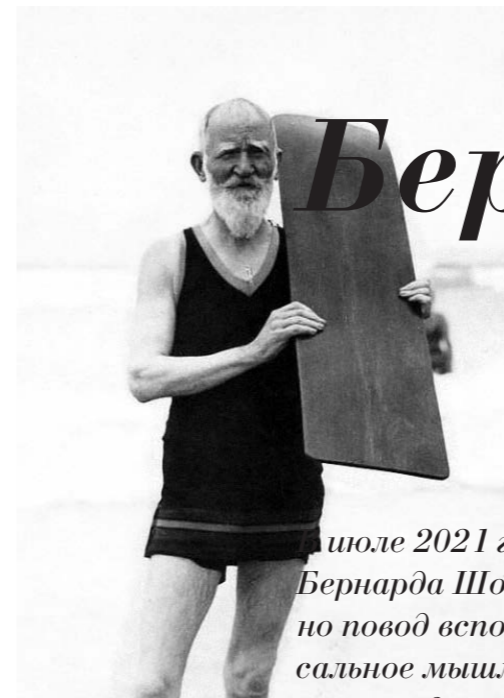
Ты начинаешь, заправляя как следует трюмы, скупая листовое железо, пряную водку, вяленую треску, вдыхая острый запах корабельного лака, в топках гудит огонь, команде мерещатся фьорды, слепящий свет и никем не найденный путь на северо-восток. А заканчиваешь на вмерзшем во льды корабле, закутанные в тряпье матросы заделывают течи, грохот и вой, сила сжатия неумолимо растет, вахтенный шевелит обмороженными губами: всё, всё, домой, в Тромсё.

Примечание

* отрывок из нового романа «Радин»

© Текст: Лена Элтанг

Бернард Шоу

АНДРЕ МОРУА

В июле 2021 г. исполнилось 165 лет со дня рождения Бернарда Шоу (1856–1950). Это, конечно, не юбилей, но повод вспомнить великого драматурга, чье парадоксальное мышление породило сотни афоризмов, которые сегодня, почти век спустя, кажется, приобрели еще большую актуальность. «Патриотизм — это убеждение, что твоя страна лучше других потому, что именно ты в ней родился». «Власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть». «Больше всего люди интересуются тем, что их совершенно не касается». «Если человек решил убить тигра, это зовется спортом; а если тигр решил убить человека, это зовется кровожадностью».

В своих сочинениях Шоу, прежде всего, покушался на предрассудки британцев, прямо говоря о том, о чем в викторианском обществе и позднее говорить было не принято. Андре Моруа, носитель совсем иных, галльских интеллектуальных традиций, в книге «Литературные портреты» нарисовал неожиданный, парадоксальный облик литератора и нобелевского лауреата, используя метод самого Шоу, который Моруа определяет так: — «проникать в святое святых окольным путем». Данная публикация — это значительно сокращенный перевод очерка Моруа, который в полном виде выйдет в издательстве «Азбука».

Когда один журналист обратился к Шоу, только начинавшему свой литературный путь, и попросил описать себя, тот ответил: «Бернард Шоу — холост, ирландец, вегетарианец, лжец, краснбай, социалист, оратор, меломан, ярый противник положения женщин, навязанного им нашей культурой, почитатель искусства».

Этот первый обходной маневр — удачное начало, поскольку сразу же отсылает нас к типичному методу нашего автора — добиваться комического эффекта, говоря прямо и цинично одну только правду.

Шоу будет всю жизнь стремиться к противоречиям. Его излюбленные сентенции намеренно опровергают прописные истины: «Не делай другому то, чего желаешь себе, ведь у вас могут не совпадать вкусы. — Никогда не противься искушению. Отведай все возможные и непременно поддавайся тем, что придется тебе по душе. — Золотое правило состоит в том, что золотого правила вообще нет».

Чтобы понять Шоу, нужно видеть в нем ирландца и, прежде всего, протестанта. «Ирландский протестант, — говорил он, — единственно истинный протестант, ибо он единственный и он протестует». Шоу охотно подвергает осмеянию тех, кто считал его пуританином. Но своим аскетизмом он и впрямь напоминает пуританина. Он не пьет спиртного, воздерживается даже от чая и кофе. Не курит и не ест плоти мертвых животных.

Семья Шоу, в его описании, выглядит весьма необычно. Отец был мелким служащим и с трудом сводил концы с концами, получая крошечную пенсию и занимаясь торговлей, впрочем, достаточно непрофессионально. Именно наблюдая за нравами собственной семьи, Шоу, как некогда Стендаль, научился презрению и выказывал его с жестокой прямолинейностью.

Мать Бернарда Шоу, моложе мужа по меньшей мере лет на двадцать, была женщиной умной и отличалась редкой музыкальностью; она хорошо пела и выступала на сцене. С детства Бернард Шоу любил напевать арии из опер и благодаря своим знаниям в этой области в начале литературной карьеры подвизался как музыкальный критик.

Подростком его забрали из школы, «где он обычно был самым отстающим», и он поступил на работу младшим клерком в дублинскую торговую контору с годовым окладом восемнадцать фунтов. Ему там не нравилось, но поскольку, с одной стороны, родившись кальвинистом, он усвоил истину, что человек не способен противиться предопределению свыше, а с другой, родившись ирландцем, понял «тщетность того, что не является истинным предназначением в жизни», то все бросил и последовал за матерью, уехавшей из Ирландии в Лондон.

До двадцати трех лет он все еще трудился в разных конторах, но мечтал писать, и трудно понять, почему, обладая не только умом, но и с юности — таким оригинальным стилем, с 1876 по 1885 год он смог выручить за свое сочинительство всего шесть фунтов стерлингов. За это время он написал пять романов, но все они были отвергнуты издателями. «Я выбросил рукописи на съедение мышам, но даже они не сумели их прикончить».

Впрочем, от своего безденежья Шоу не страдал: «Не могу утверждать, что я познал настоящую бедность, скорее, наоборот. Прежде чем я стал зарабатывать на хлеб насущный литературным трудом, я имел доступ к замечательной библиотеке Британского музея. И к прекрасной картинной галереи рядом с Трафальгарской площадью. Чего большего мог бы я желать, будь я богат? Что я мог бы купить? Сигары? Но я не курю. Шампанского? Я его не пью. Тридцать сверхмодных костюмов? Но облачусь я в такую одежду, те, чье общество я так старательно избегаю, немедленно пригласили бы меня на обед. Лошадей? Они опасны. Сегодня у меня есть возможность приобрести все это, но я ничего не покупаю точно так же, как когда был бедным. К тому же я наделен воображением. Сколько я себя помню, стоило мне лечь в по-

© Остров Кинг Джордж. Антарктика 2020.
Фото: Григорий Ярошенко

стель и закрыть глаза, я становился тем, кем мне хотелось, и делал все, что мне заблагорассудится. К чему тогда мне жалкая роскошь Бонд-стрит, мне, Джорджу-Бернарду Сардонапалу?»

Социалист... Он стал им в весьма юном возрасте в те времена, когда социализм был в Англии еще в новинку. Благодаря одному из приятелей он наконец сумел пробиться в газеты сперва как художественный критик, потом как музыкальный, ну и, наконец, как театральный обозреватель. Но главным образом, стал известен как журналист, который подписывался инициалами Дж. Б. Ш. Он написал книгу о Вагнере «Совершенный вагнерианец», где превратил легенду о Нибелунгах в манифест социализма.

Присущий ему иронический стиль ощущается в первых же его статьях: «Чтобы меня услышали, — писал он, — мне пришлось корчить из себя полоумного, что-то вроде королевского шута, которому дозволено больше, чем остальным».

Слава драматурга пришла к нему в конце 19-го века после издания сборников пьес, к которым он писал изумительные пространные теоретические предисловия.

По мере того, как благодаря богатству воображения, оригинальности мысли и блеску остроумия рос драматург Бернард Шоу, в сознании английской публики возникал совсем непохожий на него персонаж, которого сам Шоу обозначал как Дж. Б. Ш. Этот Дж. Б. Ш. резко и издевательски отвечал на вопросы журналистов, сравнивал Бернарда Шоу с Шекспиром, причем, не в пользу последнего. «Хвала Ибсену и Шоу, пророку его... Долой Шекспира!»

Именно Дж. Б. Ш. неизменно и методично осыпал издевками американскую и английскую публику. Похоже, всю свою жизнь Шоу полагал, что ради его собственных интересов и из чувства долга он обязан говорить англичанам всю горькую и неприкрытую правду; всем своим творчеством он надсмехался над ними. С необъяснимым постоянством Шоу внушал американцам весьма нелестные для них истины: «Я очень старался не писать ни единого учтивого слова о Соединенных Штатах. Я считаю их обитателей деревенщиной и, не колеблясь, назову американца на 99% идиотом. В итоге они меня обожают и будут обожать до тех пор, пока в порыве сентиментальности, присущей старикам-маразматикам, я не выскажу что-то лестное в их адрес, и тогда они заподозрят во мне банального бумагомарателя и немедленно от меня отвернутся».

Впрочем, трудно даже вообразить, как сильно сарказм Шоу переделал английского зрителя, а театр Бернарда Шоу освободил умы от викторианского образа мысли.

Мысль его целенаправлена и глубока. Он борется за свои идеи, а не за утверждение собственной личности.

*

Сентиментальность — вот кто истинный враг. Это могло быть девизом Шоу. Сентиментальный — не тот, кто испытывает истинные и сильные чувства, а тот, кто пользуется притворными чувствами, дабы скрыть подлинную страсть. В то время, когда Шоу начал писать, люди почти не осмеливались открыто называть себя жадными, сладострастными, амбициозными или жестокими. Пороки в респектабельном обществе прикрывались маской добродетели. «Вы стареете, Цезарь, и, подобно многим, обращаете старость в добродетель». Но порок, облеченный сентиментальностью, так же опасен, как яд, покрытый сахарной глазурью. «На свете существуют три разряда людей: низшие, средние и высшие. Низшие и высшие сходны в одном: у них нет предрассудков, нет моральных устоев. Низшие не возвышаются до морали, высшие до нее не снисходят».

Делайте, что вам угодно, — похоже, говорит Шоу, — но не противьтесь соблазнам, бросайте женщин, если нет выхода, убивайте мужчин, но только ясно отдавайте себе отчет в том, что именно вы делаете, и не пытайтесь доказать, что совершаете нечто иное.

*

Если в пьесах Шоу «сентиментальный» означает «предатель», то реалист в них всегда герой. Но кто тогда реалист среди представителей рода человеческого? *Женщины*. Часто кажется, что они ратуют за сентиментальную любовь, но на самом деле, это одни слова и хитроумные уловки. Цель женщин, о которой те порой сами не догадываются, но всегда к ней стремятся в поисках женского счастья, — это выйти замуж и завести детей. Что может быть естественнее, коль скоро в том далеком делении рода человеческого на два пола главная роль отведена женщине? Именно она большую часть жизни тратит на продолжение этого рода. Поскольку мужчина ей требуется для осуществления самого насущного творения природы, она захватывает его по естественному праву. И поэтому в любовных делах женщина всегда берет инициативу на себя. Разумеется, в целях собственной защиты мужчины выдумали очень несовершенную романтическую условность: женщина должна ждать, ничего не предпринимая, до тех пор, пока к ней смиренно не обратятся с мольбой. Это настолько принято по умолчанию, что даже в театре никого не вводит в заблуждение.

Дон Жуан у Шоу станет добычей, а не охотником. Он будет защищаться и отбиваться. «Привязанность женщины к мужчине — это привязанность полицейского к своему арестанту». В этой борьбе мужчина всегда проигрывает, поскольку наделен излишне живым воображением. Почти все великие артисты — мужчины, и они приучили мужчину, своего собрата, жить в мире иллюзий. Музыкант учит его нежности звуков, художник ласкает его взор, поэт помогает постичь глубину чувств. Когда Жизненная Сила толкает мужчину испытать любовь, он, как водится, путает это неизведанное чувство с уже знакомыми ему эмоциями. Он надеется, что в любви женщины сумеет обрести всю романтическую прелесть любви поэта. Он надеется, что в голосе любимой им женщины сольется гармония всех песен, в ее облике — красота всей любовной лирики, а в душе — эмоции всех драм. Но он любит женщину из плоти и крови, которая энергично предьявляет свои права: для нее история начинается там, где она заканчивается для него.

*

В политике, как и в любви, Шоу хочет быть анти-романтиком. «Идеализм — не что иное, как похвальное определение романтического в политике и морали, — не менее для меня отвратителен, чем романтическое в этике и религии... Я больше не могу принимать псевдо-мораль и псевдо-порядочное поведение, которые, псевдо-восхваляя кражу, болезнь, преступление, корыстолюбие и другие типичные проявления цивилизованности, заставляют людей, играющих на сцене жизни, выдвигать псевдо-утверждения о том, что именно это и есть прогресс, наука, мораль, религия, патриотизм, империализм, национальное величие и другие выпренные понятия, которые предписывают им газеты».

Шоу выступает за сильное правительство; он всегда высоко отзывался о диктатуре Москвы. Но, будучи социалистом, он далек от ортодоксального социализма. Он, как и Уэллс (и это то небольшое, что их роднит), категорически отвергает идею классовой борьбы: «Богатые и бедные одинаково отвратительны. Что до меня, я ненавижу бедных и страстно жажду их искоренения. Я немного жалею богатых, но также прилагаю все усилия, чтобы их истребить. Рабочие классы, профессиональные классы, зажиточные классы, руководящие классы — все они омерзительны, что те, что эти. У них вообще нет права на существование».

Несмотря на то, что Шоу — революционер и жаждет изменить существующий социальный порядок, он считает, что одной политической революции будет недостаточно. «Просто сменить институты, скажем, военную и священническую власть на коммерческую и научную; коммерческую на пролетар-

ско-демократическую; рабство на крепостничество; крепостничество на капитализм и пролетариат; монархию на республику; романтизм на реализм; реализм на мистицизм... все это одна только смена вывесок; это все равно что сказать: колпак из шерсти или шерстяной колпак... Чем больше мы меняем, тем больше остаемся при своем».

*

Бесспорно, человек должен измениться. Такой человек, каким он предстает сегодня, такой человек, какими являемся мы, не может существовать: он разрушает самого себя. Созданные им политические, коммерческие, международные законы предают его; его предает и его наука. Он должен породить Сверхчеловека, приспособленного к социальной жизни, к научной среде, иначе после нескольких войн и смертельных кризисов этот человек уступит место более совершенному биологическому виду. «Человек — не последнее слово божье; если вы не способны свершить тот труд, который требует от вас Господь, он сотворит существо, которое способно его совершить».

Шоу верит в созидательную эволюцию, в усилие, свойственное каждому творению, дабы превзойти самое себя. Бог у Шоу находится в процессе создания самого себя. Эволюция — на пути к Боже-ству. Человек отличается от микроба лишь тем, что опередил его на этом пути. Если человек откажется от усилий, Жизнь пойдет на новый эксперимент. У нее в запасе бесконечное Время и несчетное число попыток.

*

Театр может существовать только в том случае, если зритель согласится с рядом условностей. Диалоги Шоу совершенно немислимы в обычной жизни, но театр — это не обычная жизнь. В основе театра лежит религиозный обряд, и люди охотно воспринимают размышления о вечном, которые им предлагает религиозная обрядность.

В Англии с 1900 года Шоу проповедовал на самые насущные темы. Нравы элиты были в ту пору достаточно свободными, но Миф о респектабельности владел лучшими умами. Шоу нанес решающий удар и выиграл битву. Если английская молодежь лишена известного лицемерия, то это заслуга Шоу. Но если он и был мощным деструктором, то почти ничего не достиг как созидатель.

К концу викторианской эпохи и после поражения Уайльда только бурные и драматические события могли ввергнуть писателя в бездны слащавой сентиментальности, заполонившей театральные подмостки и обложки журналов. Шоу отчаянно сопротивлялся этому искусству.

Однажды он рассуждал о том, какую музыку следует играть на похоронах, приведя в пример похороны собственной матери, но не выказывая при этом никаких эмоций, что вызвало некоторую оторопь у присутствовавших. Шоу почувствовал это и добавил с нескрываемым безразличием: «Не думайте, что я из тех, кто легко забывает других».

Какая прекрасная позиция — запретить себе банальную сентиментальность из уважения к более скрытым и более искренним чувствам. Для некоторых людей было бы весьма полезно ежегодно перечитывать пьесы Шоу, чтобы полностью избавиться от лицемерия. После такой встряски цинизмом освобожденный ум сможет более достойно воспринимать подлинные чувства.

Перевод с французского Марианны Таймановой

© Текст: Андре Морюа
© Перевод: Марианна Тайманова

русская литература в тени вулкана эрджиэс

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

Когда меня пригласили преподавать русскую литературу в турецкий университет Эрджиэс, который располагается в Кайсери, самом большом городе дивной Каппадокии, я сразу согласилась. Для меня это стало опытом, изменившим многие мои представления. Город расположен у подножия вулкана Эрджиэс, что добавило очарования моему новому месту обитания. И университет назван именем вулкана.

На наших занятиях по русской литературе тема ислама практически не поднимается. Скорее, говорим о христианстве, без которого невозможно понимание классической литературы. Недавно рассказывала о семи смертных грехах и, в частности, унынии. Они кивали в знак согласия. Мусульманская вера не мешает студентам воспринимать тексты русских писателей, в том числе современных. Правда, есть тема, в которых большинство проявляет консерватизм и даже непримиримость — отношения мужчины и женщины, особенно, если речь об изменах.

Состав наших студентов неоднородный, большинство — турки, но на каждом курсе есть несколько студентов, которые родились в бывших республиках СССР. Их речь отличается отсутствием характерного турецкого акцента, хотя лексический запас ограничен, поскольку большую часть жизни они прожили в Турции. Я благодарна за то, что они часто помогают мне перевести для турецких студентов то, что я не в силах сама изложить на турецком.

В нашем отделении работают преподаватели из Турции, России, Азербайджана, Эстонии и Белоруссии. Все мои коллеги прекрасно говорят по-русски, имеют научные степени. А возглавляет кафедру известный учёный, профессор Сэвинч Учгуль. Она для нас больше, чем шеф. Вероятно, в этом сказывается особенность восточной ментальности. Благодаря ей наша кафедра стала одной из самых узнаваемых и крупных в стране.

Я заметила, что туркам легко даются языки. У студентов, с усердием относящихся к учебе, даже акцент не слишком заметен. Отделение русского языка и литературы востребовано, но наибольшее количество заявлений подаётся на английское, японское и корейское отделения. Япония и Корея щедро спонсирует тех, кто изучает эти языки. Корейские поп-музыка и сериалы чрезвычайно популярны в Турции. Бывает, на русское отделение идут те, кто не набрал достаточных баллов для поступления на эти отделения.

На четырёх курсах, включая утренние и вечерние отделения, а также подготовительное, учатся около пятисот студентов. Это очень много по любым меркам. Недавно я побеседовала с заведующим кафедрой русской литературы в Женевском университете, профессором русской литературы и специалистом по русскому авангарду Жаном-Филиппом Жаккаром (наша беседа опубликована в нью-йоркском журнале «Интерпоэзия»). По его словам, изучающих русскую литературу в Швейцарии в разы меньше. И количество с каждым годом заметно сокращается. В Турции же наоборот. Возможно, это связано с большим количеством российских туристов.

Многие наши выпускники идут работать в туристический бизнес. Есть наши выпускники и в авиакомпании «Туркиш эйрлайнс», где они работают бортпроводниками и даже лётчиками, если продолжают учёбу в лётных училищах. Немало студентов продолжают учёбу в магистратуре в университетах Турции, России, Белоруссии, Эстонии.

Русский язык студенты начинают изучать на подготовительном отделении, поэтому на первом курсе они уже немного говорят и понимают речь преподавателя. Но здесь их поджидает русская литература XVIII века, с которой и начинается знакомство с предметом. Я не знала, как студенты с ограниченным словарным запасом будут понимать меня. Учитывая почти нулевое знание истории России, я начала им рассказывать о важнейших событиях 18 века в России, а заодно и в мире. Дальше пришло время знакомства с понятиями «классицизм» и «сентиментализм», с «Бедной Лизой» Карамзина, одами Ломоносова и Державина, сочинениями Тредиаковского и Сумарокова... Бедные-бедные мои студенты.

В условиях пандемии наш университет, как и многие в Турции, перешёл на дистанционное обучение. Мы даже прослушали онлайн курс из восьми лекций, посвящённых обучению онлайн в зум и использовании различных технологий. В социальных сетях сегодня многие преподаватели мира довольно подробно и с юмором рассказывают о своём онлайн-опыте. Экзамены также проходят онлайн.

Мне нравится придумывать вопросы для экзаменационных тестов. Если я выбираю форму теста, то должна предложить четыре варианта ответа. В «Бедной Лизе» Карамзина среди вариантов ответов на вопрос «Как звали возлюбленного Лизы» я ехидно предложила Эразма, Эраста, Эпикура и... Ивана. Как здесь не растеряться студентам?

В тесте по «Современному рассказу» был вопрос о преобладающем цвете в рассказах Анны Голубковой, которые мы анализировали в семестре. Бессюжетные экзистенциальные рассказы-фрагменты Голубковой оказались близки турецким студентам. Причём, заранее невозможно предсказать их реакцию на то или иное произведение современного автора. А преобладающий цвет в рассказах Голубковой — серый. Оценки выставлены, и я могу сказать правильный ответ.

Я внимательно рассматриваю лица своих студентов на экзаменах. Особенно первокурсников и четверокурсников. Первых — потому что ещё не видела их вживую. Они начали свое обучение в университете в пандемию. А на занятиях из примерно 80-ти студентов открывают свои лица в лучшем случае пять-шесть. Обычно приходится иметь дело с серыми квадратиками. А четверокурсники закончат университет, и я их больше не увижу. Расставаться грустно.

У Реджепа на экране усталый взгляд. Он словно говорит: «За что мне это всё?». Курчавый Керем всегда невозмутим, он и в реальности такой же сдержанный и немного себе на уме. Очаровательная Симай подпирает лицо кулачком, а рот слегка приоткрыт. Ирем — вылитая Алиса Селезнёва. Чанберк разговаривает руками. Нет, он молчит, просто его руки танцуют. Наверное, это помогает ему сосредоточиться. Окан флегматично гладит свои усы. Точнее, один ус, правый. Нежная Элиф похожа на одну из героинь фильма «Москва-Кассиопея». Тюба глядит в экран вечно удивлёнными глазами. Рыжеволосая Хатиже выделяется ослепительно белой кожей. Мерзука периодически закрывает глаза, пытаясь что-то вспомнить. Может быть, какой чин в табели о рангах в российской империи имел стационарный зритель. Огузхан глядит с бесконечной тоской. А Ахмет похож на моего сына. И это странно. Типаж русоволосых, бледных и зеленоглазых, как мой сын, в Турции довольно редок.

Одна из характерных турецких черт — сентиментальность. Хорошо это или нет, но я опираюсь на неё для того, чтобы заинтересовать их сюжетами и персонажами русской литературы. Как и многие студенты мира, турецкие мало читают. Когда мы «проходим» «Шинель» Гоголя, я ставлю для них в зуме одноимённый фильм 1959 года. Чёрно-белый фильм с гениальной игрой Ролана Быкова и мрачно-поэтические виды Петербурга производят на моих студентов ошеломляющее впечатление. После просмотра фильма Эсра воскликнула: «Бедный Акакай Акакиевич! Его обижают!». Не уверена, что она прочитала повесть, но хотя бы познакомилась с достойной экранизацией русской классики. Вся классическая русская литература переведена на турецкий язык. Большинство студентов читают её на своём родном языке. Хотя я и настаиваю, чтобы читали на русском.

Ещё одно проявление сентиментальности — до пандемии не раз случалось, что какая-нибудь студентка останавливала меня в коридоре университета словами: «Ходжам (мой учитель), можно вас обнять?» Первый раз я растерялась и неуверенно согласилась. Потом привыкла. И в следующие разы без слов раскрывала объятия.

Один из моих любимых курсов в университете — Искусство современного рассказа. Я выбираю для обсуждения со студентами на наших занятиях рассказы современных прозаиков, со многими из которых близко знакома. Некоторое время назад мы обсудили рассказ Каринэ Арутюновой «Когда уйдёт последний еврей». В процессе обсуждения выяснилось, что не все студенты знали о существовании такого народа. В рассказе Арутюновой было предложение, которое некоторые студенты повторили несколько раз: «Еврея нет, а музыка осталась». Седа даже воскликнула: «Как это красиво!». В рассказе было много специфических еврейских слов и понятий, мы их переводили и обсуждали контекст.

Четверокурсникам я предложила для анализа рассказ русского писателя и математика из Бостона Вадима Ольшевского «Амонтильядо». Сюжет рассказа занимательный и многослойный. А наблюдения автора над студентами оказались мне созвучны. Выходец из СССР по фамилии Троцкий преподаёт американскую литературу в колледже в Нью-Гэмпшире. Он ненавидит своих студентов за то, что они почти не читают художественную литературу, за то, что постоянно спрашивают, не родственник ли он тому самому Троцкому, за то, что они самоуверенны и т. д. Когда они начали изучать рассказ Эдгара По «Амонтильядо», у главного героя возникла идея мести своим мучителям-студентам, идентичной описанной в рассказе.

—А почему вы выбрали именно этот рассказ для нас, —озадаченно спросил Махмуд, когда мы обсуждали его на занятии.

—А вы как думаете, — лукаво ответила я вопросом на вопрос. На занятии, кстати, выяснилось, что никто из студентов не читал рассказ По.

На втором курсе у нас спецсеминар по Пушкину, который длится целый семестр. Среди произведений, которые я выбираю для анализа, сказка «О старике и золотой рыбке...», которая очень нравится студентам. Кстати, мало кто знает, что по замыслу Пушкина старуха на предпоследнем этапе между царицей и владычицей морской хотела стать Римской папой. То ли цензура не позволила Пушкину, то ли он сам решил, что хватил лишнего, но этого эпизода в сказке нет.

Мне интересно обращать внимание студентов на настроение моря в этой сказке. Вначале оно ровное, спокойное, потом волнуется, затем становится мутным, а заканчивается всё нешуточным штормом. Многие качают головами и прищёлкивают языком в осуждение жадной старухи.

Последнее занятие у четверокурсников перед экзаменом было посвящено поэзии поэтов-фронтовиков. И тут передо мной встала дилемма: как говорить о нашей войне. Как о Второй Мировой или Ве-

ликой Отечественной? Выбрала первое. Конечно, упомянула, что мы в России говорим об этой войне как об отечественной. Но на экзаменах будет фигурировать вопрос о датах второй мировой войны, а не нашей. Приходится выбирать, чтобы не запутать окончательно турецких студентов. Им же ещё надо не перепутать первую мировую с нашей гражданской. Читали и обсуждали стихи Евгения Винокурова, Павла Когана, Юлии Друниной, Мусы Джалиля, Константина Симонова, Семёна Гудзенко и других.

Я также решила включить в занятие видеокадры военной хроники и песни из фильмов о войне. Находясь в другой стране, не участвуя во всевозможных «победных» флэшмобах, не публикуя на фэйсбуке или где-то ещё фотографии родных, погибших на войне, я неожиданно для себя оказалась не готова «столкнуться с войной» и заплакала. Оба моих деда пропали без вести на Второй Мировой. Мои мама и папа родились после того, как те ушли на фронт.

Обсуждая руссколитературное, классическое или современное, я постоянно и неизбежно узнаю что-то новое и о турецкой жизни. Недавно обсуждали рассказ Жени Декиной «Мячик». Повествование в нём ведётся от лица маленького мальчика, который разбил мячом окно, после чего его поставили в угол.

Выяснилось, подобное наказание в Турции тоже существует, но не так распространено, как в России. Зато я узнала, что в турецких школах наказанный ребёнок стоит у доски на одной ноге. Ахмет признался, что он всё своё детство простоял на одной ноге.

У маленького главного героя необыкновенная фантазия. Он представляет мячик колобком (пришлось рассказать сказку о колобке), снежной лавиной, похоронившей город (мамин носок) и просто мячиком).

Я не отказала себе в удовольствии, дождавшись после занятия, когда все выйдут из аудитории, постоять на одной ноге у доски, скрестив на груди руки так, как показал Ахмет. Через две-три минуты подумалось, что стоять в углу гуманнее.

Попутно пришлось объяснять, что такое коммунальная квартира, поскольку там происходит действие рассказа. Такого в Турции, видимо, не было. Находчивый Умут сравнил коммунальную квартиру с хостелом.

Мои студенты называют меня Ходжам — мой учитель. В этом — и уважение, и признательность. Надеюсь, смогла помочь им ближе узнать русскую литературу, а может, и полюбить её. 13 сентября 2021 года начинается новый учебный год в университете Эрджиэс.

БУЛЬВАР АТАТЮРКА

Болтик

Что стало с поездом,
В котором познакомились

Мои родители

Полстолетия назад?

Наверное, свезён в Юдино —

На кладбище поездов.

И стоит на заброшенном пути,

Вспоминая свои лучшие годы.

А может разобран на части?

Металлические переплавлены

На что-нибудь полезное,

Например, на мост Миллениум.

А деревянные пошли

На обогрев жилища

Сторожа кладбища поездов.

И только маленький болтик

Маленький ржавый болтик

Закатился (необъяснимо желаю этого)

Куда-нибудь в траву

С поезда, в котором познакомились

Мои родители

Вечность назад.

Кручина

Жизнь в турецкой провинции

Исполнена отрядных смыслов.

Расстояние, если не облагораживает,

То отодвигает прошлое

На безопасное расстояние.

В наличии же потухший вулкан

И город с дивным прошлым,

Которое изучу непременно.

А ещё — много неба

И сказочной беззвусицы.

Порой настигает кручина.

Поплакаться, как всегда, некому.

Не следовало приучать себя

К самодостаточности.

...А маяка здесь нет.

И зрителя маяка тоже нет.

Турецкая картина

На бульвар Ататюрка

Пришла весна.

На остановке трамвая

Стройная девушка

В чёрном никабе

Что-то шепчет в ухо,

Улыбаясь,

Наверное, улыбаясь,

Молодому бородатому человеку.

Солнце смотрит прямо в глаза

И не даёт рассмотреть номер трамвая.

Хотя в этом районе

Он только один — Т2,

Идущий из студенческого района Талас

До Джумхарият Майдыны,

Местные жители сосредоточены

На чём-то неведомом мне.

Правда, одна женщина спросила,

Где поблизости Тюрктелеком,

И я впервые в этой стране

Показала кому-то дорогу.

Прозрачный воздух,

Тени от деревьев,

Горы со снежными вершинами

Вокруг города,

И всё остальное неизвестное

Рисуют сегодня для меня

Новую картину мира,

Может быть, даже —

Картину счастья.

Эрджиэс

Целоваться лучше на фоне гор.

Чтобы стать занимательной частью

Высокогорного пейзажа

На радость богам. Предпочтительней

Окрестности вулкана Эрджиэс.

Плакать лучше возле воды.

Печаль будет соскальзывать

В непроницаемую глубину.

Так можно выжить.

Плакать лучше в сумерках.

Утешаться лучше у окна,

Выходящего в ночь,

Прижимаясь лбом

К холодному стеклу.

Глаза закрывать рекомендуется.

© Текст: Лилия Газизова

ПУЧОК ВРЕМЕН и делимый человек¹

МИХАИЛ ЯМПОЛЬСКИЙ

1. АНАХРОНИЗМ

Культура сегодня все меньше оперирует представлениями о линейном хронологическом времени. И одно это делает актуальным обращение к феномену *анахронизма*, который принципиален для всей проблематики современности, поэзии и мифа. Когда Кракауэр описывает выпадение фотографии из истории², он говорит о своего рода фотографическом анахронизме. Мы, однако, обычно не ощущаем фотографию (при том, что она всегда принадлежит неопределенному прошлому) как анахронистическую. Отчего это происходит? Я полагаю, это связано с тем, что фотография вписывается в конфигурации памяти. Перед нами две конфигурации времени. Одна связана с традицией и хронологией, а другая с памятью. Фотография осуществляет перенос из одного режима времени (Франсуа Арто использует термин «режим историчности»³) в другой. Отчего же этот перенос не вызывает у нас протеста? Я думаю, это связано с тем, что сегодня «режим памяти» начинает соотноситься в нашей культуре со своего рода областью истинного, и истинность эта укоренена в аффектах.

Еще Декарт, ставя под сомнение истинность любых репрезентаций как вероятных иллюзий, был вынужден признать несомненную истинность аффектов: «... иногда изображение это так похоже на изображаемую вещь, что нас могут обмануть восприятия, относящиеся к внешним предметам или к некоторым частям нашего тела; однако никак нельзя ошибиться в отношении страстей, поскольку они так близки нашей душе и так укоренены (*interieurs*) в ней, что невозможно, чтобы она их чувствовала, а они не были в действительности такими, какими она их чувствует»⁴. Репрезентации фиктивны, но аффекты, которые они вызывают в субъекте реальны. Существенно и то, что аффекты выпадают из времени восприятия и входят в совершенно другой и неопределенный режим темпоральности.

Случай такого переноса, однако, имеет гораздо более глубокое значение, нежели просто симптоматика современности. Можно предположить, что всякий режим историчности соотносится с другим режимом времени, который кажется ахроничным, вневременным, и, в силу этого пребывания вне времени, несет в себе трансцендирующую время истину. Уместно вспомнить тут определение времени в «Тимее»

© Замерзшая библиотека в кают-компании, сейчас холодный склад. Станция «Восток». Антарктика 2019. Фото: Григорий Ярошенко.

Платона как «движущегося подобия вечности»⁵. Можно сказать и иначе: *вечность — это истина времени*. Время для утверждения собственной истинности всегда несет в себе трансцендирование самого себя, например, в памяти, как это свойственно фотографии⁶.

Культ современности (и связанный с ним страх мгновенного устаревания) — это тоже способ преодоления хронологического времени и укоренения во вневременном, получившем название «настоящего». Само «настоящее» так или иначе возникает из идеи со-временности, то есть одновременного события коллективов, институций и людей, каждый из которых может жить в своей «эпохе» и принадлежать разному времени. Анри Руссо указывает на то, что сам термин — современный (*contemporain*) — взятый из латыни, *contemporaneus-cum*

plus tempus, «принадлежащий единому разделенному времени», появился около 1475 года, он встречается у Паскаля и приобретает широкое хождение в XIX веке (у Бальзака, Тэна и т. д.)⁷ и становится повсеместным в последние годы.

Франсуа Артог, говоря о «быстром восхождении «современного» и «настоящего» как господствующих категорий»⁸ современного исторического сознания, утверждает, что это восхождение порождает четверку популярных понятий, в которых оно кристаллизуется: память, увековечивание, наследие и идентичность⁹. Само по себе восхождение современного, настоящего и сопровождающей их четверки — это способ разделения истории на линейную и хронологически ориентированную и лежащую вне такой ориентированной линейности. Превращение фотографии в общую модель культуры, с помощью которой все единичное и укорененное в движении времени переносится в область памяти и аффектов, — это принципиальный механизм внедрения современного и вневременного в движение времени. «Настоящее» — это ведь тоже не более чем остановленное время, представленное

как синхронный срез всех линий движения и развития.

Влиятельную попытку понять «современное» искусство как комплекс разных «режимов» времени предпринял Жак Рансьер. Он высказал недоверие к продуктивности таких обобщающих понятий как *современность* (*modernité*) в искусстве и *художественный авангард* и предложил рассматривать искусство в целом как комбинацию различных режимов его функционирования, при этом предложил мыслить каждый из этих режимов в горизонте собственной историчности. Искусства в его глазах вписывается в три таких режима, связанных с типами производства произведений, формами их зримости и концептуализации.

Первый режим он определил, как *этический*. Он связан с происхождением «образов», их использованием и вызываемыми ими последствиями. Под этот режим подпадают религиозные или педагогические функции искусства. *Второй режим* он определил как *поэтический* или *репрезентативный*. Он касается знаменитой пары *poiesis/mimesis* и определяет границы представимого, видимого, репрезентируемого и нерепрезентируемого. Но самым существенным для понимания «современного», с точки зрения Рансьера, оказывается *эстетический* режим, который противостоит репрезентативному, укорененному в иерархию жанров и сравнительного достоинства тем: «В эстетическом режиме искусств художественные предметы идентифицируются своей принадлежностью к специфическому режиму чувственного. Это освобожденное от своих обычных связей чувственное населено инородной силой, силой мысли, каковая стала чуждой самой себе: продукт тождественный не-продукту, знание, трансформированное в незнание, *логос*, совпадающий с неким *пафосом*, намеренная непреднамеренность. Это представление о чувственном, ставшем чужим самому себе, местопребывании мысли, в свою очередь, ставшей чуждой самой себе, является неизменным ядром идентификаций искус-

ства, которые и сформировали первоначально эстетическую мысль...»¹⁰ Такой режим, по мысли Рансьера, подчиняется «мощи гетерогенного». Он производит типичные современные смеси: соединение сознательного и бессознательного, активного и пассивного. Но самое главное — это то, что эстетический режим отрывает искусство от любого типа нормативности. Рансьер утверждает, что неопределенный термин «современного» — это не что иное как косвенное обозначение эстетического режима. Ошибка современных интерпретаторов заключается в абсолютизации одного из взаимопротиворечащих моментов эстетического режима, например, нефигуративного в противоположность фигуративному. В действительности, эстетический режим опирается на гетерогенную взаимосвязь миметического и немиметического, реализма и абстракции, не отказываясь ни от чего. Именно в этой связке каждый из элементов наполняется смыслом.

С точки зрения функционирования режимов Рансьер затронул проблему старого и нового, прошлого и настоящего: «Эстетический режим искусств не противопоставляет древнее и новое. Он более глубинным образом противопоставляет два режима историчности. Древнее противостоит новому в недрах режима подражания. В эстетическом режиме искусства будущее искусства, его расхождение с настоящим не-искусства не перестает возвращать на сцену прошлое. Те, кто превозносит или изобличает «традицию нового» забывают в действительности, что она наделена неизменным дополнением — «новизной традиции»¹¹. В цитированном фрагменте мне кажется существенным то, что элементы, кажущиеся противоположными и непримиримыми в одном режиме — репрезентативном — оказываются неразделимыми в рамках другого режима — эстетического. В плоскости «подражания» миметическое кажется нормативным, или устаревшим, но в оптике смыслов и интерпретации «реалистическое» (старое) и «абстрактное» (ус-

ловно новое) могут тяготеть друг к другу и вступать в сложные и неразрывные отношения.

Такое понимание искусства помогло Рансьеру продуктивно подойти к вопросу об анахронизме. Анахронизм для него — это не просто путаница в датах или отнесение того или иного факта или события к неправильной дате: «... анахронизм не связан с простым движением назад (*la remontée*) от одной даты к другой. Он связан с движением вверх (*la remontée*) от исчисляемого времени к тому, что не является исчисляемым временем»¹². Речь идет о движении от счислимого времени к легендарному, мифологическому, не знающему последовательного порядка событий. Как видим, Рансьер тут радикально не принимает позиции Уильямса и так объясняет сущность интересующего его движения. Он условно выделяет в культуре европейского гуманизма три больших хронологии — христианскую, привязанную к событию рождества Христова, римскую, соотносимую с основанием города, и греческую, привязанную к хронологии олимпиад. В рамках такой троицы примером анахронизма для него является история Энея и Дидоны, рассказанная Вергилием. В этой истории повествуется о любви Энея — героя троянского эпоса — и Дидоны — царицы Карфагена: «Вергилий виноват не в том, что то, что было позже (Карфаген), он

поместил раньше (во времена Троянской войны). Но он совместил две эпохи, которые подчиняются двум разным режимам истины и предъявляют вымыслу неодинаковые требования. Троянская война и Эней принадлежат легендарным временам, а основание Карфагена, даже если оно предшествовало основанию Рима, относится к римской системе летоисчисления. По отношению к временам Энея поэт обладает неограниченной свободой — за исключением того, что он не должен противоречить Гомеру. Но в отношении времени Карфагена ситуация совершенно иная — оно не может сочетаться ни с каким другим временем»¹³.

Такая комбинация двух времен оказывается комбинацией двух режимов истины, так как каждый тип темпоральности несет в себе собственные аксиологические основания. Римская история приобретает смысл через причинно-следственную цепочку следующих друг за другом событий, а гомеровский миф черпает свою истинность из свободного сочленения воли богов и людей. Эти два режима не могут быть соединены. Рансьер говорит о режимах поэзии и науки и о смешении «научно» верифицируемого с поэтическим вымыслом: «...права вымысла обратно пропорциональны приближенности событий во времени. Чем ближе они к настоящему, тем меньше позволено выдумывать, тем больше вымысел приближается к границе, где ложь становится проверяемой. Дискуссии о поэзии

высвободили идею сущностной связи между истиной и настоящим...»¹⁴

За этим смешением всегда стоит более глубокая проблема. Например, христианская хронология — это не что иное как обнаружение в разворачивании времени некой вневременной истины спасения. Эта взаимосвязь временного и вечного хорошо видна в понятии исторической «эпохи», когда некий временной отрезок предстает в завершённой целостности: «...эпоха — это отрезок времени, который определяется экономией откровения, экономией такого вида, в котором вечность проявляет истину и делает ее познаваемой во времени»¹⁵. Эпоха делает время, почти согласно «Тимею», движущимся образом вечности. Рансьер в этой связи говорит о проявленном тут мифологическом отношении Хроноса (времени) и Эона (вечности). Эти рассуждения интересны тем, что обнаруживают «истинность» того или иного *режима историчности* в его противоположности и выходе за пределы хронологического времени¹⁶. И здесь отчетливо проявляется то, что лежит в основе *эстетического режима* современности, соединение противоположностей, в данном случае принимающее обличье анахронизма. Без анахро-

низма режимы историчности утрачивают свое смысловое основание.

Рансьер показывает, что это смешение разных режимов историчности можно возвести к «Всеобщей истории» Полибия, который, например, рассказывая историю Ганнибала, сначала ведет отдельные повествования о событиях в Греции, Риме и Иберии, но потом вынужден сплести эти различные линии воедино. Это сплетение воедино разных хронологий Полибий определял как «плетение» — *symplokhè*¹⁷. Существенно то, что только в единстве сплетения каждая из нитей, ведущих к нему, приобретает смысл. Смысл лежит за рамками хронологического порядка событий. Рансьер указывает, что само это понятие позаимствовано Полибием из «Поэтики» Аристотеля и восходит к его иерархии, организующей отношения философии, поэзии и истории: «Аристотель утверждает, что в поэзии больше философского, чем в истории. История — это сфера *kath'hekaston*, «одного за другим». История сообщает нам, что сначала было одно событие, а после него — другое. А вот поэзия — это сфера *общего*, *katholon*, поскольку поэзия помещает все действия в единую общность. <...> Поэзия, которая создает правдоподобную связь между вымышленными событиями, обладает теоретическим превосходством над историей, которая точно говорит, что сначала было одно достоверное событие, потом другое, а затем третье»¹⁸.

Важно то, что *истина истории* лежит в области *поэзии*, способной выйти за рамки хронологий и генеалогий, то есть чистых последовательностей. Областью же поэзии *par excellence*, как давно понял читатель этой книги, для меня является миф. Жизнь Хлебникова и поэтов, в которых обнаруживалась близость с ним, — вписывается в историю России и историю русской литературы, но смысл этой жизни и сопровождавших ее текстов — в необыкновенном мифическом «сплетении» — *symplokhè*. Кеннет Сакс, исследовавший историографию Полибия, заметил, что в какой-то момент переплетение историче-

ских событий для древнего историка становится с трудом отличимым от *сплетенного письма* — *somatoeides*¹⁹. Сакс предлагает иной взгляд на текст Полибия, нежели Рикёра, идентифицировавший историю и время с нарративом. Тут история все время выходит за рамки нарратива в область поэзии, радикально порывающей со всякой хронологией.

Рансьер пишет о том, что «режим исторической истины создается благодаря особой связи между поэтической логикой, подчиняющей сюжет необходимости или правдоподобию, и «теологической» логикой проявления порядка божественной истины в порядке человеческого времени»²⁰. Это сплетение двух темпоральностей — собственно анахронизм — необходимо для установления единого времени (совершенно как у Полибия). Вот как описывает Рансьер такое установление единства феноменов внутри времени, как слияния разных темпоральностей, способное породить эффект «имманентности»: «Речь идет о том, чтобы представить время как целое. Этот способ связан не с тем, что это целое мыслится как переплетение причин и следствий согласно некоему трансцендентному принципу. Речь идет о том, чтобы конституировать само время как принцип имманентности, подчиняющий все феномены закону внутреннего соответствия (*loi d'intériorité*). Таким образом, историческая истина — это имманентность времени в качестве принципа со-присутствия и со-принадлежности (*co-présence et de co-appartenance*) феноменов. И время функционирует так, что становится похожим на вечность или замещает ее. Оно удваивается, будучи принципом настоящего — и вечности — внутреннее по отношению к темпораль-

ности феноменов. Этот второй способ искупления времени лежит в основе современно-го определения научности истории»²¹.

Поскольку сопричастие разнородного в едином времени (составляющем в том числе и настоящее современности) всегда анахронично, только анахронизм способен конститу-

ировать Современность как таковую. Принцип фотографического выпадения из хронологии, характеризующий среди прочего и «актуальную» поэзию, не может предложить никакого режима истины кроме аффективного. Но это слабое основание, не позволяющее возникнуть подлинному *symplokhè*, лежащему в основе эстетического режима современности. Поэтому так часто «актуальная» поэзия и проза обращаются к истории семьи, в которой анахроничность (вроде вергилиевской истории Дидоны и Энея) подменяется родословной.

Современное сегодня укоренено в мифическое как в способ анахронического представления настоящего. Более того, я бы даже вслед за Рансьером сказал, что современность черпает истинность своего режима историчности в литературе, поэзии и мифе.

В 1937 году Виктор Шкловский напечатал в журнале «Знамя» очерки о советской литературе «О прошлом и настоящем». Один из очерков был посвящен Шолохову, о котором в первой же строке говорилось, что он «не пропустил настоящего». И эта современность, по мнению Шкловского, выражалась в простоте письма. Тема *простоты* вообще чрезвычайно интересует критика в 1930-е годы. В 1933 году в «Литературной газете» он, например, опубликовал статью под названием «Простота — закономерность», в котором, в частности, утверждалось: «Если форма является законом построения предмета, а не внешности предмета, то эта форма проста»²². Это совпадение формы с «предметом» в чем-то напоминает и идентификацию предмета с его «местом» у Аристотеля и постепенное сближение *symplokhè* и *somatoeides* у Полибия. Интересно взглянуть в эту простоту современности у Шкловского, тем более что он, несомненно, был одним из российских писателей, придававших «современности» и «настоящему» огромное значение.

Очерк о Шолохове Шкловский начинает с опыта «серапионов»: «У некоторых из нас, бывших «серапионовцев», время начала революции было временем увлечения Гофманом.

Оно объяснялось тем, что жизнь, новая жизнь после революции казалась нам фантастикой. Мы изображали историю гротесково потому, что прошлое казалось нам прежде всего странным. Ирония и то, что я в своей поэтике назвал остранением, искусство видеть мир непривычным и как будто от себя отодвинутым, — это не высокий путь искусства. Когда у нас появилось чувство времени, чувство непрерывности истории, чувство ответственности за нее, когда мы почувствовали, что наша история имеет своим выводом Октябрьскую революцию, — стало ясным, что история и настоящее не могут быть изображены гротесково²³.

На раннем этапе после революции линейность и поступательность истории распадается, и сборка единства современности начинает привлекать литературу (поэзию). Гротеск становится тем выражением истины истории, которую невозможно сформулировать без литературы. Режим историзма становится аналогичен режиму литературного остранения. Но через какое-то время разобщенность и хаотичность нитей начинает уступать место «сплетенности», возникает признак телеологичности. Эта историческая телеология и связанный с ней эстетический режим проходит под символическим и аллегорическим знаком некоего совокупного события — Октябрьской революции — задающего единство и истинность без откровенного обращения к литературе. Впрочем, само это событие похоже на литературно сконструированный миф. Как только линия истории вытягивается, как только «появилось чувство времени, чувство непрерывности истории», отпадает необходимость в остранении и появляется призрак той самой простой формы, о которой думал Шкловский. Появляется и Шолохов, как ее выразитель: «Вот о большом, простом и пишет Шолохов. Поэтому он у нас любимый писатель»²⁴. У Шкловского, как и у Рансьера, речь идет о разных режимах, позволяющих собрать имманентность времени, и об участии в этом процессе разных форм основания истинности.

2. СОСТАВНОЙ (ИН)ДИВИД

Существование в пучке времен ставит под вопрос и возможность неделимого целостного индивида, который не в состоянии освоить политемпоральность культур. В этой связи уместно вспомнить утверждение Вернана, что греческие боги — это не личности, но силы: «Религиозная мысль откликается на проблему организации и классификации Сил: она различает различные типы сверхъестественных сил, присущую им динамику, их способ действия, их сферы, их ограничения; она различает их сложную игру: иерархию, равновесие, оппозиции, дополнительность. Она не ставит вопроса об их личностном или неличностном аспектах»²⁵.

Пиндар (фр. 140d) спрашивал: «Что есть бог?» И отвечал: «Бог есть все»²⁶. Альберт Хенрихс увидел ответ на этот вопрос Пиндара в одном из оракулов Аполлона в Ликийи: «Сам-порожденный, необученный, без матери, несокрушимый, не принимающий никакого имени, с многими именами, покоящийся в огне — это бог. Мы лишь малая часть бога (его) посланники». Хенрихс видит в этом определении оракула «безымянное трансцендентное божество»²⁷, в сущности все ту же вернановскую «Силу». Павсаний (5.14.6) упоминает святилища неведомых богов, например, возле жертвенника Зевса Олимпийского: «Рядом с ним находится жертвенник Неведомых богов <...> Есть жертвенники и всем богам...»²⁸ Эти многочисленные анонимные боги когда-то вызвали интерес эллиниста Эдуарда Нордена, который посвятил им книгу²⁹. Норден интересовался этими богами в контексте гностицизма и развития монотеизма, но сегодня интерес с этого аспекта явно сместился именно в область анонимности и неопределенности сил, и понимания богов, как агентов, способных на бесконечное множество проявлений-эпифаний. Упомянутый мной Хенрихс, например, посвя-

тил им большое и содержательное исследование³⁰, но он далеко не один.

Я обращаю внимание на этот значимый сдвиг в понимании язычества потому, что он выражает дух нынешнего времени, уходящего от всяких форм сущностных единств в сторону дисперсных множеств. Этот новый взгляд на язычество позволяет нам прочесть миф как некую форму, в которой эти силы получают отражение, и позволяет нам осваивать мифическое как форму конституирования современной культуры. Эти новые подходы (что вполне ожидаемо) приобрели значение для антропологии далеко за рамками греческой античности и начинают влиять на наше понимание человека. Еще Марсель Мосс показал, что понятие *личности* или *персоны* складывается в культурах постепенно. Первоначально члены клана составляли некое коллективное целое, из которого не вычленялся индивид: «...с одной стороны, клан воспринимается как состоящий из определенного множества личностей, в действительности персонажей (un certain nombre de personnes, en vérité de personnages); а с другой стороны, роль всех этих персонажей состоит в том, чтобы каждому в своей части представлять целостность клана, служить ее прообразом»³¹. Каждый член клана в зависимости от того положения, которое он занимает в данный момент в социуме, имел множество имен, вплоть до того, «что у квакиютлей (и их ближайших родственников: хейлтсуков, белла кула и др.) каждый момент жизни обозначается, персонифицируется новым именем»³². Этому множеству имен может соответствовать множество масок, фиксирующих ту или иную роль человека. Мосс ссылается на распространение на Аляске масок «с двойными и даже тройными створками, открывающимися, чтобы показать два или три существа (расположенные друг над другом тотемы), которые персонифицирует носитель маски»³³.

Маска — по латыни *persona* — это нечто, отделенное от ее носителя, внешнее по отношению к нему. И именно из маски возника-

ет такое «внешнее» по отношению к человеку понятие — как *юридическая персона*, наделяемая правами. От этой юридической фикции, как пишет Мосс, «до понятия личности — один только шаг»³⁴. Появление юридической персоны, по его мнению, в Риме обозначает «окончание действия права отца (*pater*) убивать своих сыновей, своих *suū*, и отражает обретение сыновьями *persona* даже при жизни их отца»³⁵.

Более радикально проблему личности в антропологии поставил Морис Леенхардт, собиравший свой этнографический материал в Меланезии, регионе, который станет принципиальным для критики западного понятия «индивида». Леенхардт обратил внимание на нерасторжимую связь канаков с окружающим миром, столь плотную, что они были не в состоянии вычленивать себя из окружающего мира в качестве наделенного различимостью индивида. Все живое в мире обладает неким свойством, определяемым как «*камо*», свойством, выходящим далеко за пределы отдельного человека. Выражение *do kamo*, давнее название его книги о канаках, переводится Леенхардтом как «истинно человеческое». Вот как суммирует мысль Леенхардта Филипп Дескола: «Леенхардт предлагает переводить «*do kamo*» как «личность», то есть действующее личностное начало, которое может выступать под разными телесными оболочками. Эта «личность» отличается

от западного понимания «личности», предполагающего осознание себя как отдельной сущности в теле, границы которой четко очерчены в пространстве. «*Камо*» — это не исключительная часть живого мира, отделенная от прочих составляющих. Наоборот, «*камо*» определяется по характеру взаимоотношений с остальным миром, и исчезновение сети таких взаимоотношений губительно для «*камо*». Так, например, если человека вычленил из взаимоотношений с родственниками, друзьями и союзниками, он тут же потеряет свое «эго», так как не сможет существовать в одном лишь осознании своей неповторимости»³⁶. Иными словами, сингулярность человека полностью зависит

от множественности его включенностей в социум и природу, а не в его исключенности и автономии, как в случае с Моссковской *persona*.

Но включенность эта предполагает возможность представить себе человека как множество частей, каждая из которых может принять участие в разных связях и отношениях. Леенхардт говорит о крайней бедности мифологии канаков, так как они проживают свои мифы благодаря экзистенциальному опыту включенности. Возможно, в этих наблюдениях кроется наиболее полное современное понимание мифа. Он также объясняет, что канакки не имеют общих терминов для обозначения тела или туловища, которые всегда предстают для них как совокупность разборных и автономных частей, каждая из которых может быть соединена с целым миром: «Меланезиец, чья мифология бедна, предлагает нам нечто лучшее, чем волшебные сказки. Он позволяет нам приблизиться к нему, и войти в ту реальность, где мифические формы его жизни видны глазу, и где словесные выражения имеют мифический тон, в котором миф может быть схвачен как прожитая в опыте реальность»³⁷.

Долгие годы, это представление о человеке, как совокупности органов и отношений, лишенных личностного единства, в основном относилось к меланезийцам. В начале 1970-х французский антрополог и социолог Роже Бастид заинтересовался леенхардтовским образом человека «без нутра»³⁸, живущего целиком включенностью вовне в качестве «узла партиципаций». С его точки зрения, христианство научило меланезийца «обрубать эти чужеродности (*couper ses altérités*) и открывать собственную идентичность, маркированную границами его тела, отделяющими его от других тел»³⁹. Именно тело как некое единство, а не как ассамбляж автономных частей, позволяет состояться маске-персоне, а затем и индивиду в европейском смысле. Неслучайно Леенхардт приводит в своей книге поразивший его диалог со старым туземцем:

«— В общем, от нас вы узнали о духе?

Но он возразил:

— О духе? Вот те на! Мы знали о нем и раньше. И мы всегда жили в согласии с этим духом. От вас мы узнали только о теле»⁴⁰.

Крайне трудно ухватить момент, когда части тела начинают интегрироваться в целостность. Нетрудно заметить, что превращение богов у Вернана из личностей в пучок функций и сил отражает составную концепцию личности, которую Леенхардт справедливо связывал с определенным экзистенциальным опытом. Эта концепция подверглась расширению в работах антрополога Мерилен Стрезерн, также работавшей на меланезийском материале. В 1988 году она опубликовала влиятельную работу «Гендер дара. Проблемы с женщинами и обществом в Меланезии». Стрезерн ввела в оборот новый термин — *дивид* (*dividual*), извлеченный из слова «ин-дивид», то есть неделимый. Дивид — это делимая ипостась человека. С ее точки зрения, меланезиец — в такой же степени *индивид*, как и *дивид*. Он то собирается в некое единство, то рассыпается на части: «Они содержат в себе общую социальность. Люди часто конструируются как множественное и составное место отношений, их производных. Отдельный человек может быть представлен как социальный микрокосм»⁴¹. Иными словами — индивид — это человек, который в состоянии собрать пучок своих социальных связей в некую устойчивую форму. Такой образ единства Стрезерн обозначила как «деплюрализацию». В такой картине жизнь сообщества всегда тяготеет к структурному единству и форме, а отдельный человек всегда воспринимается, скорее, как *дивид*, хотя по большому счету между ними нет фундаментального различия: «множественное и единичное — это одно и то же. Они гомологичны друг другу»⁴².

Единство (формы), почти как в меланезийском теле у Леенхардта, ведет к стиранию различия между индивидами. Стрезерн парадоксально замечает, что индивидуализация человека через группу всегда сопровождается дезиндивидуализацией членов этой груп-

пы. Иными словами, части коллектива должны утратить различие и слиться воедино (неправда ли, этот процесс напоминает сплетение — *symplokhè* — времен у Полибия?). В этом процессе принципиальную роль играет гендер — та первичная социальная маска-персона, которая позволяет состояться первоначальной идентичности. Любопытным представляется и наблюдение Стрезерн, согласно которому процесс индивидуализации для женщин акцентирует сложность образов отношений и процессов внутри материнского тела, в то время как мужчина не знает такой внутренней дифференциации и предстает как более полное телесное единство. Образ мужчины, по ее мнению, возникает из внутренней гомогенности и интегрированности. Это различие может объяснить, почему мужчины во многих обществах более индивидуализированы, чем женщины.

Подход Стрезерн и идея дивиды получили широкое хождение в антропологии самого широкого толка и оказали сильное влияние на современное понятие личности, которое сегодня все чаще толкуется в духе меланезийских прототипов, хотя и с сильной поправкой на классический западный индивидуализм (чье понимание во многом определили исследования Луи Дюмона⁴³). В более поздних работах Стрезерн обсуждала понятие «отношенческих» людей (*relational persons*), способных по-разному вписываться в системы социальных отношений, менять точки зрения и перспективу своей включенности в социум. Для антропологии тут принципиально определение человека через систему родства, в которой он может занимать множественность позиций (быть одновременно отцом, сыном, дядей и т. д.). *Отношенческий человек* был обогащен Стрезерн иным понятием — «делимого человека» (*partible person*).

Это понятие было оформлением попытки описать человека как некую сложную двойственность, никогда не участвующую *целиком* в связях с внешним миром и социумом, который от него при этом неотделим. Одним

из первых эту проблему начал решать Рой Вагнер, предложивший понятие «фрактального человека», которое было отчасти инспирировано Стрезерн. *Фрактальный человек* отличался от отношенческого человека тем, что был интегрирован в определенную систему отношений *целиком*. Таким образом, как бы удавалось уйти от традиционного социологического подхода, понимавшего человека как амальгаму наложенных друг на друга социальных связей и идентичностей: «Фрактальный человек — это никогда не единица, находящаяся в отношении с агрегатом, или агрегат в отношении с единицей, но всегда нечто, предполагающее интегральность отношений»⁴⁴. Вагнер приводит в пример воспроизводство и генеалогии. Люди, включенные в такие отношения, отдают часть себя, участвующую в воспроизводстве рода, но участвуют в этом процессе целиком, без остатка: «Люди существуют репродуктивно благодаря тому, что другой несет в себе их часть, а «нести» или порождать других, означает быть генеалогическим или репродуктивным фактором других»⁴⁵.

Примечания

- Предлагаемый вниманию читателя текст — фрагмент моей новой книги «Возвращение Адама. Миф и современность архаики». Как всякий фрагмент, он вырван из контекста, что, естественно, затрудняет его понимание.
- Фотография почти сразу после своего изготовления отрывается от момента настоящего и приобретает, как замечает Кракауэр, черты устаревания. Она сразу вписывается в прошлое. Но это совершенно особое прошлое, не имеющее отношения к хронологии и исторической традиции. В коротком и чрезвычайно пронизательном эссе «Сфотографированный Берлин», опубликованном во «Frankfurter Zeitung» в декабре 1932 года, он показывает, что фотография не столько связана с прошлым, сколько с нашей памятью. Отсюда постоянный и неослабевающий интерес фотографии к тривиальным сторонам повседневности — проходим, железнодорожным вокзалам, заводам, современным офисам, не говоря уже о повседневности семейной жизни: «Все эти фотографии извлекают из памяти только *те* оптические элементы, которые включены в наше существование». — Siegfried Kracauer. *The Past's Threshold. Essays on Photography*. Zurich-Berlin, diaphanes, 2014, p. 56. --

Кракауэр даже говорит о невозможности для фотографии зафиксировать нечто, чего бы зритель уже не видел.

³ Согласно Артогу, введшему в оборот этот термин, «режим историчности» отражает отношение той или иной исторической перспективы к времени. — François Hartog. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris, Seuil, 2003.

⁴ Рене Декарт. Страсти души. — В кн.: Рене Декарт. Сочинения в 2х томах, т. 1. М.: Мысль, 1989, с. 493-494.

⁵ Платон. Тимей (37d). В кн.: Платон. Собрание сочинений в четырех томах, т. 3. М.: Мысль, 1994, с. 439.

⁶ Бернард Уильямс высказал, казалось бы, прямо противоположную точку зрения на взаимоотношение истинности и времени. Для него истина связана с нашей способностью поместить тот или иной факт в «зафиксированное место темпорального порядка». — Bernard Williams, Truth and Truthfulness: an Essay in Genealogy. Princeton, Princeton University Press, 2002, p. 150. Эта способность фиксировать момент прошлого Уильямс называет «объективной концепцией прошлого», которая, как ему представляется, возникает у греков, например, у Фукидида. В результате, все то, что люди относили к неопределенному мифическому времени, лишается статуса истинности. Такая объективная концепция прошлого якобы делает истину независимой от субъективности говорящего или слушающего. Мне, однако, представляется, что эта мнимая «объективность» и независимость от субъекта является ничем иным, как натурализованной формой трансцендирования времени. Объективируясь, прошлое приобретает черты безвременья — вечности.

⁷ Henry Rousso. The Latest Catastrophe. History, the Present, the Contemporary. Chicago, The University of Chicago Press, 2016, p. 16.

⁸ François Hartog. Croire en l'histoire. Paris, Flammarion, 2013, p. 47.

⁹ Ibid., p. 49.

¹⁰ Жак Рансьер. Разделяя чувственное. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007, с. 25.

¹¹ Там же, с. 27.

¹² Жак Рансьер. Понятие анахронизма и истина историка. — Социология власти, т. 28, № 2, 2016, с. 205.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 205-206.

¹⁵ Там же, с. 206.

¹⁶ По отношению к христианской эпохе Рансьер так формулирует это положение: «...искупить время — значит избавиться от последовательности как таковой и заменить ее образом, настолько похожим на вечность истины, насколько возможно». — Там же, с. 207.

¹⁷ «Но так как эти войны в Италии, Элладе и в Азии имели не одно и то же начало, хотя и общий исход, то мы и считали нужным рассказывать о них отдельно, пока не дошли до того момента, когда разные со-

бытия переплелись между собою и начали приводить к одной цели. При таком изложении становятся ясными как начало каждого события, так и время сплетения их; относительно этого последнего мы в самом начале труда нашего наметнули на то, когда, каким образом и по каким причинам оно совершилось. Напротив, дальнейший рассказ будет у нас общий для всех стран. Что касается слияния событий, то наступило оно к концу войны на третьем году сороковой олимпиады. Поэтому события позднейшие мы будем излагать в порядке времени в общем повествовании, а предшествующие им отдельно...» — Полибий. Всеобщая история, т. 1 (кн. IV, 28). М.: АСТ, 2004, с. 297-298. Хочу напомнить в этой связи о мандельштамовском прочтении Данте как мастера плетения, о котором речь шла выше: «...ковер, в котором струи Ганга, взятые как текстильная тема, не смешиваются с пробами Нила или Евфрата, но пребывают разноцветны — в жгутах, фигурах, орнаментах»

¹⁸ Жак Рансьер. Понятие анахронизма и истина историка, с. 207.

¹⁹ «По мере того, как он начал распознавать единство истории, проистекающее из судьбы, метод изложения этого единства, *sumplokhe*, стал все более неотличим от самого единства, *somatocides*». — Kenneth Sacks. Polybius on the Writing of History. Berkeley-Los Angeles, University of California Press, 1981, p. 120.

²⁰ Жак Рансьер. Понятие анахронизма и истина историка, с. 208.

²¹ Там же, с. 208.

²² Виктор Шкловский. Собрание сочинений, т. 1, Революция. М.: «НЛО», 2018, с. 909.

²³ Там же, с. 923.

²⁴ Там же. Говоря о простоте Пушкина, Карамзина и Толстого, Шкловский замечает: «Они просты по разным законам. «Просто» же «простота» — это упрощение. Это идеалистическая ошибка. Нужно говорить нам не вообще о простоте, а об определенной простоте и определенной метафоричности, принимая во внимание целевую установку стиливого средства. — Там же., 909.

²⁵ Jean-Pierre Vernant. Œuvres. Religions, rationalités, politique, v. 1. Paris, Seuil, 2007, p. 567.

²⁶ Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука, 1980, с. 216.

²⁷ Albert Henrichs. What is a Greek God? — In: The Gods of Ancient Greece. Identities and Transformations. Ed. by Jan N. Bremmer and Andrew Erskine. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010, p. 20.

²⁸ Павсаний. Описание Эллады, т. 2. СПб.: Алетейя, 1996, с. 35.

²⁹ Eduard Norden. Agnostos Theos: Untersuchungen zur Formengeschichte religiöser Rede, Leipzig-Berlin, B. G. Teubner, 1913.

³⁰ Albert Henrichs. Anonymity and polarity: Unknown gods and nameless altars at the Areopagos. — In: Albert Henrichs. Greek Myth and Religion. Collected Papers II. Edited by Harvey Yunis. Berlin-Boston, Walter de Gruyter, 2019, pp. 299-334.

³¹ Марсель Мосс. Об одной категории человеческого духа: понятие личности, понятие «я». В кн.: М. Мосс. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011, с. 331.

³² Там же, с. 336.

³³ Там же, с. 335.

³⁴ Там же, с. 343.

³⁵ Там же.

³⁶ Филипп Дескола. По ту сторону природы и культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2012, с. 42.

³⁷ Maurice Leenhardt. Do kamo. Chicago. Chicago University Press, 1979, p. 19.

³⁸ Леенхардт многократно подчеркивает недоступность меланезийцам понятия *глубины*.

³⁹ Roger Bastide. Le principe d'individuation (contribution à une philosophie africaine). — In: La notion de personne en Afrique noire. Paris, L'Harmattan, 1993, p. 33.

⁴⁰ Филипп Дескола. По ту сторону природы и культуры, с. 42.

⁴¹ Marilyn Strathern. The Gender of the Gift: Problems with Women and Problems with Society in Melanesia. Berkeley-Los Angeles, University of California Press, 1988, p. 13.

⁴² Ibid.

⁴³ См. Louis Dumont. Essais sur l'individualisme. Une perspective anthropologique sur l'idéologie moderne. Paris, Seuil, 1983.

⁴⁴ Roy Wagner. The Fractal Person. — In: Big Men and Great Men: Personifications of Power in Melanesia. Maurice Godelier, Marilyn Strathern (ed). Cambridge: Cambridge University Press, 1991, p. 163.

⁴⁵ Ibid.

© Текст: Михаил Ямпольский

Беседы любителей словесности — и не только ее

КИРИЛЛ КОБРИН

Шерлок Холмс все перепутал. Он называл свой метод «дедуктивным», в то время как рассуждение/доказательство от частного к общему есть пример индукции. Нижеследующий текст выстроен по принципу настоящей дедукции — от общего к частному; он представляет собой своего рода трехчастную концентрическую спираль, которая стремится вниз, в одну точку. Даже не спираль, а три фрагмента ее — а о том, что находится между ними, читатель, наделённый воображением, призван догадаться, восстановит весь ход рассуждения по фрагментам, ех ungue leonem.

Эссе бывают разные: от линейно развернутого рассуждения (де Куинси, Оруэлл, Лидия Гинзбург, Борхес, Джоан Дидион) до набора фрагментов, демонстрирующих несвязный характер как нашего мышления, там и нашей реальности/наших реальностей (Вяземский, Пессоа, Шкловский, Джоан Дидион). Нет-нет, здесь не Порядок *versus* Хаос, а два метода, способа художественного мышления, которые, если вдуматься, есть две стороны одного и того же. «Улисс» Джойса состоит из пестрого мусорка быстрых психических и ментальных реакций повседневного человека на проживаемую им повседневность, но эта вещь, в каком-то смысле, монолитнее эпопеи Пруста; последняя, будучи задумана как одна монструозная фраза, одно бесконечное высказывание, расплетается на сотни, если не тысячи вольноопределяющихся ниточек. Другое дело, что эта якобы бесконечность не предполагает ничего другого; читатель Пруста задыхается, будучи заключен в эту тюрьму бесконечных вариантов подобного, как сам Пруст задыхался в своей обитой пробковыми обоями комнате.

Все сводится к одной точке. Об этом исследующее эссе, в котором спираль выводит от общего рассуждения к частному случаю, как бы вмещающему сказанное выше, к точке, к, казалось бы, пустяку. Это эссе, представляет собой *рассуждение об эссе*; автор не только *рассуждает* о данном способе разговора, в нем одна из форм этого способа разговора *демонстрируется* читателю самим устройством текста.

1.

Полнокровный призрак республики

Термин «республика словесности» появился в XVIII веке. Век Просвещения, эта удивительная конструкция, составленная из людей и книг, одна из первых в европейской истории неформальная сеть, в капиллярах которой пульсировала светская мысль. Имен-

но тогда возникла возможность помыслить невидимый, как бы нематериальный универсальный проект, поверх границ и конфессий, имеющий единственным смыслом написание, издание и обсуждение текстов. Гражданином «республики» мог стать каждый, кто в «словесности» принимал деятельное участие, причем, неважно в каком качестве — писателя, издателя или читателя. Исторически этот период был странным промежутком между кострами Контрреформации и пожарами национальных/социальных революций, между эпохой, когда сочинительство считалось чуть ли не хобби занятых более серьезными делами людей, и временем, когда оно стало профессией. Иными словами, это был период торжества *идеи* универсальности, а *практика* всевозможной партикулярности (этнической, социальной и даже религиозной), -- хотя конечно, никуда не исчезла -- ушла в тень. По крайней мере, так казалось гражданам «республики словесности», или нет — так некоторым из них *хотелось*. Время, когда, обозначая род занятий, можно было назвать себя «литератором», а уж каким — французским или немецким, поэтом или журналистом — было делом второстепенным. Да, классицизм утверждал нормативную иерархию жанров, и она определяла литературное сознание, но было кое-что вне этой иерархии, очень важное, быть может, самое важное — эссеистика. То, что описывает и, одновременно, рефлексировать, смешивая идеи, пейзажи, людей, книги. Сегодня это называют *нонфикшн*, что не совсем точно — эссе есть прежде всего *рассуждение*, которое предполагает невидимого собеседника, не аудиторию, а именно собеседника, отдельного, одного. Эссеист пишет для читателя, который вполне может оказаться и писателем, и наоборот. Такие крайняя приватность и как бы оборачиваемость были придуманы Монтенем, от названия сочинения которого эссеистика и пошла. Но только в XVIII веке заметки прихотливого любопытствующего частного ума превратились во всеобщий способ разговора обо всем на свете, то есть,

о мире — и прежде всего, о книгах, которые этот мир в себе содержат. В восемнадцатом столетии эссеистикой было многое из истории, философии, прозы; даже многие стихи и поэмы того времени кажутся зарифмованными эссе.

А потом пришел XIX век, началась эпоха модерности с ее профессионализацией, «республика словесности» распалась на нации и жанры. Эссеистика не исчезла, конечно, она всегда присутствует, но в промежутке — между публицистикой и литкритикой, историографией и философией, и так далее. Она — *нонфикшн*, но *нонфикшн* эссеистикой ни в коей мере не исчерпывается, будучи — как сегмент литрынка, скорее -- изобретением уже поздней модерности с ее усталостью от системы жанров, и, главное, с ее усталостью от *фикшна*, как товара первой культурной необходимости. Чем большей фикцией становится сама модерность, тем сильнее она начинает ценить «невывымышленное». Меланхолическое зияние на том месте, где еще недавно было «настоящее» (во всех смыслах слова), приводит к истерической одержимости подлинным, реальным. Оттого в литературе *фикшн* становится все более *фикциональным* (фэнтези и проч.) и, соответственно, как сказали бы маркетологи, «нишевым», а «серьезный читатель» (средний возраст, средний класс, надежный университетский диплом, претензии на здравый смысл) если и читает, то как раз *нонфикшн*.

Эссеистика водится во владениях «невывыдуманного», однако уловить ее сложно, она — не жанр, она — способ мышления и письма, еще полнокровный призрак европейской культуры Нового времени, времен до модерности, уже отдаленной эпохи, когда универсализм покоился на индивидуальности (и наоборот). И, естественно, здесь я говорю о европейской культуре и европейской словесности, которые расширились на Северную и Южную Америку. Эссеистика превосходно чувствует себя везде — в Британии и Аргентине, Соеди-

ненных Штатах и Португалии. В других традициях у нее иная судьба — и, наверное, где-то ее просто нет (зато есть другое, замечательное). Скажем, на русском эссе хоть и сочиняют порой, но относятся к нему прохладно и с подозрением, чаще всего вообще не распознают, путая то с публицистикой, а то — чаще всего — с литературной критикой. Вот о последней и поговорим дальше.

2.

Литпроцессы и дхармы

«Н икогда я не могла хорошенько понять, какая разница между пушкой и единорогом», -- говорила Екатерина II какому-то генералу. «Разница большая, - отвечал он, -- сейчас доложу Вашему Величеству. Вот извольте видеть: пушка сама по себе, а единорог сам по себе». — «А, теперь понимаю», -- сказала императрица.

Князь П.А. Вяземский «Старая записная книжка»

Я совершенно не понимаю, зачем нужна литературная критика. То есть, я, конечно же, прекрасно осознаю, зачем она была нужна еще несколько десятилетий назад, да и пару столетий назад тоже. Но не сейчас. Посудите сами: филологическая критика литературных текстов была когда-то совершенно необходима хотя бы для того, чтобы родилась сама филология. Отлично. Затем, разбор современных художественных сочинений был обязателен для борьбы идейной и идеологической. К примеру, когда на повестке дня процесс формирования так называемой «нации» с важнейшими ее элементами — «национальной историей» и «национальной литературой». Здесь литература оказалась чуть ли не самой главной: помимо смыслопорождения, она отвечала за развитие национального языка, что было ключевой задачей XIX века. Не буду утомлять просвещен-

ного читателя прекрасно известными ему примерами -- от потешных схваток русских архаистов с карамзинистами до «Кельтского» и всех прочих «возрождений» исторически и лингвистически пострадавших народов. Несколько позже к национальному коктейлю подмешался еще один элемент; социальная критика, классовая борьба, ее перспективы, в конце концов, возможность построения справедливого общества -- все это весьма занимало умы многих литературных критиков конца XIX — начала XX века. Национальный и социальный энтузиазм превратился в паранойю после Первой мировой войны, выродившись уже после Второй мировой в истекающую слюной деменцию. Авангардистские и конструктивистские приказы по армиям искусств и словесности еще бодры, писания советских (да и некоторых постсоветских) критиков вялы, бесформенны, скучны. Постороннего может развлечь разве что лихорадочный идиотизм, чудом сохранившийся у немногих из переживших Советский Союз представителей литературного цеха, но на одних исключениях жанр долго не протянет.

«А что же чисто эстетическая критика?» -- спросит искушенный читатель. Дело в том, что ее просто не существует. Эстетические оценки могут выйти за пределы частного мнения только тогда, когда в культуре существует некое общее мнение, консенсус по поводу основ производства прекрасного. А для этого необходимо господство нормативной эстетики — классицизма ли, романтизма или даже социалистического реализма. Эта ситуация характерна только для тех обществ, где эстетические иерархии являются следствием иерархий внеэстетических, как, скажем, в ту же эпоху национальных государств. Но сейчас такое просто невозможно, ибо нет тех идеологий, подпирających свежевыведенные конструкции, на каждой ступеньке которых, как в известной схеме в школьном учебнике по истории Средних веков, стояли бы свои герцоги, бароны, графы и виконты. Нынешний неоли-

берализм в разных изводах таковым идеологическим базисом не является. Критику остается либо вяло перебирать отработанные ошметки старых «больших стилей» жанра, либо на свой страх и риск нести всякую всячину. А это уже не «литературной критикой» называется, а «эссеистикой». И разница здесь дьявольская, как между пушкой и единорогом.

Все тот же искушенный читатель может вновь возразить, указав на уцелевшую в глянцевого изданиях и хипстерских сайтах критику. Мол, всюду жизнь, а уж здесь и подавно. Верно. Здесь действительно процветает сочинение текстов по поводу других текстов, однако чаще всего это, конечно, не критика, а своего рода *escort service*, служба приятного сопровождения для читателей приятных модных изданий, которым хочется узнать что-то остренькое о приятных новинках. Даже если тексты такого рода выражают негативное мнение о текстах, которые они описывают, перед нами — чисто рекламная деятельность, в лучшем случае, нечто вроде ресторанной критики. Ах, как тает на языке свежий Мураками... Как прекрасна Токарчук на фоне восходящего восточноевропейского солнца...

Итак, собственно эстетическая интерпретация не имеет сегодня отношения к критике, будучи (повторюсь) мнением частных лиц о сочинениях других частных лиц. Это другой жанр, жанр «рассуждения», «эссе», в том виде, в котором он сложился в Новое время, в течение нескольких столетий между Монтенем и Борхесом. Особенность его как раз в этом двойном употреблении слова «частный» -- мнение частного лица о сочинениях других частных лиц. Таковое мнение не претендует на выходы за пределы приватной сферы; даже если оно касается общественных, политических, религиозных вопросов, все они рассматриваются исключительно с позиции внешнего наблюдателя — иначе перед нами не «эссе», а публицистика, проповеди, традиционная литературная критика, наконец. Если условием литкритики является наличие в этот историче-

ский момент некоей «большой общественной системы» (чаще всего идеологического свойства), то условием существования эссеистики будет наличие вот этой самой «приватной сферы». Впрочем, неугомонный искушенный читатель ехидно заметит, что эту сферу можно тоже рассматривать как своего рода идеологический конструкт, характерный для вполне определенного периода западной истории. Верно, дорогой искушенный читатель. Все так: я вовсе не пытаюсь предстать в роли апологета эссеистики, не пытаюсь онтологизировать ее, если вообще уместно использовать здесь это понятие. Мы же не будем делать вид, что существуют некие «вечные эстетические ценности», не подверженные радикальным изменениям в разные эпохи. Будучи людьми скромными, частными, мы признаем, что наша скромность и наша приватность носят глубоко условный характер — но, перефразируя философа, мы, в отличие от других, хотя бы признаем это...

Так что же литературная критика, которой нет и быть сегодня не может? Разве можно без нее? А это уже вопрос выбора. Можно считать, что живешь в мире, в котором следует обязательно выстроить всех писателей по ранжиру, наделить часть из них «премиями», других вписать в какие-то пляжные «шорт-листы», третьих объявить вне закона, четвертых — не замечать по причине того, что они не поддаются никакому объяснению. В этом мире пишут длинные отчеты о ходе «литпроцесса», с азартом ругаются, составляют коалиции, команды, банды, группы захвата и отхода. Другой мир -- похож на буддистскую концепцию вселенной, состоящей из огромного, неисчислимого количества отдельных феноменов, «дхарм» (говоря языком буддологии, «обусловленных» и «необусловленных»), существующих в одно и то же мгновение; дхарм, в которых только сознание созерцателя ретроспективно может увидеть кармический эффект. Однако не следует забывать: на самом деле, как учил Будда, все это иллюзия. Ничего нет. И это утешает.

3.

Случай эссеиста

С обложки на нас смотрит автор. На авторе синяя рубашка с закатанными рукавами, в руке сигарета. Автор сидит за столом, на котором расположены: стакан с жидкостью янтарного цвета (налито на палец), пустой стакан, банка с джемом (оксфордский абрикосовый мармелад, я узнал его по этикетке), две пепельницы, пустая и полная, стопочка книг, френч-пресс с остатками кофе и на три четверти опорожненная бутылка «Джонни Уокер». Последний из вышеописанных предметов дает возможность догадаться о характере жидкости в стакане. Книга была выпущена пять лет назад, она называется «And Yet ...» и представляет собой сборник эссе Кристофера Хитченса. Сам автор умер в 2011-м от рака, вызванного семейной предрасположенностью к этой болезни, а также активным потреблением некоторых из веществ, представленных на обложке. «And Yet ...» — посмертный сборник, там опубликовано то, что не вошло в предыдущие 25 книг автора. Любопытно: «Atlantic Books» выпустили его буквально накануне нового 2017 года, презрев почтенную традицию издателей наводнять своей продукцией прилавки к 24 декабря. Мол, книга — лучший рождественский подарок. Помню, один из рецензентов пошутил: Хитченс, известный боец с религиями, с того света заставил издателей выпустить книгу не до, а после Рождества. Возможно.

Кристофер Хитченс — типичный английский послевоенный писатель. Именно не «британский», а «английский», что подразумевает сразу несколько вещей. Прежде всего, происхождение: «средний класс». Во-вторых, образование: оксбриджский сертификат — волшебное средство плавного продвижения в обществе, где главные позиции занимают бывшие члены *Bullingdon Club*. В-третьих, культ гипертрофированного «здорового смысла», сопровождаемый

презрением к заумным континентальным теориям. В-четвертых, простой ясный бодрый слог, создающий иллюзию исчерпывающего прямого высказывания на (якобы) досконально известную автору тему. В-пятых, сложные отношения с социалистической идеей, марксизмом, левизной и так далее. В-шестых, сложные отношения с «континентом». Наконец, сложные отношения с родиной, английским образом жизни, английской литературной публикой, под которой понимается, конечно же, лондонская литературная публика, издающая и читающая несколько столичных газет и журналов, от *Guardian* и *New Statesman* до *London Review of Books*. В большинстве из них Хитченс либо работал, либо публиковался — до того, как в начале 1980-х навсегда переехал в Америку.

Кристофер Хитченс — эссеист. Не «публицист», не «литературный критик», а именно «эссеист». Исчерпывающее развитие эссе получил в английской словесности; достаточно вспомнить Джозефа Аддисона, Томаса де Куинси, Чарльза Лэмба, Гилберта Кита Честертона и, конечно же, Джорджа Оруэлла. В каком-то смысле, эссеизм заменил в английской культуре многие жанры и области знания, например, философию и даже отчасти историографию; венец Людвиг Витгенштейн, рижанин Исайя Берлин и родившийся в Александрии Эрик Хобсбаум не в счет. Впрочем, Берлин тоже был -- по устройству ума -- эссеистом.

Английская культура -- позже трансформировавшаяся в британскую — стала идеальной фермой для разведения эссеистов. Оттого нон-фикшн в этой стране обычно интереснее фикшн, а немало «романистов», если внимательно приглядеться, есть хорошо замаскированные «эссеисты», вынужденные прикидываться новыми диккенсами или олдосами хаксли только потому, что за романы больше платят, чем за сборники эссе. Таков, к примеру, Джулиан Барнс; даже лучшие его романы не столь интересны, как даже средние его эссе. Но есть и смельчаки, которые честно отказываются от титула сочинителя романов, предпочитая просто получать

удовольствие от прямых рассуждений на любую интересную им тему. И вот тут возникает два обстоятельства. Первое — тема должна быть интересна не только автору, но и «референтной группе», к которой принадлежит гипотетический собеседник эссеиста. Соответственно, в английской/британской словесности эссеизм носит сугубо классовый характер. Впрочем, а той стране почти все носит именно этот характер, гораздо больше, чем где бы то ни было. Второе — как это ни смешно звучит, предполагается, что у автора есть художественное чутье, самодисциплина и за его плечами стоит соответствующая жанровая и социокультурная традиция. Кристоферу Хитченсу повезло с обоими обстоятельствами — и он стал одним из самых знаменитых эссеистов англоязычного мира, то есть, не только британского. В России его мало переводили и плохо знают — тем хуже для публики, оставленной на милость пламенных публицистов и серийных шутников.

Хитченс прожил довольно богатую событиями жизнь, по крайней мере, на первый взгляд. В ней было все: частная школа, Оксфорд, увлечение троцкизмом, блестящие друзья (Мартин Эмис, Стивен Фрай и проч.), романтическое самоубийство матери и ее любовника в Греции, громкие публичные дебаты, своевременный переезд в Америку, скандальные стычки со знаменитостями, борьба со всеми религиями на свете, обожание одних и ненависть других, наконец, мужественная смерть в онкоотделении среди любимых книг и незаконченных текстов. Однако мы же здесь говорим о литераторе, так что все это без особого ущерба можно ужать до следующих цифр: 25 книг и памфлетов, сочиненных в одиночку, 5 — в соавторстве, десятки составленных им томов, и сотни, если не тысячи, мелких разбросанных по разным изданиям текстов. Все это за 62 года жизни, большую часть которых Хитченс провел так: «Примерно через полчаса после полудня — изрядная доза янтарного укрепляющего напитка мистера Уокера, смешанного с *Perrier* (идеальная доставка внутрь), и безо льда. За ланчем, возможно, полбутылки

красного, не всегда больше, но никогда меньше. Затем опять за рабочий стол, а вечером за едой все в том же порядке. Никаких послеобеденных напитков, особенно сладких — и ни в коем случае бренди! На ночь глядя — в зависимости от того, как сложился день; но смесь та же. Без коктейлей, без глупой возни то с джином, то с водкой». Тексты, вошедшие в «*And Yet ...*», написаны, в основном, в те года, когда Хитченс из страны скотча переехал в страну бурбона, однако старым привычкам он не изменил.

«*And Yet ...*» хорош, прежде всего, как коллекция либо случайных, либо забытых текстов автора. Не шедевры, конечно. 48 эссе; по большей части, --poleмические реплики по поводу известных персон. Хитченс, хоть и любил делать крутые развороты, своих героев не сдавал — свидетельством чему служат текст о Че Геваре, открывающий книгу, следующее за ним эссе об Оруэлле, а также очерки о Честертоне, Диккенсе, Розе Люксембург, Ориане Фаллачи и Салмане Рушди. Сам этот список говорит о прихотливом нраве Хитченса — в нем мы встречаем католического писателя, итальянскую исламофобку, святую мученицу социализма, приятеля по лондонской литературной тусовке и, конечно же, главного наставника в политике, мышлении и стиле. В книге немало персональных врагов Хитченса, одного, коллективного, мы уже помянули — невыносимый коммерческий праздник Рождества. Собранные здесь тексты как бы не соотносятся друг с другом, написаны они по разным поводам и для разных изданий, однако подряд книгу читать интересно — это все равно, что болтать за стаканчиком с остроумным, сообразительным, начитанным собеседником, с которым чаще всего не согласен. Но это и неважно. Если

ты с кем-то во всем согласен, такого человека надо обходить за сто верст, ибо говорить не о чем.

Настоящий писатель распознается не по шедеврам, иногда случайным — и не судится по неизбежным провалам. Изучать нужно его проходные сочинения. «*And Yet ...*» — идеальная возможность понять устройство Хитченса-эссеиста. Это отдельная тема, так что позволю себе здесь лишь одно наблюдение. В книге есть рецензия на очередной английский перевод «Героя нашего времени» Лермонтова. Всего четыре страницы. В них мастерски уложено все, что должен узнать интеллигентный американский читатель интеллигентного американского журнала *The Atlantic* о малоизвестном русском сочинении XIX века — происхождение автора (отчасти шотландское, как у его кумира Байрона), социополитическая ситуация в России при Николае Первом, особенности русской политики на Кавказе, *The Great Game*, русский романтизм и байронизм. Хитченс цитирует два лермонтовских стихотворения, полемизирует с Набоковым, ссылается на несколько книг по русской истории, наконец, делает любопытное предположение о наличии у героя нашего времени (и у сочинившего его автора) «комплекса Казановы»: «возбужденное и неразборчивое преследование женщин, которых, на самом деле, не желаешь — иногда это считается симптомом подавленного гомосексуализма». Впрочем, на то же самое, если мне не изменяет память, намекал и Набоков.

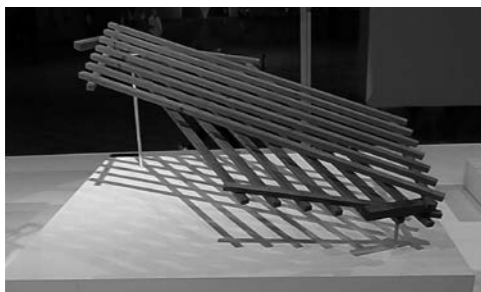
Почти невидимая деталь литературной вселенной, но вынь такие детали — и эссеистика превратится в облако задушевной бесформенной болтовни о чем угодно. Собственно, в щелбетание в соцсетях.

© Текст: Кирилл Кобрин

КИРИЛЛ КОБРИН — писатель, историк, редактор журнала «Неприкосновенный запас»

ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ

как художник
из творца
превращается
в функционера

ЕКАТЕРИНА ШЕРГА

Маленький французский городок, в нем художественная галерея, а в галерее — выставка. Город стар, он окружен крепостными стенами, построенными еще при Филиппе Красивом, пространство внутри стен буквально набито туристами, потому что это — долина Луары, и это — август месяц, время отпусков, тысячи людей приезжают смотреть замки. Всюду экскурсионные автобусы, автомобили, велосипеды, дети, собаки. Магазины, рестораны, лавки с сувенирами. И всюду висят афиши, которые предлагают посетить эту выставку, которая находится в самом центре города: куда ни иди, мимо нее не проскочишь. Возле входа расположены несколько стендов, которые содержат всю о ней информацию. Чувствуется, что здесь поработала грамотная и твердая рука куратора. Все выверено идеально, как в аптеке. Ровно половина представленных на выставке художников — женщины. Один из участников мулат — судя по внешности, и выходец из Испании или Латинской Америки — судя по фамилии. Другой — явно китаец или вьетнамец. С тематикой тоже не ошиблись. Авторы

волнуют экология и глобальное потепление, этические аспекты урбанистики, проблемы гендерного неравенства.

Сразу представляешь, что каждый из этих художников получил профильное образование в престижном, с прекрасной репутацией вузе, где обучают по специальности «современное искусство». Например — в итальянской Nuova Accademia di Belle Arti или в Академии Художеств в Вене. Он посещал практические семинары, стажировался, работал над дипломом. Его работы принимал и оценивал преподаватель, какой-нибудь известный в своем кругу «социально-политический художник, работающий в рамках постколониального дискурса». Потом наш студент получил диплом, с кем-то сотрудничал, где-то выставлялся. И вот в результате усилий, стараний, возможно — интриг его произведения стали частью выставки, которую придумал куратор, в том же институте получивший специальность «менеджер в области культурных мероприятий».

Велась большая подготовительная работа, выбирали помещение, продумывали, где и как

разместить объекты искусства, печатали каталог. На вернисаже наверняка присутствовал мэр города, местные журналисты, сами художники. Пили шампанское, клали на тарелки оливки и примечательный местный сыр, которым издавна славится регион. Каждый из художников дополнит отчетом об этой выставке свое портфолио. Потом, возможно, его пригласят в крупный международный проект, после этого можно рассчитывать и на индивидуальную выставку. Во всех этих процессах задействована масса людей, все заняты, все — при деле.

И все это абсолютно никому не нужно. У туристов, у местных жителей, у мужчин, женщин, малых детей, школьников, пенсионеров эта большая выставка в центральной галерее города не вызывает не только радости или восторга, но хотя бы самого слабого интереса. Наша гостиница была рядом, и все то время, пока мы там жили, я проходила мимо выставочного зала раз десять на день. Но ни разу я не видела, чтобы туда кто-то вошел или оттуда кто-то вышел. Город, еще раз повторяю, наполнен туристами. Люди платят большие деньги, чтобы посетить окрестные замки — Шамбор, Шенонсо, Блуа. Это недешевое удовольствие, билет в два замка на семью из трех человек обойдется в сотню евро плюс дорога. Посещение же выставки актуальных современных художников абсолютно бесплатно для всех групп и возрастов. Заходи не хочу. Но — никто не хочет.

А я туда зашла. Предсказуемым образом я оказалась одна, и никто мое одиночество не нарушил, пока я бродила по залам. В первом из них лежит плоский серый камень, на него проецируется рябь морских волн, из динамика слышны крики чаек и вздохи моржа. То есть это — экология. В другом зале — урбанистика. Метафора современного города. Стоит извилистая конструкция, напоминающая пчелиные соты, состоящая из множества деревянных коробочек, очень много таких коробочек, вероятно их делать — адский труд, интересно, художник сам их выпиливал или кому-то поручил. Еще одно высказывание на темы урбанизма — тихо

шелестящий механизм из металлических решеток и шаров, все это вращается, поворачивается на шарнирах, а в решетках фотографии детей с разным цветом кожи. В следующем зале был мрачный черный занавес, за которым вероятно таилось гендерное неравенство, но я туда уже не дошла, потому что мне надо было идти на автобус. Собственно, меня на выставку и занесло из-за того, что я дождалась транспорта, а остановка была рядом с галереей. Покинула я пустынные залы без сожаления и печали, потому что нечто подобное уже видела сто раз, и коробочки такие же или похожие наблюдала, и вздохи моржа слышала. И тогда, и сейчас это оставляло меня совершенно равнодушной. А вот удивительная, кружевная, закрученная в спираль лестница в замке Блуа волшебным образом гораздо больше говорила мне о мире, имела гораздо большее отношение к моей жизни, чем актуальные произведения современных художников, хотя ее построили больше пяти столетий назад, и даже имя архитектора неизвестно.

Мне не стоит издеваться над художниками, на чью выставку никто не пришел. Я сама недавно оказалась в таком же положении. Однажды уважаемый и известный литературный, как принято говорить, культуртрегер пригласил меня выступить на вечере женщин-литераторов. Я согласилась, сама не зная, почему. Итак — холодный и пасмурный вечер в самом начале зимы. На улице дождь, снег, мерзость. Помещение в каком-то коворкинге, обстановка скромная: минимализм и техностиль, всюду стульчики из гнутого металла. На эти стульчики сажают меня и еще двух каких-то дам. Друг друга мы видели первый раз в жизни. Тут же выяснилось, что говорить нам вместе было абсолютно не о чем. Ничего, кроме гендерной принадлежности нас не объединяло. Наш общий разговор не клеился, но ведущий склеить его не пытался. Правда он изредка задавал вопросы. «Не являлось ли для вас травмирующим фактором то, что вы по сути протестуете против тотального патриархального доминирования мужчин в литературе?» — «Откровен-

но говоря, мне в голову не приходило об этом задуматься!» — «Большое спасибо, очень интересно, ваш ответ очень важен для нас».

В общем, веселого было мало. Особенно если учесть, что слушателей у нас было столько же, сколько зрителей на описанной мною выставке — то есть нисколько. В зале сидели жена или подруга культуртрегера, плюс еще одна девушка — его ассистентка, еще фотограф, еще молодой человек, который должен был об этом мероприятии написать в сетевое издание, плюс еще служитель этого коворкинга, который все это время с кем-то переписывался в телефоне, ожидая, когда мы, наконец, очистим помещение. С моей точки зрения весь этот вечер был просто катастрофическим провалом. С другой стороны — а я бы пришла на подобное мероприятие просто как зритель? Нет, конечно, никогда в жизни. Сидят незнакомые друг другу люди, отвечают на дурацкие вопросы. Какой «травмирующий фактор?» Какое «тотальное патриархальное доминирование?» В любом книжном магазине у половины изданий авторы — женщины. (А если брать беллетристику, то и две трети) И почему из всех моих идентичностей им приглянулась именно принадлежность к женскому полу? У меня их много, как у любого нормального человека. Я — любительница Венеции, обладательница сибирского кота, садовод, человек с близорукостью, отягощенной астигматизмом. Кстати, если бы сделали вечер литераторов — обладателей котов, он бы имел все шансы получиться несравненно более живым и интересным — и участникам нашлось бы что сказать, и зрителей точно пришло бы побольше. А если говорить о сфере, где я более-менее действительно чувствую себя представителем уязвимой и дискриминируемой группы, то это как раз связано с близорукостью. Недавно в парижском метро я не могла разглядеть, где мне делать пересадку, настолько мелким шрифтом была напечатана схема. Пришлось доставать телефон, фотографировать ее, а потом на экране увеличивать. Но даже если собрать других похожих на меня

бедолаг и заставить их обсуждать, как эта наша идентичность отражается в творчестве, получится точно такое же унылое занудство, мы точно так же будем тарашиться друг на друга нашими подслеповатыми глазами, нам точно так же нечего будет друг другу сказать.

Когда вечер закончился, я колебалась — то ли высказать то раздражение, которое накопилось за полтора часа бесполезно потраченного времени, то ли утешить организатора, которому сейчас, очевидно, очень тяжело и неловко. Я лицемерно стала говорить, что все прошло не так уж плохо, а в какой-то момент даже и очень неплохо... Но к моему удивлению, он был весел и оживлен, словно канарейка. Он совершенно не считал это мероприятие провалом. Все, кто обещал выступить, пришли. Уложились в положенное время, произнесены правильные и модные слова: «дискурс», «доминирование», «травма», «патриархальный», «идентичность». Вряд ли за проведенную работу ему светили большие деньги, но это важная вещь в репутационном плане, он добавит отчет в свое портфолио, потом можно будет рассчитывать на какую-нибудь интересную зарубежную стажировку, а если повезет — на должность в западном университете. И в этом плане все прошло просто прекрасно. Все было правильно, все в рамках мейнстрима, все отличалось умеренностью и аккуратностью, что еще желать?

Тут дело не только в той выставке в провинциальном городе или в том неудавшемся вечере. Дело в общем явлении. Искусство в современном мире (по крайней мере — некоммерческое искусство) все чаще стремится выполнять утилитарные, прикладные функции, но одновременно становится все более герметичным. Художник даже не стремится выполнять эстетические задачи, да и мало кто от него это требует. Главные его достоинства — умеренность, аккуратность, благие намерения и следование мейнстриму.

Он превращается в функционера, исполнителя, который, как говорили в советское время,

«брошен» на определенный участок. Это может быть экология, тема миграции, преодоление колониального наследия, гендерная небинарность... список получится длинным.

Когда он завершает свой труд, описания и отзывы критиков напоминают скорее инструкции к какому-то агрегату, в принципах действия которого сложно разобраться, я еще сложнее — понять, зачем он вообще нужен. «Вы откроете этот небезынересный роман, чтобы понять, как современная литература отражает женскую протестную субъективность». «Автор стихов конструирует новый дискурс, одним из знаковых моментов которого является квір-нарратив». «Реализм картины становится мощным режиссёрским инструментом критики патриархальной культуры и капиталистической эксплуатации» — это рецензия на фильм «Атлантика», который завоевал «Гран-При» на прошлом Каннском фестивале, после чего канул куда-то в бездну, я не видела ни одного даже самого заядлого киномана, который бы его любил, восхищался и рекомендовал другим посмотреть. «Темы идентичности, власти, классового разделения и частной собственности очень релевантны в контексте всего происходящего в современном мире» — это статья арт-критика о проекте, который молодая художница представила на последнем Биеннале в Венеции. Наверное, и критик — крепкий профессионал, и художница тоже, к тому же отлично понимает, что от нее хотят. Но как-то невозможно представить себе нормально-го, живого человека, который, прочитав это описание, сломя голову побежал бы на выставку ради собственного удовольствия, не по долгу службы, а потом рассылал сообщения друзьям: «Жалко, что вас не было со мной! Я до сих пор не могу прийти в себя от восторга!» Точно так же эти стихи не будешь, задыхаясь, читать своим знакомым, этот роман не придет в голову держать у себя на столике рядом с кроватью, его страницы никогда не будут до неприличия истрепаны, и не оторвется переплет. Эту пьесу не будешь читать, если придут чер-

ные мысли, а бутылки шампанского под рукой не окажется. Не будешь предвкушать момент, когда ребенок вырастет, чтобы посмотреть с ним этот фильм.

Впечатление, что искусство, сделав странный пируэт, возвращается к модели, которая подозрительно напоминает ту, что существовала в СССР времен позднего застоя. Художник поднимает важные вопросы, ведет себя смиренно, он скромен в быту, безупречен в плане нравственности, его политические взгляды полностью совпадают с повесткой дня. «Не себя выявляет поэт, а только выполняет социальный заказ», как писал Осип Брик в журнале «ЛЕФ»

В восьмидесятые годы прошлого века у меня была соседка, она жила на одной с нами лестничной площадке. Она была поэтессой или как бы сейчас сказали — поэткой. Но в те времена таких, как она называли «совпис», то есть «советский писатель». Она создавала поэмы и стихи про Ленина, партию, БАМ, борьбу за мир, счастливую долю советских женщин. Изготавливала поэтические приветствия Олимпиаде или очередному съезду КПСС. И еще она была, как тогда говорили, «нацкадр», приехала в Москву из Средней Азии, и это находило отражение в ее творчестве. То есть в ее стихах героини гражданской войны сражались с не с колчаковцами, а с басмачами, лампочки Ильича загорались не в деревнях, а в кишлаках. Ее произведения часто публиковались в журналах, она мечтала и об отдельном сборнике, и, кажется, с помощью каких-то зверских интриг его себе добыла. Раз или два в год получала путевку в дом творчества писателей в Дубулты или Пицунду. Она часто ездила на встречи с читателями, встречалась со школьниками, как-то раз присутствовала на торжественном открытии гидроэлектростанции, и после того, как разрезали ленточку, читала собственные стихи по поводу этого события. При этом никому, даже самым правоверным последним сохранившимся коммунистам не могло прийти в голову, что эти стихи можно читать просто так, для собственного удовольствия.

Разумеется, мне и моим сверстникам эта тетка казалась каким-то архаическим и странным существом. Но сейчас я понимаю, что по современным меркам она могла бы считаться вполне актуальным мейнстримным персонажем. Она была женщиной, что уже прогрессивно. Она принадлежала к национальным меньшинствам, что еще лучше, значит, соблюдается принцип diversity. К тому же, супруг ее выпивал, и она в таких случаях его била (особенно, когда сама была поддатая), то есть осуществляла принцип “girl power”. Мы тогда думали, что эта дама — унылый обломок прошлого. Но никому даже не могло прийти в голову, что это вполне себе — гостя из будущего.

Я вовсе не хочу сказать, что с искусством, которое решает прежде всего художественные, эстетические задачи, мы навсегда распрощались, и теперь с нами навсегда только произведения, которые «отражают актуальную повестку», «напоминают о важности проблемы», «демонстрируют владение аппаратом прогрессивного гендерного мышления». Возможно, все будет происходить как раз наоборот. (В конце концов мы помним, каким ярким было неконформистское искусство в поздние советские годы). Превращение художника в «прислугу за все» не может не вызывать раздражение — а это тоже сильное чувство. Оно может придать искусству новый импульс. Этот тупик настолько безнадежен, что из него неизбежно захочется вырваться.

С другой стороны, когда искусство воспринимается только как утилитарный инструмент, который должен помочь обществу решать социальные проблемы — это плохо, скорее, для общества, чем для искусства. Это признак застоя и общего неблагополучия. Поэтому возможно, лет через двадцать или тридцать мы будем жить в мире с интересным и ярким современным искусством, блестящим кинематографом, оригинальной, немного декадентской музыкой. Вопрос — что там будет помимо этого.

© Текст: Екатерина Шерга

КВИР-КОД, ИЛИ ТИТАНОВЫЙ СПЛАВ

АНДРЕЙ ПЛАХОВ

Каннский фестиваль, не состоявшийся в прошлом году из-за пандемии, в этом собрал рекордно обширную программу и сделал все, чтобы стать событием международной художественной жизни. Международность заметно выросла в цене на фоне ковидных ограничений. Те, у кого нет европейского санитарного паспорта, оказались в непростой ситуации: им пришлось каждые 48 часов сдавать ПЦР-тест, а некоторым (в том числе аккредитованным участникам из России) даже отбывать в каннском отеле десятидневный карантин за свой счет. Для каждого входа в фестивальный Дворец (а это иногда происходит по несколько раз в день) нужно было предъявлять документ о вакцинации или тестировании с QR-кодом; этот код не всегда считывался, что приводило к драматическим непопаданиям на важные просмотры.

Кодирование стало неизбежным спутником современной жизни, в том числе фестивальной. И речь не только о механизмах потребления искусства, но также о смыслах и стилях, которые становятся востребованными, когда в них проявляется определенный культурный код. По созвучию с кьюар-кодом я назвал его квир-кодом, имея в виду не только современное значение этого слова (отличающаяся от стандартной сексуальность), но и изначальное («странный», «необычный»). Именно квир-код в одном, а иногда в обоих значениях, позволяет затмить соперников и занять позицию лидера конкурса. В своих наблюдениях буду опираться исключительно на французские фильмы каннской программы, которые отхватили наиболее престижные награды и могут считаться квинтэссенцией «европейскости».

Даже несмотря на то, что открывший фестиваль сюрреалистический мюзикл Леоса Каракса «Аннетт» снят в Лос-Анджелесе на английском языке, все равно это настоящее cinema d'auteur в лучших французских традициях. Долгожданный фильм был встречен если не всеми на ура, то в любом случае уважительно, а жюри во главе со Спайком Ли наградило эту респектабельную и в то же время экспериментальную работу призом за режиссуру.

Действие происходит в городе изощренно убитой мечты. Генри (Адам Драйвер) — популярный стендап-комик, его жена

Энн (Мария Котийяр) — не менее знаменитая оперная певица с французской фамилией. У пары рождается дочь Аннетт, за каждым поворотом их совместной жизни следит кровожадная пресса — и эта публичность в конечном счете убивает любовную идиллию.

Убывает и сама профессия: Генри из вечера в вечер в идиотском халате выходит на сцену перед тупыми зрителями, которых надо непрестанно смешить. А в это время Энн в очередной раз «умирает» на оперной сцене. Котийяр в этих эпизодах снята издали, и вообще, играя довольно условную фигуру, она тактично держится в тени партнера. Зато Драйвер показывает все, на что способен, а это совсем немало. Еще до настоящей кульминации фильма он выдает грандиозную пантомиму, изображая своим гигантским телом, как доводит любимую до смерти щекоткой. Буквально душит смехом; то же самое он регулярно проделывает со своей публикой. И, рискованно повышая градус, доходит до шуток о холокосте, от которых веет реальной смертью, а это оказывается публике совсем не по нраву. В фильме находится место даже шаржу на движение MeToo; куда денешься от него, раз уж интимные сцены между Драйвером и Котийяр (во время которых они поют речитативы!) пришлось снимать с сексуальным инструктором.

В этом сюжете со всей очевидностью проявился драматизм личной биографии самого Каракса, некогда пережившего бо-

лезненный разрыв с его первой музой Жюльет Бинош, а потом потерявшего вторую — Катю Голубеву, которая добровольно, но явно под гнетом обстоятельств ушла из жизни. Насте, дочери Голубевой и Каракса, посвящена картина. Самым неожиданным образом проявляет себя давшая ей название крошка Аннетт: до последнего момента она фигурирует в виде движущейся, как бы живой куклы на шарнирах, что придает и без того безумной конструкции мюзикла еще большую сюрреалистичность.

Наракс на новом витке кинематографа возрождает дух фильмов Кокто и Карне, но также мюзиклов Жака Деми. «Аннетт» — это «Шербурские зонтики» эпохи, когда романтизм, если он еще где-то жив, окрасился ядовитыми мизантропическими красками и озвучен пост-авангардными мелодиями группы Sparks, ничуть не похожими на гармоничные пассажи Мишеля Леграна.

Но вот что характерно. Те же «Шербурские зонтики» победили когда-то на Каннском фестивале именно своей экстравагантностью. Тем, что взорвали кинематографический пейзаж — как взорвали его впоследствии «Фотоувеличение» Антониони, «Таксист» Скорсезе или «Криминальное чтиво» Тарантино. «Аннетт» же, с присущим ей холодком вымученного нарциссизма, такого эстетического взрыва все же не произвела, пройдя по разделу благородной усталой классики. Чтобы лидировать в современном контексте, ока оказалась недостаточно «квир».

Если Каракс — режиссерская звезда пост-модернистских 1980-х (его стиль тогда величали «новым барокко», а его персонажей — «новыми дикими»), Франсуа Озон и Брюно Дюмон — культурные герои поздних 1990-х. Одна из короткометражек Озона рассказывает об убийстве отца семейства, эта навязчивая гротескная тема присутствует и в его «Крысятнике», и в «8 женщинах». Перейдя из ка-

тегории молодых радикалов в контингент солидных режиссеров среднего возраста, Озон меняет оптику — с хулиганской и саркастической на примиряющую и снисходительную. Фильм «Все прошло хорошо» воспроизводит финал жизни старика, разбитого инсультом и ставшего обузой не только для близких, но и для самого себя. Его просьба об эвтаназии и технология исполнения этой просьбы дочерьми, готовыми даже вступить в конфликт с законом — сюжет картины, в реальности пережитый известной парижской семьей и ставший основой документальной повести. А внутренний сюжет — притягательность смерти как высшего выражения любви.

Озон уже успел снять почти всех главных звезд Франции, во всяком случае, их женскую половину. В новом фильме, где основной декорацией служит больница, режиссер снова собирает компанию актеров-ветеранов. Андре Дюссолье безошибочно имитирует мимику и конвульсии паралитика, в роли его жены, страдающей болезнью Паркинсона, на несколько минут появляется Шарлотта Рэмплинг, а не менее харизматичная Ханна Шигулла играет Доктора Смерть, помогающую герою уйти из жизни. Да и Софи Марсо (одна из дочерей, в жизни — сценаристка Эмманюэль Бейдем, на нескольких проектах работавшая с Озоном) тоже уже относится к ветеранской гвардии. Фильм элегантно балансирует между меланхолией и шаржем на буржуазно-артистическую элиту, в среде которой разыгрывается действие. Здесь давно решили все проблемы, кроме одной — как максимально безболезненно покинуть этот грешный мир.

Однако ни бывший насмешник Озон, озаботившийся проблемами стареющего общества, ни Дюмон, представивший едкий памфлет на политическую журналистику под названием «Франция», каннских наград не снискали и ключевыми событиями фестиваля не стали. Хотя во «Франции» режиссер и актриса Леа Сейду не пожалели усилий, что-

бы крупным планом показать двусмысленное, лицемерное и самовлюбленное лицо политической журналистики. Сверхпопулярная теле-репортерша по имени Франс напрямую задает вопросы Франсуа Макрону, лихо берет интервью у жены маньяка и под камеру сопровождает мигрантов, пересекающих Средиземное море (то, что это наполовину инсценировка, входит в правила игры). Героиня, чья внешность — живое воплощение гламурной Франции, даже ведет репортаж «под пулями» из горячей ближневосточной точки, появляясь в кадре с исламскими боевиками. При этом не забывает выставить себя в выгодном ракурсе и упомянуть в положительном ключе политику Франции. У Франс есть свой национальный прототип, но он легко находит аналоги в других странах. В России им могла бы стать, предположим, Маргарита Симоньян, если бы вдруг, подобно Франс, обнаружила в себе способность сопереживать и комплексовать. Однако неоднозначный образ, созданный Дюмоном и Сейду, тоже не вызвал больших турбуленций в Каннах. Потому что все в нем, включая смену фирменных нарядов и роскошную парижскую квартиру, где обитает Франс, достаточно предсказуемо: гротеск не слишком отрывается от реальности, а сатира по-настоящему не сплавляется с мелодрамой.

Незаконной кометой на каннском небосклоне промелькнула франко-нидерландская «Бенедетта» Пола Верховена, которая выйдет в российский прокат (если не запретят) под безликим названием «Искушение». 83-летний режиссер, уже подытоживший свой мудро-циничный взгляд на «основной инстинкт» в фильме «Она», отбрасывает современный антураж и бросается в низкий жанр *nunsplotation*, рассматривающий монашек как сексуальный объект. При этом фильм основан на реальных событиях: они разыгрываются в 17-м веке в монастыре в итальянском городе Пеша. Главная героиня Бенедетта (мощная роль бельгийки Виржини Эфира) одержима страстью к Христу, превышающей все католические стандарты

и реализуемой в снах — в то время как в реальности она дарит свои ласки молодой послушнице. Это не мешает Бенедетте получить статус святой и стать мессией для монастырской паствы. На экране — триумф женской обнаженки, инквизиторские пытки, адские интриги с участием греховного нунция (Ламберт Вильсон) и старшей монашки (большая эффектная роль Шарлотты Рэмплинг), наконец, наступление на Тоскану бубонной чумы, вызывающее вполне современные аллюзии. Провокативно актуально звучит и тема обожествления феминности. В общем, в фильме есть на что посмотреть, особенно учитывая, что и секс, и массовые костюмные сцены со статистами и лошадьми сняты без злоупотребления компьютерной техникой, по-настоящему.

Верховен, вероятно, последний режиссер, не поддавшийся ни соблазнам технологий, ни заповедям политкорректности. Это кино сражает своей бешеной энергией, и, вопреки «низкому жанру», оказывается вписано в высокий контекст антиклерикального кинематографа, помеченного именами Луиса Бунюэля и Ульриха Зайдля. Хлесткий комментарий к сегодняшнему всплеску морального лицемерия и цензурной паранойи.

Нвсе же «Бенедетта» — это кино вчерашнего дня. Сегодняшний и, потенциально, завтрашний представляет «Титан». Фильм, который действительно «взорвал» фестиваль и в итоге стал его триумфатором, завоевав Золотую пальмовую ветвь. Органичный титановый сплав, злой, трансгрессивный боди-хоррор, мутировавший потомок классической страшной сказки. Его сняла Жюли Дюкурно — восходящая звезда французской режиссуры, пять лет назад прошумевшая в Каннах каннибальским триллером «Сырое».

Алексия, героиня новой картины — девочка с травмированной психикой и титановой пластиной в голове, вшитой после

аварии — вырастает в девушку с тяжелым взглядом и нравом, с ней лучше не встречаться в темном переулке. Она танцует в ночном клубе, в техно-эротических шоу. Стриптиз и мастурбация на капотах ретро-машин — ее профессиональный конек. Позднее выясняется, что автомобили — не просто фетиш, с ними можно реально совокупляться и даже забеременеть, произведя на свет детеныша-киборга. Когда же на пути героини появляются живые люди, пусть даже поклонники, это кончается для них плохо: Алексии ничего не стоит отправить очередного человечка на тот свет, используя подручные средства — например, спицу для волос.

Далее в жизни чумовой девицы, на которую уже идет полицейская охота, происходит судьбоносная встреча. Начальник пожарной команды десять лет ищет пропавшего сына. Алексия перевязывает скотчем груди и раздувшийся живот, обрезает волосы, ломает нос о раковину вокзального туалета, чтобы стал с горбинкой — и превращается в Адриена. В этом трансгендерно нейтральном существе отчаявшийся отец признает утраченного отпрыска. Алексию/Адриена играет «небинарная» Агат Руссель, печального пожарника — Венсан Линдон, фирменное воплощение маскулинности. Но здесь и она дает сбой: иначе зачем командир пускается в странные танцы с молодыми пожарниками? Рисуя мрачный мир пост-гендера и техно-триумфа, «Титан» тем не менее оставляет место для пост-гуманизма. И если в первой половине картины машина-киборг заменяет, перечеркивает человека, во второй сама эта машина очеловечивается, а отношения отца с сыном или дочерью окрашиваются, хоть и не лишены иронии, но все же сентиментальными тонами.

«Титан» — не столько фильм-открытие, сколько фильм-губка, впитавший наиболее радикальные тренды последних десятилетий. Четверть века назад в Каннах произвела фурор «Автокатастрофа» Дэвида Кроненберга: в ней была обыграна сексуальность разбивающихся вдребезги элегантных автомобилей, а покалеченные герои испытывали при этом мощный оргазм. «Титан» — то ли сын, то ли дочь «Автокатастрофы», но это порождение уже новой эпохи мутирующего гендера, кибер-феминизма и квир-феминизма, когда понятия «нормы» и «отклонений» от нее оказались окончательно похерены.

Это также пощечина «папиному» французскому кино хорошего тона и вкуса, в том числе авторскому. К нему, да-да, приписаны теперь и недавние возмутители спокойствия — и Леос Каракс, и Брюно Дюмон, и Франсуа Озон. Даром что первые двое были одними из пионеров арт-порно, а третий — певцом бисексуальности. Их художественный опыт уже принадлежит прошлому, а сегодня скорее оказывается востребовано «мамино кино» — экстремальные ленты Клер Дени и Катрин Брейя, а также Гаспара Ноэ, существующего особняком во французской киносемье.

Если все перечисленные имена в прошлом провоцировали хотя бы локальные скандалы, победа «Титана» практически не вызвала протестов, а слухи о падавших в обморок на этом фильме распускали только замшелые ретрограды. Титановый сплав оказался прочным, а квир-код, которым помечена картина Дюкурно, безошибочно считан фестивальным истеблишментом.

© Текст: Андрей Плахов

АЛФАВИТ ИОСИФА БРОДСКОГО

ЕКАТЕРИНА МАРГОЛИС

МАСТЕРСКАЯ ПУСТОТЫ

В худшем случае, карандаш или игла художника изобразят пейзаж без нас. Очарованный дымкой, далью, глаз художника вправе вообще пренебречь деталью

[И.А. Бродский. *Посвящается Пиранези (1993-1995)*]

«Евреи дорого заплатили за свой монотеизм, — сказал как-то Шагал — во имя его им пришлось отказаться смотреть на мир глазами, а не только душой».

Двадцатый век ознаменовал прорыв. Бродский-художник уже наследник этой новой традиции: он мог с самого начала ни от чего не отказываться.

«Изобрази», — шепчет зимний свет, налетев на кирпичную стену больницы или вернувшись в родной рай фронтона Сан-Закариа после долгого космического перелета. И ты чувствуешь усталость этого света, отдыхающего в мраморных раковинах Закариа час-другой, пока земля подстав-

ляет светилу другую щеку. Таков зимний свет в чистом виде. Ни тепла, ни энергии он не несет, растеряв их где-то во вселенной или в соседних тучах. Единственное желание его частиц — достичь предмета, большого ли, малого, и сделать его видимым. Это частный свет, свет Джорджоне или Беллини, а не Тьеполо или Тинторетто. И город нежится в нем, наслаждаясь его касаниями, лаской бесконечности, откуда он явился. В конечном счете, именно предмет и делает бесконечность частной».

Дело художника — сделать частное, не видимое для других, видимым. Показать. Предложить свое зрение в качестве оптического прибора. Минус-пространство — всего лишь один из приемов.

Собственно, если примирить в себе извечный спор визуального и вербального, нарисовать и записать — по сути, это одна и та же возможность. Назвать — значит вызвать к жизни, вслед за Адамом. Изобразить — явить глазам другого. Увидеть своими глазами — утвердиться в реальности чего-то. «Я увижу Его сам, мои глаза, не глаза другого, увидят Его» — говорит Иов.

Зияние отсутствия — то же минус-пространство собственного будущего. Всякий человек по знанию конечности собственной жизни знает, что оно неизбежно. Отсутствие в пространстве тела, подчиняющегося неотменяемому закону ограниченности его времени.

Пустота раздвигается, как портьера.

Да и что вообще есть пространство, если

Не отсутствие в каждой точке тела? (*Ура-ния*)

Бродский превращает этот художественный прием в жизненный выбор. Будь то ссылка, эмиграция или четкий силуэт собственного будущего отсутствия в мире, он их соавтор, а не жертва:

Что, в сущности, и есть автопортрет. // Шаг в сторону от собственного тела, // повернутый к вам в профиль табурет, // вид издали на жизнь, что пролетела. // Вот это и зовется «мастерство»: // способность не страшиться процедуры // небытия — как формы своего // отсутствия, списав его с природы (*На выставке Карла Вейлинга, 1984*).

Оглядываясь ли назад, глядя ли вперед, он сам задает пропорции этого отсутствия:

Теперь меня там нет. // Означенной пропаже дивятся, может быть, лишь вазы в Эрмитаже. // Отсутствие мое большой дыры в пейзаже // не сделало; пустяк; дыра, но небольшая... (*Пятая годовщина, 1977*)

...Плещет лагуна, сотней // мелких бликов тусклый зрачок казня // за стремление запомнить пейзаж, способный // обойтись без меня. (*Венецианские строфы (2), VIII, 1982*)

Словно водный знак (Watermark), собственное присутствие едва заметно. Исчезновение просто, как следы на воде. Не насилие, не вытеснение — закон оптики:

Нарисуй на бумаге пустой кружок, это буду я: ничего внутри. Посмотри на него и потом сотри («*То не Муза воды набирает в рот...*»).

Ю.М. Лотман о Бродском: Смерть — это тоже эквивалент пустоты, пространства, из которого ушли <...>. «Белое пятно» пустоты вызывает в поэтическом мире Бродского два противопоставленных образа: опустошаемого пространства и заполняемой страницы. Не слова, а именно текст, типографский или рукописный, образ заполненной страницы, становится, с одной стороны, эквивалентом мира, а с другой — началом, противоположным смерти: «Право, чем гуще россыпь // черного на листе, // тем безразличней особь // к прошлому, к пустоте // в будущем. Их соседство, // мало проча добра, // лишь ускоряет бегство // по бумаге пера» (*Строфы, XII*); «...И мы живы, покамест // есть прощенье и шрифт» (*Строфы, XVIII*). Опустошение Вселенной компенсируется заполнением бумаги <...>: текст позволяет сконструировать взгляд со стороны «шаг в сторону от собственного тела», «вид издали на жизнь».

ОБРАТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Мы умираем много раз. И язык наш. И глаз. Умирает наш первый младенческий космополитический лепет, сменяясь членораздельными словарными словами родного языка. Умирает взгляд ребенка, жадно вбирающий глазами первые образы, которые ему, по счастью, еще нечем назвать и некуда расклассифицировать. Умирает угловатый самосозерцающий подросток. От всего человека остается часть речи. От глаза — часть света. Речь и хранит отпечаток того, что запечатлела сетчатка закрывшегося навсегда, сияясь вернуть образы новому глазу читающего или смотрящего.

В искусстве параллельные линии сходятся. В этом суть науки перспективы. Как и стро-

ка, перспектива кончается точкой. Точка схода линий на горизонте — по-русски называется точкой схода. Множество всех этих точек составляет линию горизонта. По-английски: vanishing point (точка исчезновения или исчезающая точка) По-итальянски же эта точка именуется punto di fuga. Точка побега.

И то, и другое равно верно. Исчезновение в перспективе и встреча в точке.

Значит, нету разлук. // Существует огромная встреча (От окраины к центру, 1962);

Перспектива — целая глава в визуальном трактате Бродского. И прямая, и обратная. Начиная, со «Сретенья»: «Светильник светил и тропа расширялась» и в том же году «На смерть Бобо»: «Твой образ будет, знаю наперед, в жару и при морозе-ломоносе не уменьшаться, но наоборот — в **неповторимой перспективе Росси**». Так классическая линейная перспектива города совмещается с иконописной обратной.

В прошлом те, кого любишь, не умирают! // В прошлом они изменяют или прячутся в перспективу (*Вертумен, 1990*). Однако, присутствие в точке схода было бы почти не приметно, если бы не очертания исчезновения, след как знак бывшего присутствия, если бы не память, если бы не слово, если бы не его образ. Чем незримей вещь, тем верней, что она когда-то существовала // на земле, и тем больше она — везде (Римские элегии, XII). Сохраняется то, что исчезает. Следы выпитого кофе. Смытые прибором образы. Вещи-слова. Их очертания, возникающие из чередования линий и пустот. Окно, стекло, тело, пальто, облако... Эти частые герои стихов Бродского нейтральны не только грамматически (средний род, neutrum), не только музыкально, но и просто графически — «о» в конце, ноль, дыра, крутящаяся пластинка, пронзительная нота тишины: Переводя иглу с гаснущего рыдания, // тикает на стене верхнего «до» свиданья, // в опустев-

шей квартире, ее тишине на зависть, // крутится в темноте с вечным молчаньем запись (*Памяти профессора Браудо, 1970*).

Все прорастает через боль, но человеческая память устроена так, что не помнит боли как таковой, не может воспроизвести ее в себе — в этом залог продолжения жизни и сохранения вида. В том числе, вида на горизонт. Или обратного вида — где «О» сжимается до финальной точки схода (исчезновения, побега) на горизонте.

И лучшая в мире лагуна с золотой голубятней
сильно сверкает, зрачок слезя.
Человек, дожив до того момента, когда
нельзя
его больше любить, брезгуя плыть противу
бешеного течения, прячется в перспективу.
(*В Италии, 1985*)

АЗБУКА ПРОСТРАНСТВА

Ребенок — это прежде всего эстет:
он реагирует на внешность,
на видимость, на очертания и формы.
(*Полторы комнаты*)

Вглядываясь в обратной перспективе жизни из ободранных стен Венеции — своего рода автопортрета, по меткому замечанию Лосева («проступающая из-под осыпающейся штукатурки кирпичная кладка венецианских зданий сравнивается с клеточным строением человеческой плоти, лабиринт узких улиц — с мозговыми извилинами, а тускло освещенные подъезды — с воспаленным горлом. Кажется, что читатель имеет дело с гротескным автопортретом в духе Арчимбольдо — составленным из элементов урбанистического пейзажа. Собственно, автор так прямо и говорит вначале: «[С]частье, я полагаю, это момент, когда замечаешь свои собственные составные элементы

в свободном состоянии. Довольно много было их там, в состоянии полной свободы, и мне казалось, что я вступаю в свой собственный автопортрет, написанный в технике холодного воздуха» (Watermark, 7) (Лев Лосев «Реальность Зазеркалья, *Иностранная литература*, номер 5, 1996), в стены Полутора Комнат, в трещины штукатурки, в пейзаж за окном, соразмеряя себя с пространством, невозможно не думать о том, как и что видел маленький мальчик.

Его формировала прежде всего архитектура родного города и дома.

Джон Берджер в эссе о художниках нередко пишет о «первых зрительных впечатлениях». Так он связывает будущее творчество Тернера с тем, что тот был сыном цирюльника и с детства всматривался в переливы летающих по комнате мыльных пузырей и пены для бритья, Курбе же, например, по его мнению, выстроил весь свой колорит на основе палитры горных пород французских Vogezов, где провел свое детство. И хотя подобные рассуждения не лишены доли спекуляции, в них безусловно есть и своя правда.

Как мы смотрим? Что мы видим за тем, что еще не видимо никому, кроме нас?

Палимпсест зрительных образов, впечатлений, картин — наша визуальная биография, как и читательский опыт — неизбежный фильтр — обогащающий, но и препятствующий видению с «чистого листа» и чистого листа. Приезжая в новый город, мы узнаем в нем уже прочитанное или увиденное ранее на фотографиях и картинах. С возрастом пустота белого неизбежно уже таит в себе проекцию внутреннего видения или видения.

Про книги мы говорим «увидел свет». Про рождение человека — «появился на свет».

Лишь редким счастливым не изменяет на протяжении всей жизни видение в первоначальном свете, не сменяется обычным замысленно-насмотренным взглядом взрослого, в кото-

ром всему отведено свое место и имя, но который всю жизнь тоскуя по тому первому визуальному раю-космосу ищет прежде всего в путешествиях всё новых впечатлений, для которых у него еще нету готовых форм и слов, но в которых вновь и вновь он обречен узнавать увиденное до этого другими.

Пространство предшествует листу. Современная психология учит нас, что самое главное доречевое знание ребенка — это представления о собственном теле. О его положении и границах, данное в тактильных ощущениях.

«Ввела меня мать в огромный дом — возможно, это был Исаакиевский собор, — и меня страшно поразило ощущение масштабности, соотношения меня маленького с огромностью кубатуры здания. Трудно передать сущность этого пространственного ощущения, но оно не повторялось потом в жизни, и я знаю, что я его искал потом, оно меня толкало всю жизнь на поиски соотношений форм, могущих воспроизвести такое ощущение планетарного порядка. Ощущение планетарного порядка в маленьком ребенке! Его можно назвать опытом проживания масштабности жизни. Ведь архитектура, например, — если речь идет о настоящей архитектуре — утверждает своими формами именно это: масштабность и значительность, но не самого здания, а чего-то, что не может быть названо, но может быть явлено с той ясностью, которая уже не требует имен. Оставаясь в кругу соразмерных его возрасту явлений, ребенок никогда по-настоящему не вырастет. <...> Рост случается там, где открывается нечто, что он, такой, какой он есть, не может вместить. Здесь и возникает усилие роста, без которого ничего не случается: усилие постижения, усилие сопоставления себя — с большей размерностью, с большей сеткой координат. <...> А чтобы внутренняя жизнь вообще зародилась и состоялась, необходимы те встречи, те события восприятия — будут ли это своды и высо-

та купола Исаакиевского собора или что-то другое, — которые на самом деле задают человеку его настоящий масштаб, позволяют увидеть, что ты мал, но можешь быть велик, и не в тщеславии пустого величия, а в соединенности с большим объемом жизни и большим временем, которые проявлены и даны нам для восприятия в камне, слове, звуке.» (Петров-Водкин)

Не в этом ли знаменитое «величие замысла»?

«Возможно, искусство есть просто реакция организма на собственную малоемкость» — говорит Бродский.

ПРОСТРАНСТВО АЗБУКИ

Двуногое — впрочем, любая тварь (ящерица, нетопырь) — прячет в своих чертах букварь, клеточную цифирь.

(*Полдень в комнате*, 1978)

Поэт впадает в зависимость от языка. Поэт-художник же в самом широком смысле впадает в зависимость не только от языка, но и от алфавита, от очертания букв и звучания фонем.

Свойство подобия языковых знаков тому, что они обозначают, в лингвистике и семиотике именуют иконичностью. Термин этот вы-

бран не случайно. Поэзия Бродского предельно иконична не только в строго семиотическом понимании этого слова.

Венеция снабжает слово и каждую букву отражением.

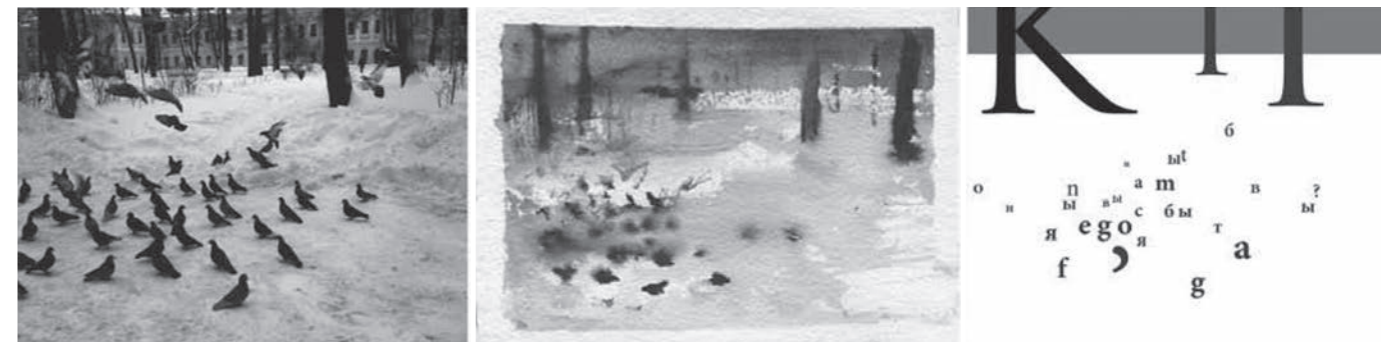
Иконичность буквальности. Буквальность ироничности.

Знаки поэтического букваря Бродского по изобразительной силе достигают наглядности иероглифики (а временами и нотной записи вплоть до акустического звукоподобия).

И как нередко бывает, прямые декларации отступают перед свойствами языка, перед связями синтаксиса, перед внутренней формой слова. Язык говорит о себе и за себя. Подобным образом, продолжая традицию иконописи, в изобразительном искусстве материал и техника могут говорить о своей природе и метафизике: Белая бумага — *tabula rasa*, *terra incognita*. Всякая линия на ней — сам путь и одновременно его след, карта этого пути, маршрут. Эстамп — отпечаток, импринтинг, гештальт. В венецианской акварели вода изображает саму себя. Через фотографию говорит свет.

Буквы рисуют черно-белую фотографию самих себя, увиденных глазами пишущего или читающего их.

Мы не знаем, кто учил читать и писать сына фотографа. Возможно, как раз отец. Или мать. Но именно черно-белые образы букв — это первое, что видит ребенок одновременно с черно-белыми снимками отца.

«В мире Бродского, кроме вещи и пустоты, есть еще одна сущность. Это буквы, и буквы не как абстрактные единицы графической структуры языка, а буквы-вещи, реальные типографские литеры и шрифты, закорючки на бумаге. Реальность буквы двойка: с одной стороны, она чувственно воспринимаемый объект. Для человека, находящегося вне данного языка, она лишена значения, но имеет очертания <...>. С другой — она лишь знак, медиатор мысли, но медиатор, оставляющий на мысли свою печать. <...> Она стоит между: между вещью и значением, между языком и реальностью, между поэтом и читателем, между прошлым и будущим... Она в центре и в этом подобна поэту. С этим, видимо, связано часто возникающее у Бродского самоотождествление себя с графикой: “Как тридцать третья буква // я пячусь всю жизнь вперед. // Знаешь, все, кто далеко, // по ком голосит тоска // жертвы законов речи, // запятых, языка. // Дорогая, несчастных // нет, нет мертвых, живых. // Все — только пир согласных // на их ножках кривых...” (Строфы, X-XI).»

Лотман Ю.М., Лотман М.Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 848 с.

Не в сходстве городов, а в созвучности текстов: через буквы, через просветы между кириллическим лесом и архитектурной стройностью латиницы из посмертной Венеции отчетливо просматривается Ленинград его детства.

Возможно было бы составить своего рода азбуку Бродского:

А

*...и подвезды, чье небо вспалено ангиной
лампочки,
произносят “а”*

(Венецианские строфы (1), 1982)

*Цветы с их с ума сводящим принципом
очертаний, // придающие воздуху за стеклом
помятый//вид, с воспаленным “А”,
выглядым то гортанней, //то шепелявей,
то просто выкрашенным помадой
(Цветы, 1993)*

Б

*...Мелкие, плоские волны моря на букву “б”,
//сильно схожие издали с мыслями о себе
(Келломяки, 1982)*

*Люди выходят из комнат, где стулья
как буква “б”//или как мягкий
знак, спасают от головокруженья (Новая
жизнь, 1988).*

В

В облике буквы «в» явно дает гастроль восьмерка — родная дочь бесконечности, столь свойственной синеве, склянке чернил и проч.

*...При расшифровке «вода»,
обнажив свою суть,
даст в профиль или в анфас
«бесконечность-о-да»;
то есть, что мир отнюдь
создан не ради нас.
(Тритон/Моллюск, 1994)*

Ну тогда уже и «восемь»

... Надо ли объяснять, что ограда казалась гораздо интереснее, чем внутренность собора с его запахом ладана и куда более статичной деятельностью. «Видишь их? — спрашивает отец, ука-

зывая на тяжелые звенья цепи. — Что они напоминают тебе?» Я второклассник, и я говорю: «Они похожи на восьмерки». — «Правильно, — говорит он. — А ты знаешь, символом чего является восьмерка?» — «Змеи?» — «Почти. Это символ бесконечности». — «Что это — бесконечность?» — «Об этом спроси лучше там», — говорит отец с усмешкой, пальцем показывая на собор. (Полторы Комнаты)

8

*Шум ливня воскрешает по углам...
И вечер делит сутки пополам,
как ножницы восьмерку на нули —
а в талии сужает циферблат,
с гитарой его сходство озарив.
(1990 г.)*

Симметричность бесконечности сродни четности.

« — В вашем стихотворении “Полдень в комнате” (1978), которое состоит из 16 частей, цифры играют какую-то особенно важную роль: Воздух, в котором ни встать, ни сесть, ни тем более лечь, воспринимает “четыре”, “шесть”, “восемь” лучше, чем речь.

— Ну, воздух проще, кратней делится на два, то есть удобоваримей, то есть элементарней. Тут очень простая логика. Она дальше в стихотворении развивается. Я даже помню, как это дальше. Воздух неопишуем, то есть неопишываемый; воздух — не предмет литературы; можно сказать, он чистый, замечательный и т.д., но он в общем не оцениваем. И 2, 4, 6 — это такие нормальные, близкие, кратные цифры. Обратите внимание, 16-я песнь “Инферно” делится на два.

— А как нам понимать сравнение: “Муха вьется в стекле, жужжа как ‘восемьдесят’”. Или — “сто”?

Это очень просто. “Восемьдесят” — это фонетика, это просто чистое звукоподражание, так же, как и “сто”. [Polukhina 1989: 167]

А «пара старых эмигрантов, доживающая свои дни во Флоренции Данте, превращается в “две старые цифры 8”». Параллель между домом Данте и домом Мурузи возникает уже во второй строфе («твой подъезд в двух минутах от Синьории»), где город Данте сливается с родным городом автора, жившего в нескольких минутах ходьбы от «Большого дома», здания Ленинградского управления КГБ. Дополнительно указывает на это слово «подъезд», не вполне уместное во флорентийских декорациях, но обычное в советском городе. Учитывая известное внимание Бродского к цифрам, можно гипотетически предположить, что в строчке «в прихожей вас обступают две старые цифры “8”» для поэта, многократно писавшего адрес на открытках и письмах родителям, также зашифрована ленинградская деталь: цифры 2 и 8 составляют номер квартиры поэта в доме Мурузи — 28.

Нечетность же оказывается синонимом простоты во всех смыслах от математического до человеческого:

1983

Первый день нечетного года. Колокола выпускают в воздух воздушный шар за воздушным шаром, составляя компанию там наверху шершавым, триста лет как раздевшимся догола местным статуям. Я валяюсь в пустой, сырой, желтой комнате, заливая в себя Бертани. Эта вещь, согреваясь в моей гортани, произносит в конце концов: ‘Закрой окно’. Вот и еще одна комбинация цифр не отворила дверцу; **плюс нечетные числа тем и приятны сердцу, что они заурядны**; мало кто ставит на них свое состоянье, свое неименье, свой кошелек; а поставив — встают с чем сели...

Чайка в тумане кружится супротив часовой стрелки, в отличие от карусели.

Круговорот, вращение, циферблат, телефонный диск и даже кружение птицы — все это формы зрительного существования цифр.

9

Ты узнаешь меня по почерку. В нашем ревнивном царстве все подозрительно: подпись, бумага, числа. Даже ребенку скучно в такие цапки; лучше уж в куклы. Вот я и разучился. Теперь, когда мне попадается цифра девять с вопросительной шейкой (чаще всего, под утро) или (заполночь) двойка, я вспоминаю лебедь, плывущую из-за кулис, и пудра с потом щекочат ноздри, как будто запах набирается как телефонный номер или — шифр сокровища. (*“Ты узнаешь меня по почерку”, 1987*)

Адресаты стихов не меняют адресов.

МК (Марианна Кузнецова), которой посвящено это стихотворение, действительно жила в Ленинграде на улице Зодчего Росси, дом 2, кв. 91. Она и останется жить в этих буквах и цифрах в неповторимой обратной перспективе Росси.

В стихах незаконченная школьная премудрость находит свое визуальное воплощение за рамками прямоугольных страниц учебников.

«Из всех школьных предметов меня больше всего привлекали геометрия и тригонометрия. Насколько я

теперь понимаю, они привлекали меня тем, что являются иероглифической письменной системой безлюдного пространства”.

На опустевших во время ковидного карантина улицах, временами так напоминавших картины де Кирико (так любимого поэтом именно за безлюдность чистого пространства), художника, который в свою очередь построил всю свою живописную поэтику на изучении классиков итальянского Ренессанса и увеличенных архитектурных идеальных перспектив Пьеро дела Франческо, Альберти, Рафаэля, я часто ловила себя на мысли, что вот он, идеальный венецианский текст Бродского.

«В живописи это всегда был (думаю, уже на протяжении лет двадцати) самый замечательный, на мой взгляд, художник — опять-таки мы говорим о старых добрых временах, о Ренессансе в данном случае, — Пьеро дела Франческа. Одно из сильнейших впечатлений — то, что для него задник, архитектура, на фоне которой происходит решающее событие, которое он живописует, важнее, чем само событие или, по крайней мере, столь же интересно. Скажем, фасад, на фоне которого распинают Христа, ничуть не менее интересен, чем сам Христос или процесс распятия»*. (Континент. 1990)

Сам же город стал похож на все более разреженный набранный текст. Позволю себе автотитату:

«Если представить город как набранный текст, то в начале карантина плотный газетный набор постепенно становился размеренно-книжным, потом пошли развороты вразрядку, а сейчас он и вовсе рассыпался на отдельные литеры, не все из которых даже принадлежат человеческому алфавиту. И все больше белых листов каждому отдельному человеку приходится заполнять самому. Каким будет новый посткарантинный текст, не знает никто». («Карантинные хроники»)

(Авто)портрет, пейзаж, набросок в виде буквы-иероглифа — развивается у Бродского в целый жанр.

Г

— Как ты жил в эти годы? — Как буква «г» в «ого» (Темза в Челси, 1974).

Ж — многоноготь-многорукость-ветвистость:

Сад густ, как тесно набранное ‘Ж’. (*Гуернавака, 1975*)

Полицейский на перекрестке машет руками, как буква «ж» (*Декабрь во Флоренции, 1976*)

Жужжанье мухи, // увязшей в липучке, — не голос муки, //но попытка автопортрета в звуке «ж» (*Эклога 5-я (летняя), 1981*);

О букве шестирукой, ради тебя в тетради расхристанной (Муха, 1985).

Л — морфологическое прошлое и графическое восхождение графически Предел отчаяния. **Общая вершина.** Глаголы в длинной очереди к «л» (*На выставке Карла Вейлинка, 1984*)

М — особая буква-инициал.

Человек превращается в шорох пера по бумаге, в кольца, петли, клинышки букв и, потому что скользко, в запятые и точки. Только подумать, сколько раз, обнаружив «м» в заурядном слове,

перо спотыкалось и выводило брови! (*Декабрь во Флоренции, 1976*)

Денис Ахапкин пишет, что в комментарии к автопереводу Бродский указывает на дантовский источник, сообщая, что эти строки «отсылают к средневековой традиции, согласно которой черты лица представляют собой буквы во фразе OMO DEI [человек Божий]» [Brodsky 2000: 151].

Соответственно, появляется еще один взгляд (из-под бровей) — обладательницы инициала «М», Марины Басмановой. И этот взгляд объединяет в процессе письма чужой город и воспоминания о доме.

Брови (те самые!) — из портрета превращаются в отдельный иероглиф в этой азбуке.

«... что удивленно поднятая **бровь**, как со стекла автомобиля — дворник» (“Шесть лет спустя”, 1968)

«... и на севере поднимают бровь» (“Кольбельная трескового мыса”, 1975)

Брови домиком — мысль, образ, память о доме. Приют в портретных чертах Человек-дом-без дома (*Разговор с небожителем, март-апрель 1970*)

О — начало и конец, вдох, воздух, ноль, ab ovo и далее в бесконечность:

* Возможно, Бродский путает картины, т.к. «Распятие» Пьеро дела Франческо написано как раз на ровном золотистом иконоподобном фоне, что касается фасада и прочих архитектурных деталей, то они представлены на картине «Бичевание Христа». Вероятно, имеются в виду фрески из цикла в базилике Сан Франческо в Ареццо «История животворящего Креста», изобилующие архитектурными деталями, или же контаминация из нескольких произведений этого цикла.

© Венеция. Фото: Екатерина Марголис

Предвижу появление языка, //где слово
яйцо вновь округлится// до буквы О. <...>
Но идеальные нули бесплодны (*Ab ovo*, 1996,
пер. В.Куллэ)

В царстве воздуха! В равенстве слога глотку //
кислорода. В прозрачных и сбившихся
в облако//наших выдохах. В том мире, где,
точно сны к потолку, // к небу льнут на-
ши «о!», где звезда обретает свой облик, //
продиктованный ртом. //<...> //Воздух —
вещь языка. // Небосвод — //хор соглас-
ных и гласных молекул, //в просторечии —
душ.
(*Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова*,
1974)

У — улица, уходящая перспективу эхом:

... и улица вдалеке сужается в букву «У»
(Всегда остается возможность
выйти из дому на..., 1976);

на площадях, как «прощай», широких, и ули-
цах узких, как звук
«люблю»
(*Лагуна*, 1973)

Ы — рыдание, плач, вой, трагедия:

Из гласных, идущих горлом, //выбери «ы»,
придуманное
монголом. //Сделай его существительным,
сделай его глаголом, //наречьем и междо-
метием. «Ы» общий вдох и выдох! //«Ы»
мы хрипим, бляя от потерь и выгод//ли-
бо — кидаясь к двери с табличкой «выход»
(*Портрет трагедии*, 1991)

О, неизбежность «ы» в правописаньи «жиз-
ни»!
(*Декабрь во Флоренции*, 1976)

«Ы» в русской поэтической традиции
воспринимается как специфически рус-
ский, азиатский звук. Здесь можно вспо-
мнить не только Бродского, но и Батюшкова,
в письме Гнедичу сетовавшего на неблаго-
звучие русского языка по сравнению с ита-
льянским: «И язык-то по себе плоховат, гру-
бенек, пахнет татарщиной. Что за *ы*, что за *ш*,
что за *щ*, *ший*, *пры*, *тры*? О, варвары! А писа-
тели? Но бог с ними! Извини, что я сержусь
на русский народ и на его наречие. Я сию ми-
нуту читал Ариоста, дышал чистым возду-
хом Флоренции, наслаждался музыкальны-
ми звуками авзонийского языка и говорил
с тенями Данта, Тасса и сладостного Пет-
рарки, из уст которого что слово, то блажен-
ство!» ([Батюшков 1886: 164—165]) Ср. так-
же отрывок из «Шума времени» Мандельшта-
ма: «Защекочут ей (Бозио. — Д.А.) маленькие
уши: “Крещатик”, “щастие” и “щавель”. Будет
ей рот раздирать до ушей небывалый, невоз-
можный звук “ы”» [Мандельштам 1991: 8].
Ср. также: «Как известно, *ы* является спец-
ифическим звуком, не встречающимся в за-
падноевропейских языках» [Щерба 1983: 70].
(*Д. Аханкин, Звезда №5 2020*)

По утрам, когда в лицо вам никто
не смотрит,
я отправляюсь пешком к монументу, кото-
рый отлит
из тяжелого сна. И на нем начертано:
Завоеватель.
Но читается как «завыватель». А в пол-
день —
как «забыватель».
1986

Ь

... На мягкий в профиль смахивая знак
И «восемь», но квадратное в анфас,
(*Посвящается стулу, весна 1987*)

Я

И последняя буква: сравнение себя с Лотовой женой? Привет Ахматовой?

«Как тридцать третья буква я пячусь всю жизнь назад»

Впрочем, буквами эта азбука не исчерпывается. Здесь царит равнозначность: знаки препинания, постепенно переходящие в школьные математические равенства, формулы и (как уже было показано выше) цифры, значат не меньше.

И цифры как-то сходятся в слова, откуда приближаются к тебе смятенье, исходящее от А, надежда, исходящая от Б. Два путника, зажав по фонарю, одновременно движутся во тьме, разлуку умножая на зарю, хотя бы и не встретившись в уме. *(Для школьного возраста, 1964 г.)*

Из костелов бредут, хороня запятыя//свечек в скобках ладоней *(Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова, 1974);*

И на мгновенье вновь различаешь кружки, глазки, веер, радужное пятно, **многоточия, скобки**, звенья, колоски, волоски --

бывший привольный узор пера, карту, ставшую горстью юрких хлопьев, летящих на склон холма.

(“Осенний крик ястреба”, 1975)

Эта личность мне знакома! **Знак вопроса** вместо тела.

Многоточие шинели. Вместо мозга — запятая.

Вместо горла -- темный вечер. Вместо буркал — знак деленья.

Вот и вышел человечек, представитель населенья.

Вот и вышел гражданин, достающий из штанин. *(“Представление”, 1986)*

Направленье потеряно. За поворотом фонари обрываются, как белое **многоточье**, за которым следует только запах водорослей и очертанья пирса. *(Сан-Пьетро, 1977)*

И в обратной перспективе, в освещении рядов фонарей сна и памяти

Я дважды пробуждался этой ночью и брел к окну, и **фонари в окне**, обрывок фразы, сказанной во сне, сводя на нет, подобно **многоточью**, не приносили утешенья мне.

Cf. Многоточие шинели = проспект с фонарями отцовской формы

«...черной как смоль отцовской шинели с двумя рядами желтых пуговиц, напомилавшими ночной проспект. А когда он ее расстегивал, из-под нее виднелся темно-синий китель с еще одной шеренгой таких же пуговиц: тускло освещенная вечерняя улица. “Улица внутри проспекта” — именно так я думал об отце» *(“Полторы комнаты”)*

Эти пуговицы сами по себе обретают статус знаков-иероглифов поэтического алфавита:

Фонари в конце улицы, точно пуговицы у расстегнутой на груди рубашки. *(Колыбельная трескового мыса”, 1975)*

И снова «С природы»:

*Мятая точно деньги,
волна облизывает ступеньки*

*дворца своей голубой купюрой,
получая в качестве сдачи бурый*

*кирпич, подверженный дерматиту,
и ненадежную кариаиду,*

*водрузившую орган речи
с его сигаретой себе на плечи*

*и погруженную в лицезренье птичьей,
освободившейся от приличий,*

*вывернутой наизнанку спальни,
выглядеющей то как слепок с пальмы,*

*то — обезумевшей римской
цифрой, то — рукописной строчкой с рифмой.
(С природы, 1995)*

Последнее венецианское стихотворение и одно из последних вообще.

...Простыня бьется на ветру, словно стралица, наконец стряхнувшая с себя бремя знаков и лишних смыслов. Моторки бороздят лагуну. На горизонте чуть левее острова-кладбища San Michele встают горы.

Кроме уже навязший в глазах, ушах и зубах заезженной цитаты про невыход из комнаты, у Бродского — десятки самоизоляции цитат: вся биография как личный путь с одного острова (isola- изоляция) на другой.

На Васильевский не пришёл. Привезли на венецианский.

«Я родился и вырос в балтийских болотах, подле серых цинковых волн, всегда набегавших по две, и отсюда — все рифмы <...> В этих плоских краях то и хранит от фальши сердце, что скрыться негде и видно дальше. Это только для звука пространство всегда помеха: глаз не посетует на недостаток эха.

Глаз не сетует. Венеция и Петербург не похожи («Такому чуткому к образам чужой культуры художнику, как Бродский, уже аргіогі было понятно, как по существу непохожи Венеция и Петербург. Родным ощущается скорее некий кумулятивный образ Венеции, *венецианский* текст, воспринимаемый с детства в контексте родной культуры.» Лев Лосев). Если же у Венеции и есть что-то общее с Петербургом, то что-то в самом основании, эти болотистые топи, где был заложен и тот, и другой город. Цапли, редкий плеск, рыбацкий челн — и первозданный римский мрамор, столь любимый Бродским. И, конечно, «водичка».

Вода снабжает красоту своим двойником.

Венецию можно видеть на слух. Протяжная переключка гудков вапоретто по утрам — туман. Размеренные удары колокола через равные удлиненные промежутки — отпевание.

Самое главное пауза.

«Чем незримей вещь, тем оно верней, что она когда-то существовала на земле, и тем больше она везде...».

© Текст: Екатерина Марголис

ВИКТОР ЯРОШЕНКО

Все эти дни неотступные мысли о Сергее Адамовиче Ковалеве. Огромная личность, огромная жизнь, великая наша потеря. И для меня лично. Его значение нам еще предстоит осознать.

Он был практикующий философ, современный Сократ. И как Сократа, замучившего сограждан трудными вопросами, его много раз политическое общество отвергало и, думаю, готово было бы казнить, если бы представилась тогда такая возможность.

«Я совершенно неслучайно произнес слово «стыд». Это был действительно мощный мотив поведения. Каждый человек хочет иметь право на самоуважение, хочет так про себя понимать: ну да, у меня есть много недостатков, грехов даже, но все-таки я достоин уважения, я о себе думаю с уважением. <...> И тогда выделился круг людей, которые были готовы заплатить тюремным сроком за чувство самоуважения, за чувство собственного достоинства».¹

Пройдя свои семь лет лагерей и три года ссылки, он, не сломленный, вышел как раз к началу политической жизни в стране. И влился в зарождающуюся гражданскую политику, вступая в клубы и семинары, создавая вместе с Сахаровым движение за восстановление исторической памяти, документацию и архивацию преступлений тотали-

ЖИЗНЬ И СНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛИСТА

Сергей Адамович Ковалев

тарного режима. В перестройку, возглавляемую КПСС, не верил. Но пошел на выборы в Верховный совет РСФСР и стал депутатом. Этот Верховный Совет, столь бесславно закончивший свою политическую жизнь, избрал Ельцина и провозгласил декларацию о суверенитете России, голосовал за реформы Гайдара и за Беловежские соглашения. Он избрал и Ковалева председателем Комиссии по правам человека. И в страшный вечер 14 декабря 1990 года, когда он узнал о внезапной смерти Андрея Дмитриевича, отчаяния известие у него не вызвало. Еще один удар. Он, старый эзк, не верящий никакой власти просто потому, что она власть, не поверил, что Сахаров, который должен был наутро выступать в Верховном Совете, умер сам по себе. Он знал, что из трясины все равно надо выбираться самим, что никто кроме нас самих из нее нас не вытащит и поэтому нужно работать, надеясь, что рано и поздно возникнет «критическая масса настоящего гражданского общества».

* * *

Он преподавал всем нам гражданскую этику уроками своей собственной жизни. Мы дружно эти уроки великих учителей нашей Гражданской школы Андрея Дмитриевича Сахарова, Людмилы Михайловны Алексеевой, Сергея Адамовича Ковалева проспали и прогуляли. Если бы слушали! Но следовать за ним было трудно. Нужно было от многого отказаться, прежде всего в самом себе,

в своих планах и целях. Но он не был из тех, кто создает секты и религиозные движения, для этого он был слишком скептически, внутренне честен и строго надзирал за самим собою.

Страшно не любил регалий власти, персонального автомобиля, спецсвязи (хотя пользовался, когда это было необходимо для дела.)

Много раз мы с ним уезжали с каких-нибудь заседаний или приемов на такси или на метро.

Учитель наш в житейском смысле был даже и наивен, просидев десять лет вдали от реального общества. Как-то даже попался в лапы наперсточникам у метро, которые его облапошили; об этом злорадно писали в газетах.

С ним часто хотелось спорить, потому что он мерил реальность идеалами, а не наоборот. Политкорректность — это не про него. Он не прижился бы на Западе; там бы от него быстро отвернулся свет; оказался бы, как обычно, один против всех.

Он резал правду, как он ее понимал, несколько не считаясь с реакцией собеседника, да и с целой аудиторией, в Кремле, в Грозном, в Верховном Совете, в Страсбурге, в Женеве, в Совете Европы, в Нью-Йорке, в ООН. С Б.Н. Ельциным у него были сложные отношения, но Президент долго его, надо сказать, терпел.

Ковалев и Гайдар ценили друг друга. Гайдар ему в сыновья годился, но отношения были равные

и уважительные. Ковалев, как и Гайдар, не любил пустых слов и обещаний, и на его слово можно было положиться, как на подписанный документ. Он уважал его и за то, что Гайдар не держится за власть, что он, как и Ковалев, вполне себе, как говорил Сергей Адамович, «белая ворона», политический идеалист.

Они были в одной фракции в Думе и в лидерах партии Демократический выбор России. И оба резко выступили против войны в Чечне, способствовали переговорам в Буденновске, считая, что приоритет — жизни сотен заложников, а не «государственные интересы», хотя и сегодня люди во власти с этим подходом не согласятся.

При этом Ковалев был отличный переговорщик, потому что главное в переговорщике — чтобы ему доверяли обе стороны. Слова его были не лукавые, которые потом можно толковать и перетолковывать, они были просты и конкретны.

Его тексты было трудно публиковать, потому что даже в пору свободной печати они были излишне жесткими и политически невыдержанными, а редакторы всегда считают себя немного политиками, ловцами ветров и воздуходувами общественных настроений.

Ну зачем здесь, в приличном обществе, где уже накрывается банкет и сияет хрусталь бокалов, вся эта корявая конкретика, кровавая правда про то, что творят в Чечне федералы, да еще с именами и фамилиями?! Надо как-то абстрактнее, здесь собрались люди сведущие, надо политичнее, обтекаемее, и так ведь все понятно: «эксцессы», «чрезмерное применение силы», да, но что делать. А он про подробности бессудных казней, пыток, с фамилиями и доказательствами.

Враги его эту правду ненавидели. Они все были из области «реальной политики», а он эту политику отвергал как аморальную, а значит, незаконную, неправовую, поскольку право основывается на морали. Слава Богу, что упокоился мирно в своей постели. Не взорвали, не застрелили, не отравили, не поскользнулся в ванной, не убит плохим зарядным устройством, не попал в авто- или авиакатастрофу.

Я благодарен судьбе за довольно близкое и дружественное знакомство с ним.

Мы оба были членами Политсовета партии «Демократический выбор России» (ДВР), потом Сергей Адамович был соучредителем журнала «Открытая политика»², главным редактором которого был я. С первого номера он двадцать лет был членом редакционного Совета нашего «Вестника Европы».

* * *

В конце 1994 года-начале 1995-го, когда началась первая Чеченская война, недавно созданная на съезде 12 июня партия Демократический выбор России (где лидерами были и Гайдар и Ковалев) выступила против войны. Многие успешные люди, связанные с властью, из партии срочно вышли. Противники силового решения, напротив, о тмежевались от президента. Некоторые не ушли ни из партии, ни из власти.

Уже много позднее, во время Второй чеченской войны, партийные лидеры вдруг перед новыми выборами решили распустить партию «Демократический выбор России» и создать новую партию «Союз Правых сил», соединившись с довольно рыхлыми группами сторонников Ирины Хакамады и Бориса Немцова. В СПС я уже не вступал, как и многие мои коллеги, Сергей Юшенков, Борис Золотухин, а Сергей Адамович стал важным лицом — моральным авторитетом — в партии «Яблоко». Егор Гайдар из СПС вскоре вышел. Я до сих пор считаю, что решение о ликвидации партии «Демократический выбор России» было трагически неверной ошибкой.

21 февраля 1995 года Егор Гайдар, Федор Шелов-Коведяев и я (члены политсовета ДВР) полетели на Кавказ, в Ингушетию, где в 1992 году произошел кровавый конфликт с осетинами (тогда Гайдар его улаживал, полетев в самую гущу событий осенью 92-го года), и с тех пор многие люди, беженцы, жили в перенаселенной Назрани где придется, даже в вагонах застрявшего поезда. Мы были в этом поезде, говорили с несчастными людьми.

23 февраля, в день депортации ингушского и чеченского народов, трагический для них день, он выступал на съезде солдатских матерей в На-

зрани и на научной конференции, посвященной депортации вайнахов. (Речь эту мы потом опубликовали в «Открытой политике», она есть в сети).

По соседству, в полсотне километров, в горах и долинах, шла война, горели бэтеэры, барражировали ударные вертолеты, погибали солдаты и мирное население. Люди, пахнущие порохом и потом, приезжали *оттуда* поговорить с представителями Москвы, и уезжали *туда*, где они стреляли друг в друга, где продолжались войсковые операции, с многочисленными эксцессами со стороны федеральных войск.

Там мы жили несколько дней вместе С.А. Ковалевым и его Миссией общественных организаций³. Это была отважная до безрассудства группа добровольцев из Мемориала

(который теперь под угрозой страшных наказаний требует от всех редакций называть «организацией, исполняющей функции иностранного агента», с чем никак не соглашается уважаемая всем миром организация, основанная выдающимися людьми — А. Сахаровым, С. Ковалевым, А. Рогинским и другими, убежденными в том, что честная историческая память — основа будущего национального выздоровления).

У них не было никаких прав и полномочий, но «зонтик» Ковалева от чего-то все-таки защищал. Военным они мешали, путались под ногами, да еще и изо дня в день фиксировали то, что считали военными преступлениями.

Спали, где придется, кто-то и на полу, председатель комиссии при Президенте — на ложе из стульев.

«Миссия Ковалева» тогда ездила по населенным пунктам находящейся в часе езды Чечни и документировала новые нарушения, жертвы, разрушения. Военным это не могло понравиться. «Они под Богом ходили», как выразился один из наших спутников.

Несколько дней мы прожили тогда вместе с ними. Они приезжали к ночи и рассказывали о том, что только что видели.

Это было в феврале 1995-го, а в июне произошло страшное по жестокости и последствиям терро-

ристическое нападение на больницу и родильный дом в Буденновске.

Тогда, после первого штурма, все началось со звонка Ковалева Гайдару, который сумел соединиться с В.С. Черномырдиным и рассказать ему о звонке Ковалева и полутора тысячах заложников в роддоме. Виктор Степанович принял решение, за которое его сегодня многие осуждают, а другие считают, что он спас множество жизней, и одно это оправдало все его прегрешения, вольные и невольные.

Тогда он вступил в знаменитый разговор с безжалостным террористом Шамилем Басаевым и договорился о выезде в автобусах вооруженных террористов вместе с депутатами и журналистами, в том числе, самим Ковалевым, которые предложили себя в обмен на освобождение заложников. Всё закончилось благополучно.

С.А. Ковалев покинул пост Председателя комиссии по правам человека в январе 1996 года, опубликовав в «Известиях» резкое Открытое письмо президенту Б.Н. Ельцину.

«Вы говорите об открытой политике, о гласности и публичности — и одновременно подписываете секретные Указы, касающиеся важнейших государственных дел, создаете закрытые советы и комиссии, засекаете все больше сведений о работе правительства, о положении в стране. Механизм принятия решений в президентской администрации стал почти столь же келейным, как это было во времена Политбюро ЦК КПСС. Не секрет, однако, что Вы, как и вся пирамида созданной Вами исполнительной власти, в своих решениях все больше опираетесь на спецслужбы, на их систему закрытой информации. Быть может поэтому Вы отказались от кардинальной перестройки органов безопасности; а ведь у Вас было уже немало поводов понять, что политический сыск, ради которого создавалось большинство этих структур, и на котором воспитывались многие из «профессионалов», до сих пор в них работающей — не лучшая база для создания дееспособной системы, своевременно и объективно обеспечивающей руководителей страны не-

обходимой информацией.<...> Я далек от того, чтобы возлагать всю вину только на Вас. Тоталитарный строй, которому был нанесен серьезный, но, возможно, не смертельный удар, защищает себя традиционными методами самосохранения: воспроизводством кризиса, разворотом населения, подменой общественных ценностей. Ваша личная вина в том, что Вы не только не воспрепятствовали этим тенденциям, но стимулировали их. Быть может, Вы думаете, что строите Великую Россию во благо ее граждан? Нет, Ваша сегодняшняя политика способна лишь в кратчайшие сроки воссоздать государство, открытое для беспрепятствия. Иными словами, Вы восстанавливаете старое сталинско-брежневское болото, только коммунистическая фразеология пока что заменяется антикоммунистической риторикой. Ваши преемники и этот недостаток исправят.<...> Уведомляю Вас, что с этого дня я больше не являюсь ни Председателем Комиссии по правам человека при Президенте РФ, ни членом Президентского Совета, ни членом прочих президентских структур. Думаю, что Вы не будете сожалеть о моем уходе. Я тоже.

Сергей Ковалев,

депутат Государственной Думы
«Известия», 24 января 1996

* * *

В 2014-15 гг. мы делали польский номер «Вестника Европы». В нем участвовали польский посол в России Катажина Пелчиньская-Наленч, российский посол в Польше Сергей Андреев, деятели первой волны «Солидарности» (Адам Михник, Януш Онушкевич, Кароль Модзелевский), отец польских экономических реформ Лешек Бальцеревич, Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, председатель польского ПЕН-клуба Адам Поморский и еще многие писатели, поэты, журналисты, социологи, историки и политики из разных партий.

В Варшаве мы познакомились и как-то очень расположились друг к другу с легендарным человеком — Каролем Модзелевским⁴. Он принимал нас в своей маленькой квартирке, в многоэтажке, со-

всем не в центре Варшавы. «На борьбе с режимом не разбогатеешь», — сказал он.

Он рос в Советском союзе, даже не говорил по-польски. Его приемный отец Зыгмунт Модзелевский был убежденным коммунистом, министром Иностранных дел послевоенной Польши (1947-1951). Сын поступил в Варшавский университет, где стал историком и последовательным диссидентом. Увещевания, угрозы, преследования, годы тюрьмы... Он придумал название для знаменитого профсоюза «Солидарность», был ее идеологом, пользовался в Польше до самой кончины огромным авторитетом среди тех, кто помнит происхождение свободы.

Я горжусь, что мы вручили ему в Варшаве карамзинскую медаль «Вестника Европы» “Ad Nuncius Europae” на презентации нашего польского номера в Варшаве.

В конце ноября 2015 года Кароль с супругой Малгожатой приехали в Москву представлять русское издание его книги, вызывающе названную словами Маяковского «Клячу истории загоним». Эта яркая книга воспоминаний и размышлений за год до того была признана лучшей книгой в Польше, получила литературную премию «Ника». В польском номере мы первые опубликовали главы из нее на русском языке.

Мы с женой пригласили 29 ноября (даты ставить легко по отметкам на фотографиях) их и Сергея Адамовича к себе в гости. Вечер был по-зимнему холодный, профессор пришел в русской ушанке со спущенными ушами.

Много было разговоров и воспоминаний. (Кароль Модзелевский, проведший детство в Советском Союзе, великолепно говорил по-русски). Мы провели необыкновенный вечер. Они разошлись и были в ударе, рассказывали нам и друг другу о своих тюремных похождениях (в рассказах это выглядело почти весело), способах общения с внешним миром, тактиках борьбы со следователями и судьями, были байки и шутки...

Моя жена Таня спросила у жены Кароля, как она восприняла арест мужа.

— Так я к тому времени уже была в тюрьме! — смеясь ответила она.

На следующий день они оба выступали в Сахаровском центре, где собралось много народу. Но частная встреча мне запомнилась больше.

В этой беседе они оба сформулировали, чем отличалось движение диссидентов в Советском Союзе от деятельности диссидентов в Восточной Европе.

Модзелевский не был антикоммунистом, как и ранняя «Солидарность»; он хотел «социализма с человеческим лицом», настоящего, не декоративного участия рабочих в управлении предприятиями и экономикой, самоуправления предприятий. У них была политическая программа, пусть и не осуществившаяся — в отличие от русских диссидентов, к которым принадлежал Ковалев, у которых ее не было и которой они принципиально чурались.

— В Европе, — говорил Кароль Модзелевский, — все так или иначе, расходясь в политических взглядах, сходились на том, что их цель освобождение, возвращение в Европу, культурную общность с которой они ощущали как самоидентификацию — «мы европейцы». Так думали и чувствовали оппозиционеры-интеллектуалы в Польше, Чехословакии, Венгрии, ГДР и других странах Варшавского договора. Они мечтали освободиться от диктата и контроля СССР. Не более того, вначале они были вполне социалистическими. Модзелевский таким и остался — демократическим социалистом с идеями о справедливом распределении национального богатства, собственности, о солидарной ответственности, эффективном управлении предприятиями, коллективами, союзами коллективов или профсоюзами. Жизнь, однако, приняла другое, куда более радикальное решение.

Модзелевский сказал, что они в 1989-90 годах очень боялись советских танков на улицах и нового военного положения. Когда стало понятно (одновременно и властям, и оппозиции), что Кремль занят своими проблемами, что ему не до Польши, и вторжения не будет, все пошло неостановимо и быстро.

Ни о какой политике советские диссиденты семидесятых лет не помышляли, говорил в ответ Ковалев, это было невозможно, никаких партий, никаких свободных профсоюзов создать было немыслимо. Страна была слишком задавлена, селек-

© С. Ковалев, К. Модзелевский и М. Готц (Goetz) его жена.
Москва, ноябрь 2015 г. Фото: Виктор Ярошенко

ция на конформизм, приспособленчество проникла слишком глубоко; мы не видели никаких возможностей свергнуть тоталитаризм в сколько-нибудь близкой перспективе. Максимум, чего мы требовали — «соблюдайте свои законы, свою Конституцию». Так возникло правозащитное движение.

Мы, — говорил Ковалев, все больше воодушевляясь, — были бесстрашны, совершенно открыты, непримиримы к фальши и лжи, но наивны и убеждены, что мы «далеки от политики». Нас и называли инакомыслящими, диссидентами, позднее правозащитниками. Кроме прокуроров никто не считал нашу деятельность политической.

«Однако, огласив приговор, нам говорили: «Какой Вы политический заключённый? Вы — уголовник»(С.А. Ковалев. Лекция на восьмидесятилетие. 2010г.).

В публичной лекции в Сахаровском центре в день восьмидесятилетия 2 марта 2010 г. Ковалев формулировал эту мысль, очень близко к тому, что говорил Модзелевскому через пять лет:

«Наша «аполитичность» и была коренным советским отличием от идеологии и стратегии наших европейских братьев, стратегии великих бескровных революций».

Сергей Адамович рассказывал нам с Каролем, как они ездили в Калугу, в 1970 году на процесс диссидентов Вайля-Пименова.

Туда поехала на электричке целая «группа поддержки»; и Сахаров был, и Елена Боннэр, тог-

да еще не его жена. Было лето, в зал их не пустили, но из распахнутых окон суда что-то можно было услышать. Сахарова, тогда еще не проклятого официально, академика с тремя звездами Героя на груди, задержать не осмелились (он специально надевал на процессы золотые звезды, чтобы воздействовать на охрану. Наград его лишили только в 1980-м).

Он попал в зал, они слышали его голос через открытые окна. Он скоро вышел и торопил ехать. Потом в зале возникла какая-то суматоха, шум, оказалось пропала важная улика. Мы свалили, рассказывал Ковалев. Уже в электричке Сахаров, улыбаясь, достал из кармана тетрадь. Как я понимаю, она и была важной уликой. А Сахаров ее спер прямо со стола обвинителя. На нас всех этот поступок академика произвел впечатление. Морально ли так поступать? Какой диапазон наших средств в борьбе с циничной, лживой и аморальной властью?

Вопрос этот не закрылся, он остался важным и в дальнейшей жизни. И все решали его по-разному.

Сергей Адамыч «садамыч», как неполиткорректно прозвали его сотрудники, был серьезный ученый, биофизик, был, как тогда говорили, «на переднем крае науки», но науку у него отобрали. Всю дальнейшую длинную жизнь он просто был упрямо верен своему принципу говорить правду, как он ее понимал. Будучи по образованию биологом, отдавал должное экологистам, но сторонился их напористости и сам считал эту деятельность несколько вторичной, когда так трагична судьба людей. Он даже был охотником, что помогало в трудные годы ссылки. Он глубоко и упрямо верил, что именно права человека есть краеугольный камень жизни людей на земле, и только через них можно не допустить ядерной или еще какой, идущей из рук человека, катастрофы.

* * *

Дважды, в 1995 и в 1996 году, его выдвигали на Нобелевскую премию Мира, в 2006 году нам пока-

залось что это возможно. Но Нобелевская премия была присуждена Юнусу, «миллионеру из Бангладеш».

В решении Нобелевского комитета сказано, что премия вручается Юнусу за усилия по созданию источника общественного и экономического развития и внедрение системы микрокредитов для беднейших слоев населения Бангладеш и Юго-Восточной Азии». Решение Нобелевского комитета оказалось абсолютно неожиданным для наблюдателей. Ожидалось, что на этот раз комитет отметит усилия в области защиты прав человека. До сих пор лауреатами Нобелевской премии мира наши сограждане становились дважды — Андрей Сахаров в 1975 году и Михаил Горбачев в 1990 году. <https://rg.ru/2006/10/14/nobel-mir.html>

Я читаю статьи С.А. и записи его редких лекций (в круглые юбилеи) с интервалом в десять лет — на семидесятилетие, восьмидесятилетие... Они замечательны своей безудержной искренностью, всемирной широтой заботы и утопической чистотой намерений, стремлением увидеть целостность позитивной, пусть и умозрительной, глобальной конструкции. Какую бы нобелевскую речь он тогда произнес! Но не случилось.

Примечания

- ¹ (Из бесед С.А. Ковалева на «Polit.ru.»)
- ² «Открытая политика». Либеральный журнал российской политической жизни издавался с 1994 по 2000г. Учредители Е. Гайдар, С. Ковалев, А. Улюкаев, В. Ярошенко.
- ³ С 15 декабря 1994 года в зоне конфликта начала действовать «Миссия Уполномоченного по правам человека на Северном Кавказе», в состав которой вошли депутаты Государственной Думы РФ и представитель «Мемориала» (впоследствии называлась «Миссия общественных организаций под руководством С.А. Ковалёва». «Миссия Ковалёва» не имела официальных полномочий, а действовала при поддержке нескольких правозащитных общественных организаций.
- ⁴ Кароль Кирилл Модзелевский (Karol Curył Modzelewski); 23 ноября 1937, Москва, — 28 апреля 2019 года, Варшава), историк-медиевист, политик. Действительный член Польской академии наук. Диссидент, политзаключенный. Один из основателей и ведущих идеологов «Солидарности», автор этого названия. Сенатор в 1989—1991 годах.

© Текст: Виктор Ярошенко

ОМБУДСМЕН

ИНТЕРВЬЮ

СЕРГЕЯ АДАМОВИЧА КОВАЛЕВА

Сергей Адамович Ковалев — советский диссидент, участник правозащитного движения в СССР и постсоветской России, российский политический и общественный деятель. С 1966 года, со времени суда над писателями Синявским и Даниэлем — участник движения в защиту прав человека в СССР. 28 декабря 1974 года Ковалев был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», приговорен к семи годам лагерей строгого режима и трем годам ссылки.

В годы перестройки вернулся в Москву. Принимал участие в различных общественных инициативах: входил в оргкомитет Международного гуманитарного семинара (декабрь 1987), участвовал в создании пресс-клуба «Гласность», в учредительном съезде общества «Мемориал» (с 1990-го — сопредседатель этого общества). В 1989 году по рекомендации А.Д. Сахарова назначен сопредседателем с советской стороны Проектной группы по правам человека при Международном фонде за выживание и развитие человечества (впоследствии — Российско-американская группа по правам человека). Тогда же вошел в Московскую Хельсинкскую группу. С 1990 по 1993 год — депутат Съезда народных депутатов России, член Президиума Верховного Совета Российской Федерации. В 1993 и 1995 годах — депутат Государственной Думы РФ. С 1996 года — член российской делегации на Парламентской Ассамблее Совета Европы.

Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993); Председатель Комиссии по правам человека при Президенте России (с 1993 года, в январе 1996-го подал в отставку в связи с несогласием с политикой Кремля в Чечне). В январе 1994-го избран первым Уполномоченным по правам человека (сместен Государственной думой с этого поста в марте 1995-го).

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в 1994–1995 годах. Один из авторов российской Декларации прав человека и гражданина (1991) и 2-й главы Конституции России — «Права и свободы человека и гражданина» (1993). Председатель Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал», президент организации «Институт прав человека».

Лауреат более чем десятка международных премий, почетный доктор ряда европейских университетов. В 1995 и 1996 годы его кандидатура выдвигалась на соискание Нобелевской премии мира.

* Это интервью С.А. Ковалева было специально подготовлено и опубликовано в книге «Искусство невозможного». Президентский Совет по правам человека 1993–2018. Под общ. ред. М.А. Федотова. — М.: Бослен, 2019.

Ред. Сергей Адамович, председателем Комиссии по правам человека вы были назначены в сентябре 1993 года. Какова ее предыстория? Имеется в виду, конечно, не застой, а перестроечное время.

С.К. Я с 1990 года возглавлял Комитет по правам человека в Верховном Совете РСФСР. Он, как и положено, готовил законопроекты по своему профилю. Ни один из наших законопроектов не прошёл до августовского путча 1991г. Зато после разгрома путча наши проекты, не без дискуссий, но были приняты все до единого. Полагаю, причина такой перемены в ВС печально проста — составлявшие большинство коммунисты опасались, что с ними поступят так же, как они поступили бы со своими оппонентами, если бы путч победил. И так: Закон о чрезвычайном положении (он удивил тогда иных наивных правозащитников — о, будь он применён в Чечне, многих зверств удалось бы избежать!); Закон о реабилитации жертв политических репрессий; о беженцах и вынужденных переселенцах (его разрабатывал в основном М.Г. Арутюнов); важным успехом были изменения и дополнения к пенитенциарному законодательству — тогда это называлось ИТК. С тех пор тюремные правила и практика менялись не раз, но многие наши нормы невозможно отменить. СССР ведь по этой части был буквально на уровне КНДР, стран арабского Востока. Были отменены иные виды наказания: смиренная рубашка; наказание голодом — весьма пониженные нормы питания в карцере, ШИЗО и ПКТ (а то и норма 9-б — день «пониженка», в день только скудная хлебная пайка); лишение свиданий; лишение посылок и бандеролей. Обязали выдавать в ШИЗО постельное бельё. Вспоминаю, как сам в ШИЗО от холода по восемь раз за ночь просыпался, приседал, размахивал руками, хватался за еле теплящуюся отопительную трубу. Ну, и многое ещё, чего удалось добиться тогда, а теперь пошло прахом. Вот, собственно, это и есть предыстория Комиссии.

Ред. Сергей Адамович, приказ о назначении вас на должность председателя Комиссии был подписан 26 сентября 1993 года, то есть через несколько дней после знаменитого Указа президента Ельцина № 1400 о роспуске Верховного Совета. Это не случайно?

С.К. Нет, не случайно. При всех неприглядных обоюдных подробностях жестокого противостояния Ельцин — Хасбулатов, Руцкой (вместе с заметным большинством ВС), Борис Николаевич всё же отчётливо ощущал сторону Права. Не так уж это было сложно в тех чудовищных обстоятельствах, но, признаем, успешному карьеристу КПСС не очень и легко. Всё же, он был очень одарён, партийные успехи не лишили его человечности и совести.

Он доверял мне. Знал, что я поддерживаю гайдаровские реформы, что своекорыстная, циничная позиция Хасбулатова мне отвратительна. Возможно, сыграли роль моё тюремное прошлое и дружба с А.Д. Сахаровым. О замысле создания Комиссии я не знал, думаю, это подсказали Бурбулис и Филатов.

Тот период раскола власти трагичен, нелеп и смешон. Мы, противники Хасбулатова и Руцкого — примерно четверть ВС, сто или более депутатов — перестали ходить в Верховный Совет. Это было невозможно. По парламентским коридорам, гремя шашками, а то и шпорами, шлялись самодеятельные казаки, обвешанные самодельными крестами и медалями, самопроизведённые в позабытые казацкие чины. Прибывали и другие вооружённые люди. Парламент пёк Законы и Постановления, как блины. И без того убогую советскую Конституцию кромсали, перелицовывали, давили, как Бог черепуху, нисколько не смущаясь вопиющими противоречиями её наспех сляпанных, новых лоскутов.

Сложился парадоксальный альянс коммунистов и новоиспечённых демократов широчайшего спектра — от православных до националистов с великодержавными, если не хуже, наклонностями. Это были довольно молодые, образо-

ванные люди. Классический сталинизм и Хрущёвская оттепель пришлось на раннее детство и отроческий возраст этого поколения. В Брежневскую эпоху они изучали марксизм-ленинизм, аккуратно посещали комсомольские собрания, но уже робко задумывались. А тут Горбачёвская перестройка с непредвиденными, на грани чуда, последствиями, которые и не снились её отцам-основателям. Распахнувшиеся перспективы кружили молодые головы и рождали отчаянный, я бы сказал, истеричный революционизм. Любая ссылка на парламентскую процедуру встречала насмешливое недоумение. В выступлениях господствовала непристойная стилистика вождя мирового пролетариата. Банальной очевидностью стал лозунг «Вся власть Советам!» (т.е., разумеется, Верховному Совету РФ). В некотором виде он проник тогда и в конституционные новации. Этим демократам было невдомёк, что краеугольный камень демократии — **вся власть никому!**

Ну, а коммунисты играли свою игру, желая тихого реванша за 1991 год. Некоторые успешные шаги в эту сторону уже были сделаны и раньше. Партнёрство с хасбулатовскими демократами их вполне устраивало.

Похоже, что наша обструкция никого особенно не беспокоила, но ходить в этот цирк было неприятно и бессмысленно.

Иногда мы собирались, вступая в горячие, не слишком содержательные обсуждения. И вот, однажды Николай Тимофеевич Рябов, при нечаянной встрече сказал мне о подготовленном уже Указе № 1400. Он должен быть оглашён сегодня, в 20:00. Было уже 7 вечера, времени на встречи и обсуждения не было. Я двинулся в Кремль. Я предвидел не лучшие последствия этого Указа и хотел просить Президента повременить со столь жёсткими мерами. С Ельциным меня под разными предложениями не соединили, я говорил с Козыревым. Я убеждал продолжить переговоры в Свято-Даниловском монастыре, не уступая принципиальных позиций, но публично предлагая компромисс,

где только возможно. Прекратить мелочные провокации с президентской стороны, когда, например, в Белом Доме временно отключили канализацию. Заставить оппонентов демонстрировать агрессивность, ведь они и так преуспели в этом. Козырев вяло пообещал передать мои просьбы президенту. Знал, наверняка, что всё уже решено. Так оно и оказалось.

Должен сказать, что Борис Николаевич весну, лето и начало осени 1993 г. вёл себя крайне легкомысленно — прямо скажем, бездарно. В апреле он убедительно выиграл известный референдум. Помните «да, да, нет, да»? Невооружённым глазом было видно, что Хасбулатов в панике. Надлежало развивать успех. Но Б.Н., упоённый победой, отправился на Валдай купаться, играть в теннис, предаваться возлияниям. Помню, как мы вторым — С.Н.Юшенков, Л.А.Пономарёв, и я — отправились в Валдайскую резиденцию, чтобы попытаться разбудить Президента. Мы рассказали, что происходит с Конституцией, и объяснили, что Верховный Совет неправомочен это проделывать (откуда первому секретарю обкома было знать это?). Ну и всё, о чём уже говорилось.

Организатор президентского досуга Коржаков был очень недоволен. Поначалу и Президент тоже. Но постепенно Б.Н. заинтересовался, стал задавать осмысленные вопросы. Поблагодарил и обещал обдумать ситуацию всерьёз. Полагаю, что и намерен был обдумать. Да, видно, недосуг — отвлёкся на развлечения. Между тем, социальное возбуждение вокруг круто нарастало. Тому были веские причины — нарастающие экономические трудности для всех, кроме некоторых. Горожане жили впроголодь, деревня голодала, воровала и спивалась. Тем временем воздвигались особняки за крепкими заборами, совсем как в песне Галича.

Здесь не место для скрупулёзного анализа этих печальных обстоятельств, да он мне и не по силам. Уверенно утверждаю, однако, что хасбулатовская команда бесстыдно спекулировала

© Б.Н. Ельцин. 1991 г. Фото: Александр Тягны-Рядно

на народном недовольстве, сулила золотые горы, прямо провоцировала бунт — иными словами этого не назовёшь. Бунт и был их незамысловатой стратегией. Генерал Макашов, военный лидер разбушевавшихся депутатов, с парламентской трибуны проповедовал грязный антисемитизм вперемешку с непристойностями. Вот это и была их демократия.

Дальше случилось то, что не могло не произойти. Мятёжники захватили московскую мэрию. Безоружная толпа (в составе которой были немногие кое-как вооружённые люди), брошенная Руцким на штурм телецентра Останкино, была безжалостно расстреляна милицией. Там и полегли главные жертвы начала октября. Хотелось бы надеяться, что это был эксцесс исполнителя, но, увы, уверенности в этом нет. Ну, и танковый обстрел Верховного Совета тоже

не из разряда парламентских процедур. Однако же, насколько мне известно, из защитников Белого Дома никто не погиб — защитников просто не было. Внутренние части здания были недоступны для танковых орудий, а после обстрела штурмующие, без малейшего сопротивления, вывели из горящего дома всех, кто там находился.

Прямо скажем, победители отнюдь не блистали рыцарскими достоинствами. Но факт есть факт — в октябре 1993 Президент Ельцин предотвратил гражданскую войну.

Ред. Вернемся к приказу о Комиссии.

С.К. Приказ-то в одну строчку был, надо было готовить проект президентского Указа о Комиссии, её регламент. Мы напряженно работали с моим заместителем, Сергеем Сироткиным, соратниками по «Мемориалу»* — Арсением Рогинским, Никитой Охотиным, моей помощницей Лидией Семиной. Согласно Указу, Комиссия получила статус консультативного органа, полностью независимого от любой ветви власти. По просьбе Президента Комиссия давала экспертное заключение по проблемам прав личности. Разумеется, она была вправе и по собственной инициативе принимать к рассмотрению любое дело, которое сочтёт затрагивающим права человека. Мы могли свободно публиковать свои заключения. В Комиссию вошли Сергей Сергеевич Аверинцев, Михаил Георгиевич Арутюнов, Елена Георгиевна Боннэр, Игорь Несторович Голембиовский, Александр Терентьевич Копылов, Сергей Васильевич Сироткин. Конечно, Арсений Борисович Рогинский, Олег Петрович Орлов, Никита Глебович Охотин, Александр Юльевич Даниэль были нашим активом и важными экспертами.

Ред. Сергей Адамович, вы, мягко говоря, недолюбливали Хасбулатова и компанию, но есть немало документов октября-ноября 1993 года, где вы протестуете против произвола милиции, отлавливавшей предполагаемых участников мятежа.

С.К. Естественно. Мы руководствовались Декларациями ООН, Декларацией прав человека, написанной нашим же парламентским Комитетом и принятой Верховным Советом еще до его раскола интриганам, рвущимися к власти. В ту же сторону «смотрели» Декларация и законопроект «О судостроительстве» Бориса Андреевича Золотухина, с большой группой выдающихся юристов.

Террористов и подозреваемых надо задерживать, при соблюдении строгих процессуальных норм, а человека, высказывающего свое мнение, каково бы оно ни было, преследовать нельзя.

Ред. Устав Комиссии перекликается с главой в Конституции 1993 года, которую вы написали?

С.К. Конечно. Была содержательная общая концепция Конституции, сделанная еще в «советское» время. Разумеется, регламент Комиссии основывался на этой концепции. Более того, к тому времени был готов и тщательно обсужден проект 2-й главы Конституции о правах человека, который написали мы с С.В. Сироткиным. Фактически в этом виде он и вошёл в Конституцию РФ после конституционного референдума 1993г.

Важной нормой стал приоритет международных обязательств, ратифицированных парламентом, перед внутренним законодательством. Впрочем, теперь г-н Зорькин показал цену Конституции.

Ред. В январе 1994-го вы становитесь еще и омбудсменом — первым в российской истории Уполномоченным по правам человека. Эти ваши две ипостаси — омбудсмена и председателя Комиссии — реализовывались параллельно или дополняли друг друга?

С.К. Вообще говоря, такого совмещения (кстати, не 2-х, а 3-х ипостасей — ещё и депутат парламента) просто не должно быть. Член думы — политик, член Комиссии — советник политика, Президента. А омбудсмен обязан быть принципиально вне политики. Это независимая конституционная (что очень важно) фигура, не об-

ладающая никакими властными полномочиями, но наделённая правом по своему усмотрению обращаться в государственные органы и в суд по вопросам, затрагивающим права личности. Впервые эта должность появилась в Швеции, теперь уже более 200 лет назад, затем в других странах. Дума избрала меня омбудсменом, опираясь исключительно на ст. Конституции, когда соответствующий Закон только ещё разрабатывался. Писали его мы с Сироткиным, а вносила от своего имени депутат Елена Мизулина, чтобы не будить «личной злобы» во фракции коммунистов. (Кто бы предугадал тогда нынешнее перевоплощение Мизулиной?) За весь мой короткий срок в этой почтенной должности законопроект прошёл только первое чтение. Сейчас я не помню подробностей той, исходной, редакции его текста. Но я понимал, что когда Закон вступит в силу, то по его ли норме, либо по нравственному долгу, мне надлежит покинуть парламент. Пока же шли невообразимо трудные, нудные, непривычные и неприятные мне хлопоты по организации будущей службы омбудсмена, которая была обязана обрести моральный авторитет.

Ред. С чего началась практическая работа в Комиссии при Президенте?

С.К. Мы понимали, что в наш адрес пойдут десятки тысяч писем, жалоб — так и случилось. Значит, нужен был аппарат. Он был небольшой: Илья Бурмистрович и Юрий Шиханович. (Короткое время им помогала Надя Емелькина). Они все систематизировали, приводили в порядок документацию, вели служебную переписку.

Ред. Сергей Адамович, что вы считаете наибольшим достижением Комиссии в тот период, когда вы ей руководили?

С.К. Летом 1994 года вышел Указ Бориса Николаевича о том, что можно держать человека под стражей в течение 30 дней без предъявления обвинения. Не двое, не трое суток, а 30! Чудовищное нарушение Конституции со стороны ее гаранта. А для чего эти 30 суток? Да для того,

чтобы выбить признательные показания: почувствуй беспомощность, пойми, что тюрьма не сахар. Я всюду выступал против Указа, противоречащего Конституции. Мне предложили выступить на коллегии Генпрокуратуры. Я не ожидал, что меня так внимательно выслушают, и критика будет принята. В конце моего выступления даже раздались аплодисменты. Правда, весьма хмурым Генпрокурор заметил своим сотрудникам: здесь вам не театр, вы еще «браво» закричите.

В итоге Борис Николаевич приглашает меня и говорит: «В вашей критике есть смысл». Я ему: «Так отмените Указ!». Он подумал и говорит: «Вот вам поручение. Проследите, чтобы этот Указ не использовался в нарушение Конституции». Я был потрясён. Говорю: «Это невозможно, я не волшебник. Указ самим своим существованием грубо противоречит Конституции». Он: «Ну, вот я и даю вам поручение, чтобы вы проследили за всеми случаями нарушений прав граждан».

Тогда я понял, чего он недоговаривает: чтобы не били.

Наша Комиссия продолжала свою критику. Важна была публичность протеста. Помнится, Указ не был отменён, но он как-то «рассосался», перестал упоминаться, и жалоб не стало. Думаю, в конце концов, он когда-то тихо исчез из числа действующих нормативов. К сожалению, навалившиеся бурные события не позволили нам дотошно следить за его судьбой — сил не хватало.

Вот это важный документ и очень важная поездка. Жаль, что здесь я не могу войти в подробности — это заняло бы много страниц. В двух словах — для меня, и для нашей Комиссии, это было преддверием Чечни. Речь шла об осетино-ингушском кровавом конфликте. Силовики и некоторые депутаты, которым Ельцин доверял, дезинформировали его и Думу относительно распри, разгоревшейся в 1992г. Сталинским депортациям подверглись все ингуши, составлявшие значительную часть населения Пригородного района Северной Осетии (предместья

Владикавказа). Их попытки (в соответствии с Законом) вернуться в родные дома встретили яростное сопротивление осетин, заселивших Пригородный район, и осетинской милиции. Самое страшное — это сопротивление фактически было поддержано **Федеральными** силами.

Оговорюсь. Ситуация была отнюдь не простой. Обе конфликтующие стороны имели свои резоны. И законодательство было весьма далеко от совершенства. И разрешение конфликта требовало времени и незаурядных усилий. Но главная вина за неисчислимые людские жертвы лежит на Федеральных Вооружённых силах, ставших на одну сторону конфликта.

В этой поездке участвовали Сироткин, Рогинский, Орлов. Других не помню. Б.Н.Ельцин благодарил нас за отчёт и предложения. Высоко оценила мой доклад Федеральная Палата. Вот и всё. Никакого конкретного использования наших рекомендаций, как водится, не случилось.

Во время этой поездки мы ненадолго заехали и в Чечню, получивши первый личный заряд острой информации о проблеме, которая вскоре станет главной для России.

Чечня — это главное в моей судьбе, в судьбе первой Комиссии при Президенте, в судьбе службы первого российского омбудсмана (да, может, и последующих). Неблагополучная и символическая судьба, но тут уж, что поделаешь — сложилось так, как сложилось. Однако ж, вот уже 22 года чеченский фактор из самых первостепенных, определяющих опасную политическую эволюцию России — и её влияние в мире. Вот это уж вам не комиссия при Президенте.

Миссия Уполномоченного по правам человека вылетела в Чечню 11-го декабря 1994г., ещё до начала военных действий. В её составе были: Михаил Михайлович Молоствов (ДВР), Валерий Васильевич Борщов (Яблоко), Леонид Николаевич Петровский (КПРФ), Олег Петрович Орлов (Мемориал*) и я. Позднее к нам присое-

динился Юлий Андреевич Рыбаков (ДВР), а Петровский уехал. Я не стану перечислять здесь всех мемориальцев, постоянно приезжавших к нам, рисковавших, и самоотверженно работавших.

Было бы безумием пытаться рассказать здесь о событиях 1-ой чеченской и нашей работе там — это не лезет в интервью. Об этом уже писано-переписано. Есть замечательные мемориальские издания — и об этой войне, и о последующем, вплоть до наших дней. Есть содержательные мемуары.

Увы, однако, наиболее энергично распространяемая доля публикаций — заказная, грязная клевета, продукция военных и иных государственных «информационных» структур и их троллей. Вступать с ними в полемику унизительно и бессмысленно. Я просто сделаю ряд утверждений, которые легко доказал бы при добросовестном, мало-мальски независимом, рассмотрении.

1. Нашему отъезду в Чечню явно и нагло препятствовали какие-то военные (возможно, и иные) структуры. Надо думать, заранее знали — будет, что скрывать.
2. Печальные предвидения полностью оправдались. Мы получили неопровержимые доказательства пыток, которым подвергались со стороны федералов пленные комбатанты, а также мирные жители, подозреваемые в помощи повстанцам, или в ночных партизанских рейдах. Подчас всех, кто содержался в «фильтрационных пунктах», избивали ежедневно, по утрам, «в режиме поверки». А при допросах пытали — в частности, электрическим током; везло тем, кому электроды помещали не на половые органы.

Многих задержанных сбрасывали в т.н. «зінданы» — глубокие конусные ямы. Сиди. Где ешь, там и нужду справляй. Вытаскивали только на допросы. Наша миссия не встретила **ни одного задержанного**, кто не подвергался бы пыткам, в лучшем случае побоям.

Мы с Андреем Блинушовым побывали в небольшом «пыточном поезде», который ездил туда-

сюда на коротком отрезке пути Моздок–Беслан. (Ради конспирации, что ли?) Мы узнали «технику» допросов. Следователь извиняется и выходит «на минутку». Вот тут охранник принимается за своё дело. Следователь возвращается и, как ни в чём не бывало, вежливо продолжает допрос. А по ночам пьяная охрана избивает всех подряд. По ходу войны упомянутые противоправные методы развивались и совершенствовались. Далее я буду опираться на опыт **двух** чеченских войн, сосредоточившись на общих характеристиках преступных репрессалий и не оговаривая конкретные различия. Репрессии становились всё более централизованными и управляемыми. Все, кто немножко следил тогда за событиями, помнят слова «зачистка», «исчезновение», «блокпост». Это связанные слова. Люди исчезали и при зачистках, и на блокпостах. Иногда на время, нередко навсегда. Тем, которые возвращались, было что рассказать о пытках и зінданах. А тех, кто не вернулся, иногда находили в общих захоронениях связанными колючей проволокой, со следами пыток, часто с уничтоженным лицом, что затрудняло опознание, или делало его невозможным. *Мирные жертвы*. Грозный бомбили, начиная с конца декабря 1994г. Бомбили просто город. Может, и были какие специальные цели, но уж *просто город* бомбили точно. Приблизительно до конца февраля, только в Грозном, погибли примерно 25 тысяч мирных жителей. Конечно, этот наш подсчёт не мог быть точен, но я ручаюсь, что мы применили все известные способы, чтобы не посчитать больше одного раза одну и ту же жертву, сведения о которой получены из разных источников. Мы очень следили за этим. Вычисления проводил Э.Гельман, весьма квалифицированный математик.

1. *Судебные прецеденты*. Судебная реформа, которая внушала надежду своими первыми, робкими шагами в начале девяностых, которая всего за год до Первой Чеченской опиралась уже на Конституцию, круто повернула назад. Одна из 3-х независимых ветвей власти демократического государства — Судебная Власть — так

Властью и не стала. Главный принцип Правосудия — Право вне политики и над политикой — в судебной практике послушно и быстро сполз назад, к привычному, такому удобному для государства, марксистскому — право есть воля господствующего класса, выраженная в форме закона. Этой реставрации очень способствовала Чеченская война. Пожалуй, она-то и была толчком реставрации.

2. Не раз возникал вопрос: а что же чеченская сторона, как у неё с правами человека? Ой, отнюдь не благополучно. В самом начале вооружённых столкновений было намного лучше, нежели со стороны войск РФ. Понятное дело — карательная экспедиция. Потом в чеченском сопротивлении стремительно нарастала роль т. н. «полевых командиров». Эти судили и рядили по-своему, то, что называлось государственная власть, было им нипочём. Были ли у нас претензии и к «центральной власти» Чечни? Да, конечно. Но здесь я не стану об этом говорить. Ибо это мы, Россия, явились «восстановить право и конституционный порядок». И немедленно показали всей Чечне варварское беззаконие, поощряемое государством. Насилие, осуществляемое не какими-то бесконтрольными партизанами, а государственными войсками, под командой высоких государственных чинов. Я был омбудсменом России, и мой долг — правопорядок в тех силах, которые представляют РФ. Нет, мы не были безучастны к чеченскому произволу. Должен сказать, что здесь нам хоть что-то, хоть когда-то удавалось. А при апелляциях к российскому командованию ни-ко-гда.
3. Единственный весомый (и очевидный!) успех нашей миссии — спасение нескольких сот заложников в Будёновске, в середине июня 1995г. (террористы Басаева удерживали в местной больнице не менее 1 500 человек). В составе нашей группы были, как обычно, М.М.Молоствов, В.В.Борщёв, О.П.Орлов, Ю.А.Рыбаков, на этот раз с нами были Александр Авраамович Осовцов и Виктор Васильевич Курочкин. Был штурм огромной огневой мощи; его результат — десятки погибших заложников, шестеро

спецназовцев, немногие жертвы среди террористов. После штурма была телефонная связь с Басаевым, выразившим надежду на встречу. Я связался с Е.Т.Гайдаром. Часа через 2, В.С.Черномырдин поручил мне создать и возглавить группу переговорщиков. Результат переговоров — проект соглашения об освобождении заложников, перемирии и начале мирных переговоров. Этот проект, подписанный нашей группой, Басаевым и кем-то из его подчинённых, был передан Виктору Степановичу. Последовали телефонные переговоры Черномырдина с Басаевым, но проект не подвергся существенным изменениям. Худо-бедно, перемирие и вялые переговоры продолжались до декабря. Что ж, это тоже спасло сколько-то жизней. Басаев потребовал гарантий безопасности своего отряда. Потому вся наша группа, несколько журналистов и человек, по-моему, около ста из находившихся в больнице горожан, сопровождали басаевцев до селения Зондаг уже в качестве заложников (впрочем, добровольных), так сказать, «живого щита» на случай нападения по дороге. События в Будённовске — первый и единственный отечественный случай, когда высшая власть без колебаний отдаёт приоритет спасению жизней заложников. (Первым лицом в те дни был В.С.Черномырдин. Б.Н. Ельцин был тогда за границей и даже не подумал срочно вернуться!)

Ред. Какое в это время у вас было общение с президентом?

С.К. В первый же раз, как я отлучился из Чечни (это было 5-го января 1995г.), еще из машины, я позвонил в Кремль и сказал руководителю канцелярии президента Илюшину, что требую немедленной встречи с Борисом Николаевичем. Илюшин опешил: так с президентом не говорят. Я ответил резко: я прилетел из города, превращённого в руины русскими войсками; города, заваленного трупами жителей и российских солдат; я хочу и имею право посмотреть в глаза Президенту; мой служебный долг — спросить, что он намерен предпринять, чтобы остановить

© С.А. Ковалев и М.А. Федотова.
Фото: МАФ

национальную трагедию. Вскоре раздался звонок: «Завтра в 11.00». Первое мгновение нашей встречи снимали несколько телекамер. Мы поздоровались, и Б.Н. попросил журналистов удалиться. Полтора-часовая встреча оказалась моим монологом. Я избегал персональных упрёков. Рассказал всё, что видел. Просил (я употребил даже слово «умоляю») хотя бы о коротком перемирии, чтобы убрать трупы, может быть, найти и вывезти раненых. Ельцин произнёс всего одну фразу. Жёстко, уверенно, неприязненно: «Спасибо. Я Вас понял. Сейчас не время». Это была наша последняя встреча. Я вернулся в Чечню. Наша группа упрямо искала возможности мирного разрешения конфликта. Я не раз встречался с Масхадовым и с Дудаевым. С ним был согласован проект перемирия для переговоров о прекращении войны. Естественный проект — совместные органы контроля условий перемирия, в том числе, соблюдения прав человека, представительство сторон, главные проблемы обсуждения на переговорах. Связи с Москвой уже не было, я продиктовал текст из Гудермеса сотрудникам МИДа для А.В.Козырева. Была не одна подобная попытка. Безрезультатно. Госдума с топотом и криком разоблачала мой «переход на сторону врага». Именно поэтому в начале марта 1995г я был отрешён от должности омбудсмена. С этого момента

наша миссия в Чечне стала миссией Мемориала. В январе 1996г., с довольно резким заявлением, я сложил полномочия председателя Комиссии при президенте. Это не было актом отчаяния, это был протест. Я ни с кем не обсуждал своё решение. Но все члены Комиссии поддержали протест, и вышли в отставку вместе со мной. Весной 1999г. Госдума голосовала импичмент Президенту Ельцину. Главное обвинение — *развязанная им чеченская война*. Забавно — и по представительству политических сил, да, фактически, и по основным персонам, это была та же самая Дума, которая наказала меня за протест против войны. Разумеется, я голосовал против импичмента — стыдно сваливать общую вину на козла отпущения.

* От всех редакций под угрозой страшных кар требуют указать, что Мемориал «внесен в реестр НКО-иностранный агент», с чем само уважаемое историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» не согласен — ред. ВЕ.

Материал публикуется с сокращениями.
Редакция благодарит М.А. Федотова за возможность опубликовать это интервью.

Публикация М.А. Федотова

С.А. КОВАЛЕВ

Из лекций.....

Цитаты из двух лекций С.А.Ковалева: к его 70-летию, «Сны политического идеалиста», прочитана 2 марта 2000 г., г. Москва, Дом архитектора. Опубликовано в журнале «Новое время», 12 марта 2000 г., и к его 80-летию, «Политический идеализм и реальная политика: вызов XXI века», на конференции «Страна и мир». Музей и Общественный центр имени Андрея Сахарова, Москва, 2 марта 2010 года.

Позвольте мне не извиняться за утопичность моих построений и просто изложить вам в самых общих чертах, как я представляю мир, в котором преодолена политическая раздробленность. В этом мире вопросы, связанные с контролем за соблюдением прав человека, наряду с вопросами выживания и развития, а также вопросами международной безопасности, являются предметом введения наднациональных органов власти. Мировой парламент создает новое международное право — не тот хаос межгосударственных договоров, деклараций и взаимоисключающих принципов, которым оно сейчас является, а сравнительно небольшой по объему, но стройный и непротиворечивый перечень фундаментальных принципов и процедур, построенный на той же основе, что и современное демократическое национальное право — то есть, на трех принципах: общественной свободы, гражданского равенства и господства закона. Этот «всемирный кодекс» имеет силу закона, обязательного к исполнению и приоритетного по отношению к национальным правовым системам.

Всемирный суд (может быть, целая система наднациональных судебных органов) разбирает конфликты, в которых затрагиваются интересы человечества в целом (повторяю еще раз: к числу таковых относятся и нарушения прав личности государственной властью!) и выносит решения, исполнение которых обязательно для любых властных структур любого уровня, включая национальные и наднациональные структуры.

Наконец, исполнительная власть (возможно, это будет нечто вроде нынешнего Совета Безопасности ООН, но с гораздо более широкими полномочиями и возможностями) в рамках обновленного международного права обеспечивает без-

опасность и развитие как человечества в целом, так и отдельных государств, а также, в первую очередь, права и свободы каждого человека. Не побоюсь сказать, что это будет связано с психологически вероятно наиболее сложной частью передачи суверенитета от национальных государств к «мировому правительству», а именно — передаче в его распоряжение большей части национальной военной мощи и признании за ним права на вмешательство в определенных случаях в так называемые внутренние дела, в том числе, силовое. Понятно, что это невозможно осуществить без такого разоружения, при котором в распоряжении национальных государств останутся только сравнительно небольшие полицейские силы, необходимые для поддержания внутреннего порядка. Похоже на фантастический роман? Но я же предупреждал, что буду пересказывать вам сны политического идеалиста.

В центре мировой политики по-прежнему амбиции и «геополитические интересы». Традиционная политика приспособила универсальные ценности к делу, как свой рабочий инструмент. Великие принципы отодвинуты в область ритуальной риторики и используются ради имитаций, но воплотить новую парадигму реальная политика не способна — они несовместимы. Лукавое использование ворованных идей дискредитирует их перед публикой. Ещё того хуже — *real politique* и самые благие намерения всегда и неизбежно ведёт в пучину опасной безнравственности. Заявленные высокие цели, отделившись от политической повседневности, превращаются в лозунги — чем более пышные, тем более лживые. в рамках реальной политики совершенно невозможно было не допустить в Нюрнберг катынских палачей; конечно, были неотвратимы и ялтинский сговор, и выдача Сталину многих тысяч людей

в каторгу и на смерть. И вся русская история последнего полувека не есть ли поглощение искренних намерений реальной политикой? Реальная политика — естественный и очень приспособленный инструмент, обеспечивающий государству сносное существование в условиях «войны каждого против всех» — подогнана к своей роли: уберечь государство от потерь, а при случае дать ему поживиться за счет соседа. Солидарно преодолевать в разрозненном мире глобальные угрозы, одинаково губительные для друзей и врагов, этой политике не приходилось никогда. **Реальная политика жизненно опасна, притом неотвратимо.**

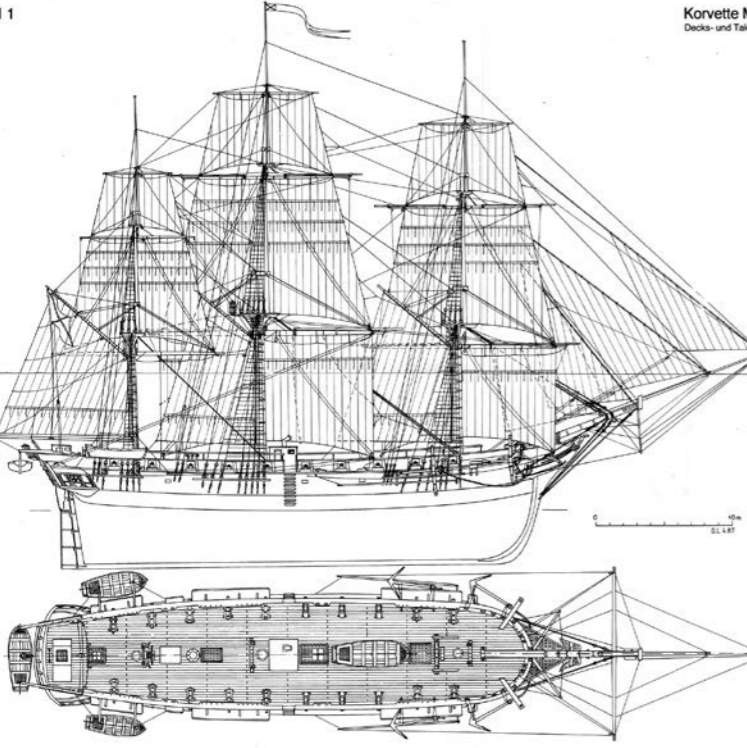
Но помимо военных опасностей стремительно нарастают грозные вызовы иного рода. Энергетические проблемы, исчерпание других ресурсов, острые климатические и экологические проблемы — все они уже не имеют локальных решений. Они требуют честных, скрупулёзных согласований и предельного напряжения сил. Реальная политика не умеет ни того, ни другого — она ведь ищет свой интерес и подозревает всех во всём.

Есть, наконец, самый страшный, по-моему, грех этой политики. Она развращает граждан. Контроль общества над властью становится невозможен там, где господствует «искусство возможного». В самом деле, что ещё Вы можете требовать от власти, если Вас уже убедили в неизбежности и нравственности вранья? Это цена разобщенности и своеволия государств. Реальная политика опасна, но и «отменить» её, разумеется, тоже **невозможно**.

В 1972 году Сахаров предложил создать в ООН новый Комитет, который состоял бы не из представителей государств, а из международных авторитетов в личном качестве (прежде всего, с безупречной нравственной репутацией). Комитет имел бы право принимать к рассмотрению любые проблемы, но никаких административных, организационных, иных последствий его решения не влекли бы. Он имел бы лишь одну привилегию — упомянутые в его решениях правительства обязаны **публично** рассмотреть его рекомендации **публично** же

ответить на них. Иными словами, такой коллективный международный омбудсмен. Ясно, что думать о такой структуре в ООН — верх наивности. Она не может состояться. Потому, что ООН задумали и создали люди, непохожие на Сахарова, и они создавали представительства государств, а не их населения. Видимо, такая ООН взаправду нужна, чтобы Правительства могли обсуждать свои проблемы друг с другом. Но это не Объединённые Нации. Это клуб Правительств. Я бы очень хотел, чтобы одной из первых сейчас проиграла бы идеология «национальных (они же государственных) интересов», основа и оправдание реальной политики и маскируемого, но повсеместно работающего, принципа «цель оправдывает средства». Я считаю вдохновляющей надежду на победу идеологии наднациональных, общечеловеческих интересов. Я нахожу примитивным и, простите, довольно глупым распространённое опасение какого-то ущерба для национальных культур и «самобытности» от международной интеграции. Напротив, нет лучшей гарантии для всех этих самобытностей, нежели хороший **общий** закон и независимый суд — это так очевидно, что доказательства были бы неприличны. Вот грубо изложенная схема, которая мне кажется, могла бы стать путём к «миру миров», о котором говорил М. Я. Гефтер.

Советское сопротивление режиму не могло занять позицию практической политики. В тогдешнем СССР это было бы просто смешно. Это не только внешние обстоятельства. <...> Большинство из нас считали, будто мы занимались не политикой, а правом. <...> Лидеры же великих восточно-европейских мирных революций в противоположность нам не могли не заявить политических амбиций. Это стало их долгом, исторической ролью, их шансом поддержать свободу в мире, постоянно и повсюду ущемляемую свободу, защищать которую, увы, находится мало охотников, и они блестяще воспользовались этим шансом; они выполнили эту работу наилучшим образом. Их победы были самым важным положительным общественным событием прошлого века. ■

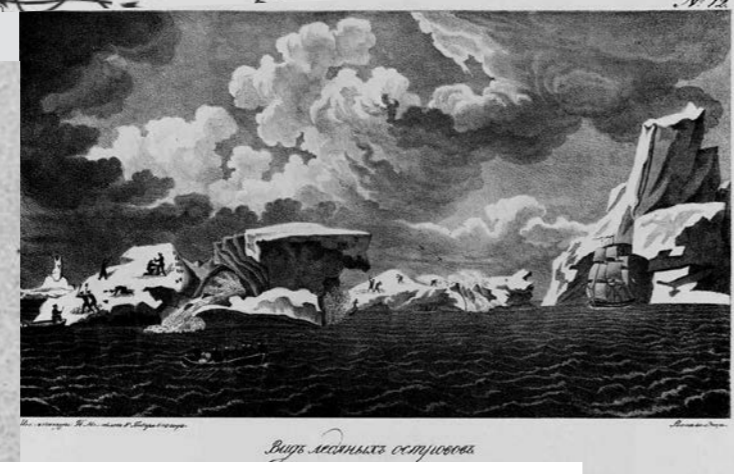
ДАЛЬНИЙ ВОЯЖ дневник фотографа

ГРИГОРИЙ ЯРОШЕНКО

«Требуются люди для участия в рискованном путешествии. Маленькое жалование, пронизывающий холод, долгие месяцы полной темноты, постоянная опасность, благополучное возвращение сомнительно. В случае успеха — честь и признание.
Сэр Эрнест Шеклтон»

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» № 17 1821 г.
«Кронштатские новости»
«Со времени первого предприятия соотечественников наших вокруг света... не было увенчано столь важными открытиями, как экспедиция, отправленная в 1819 году к Южному полюсу под начальством капитана Билленсгаузена и состоящая из шлюпа Востока (кап. Бил.) и Мирного, под командою лейтенанта Лазарева.
24 прошедшего июля мы обрадованы были прибытием их на Кронштатский рейд, после двухлетнего отсутствия, и с тех пор корабли сии, до самого того дня, как втянулись они в гавань (15 августа), были беспрестанно посещаемы любопытными, приезжавшими нарочно из Петербурга и других мест.
Государь Император удостоил также посещением своих Аргонавтов 3 текущего месяца... Его императорское Величество изъявил свое благоволение как Офицерам, совершившим сие достославное плавание, так и команде, усердием и послушанием споспешествовавшей необыкновенному успеху сего предприятия.
4 Января 1820 года в широте 600 39^, суда наши окружены были совершенно льдом; не смотря на то, прошли они 16 Января до широты S 690 25^,

«Старое правило русских моряков: "пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем"».
Адмирал Степан Осипович Макаров

1788-1851
М.П. ЛАЗАРЕВ

Антарктическую экспедицию возглавил капитан 2-го ранга Фаддей Беллинсгаузен на шлюпе «Восток». Второй шлюп — «Мирный» — доверили капитан-лейтенанту Михаилу Лазареву. Экспедиция продолжалась 751 день, из которых 100 дней «Восток» и «Мирный» провели во льдах. 5 августа 1821 года экспедиция вернулась в Кронштадт.

в долготе 2010, W, где встретив сплошной лед, не могли идти далее к полюсу, а продолжали покушения в разных направлениях до 5 марта. Жестокие бури, свирепствующие в сих широтах, особенно при приближении зимнего времени, умножающийся холод, туманы и снег, и увеличивавшиеся темные ночи делали дальнейшее плавание бедственным, тем более что и команда от 104 дневных непрерывных трудов и сырости была в изнурении, и потому кап. Билленсгаузен принужден был оставить большия широты.

Вторичное плавание шлюпов Востока и Мирного было не менее благополучно и замечательно...В больших широтах под 69° нашли они два острова, из коих один назвали они именем Зиждителя Российского флота — Петра Великого, а другой — берегом Александра I-го.

...Государь Император, награждая примерные подвиги — примерным образом, пожаловал капитану Билленсгаузену орден 3-й степени Владимира и чин Капитана-Командора, а г.г. лейтенанта Лазарева и капитан-лейтенанта Завадовского произвел в чин Капитана 2-го ранга».

Масштаб Русской кругосветной Полярной экспедиции 1819 года был необычным: высочайшим повелением императора Александра I в «Дальний вояж» к обоим полюсам Земли отправлялись одновременно в один день две «дивизии» по два однотипных корабля.

«Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять у нас; она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам», — писал Крузенштерн.

К Южному полюсу направлялись шлюпы «Восток» и «Мирный» под командованием капитана 2 ранга Фаддея Беллинсгаузена и лейтенанта Михаила Лазарева, а к Северному полюсу шлюп «Открытие» капитана Михаила Васильева и «Благонамеренный» капитана Глеба Шишмарева.

Об обеих экспедициях было в свое время написано удивительно мало, а о Северной экспедиции, продолжавшейся больше трех лет — и вовсе почти ничего. Отчеты экспедиции капитанов Васильева и Шишмарева были написаны, но, как часто бывало в России, не встретили интереса морского ведомства и не были опубликованы. Книга Беллинсгаузена «Двукратные изыскания...» вышла только через десять лет после возвращения, в другое царствование, когда об экспедиции все забыли. Вспомнили через 130 лет, когда после Второй мировой войны во всем мире разгорелся интерес к Антарктике.

Фотограф Григорий Яраменко. Антарктида, 2019 г.

 Утро 30-го января 2019 г.
 Аэропорт Кейп-Таун,
 Южная Африка.

Найдя на табло, между рейсами на Стамбул и Йоханнесбург, направление Antarctica, мы двинулись на регистрацию. Ничего необычного, все как любой полет, и посадочный талон с надписью Cape Town-Novo в руки. Novo — один из ключевых аэропортов Антарктики, способен принимать в летний период с октября по март большие самолеты, одним из которых был наш Ил-76 с русским экипажем. Нас было человек 10 и груза, для такой крупной птицы совсем немного. Экскурсия в кабину пилотов и к штурману, располагавшемуся на нижнем ярусе и захватывающий вид из его панорамного окна при посадке.

Аэропорт Novo расположен прямо на льду, и только очень опытные пилоты могут садиться здесь и взлетать. Все остальные коммуникации между станциями проходят уже отсюда, на самолетах куда меньшего размера. Всех встречали и развозили по местам члены своих команд. Кто-то улетал сразу, кто-то, как мы, должны были ждать своих рейсов здесь или на станции Новолазаревской, расположенной в оазисе Шермахера, в 12 км от авиабазы. Нас забрал большой гусеничный трак. Вещи — в большую клетку перед кабиной, людей внутрь.

-----
 31 января 2019.
 Новолазаревская

Станция расположена между большим ледником, нависающим над ней всей своей мощью и великолепием, и паковыми льдами, простирающимися

на 90 километров к северу и океану. Вся протяженность около километра или чуть больше, дома разбросаны снизу вверх на расстоянии 100-200 метров друг от друга. Мы жили снизу, в зеленом или Тихом доме, как его тут называют. Биотуалет, небольшая кухня и тесные комнаты, рассчитанные на проживание четырех человек в каждой. Всего комнат четыре, но нам повезло и в доме кроме нас был лишь один ученый из Санкт-Петербурга. Мы разместились в двух из них.

Утром к нам зашел геофизик Сергей Тимофеев, и мы отправились на прогулку, он показал нам ледяную пещеру, находящуюся метрах в 500 от базы, внутри ледника, когда-нибудь она обрушится, мы снимали внутри и в окрестностях. Было тепло и почти безветренно, на солнце градусов 7 тепла. По-

том поднялись выше, на край большого каньона, с видом на бескрайнее белое море. Совершенно непонятно, как одеваться: если ветра нет, что редкость, достаточно штанов и куртки, но вот если ветер, а он тут может начаться в любую секунду, почти ничего не помогает. После обеда зашли в дом к геофизикам. «Звездочет» Вадим Пучков, как его здесь называют, показал свою комнату, телескоп и обсерваторию, из которой он наблюдает за небесными телами и плотностью неба.

2 февраля.

Летим на Прогресс. Четыре с половиной часа полета, и мы садимся в чистом снежном поле. Станция Молодежная находится в 6 км от полосы, и ее мы так и не увидели. Еще на подлете увидели айсберги, множество айсбергов, живописно разбросанных по океану. Тут иной пейзаж

и другое время, с Новолазаревской 5 часов разница, а значит, около 7 вечера. Длинные тени и закатное солнце украшали и без того эффектный белый пейзаж. Переезд занял минут тридцать, и уже скоро мы все ужинали в столовой. Провели брифинг по безопасности и расселились. Шесть раскладушек с продавленными пружинами и тощими матрасами выглядели неприветливо. Но у наших предшественников комфорта было куда меньше, чем у нас. Надо читать сухие описания Беллингаузена, да и других мореходов той поры, чтобы понимать, что они сделали и на какие риски шли с профессиональным фатализмом моряков, годами плававшая на своих деревянных парусниках. Это был долгий процесс — изнурительный, рутинный, опаснейший, грозивший гибелью едва ли не каждый день из четырех месяцев плавания

во льдах, штормах и туманах, искать проход, как требовала Инструкция, все ближе к полюсу: «употребить всевозможное старание и величайшее усилие для достижения сколько можно ближе к полюсу, отыскивая неизвестные земли, и не оставить сего предприятия иначе, как при непреодолимых препятствиях»... «снова отправиться на юг к отдаленнейшим широтам; возобновить и... продолжать свои исследования по прошлогоднему примеру с таковою же решимостью и упорством, и проплывёт остальные меридианы, для совершения пути вокруг земного шара». «Матерую землю» — Материк — они видели вблизи и увидели первыми, как ни интерпретируют с тех пор их заметки сухопутные ученые разных стран. Об этом они и записали, определившись по звездам, как обычно, стремясь пройти как можно дальше. Дальше всех. И каждый день записывать в шканечный журнал, отмечая пройденный путь и все события на картах. Морской язык прост, сух и точен. Но иногда стиль Беллингаузена становится красочным, даже романтическим: «Лишь только офицер, управлявший вахтою, успел смениться, заметили по временам показывающееся мерцание света, причины коего мы сначала не знали. Наконец, в исходе второго часа ночи, когда облака стали реже, открылось

взору нашему прекраснейшее и величественнейшее явление природы. На Юге представились нам сначала два столба, бело-синеватого цвета, подобно фосфорическому огню, со скоростью ракет, из-за облаков на горизонте исходящие; каждый столб был шириною в три диаметра солнца; потом сияющее нас явление заняло пространство на горизонте около 120°, переходя зенит. Наконец к довершению явления, все небо объято было подобными столбами. Мы любовались и удивлялись сему необыкновенному зрелищу. Свет был так велик и обширен, что от непрозрачных предметов была тень, подобно как во время дня, когда солнце закрыто облаками; можно было без труда читать самую мелкую печать. Иногда на небесном своде представляли подобие пера, а иногда все небо и даже горизонт на Севере покрывался сим светом..»

4 февраля. Станция Прогресс.

Начальник конвоя Андрей Миракин обещал нам обзорную экскурсию и сразу после завтрака заехал за нами на двух квадраках. Заправились и двинулись в гору. Андрей сразу сказал, что форма одежды полярная, сам был в курточке и кожаных штанах. Это был мужчина лет сорока, явно бывалый, прошел лед и пламень, многое повидал и бывал тут не раз и не два. Он знает 42 типа снега, многое о ветре и почти все обо льде, поведении котиков и пингвинов, о съемке в 4К, про хорошие погоды и правильный операторский свет. Думаю, он из тех, кто во всем разбирается — довольно редкий тип уверенного в себе человека полярной закалки. Показал пару живописных видов, кладбище полярников и провал в леднике, по ко-

торому некогда шла основная дорога. Не так уж и мало людей остались в Антарктиде навечно. В 1910-12 годах произошел последний раунд уже почти спортивной битвы за Южный полюс, в которой победила норвежская команда Руалда Амундсена, а проиграла и погибла английская команда Капитана Роберта Фалкона Скотта. Амундсен и его команда достигли Южного полюса 14 декабря 1911г, партия Скотта только 18 января 1912 г., испытав глубочайшее разочарование, которое, думаю, стоило им жизни. Меня глубоко волнует этот сюжет, противостояние человеческих характеров и трагедия пятерых англичан.

29 марта Скотт сделал свою последнюю запись в дневнике: «Каждый день мы собирались отправиться к складу, до которого осталось 11 миль, но за палаткой не унимается метель. Не думаю, чтоб мы могли теперь надеяться на лучшее. Будем терпеть до конца, но мы слабеем, и смерть, конечно, близка. Жаль, но не думаю, что смогу писать ещё. Ради Бога, не оставьте наших близких! 12 ноября 1912 года поисковой группой «Терра Нова» были найдены тела Скотта и его товарищей. Дневники экспедиции и прощальные письма нашли в не застегнутом

спальнике капитана Скотта. Бывая в Лондоне, я всякий раз захожу на площадь Ватерлоо. Скотт в полярном снаряжении, с лыжами, стоит напротив памятника капитану Франклину, сгинувшему в поисках северо-западного прохода вместе с кораблями «Эребус» и «Террор». Статуя Скотта была заказана его вдове Кетлин Скотт, ученице Родена. Открытие памятника состоялось 15 ноября 1915 года. На медной табличке — имя Роберта Скотта. Позже были добавлены имена и остальных участников трагического похода: Эдварда Уилсона, Генри Бауэrsa, Лоуренса Отса и Эдгара Эванса.

В последней экспедиции Скотта участвовали двое русских — Дмитрий Гилев (часто пишут Геров), каюр и Антон Омельченко, конюх. Скотт писал в дневнике: «нашим русским молодцам подobaет не меньше похвал, чем моим англичанам».

У Амундсена был в команде «Фрама» русский штурман Александр Кучин, сгинувший вскоре после возвращения домой в экспедиции Русанова в Арктике. До сих пор сравнивают состязание между Скоттом и Амундсеном, сравнивают Скотта и Шеклтона. Амундсен — ну что же, он герой, победителей не судят, но сравнивать их трудно. Скотт ставил совсем другие задачи, чем Амундсен.

Канадский Транспортный самолет Douglas DC-3. Аэродром Российской Антарктической станции Прогресс. Антарктида, 2019

Первым из наших, забранных Антарктидой, был двадцатилетний тракторист Иван Хмара, провалившийся под лед, спасая тяжелую машину при разгрузке «Оби» в 1956 году, когда создавали первую станцию «Мирный» в январе 1957-го. Д/э «Лена» прибывший позднее «Оби», вынужден был разгружаться у снежного барьера высотой с многоэтажный дом, так как припай морского льда к тому времени разрушился. Во время разгрузки карниз барьера рухнул, девять человек оказались в воде, двое — Николай Буромский и Евгений Зыков — погибли. Их похоронили на островке, который назвали остров Буромского. Так началось первое русское антарктическое кладбище». Знаменитый капитан «Оби» Иван Ман, умерший на Большой земле, по завещанию тоже упокоился в Антарктиде.

□ В разговорах с полярниками я заметил, что они часто говорят ОНА, имея в виду Антарктиду. «Она не любит», «она не отпускает», «она привораживает», «она мстит», «она характер показывает». Даже сравнивают этот свирепый ледяной материк с женщиной, недоступной и прекрасной, как богиня. Один нам так и сказал восхищенно: Антарктида — это такая женщина...

6 февраля 2019. Прогресс

Снег и ветер продолжают, погоду летной точно не назовешь. После обеда экипаж поедет проверять полосу, возможно, откапывать самолет. ....

Пилоты сказали, что, вроде, погода должна быть ОК, а значит будет первый рейс на Восток. 13 зимовщиков сядут

в самолет и дай бог им всем вернуться живыми и здоровыми через год. Я должен лететь вторым бортом, берут только меня, потому что обратно свободных мест не будет. Восток расположен на высоте 3500 над уровнем моря, и меня пугают горной болезнью, говорят 3500 там, как 5000 в любом другом месте. Врач велел пить янтарную кислоту, я пью. Говорят, там не холодно, сегодня было — 42. Я лечу одним днем и, если все будет хорошо, вернусь третьим, последним бортом на следующий день. После него уже никто не прилетит вплоть до октября и все, кто останутся там, должны будут рассчитывать только на себя.

7 февраля 2019. Прогресс

Вчера сломался штатив, и я пошел к механикам. Здесь люди привыкли, что помощи можно ждать много месяцев, и все, что можно и чего нельзя починить в обычных условиях, должно и будет починено. Штатив починили. Володя позвал на рыбалку, и я, конечно же, пошел. Метров 600 по дороге, в сторону китайской станции, немного направо, чуть не доходя, и мы на причале. Его когда-то построили китайцы, чтобы швартовать корабли, но в первый же сезон корабль затерло айсбергами, подавило кучу контейнеров и теперь он пригоден лишь для летней рыбалки. Ло-

вят тут в основном ледянку, небольшая рыба, водится только здесь, размером с ладонь или чуть больше. Ловят на несколько крючков с мясом или без мяса, на поролон. Губки для мытья посуды зеленого цвета подходят идеально. Океан еще не встал, хотя и чистым его не назвать, забрасывать нужно между льдинами, прямо в ледяную кашу, толстое грузило пробивает нетвердую субстанцию, и остается только ждать. Ждали недолго, клевать начало сразу, Володя был рад и искренне наслаждался процессом под щелчки моей камеры.

Сегодня снова был удивительный свет, темное, почти грозовое небо и голубые айсберги, наверное, я никогда не видел столько оттенков голубого, от нежного, почти белого, едва уловимого, до плотного иссиня-синего. Не знаю, смог ли я передать это на фотографиях, но я никогда, никогда не видел таких цветов. Еще в Москве я решил, что в этот раз мой проект, наконец-то, будет цветным. Я не знал почему, но теперь знаю.

Метрах в 50 на камнях кучковалась семья пингинов-аделей, они куда меньше императорского, но все равно, какая Антарктида без фото с пингинами.

..Проснулись ровно в 5 по будильнику, покидал остаток вещей в рюкзак, оделись, спустились вниз. По рации: «отбой,

сегодня не летим», «принято» — ответил я. Завтра похоже снова никуда не летим, весь день идет снег, надеемся на вылет в воскресенье. Читаю.

Борхгревинк

Зимовать в Антарктиде первым удалось Карстену Борхгревинку.

В двадцать четыре года он эмигрировал в Австралию из бедной тогда Норвегии. Мать его была англичанка, язык матери

Бюст одному из советских полярников Алексею Трещникову. Российская антарктическая станция Восток. Антарктида, 2019

он знал. Борхгревинк быстро акклиматизировался, получил место в колледже в Сиднее, где преподавал языки и естествознание. Но Антарктика была маняще близко, всего-то две с половиной тысячи миль по прямой. В какой-то момент он круто переменял судьбу — записался матросом на норвежское китобойное судно

«Антарктик». Он прожужжал уши капитану о том, что надо подойти к берегу и стать первыми людьми, побывавшими в Антарктиде.

24 января 1895 года пятеро норвежцев высадились с лодки на несколько часов на мысе Эдер, в районе, открытом Россом. Борхгревинк даже успел тогда собрать образцы мхов и лишайников, чем произвел сенсацию в научном мире.

Борхгревинк пишет: «Трудно сказать, кто первым ступил на землю. Охваченный юношеским пылом, я спрыгнул с лодки, прежде чем киль коснулся дна, и мне пришлось добираться до берега вброд. Капитан

Кристиансен перепрыгнул с форштевня, прямо на землю, не замочив ног. Достоверно то, что на землю новой, шестой части света впервые ступили именно норвежцы»*. (* Карстен Борхгревинк. У южного полюса. Год 1900. М., Географгиз, 1958 г. с. 25.)

Только в 1899-1900 гг. огромными трудами Борхгревинк собрал в Англии средства на экспедицию в Антарктику. С командой в составе десяти полярников (из них восемь норвежцев, что он особо отмечал в своей книге) провел сложнейшую научную зимовку на крохотном пятачке у мыса Эдер и первым описал усло-

вия, природу и зимний климат Антарктики. Маршрут на Великий ледяной барьер Росса первый маршрут проложил тоже он.

10-13 февраля 2019.

Станция Восток

Летели чуть больше четырех часов, высота меньше 500 метров, скорость 320 км/ч. На Востоке небольшая метель, собачий холод и яркое солнце. Посадили в ski-doo, проехали метров 200 и показали вход в пещеру, нам сюда. Не видно ничего, очки сразу запотели, еще и метель. Тяжелая зеленая дверь ведет в ледяной коридор, пройдя по которому метров 100, оказываешься в здании станции. Она уже лет 20 под снегом, и эти коридоры — единственный путь внутрь. Еще есть лаз через верх, он же пожарный выход, через курилку выходит прямо на метеостанции.

Разгрузили, загрузили самолет, улетели бурильщики и несколько сезонников, всего семь человек, осталось еще семь, вместе с нами. За час управились, и наш древний, заслуженный (1947 года выпуска) оранжевый DC3 Basler ушел назад на Прогресс. Приняли тепло, накормили, начальник станции Сергей Бондарцев налил перцовки, нарезал колбаски и предложил выпить за тех, у кого не все дома — за наших родных и близких. Выпили, закусили,

прошлись по станции. Меня хватило минут на двадцать, мои «Лейки» замерзли и превратились в ледяные куски металла, батарейки еще работали, но пальцы уже нет. Вечер прошел странно, немного покачивало, но в остальном, обещанной горной болезни я не почувствовал.

Отец Иеромонах Палладий (Алексей Быстров) в помещении старой ДЭС (Дизельной Электростанции). Российская Антарктическая Станция Беллинсгаузен. О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020

Меня поселили метрах в 50 от основного здания, в аэрологии, комната, как и все здесь, без окон. Вышел наружу, метель такая, что не видно почти ничего, но для съемки красиво. Прошелся, снимал немного, снова замерзли камеры и руки. Все пластмассовые детальки лопнули и отвалились. Снимал балаклаву и уронил камеры, вроде работают, но на одной отломилось крепление ремешка, позже радист Володя посадил его на эпоксидку, пластмассовые крепления ремешка заменил медной проволокой.

Ходили на буровую, она уже почти законсервирована до следующего сезона, осталось отключить отопление. Леша Екайкин показал хранилище ледяных кернов, подержал в руках самый глубокий — с глубины 3300 метров с чем-то и самый древний, ему, сказали, больше 400 тысяч лет.

они лишь гостят, чтобы снова вернуться. Так им сейчас кажется.

Подозреваю, что все они (или почти все) бегут сюда от проблем повседневной реальности; они прячут здесь, в ледяных снегах Антарктики, свои страхи, неудачи и поражения, компенсируя их ежедневными трудовыми подвигами, маленькими и большими победами, бесконечно удаляясь с каждой из них.

Вечером нас снова проводжали, смеялись, вспоминали походы, 53-ю, 62-ю и 49-ю. Воспоминания тут измеряются не годами, а номерами экспедиций, сейчас 64-я. Я тут даже не первоход, уважение начинается с 5-ой, 6-ой зимовки, с 5-го, 6-го похода, если ты не был в Железном — считай, не ходил. Железным называют походы до 56-го, тогда ходили на Харьковчанках, АТТ, Ишинбаях. Огромные танки весом под 30 тонн, везли более 50-ти тонн на звено. Доходили не все, Леха Корнеев однажды шел 5 месяцев, из 12-ти машин дошли две. Сейчас походы уже не те... Едут на Казбор Пистенбуль Полар 300, а это как на Мерседесе, тепло, комфортно, в балке туалет и все условия. Тогда, в Железных, везли с собой движки и коробки, ломали, меняли и шли дальше. Расход топлива 10-12 литров на километр, отопления не было, видимости тоже, открывали лобовое, чтобы хоть что-то видеть.

Главный груз похода — топливо для станции на год; питание, оборудование для ученых и все прочее — уже мелочи.

Еще есть Старая Станция, занесенная многометровым снегом; теперь это холодный склад, там хранят продукты и всякую необходимую всячину. Я забрел туда длинным тоннелем, прорытым в снегу.

Я никогда не встречался с легендарным полярником, многолетним директором института Арктики и Антарктики Алексеем Федоровичем Трешниковым. А.Ф. Трешников ушел из института, когда мне было десять лет. ... Но его заиндевелый бюст я встретил в снежном тоннеле, ведущем к замороженной библиотеке станции «Восток», которую он создавал. Он был начальником второй Советской Антарктической экспедиции, (и пятнадцатой), объездил и облетел всю Антарктиду.

Снимал замерзшую библиотеку, множество замороженных книг в старой Кают-компани. Впечатляет. Они тут прекрасно сохраняются и может быть, через тысячи лет люди их неожиданно найдут. Сумеют ли прочитать? И что они поймут в книгах шестидесятых годов XX века?

Все ждут новую станцию, ей уже нашли место, метрах в 800 от теперешней; ее уже строят в Петербурге; соберут, разберут и доставят сюда. Говорят, через два-три года будет новоселье. Поживем — увидим.

Сегодня 12 февраля, и уже третий день я жду погоды на Востоке. Вчера за мной и сменяющимися восточниками вылетел самолет, но развернулся на полпути и ушел назад. Второй день метет, и сегодня никто даже не вылетает, будем ждать завтра. Температура около -45, к вечеру до -50.

Геннадий Дешевых — ведущий инженер отдела ледового режима и прогнозов ААНИИ идет измерять уровень воды в озере Рейд. Российская антарктическая станция Прогресс. Антарктида, 2019

Позже, пилот Чак, канадец, спросит меня, знаю ли я что такое ТАВ? Я сказал, что не знаю, и он расшифровал: This is Antarctica, Baby.

Здесь все еще полярный день, и солнце не садится за горизонт. Разница с Прогрессом два часа вперед, с Москвой — четыре. Выходить на улицу можно лишь минут на 10-15 и то, если не ветер, а он есть почти всегда. Про самолет уже не спрашиваю, сами скажут, как погода наладится.

Алексей Туркеев, разговорчивый, открытый, бывалый.

Это то ли шестая, то ли восьмая его зимовка, были и походы, не раз. Знает здесь все, и помимо общего руководства управляет буровой. Еще он радиолобитель и по ночам стучит морзянку всему миру. Сегодня, если верить, «отработал» около трехсот связей от Тринидада, до Аргентины и Канады «по

линии терминатора». Я спросил про все эти контакты и в чем они заключаются, он сказал, что смысл в самом контакте, я Алексей со станции Восток, Антарктида, как слышите, прием. Слышу на 5.7, прием. Конец связи 73. Я подумал, что, может, весь смысл присутствия на этом безжизненном материке заключается именно в присутствии. Очень похоже на все эти радиосвязи.

— Мы в Антарктиде, мы здесь, держим место. Вы нас слышите? как поняли? прием. — Мы поняли, слышим хорошо,

и мы здесь, прием. Конец связи 73. Примерно так.

Сама станция — огромный кратер в чистом поле, ДЭС в центре, по периметру, на глубине трех метров, находятся жилые модули и буровая. На поверхности только радиоантенны, метеорологическое оборудование, где Дмитрий снимает и передает данные каждые шесть часов, вышка буровой. Еще в снегу помечен вешками вход в мастерские, там стоят станки 60-х годов, можно выточить деталь, которую не прислали. Вся жизнь здесь — борьба за выживание, каждый день — череда поступков. Поступок — выйти наружу, дойти до ДЭС, напилить снег, закинуть его в снеготаялку, починить что-то без запчастей, инструментов, нужных деталей и оборудования. Есть пара снегоходов, бульдозер и еще один полуживой монстр из «железных походов».

На следующий день самолет даже не вылетал, и я продолжил знакомство со станцией и ее обитателями. Взял интервью у механика Алексея, он собирает пазлы, чтобы не сойти с ума за год, у него их 5 коробок, отличаются количеством деталей, от двух до четырех тысяч, собирает их без инструкции, так сложнее, и он не спешит.

-----
12 февраля.

Станция «Восток»

Часов в 9 сообщили, что погода хорошая и самолет вылетел,

а значит, через 4 часа он будет здесь. Ровно в 13:22 по Востоку самолет приземлился. Стюард, молодой, небритый, взъерошенный парень в рваных штанах, прочел инструкцию по безопасности в самолете-ровеснике моего отца. По сравнению с любой другой авиакомпанией мира это выглядело, по крайней мере, забавно. Через полчаса я уже спал и проснулся только, когда наша птичка коснулась земли. Нас встречали два вездехода, Витя снимал.

-----
13 февраля. Станция Прогресс

После обеда напросились в поход с Тоней. Нас перевезли через перевал и бросили, дальше своим ходом, через спуски и подъемы, к озеру Дискуссия. Ребята брали пробы воды, мерили глубину озера и льда, надули лодку и тщательно обследовали каждый квадрат. На обратном пути зашли в лагерь к австралийцам. Необитаемая станция, главное здание и еще четыре яйцеобразные жилые капсулы рядом. Двери не заперты, можно передохнуть и перекурить. Сигарет осталась одна пачка, и завтра они кончатся.

-----
18 февраля. Станция Прогресс

Как теперь понимаю из разговоров и встреч, люди здесь делятся на три типа: первые — матерые волки, настоящие по-

лярники. Это люди, которые начали ездить еще в советское время. В те времена, когда корабль провожали с оркестром, когда встречали так же. Когда полярник был героем, а походы «железными». Как часто бывает, у многих из них по два, три развода и они уже не мыслят себя в городе, их дом здесь.

Повар Иван Безотеческий стрижет Александра Филипова, давнего инженера станции Беллинсгаузен. О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020

Вторые — люди случайные, приезжают, как на курорт без целей и задач, заработать, убить время, уйти от городских или семейных проблем — эти почти никогда не возвращаются.

Третьи — романтики и профессионалы, ученые, инженеры, геофизики, аэрологи, буровики и гляциологи — настоящие мастера, влюбленные

в свое дело, науку, прежде всего. Кто-то из них будет ездить снова и снова, если надо, а кто-то раз или два.

-----
20 февраля. Станция Прогресс

«Федоров» пришел! — разнеслось по коридорам. Погода

сколько ученых, всего 11 человек. Три минуты полета, и мы на палубе «Академика Федорова». Разобрать материал — лучшего времени не найти. Еще четыре дня будем дрейфовать в паре километров от берега, выходить должны 1-го марта, по графи-

ан величественной и непостижимой силой, способной поглотить тебя за пару секунд. Темная вода и белая пена волн в свете прожектора, больше ничего уже не видно. Зрелище завораживает, черная вода становится бирюзовой под красным бортом «Академика Федорова».

Моряки и бывалые полярники ласково называют его «Федей». Федя бывает, прошел и повидал все, что только можно представить за жизнь корабля. Бывал и в Арктике, и в Антарктике не раз и не два. Был построен на последние деньги СССР и спрыгнул с финских верфей в далеком 1987-м. Но до сих пор никто не построил ничего лучше, надежней и универсальнее, чем Федя. Это почти круизный лайнер, что ходят по всему миру, видел такие в порту Таллинна и Хельсинки. Не могу оценить его истинных размеров, потому как так и не видел его со стороны, но изнутри впечатляет. 60 человек команды и 160 экспедиции и зимовщиков. Каюты с туалетом и душем на одного (для начальства), двух и четырех человек (в таких живем и мы). Огромные трюмы, способные поглотить и перевезти тысячи тонн грузов и оборудования, четыре палубных крана, два по 50 тонн на носу и два по 10 на корме, площадка для вертолета, вертолетный

Павел Иванов, механик-водитель, готовит свой велосипед Käsobret Risten Вилу 300 к походу на станцию Восток. Перевалочный пункт между аэродромом и станцией Прогресс. Антарктида, 2019

солнечная, но ветер холодный. В 14:30 вышли осмотреть китайскую станцию, она «огорчила» своей технологичностью и комфортом: кабинеты ученых, обсерватория, медчасть, спортзал с баскетбольным кольцом и отличным паркетом, жилой корпус, а еще зеленая комната, полная растений. Почву завозить сюда нельзя, посему все растет на гидропонике.

-----
25 февраля.

Научно-экспедиционное судно «Академик Федоров»

Утром прилетел вертолет, забрал нас четверых и не-

ку в Кейп придем 13-го, а там как пойдет.

-----
28 февраля

17:05 Только что прилетел последний борт с походниками и руководством станции. Вертолет в ангаре, движки промыты, груз закреплен, и все на борту. Отходим, курс на Кейп-Таун.
 21:35 Четыре с половиной часа как снялись с якоря и идем как будто полным ходом. Пару раз вышли прогуляться на палубу, страшно по-настоящему, а еще ничего не началось. Ветер и снег, волны кажутся огромными, а оке-

Возвращение похода станция Восток — станция Прогресс. Полярники называют этот поход «Восточный экспресс». Антарктида, 2019

ангар, лаборатории для ученых и Бог знает, что еще. «Федя» бодр и могуч, но его ресурс в 30 лет истек два года назад, и теперь все сложнее и дороже продлевать эксплуатационные документы, все чаще и строже регламентные работы и проверки международных комиссий. Еще пару лет, может три, а потом и он пойдет на иголки, как пошел в прошлом году Папанин, а до него десятки и сотни других судов, верой и правдой служившие морякам и полярникам.

3-4 марта

За сутки пройдено 346 морских миль, до порта Кейп-Таун осталось 1889 миль. Солнце красиво катилось за горизонт, а одинокие айсберги медленно проплывали по обоим бортам. Сбросили скорость до 6 узлов, ползем. Небо полно удивительных созвездий, не виданных

нами ранее, млечный путь поднимается с линии воображаемого горизонта и проходя точно над судном, прячется за капитанский мостик. Красота необыкновенная, здесь совсем другое небо и другие звезды. Марс, Сатурн, Юпитер, Венера. И в обыкновенный 8-ми кратный бинокль, без всяких приспособлений, отчетливо видно четыре спутника Юпитера: Ио, Калисто, Ганимед и Европа, Млечный Путь такой, что голова кружится. И конечно Южный крест, и его ни с чем не спутаешь. Завтра еще день и еще ночь, послезавтра, надеюсь, сойдем на берег. Кейп-Таун, встречай.

-----
12 марта. Кейп-Таун

Проснулся около 10, а «Академик Федоров» уже стоял на якоре в паре миль от порта. Всеобщее волнение и даже ликование, радостные лица убывающих, улыбки и объятия на дорожку.

ЧАСТЬ 2

-----
18 января 2020.

Через год мы снова отправимся в Антарктику. На этот раз летим на остров Кинг Джордж, где расположены наша станция Беллинсгаузен и еще несколько станций разных стран. Лечу с сыновьями: Виктором-кинооператором и Костей-звукооператором. Продолжаем работу, начатую год назад.

По завершению трехдневного путешествия добрались до цели — станции Беллинсгаузен. Перелет не назовешь приятным и легким: почти 6 часов до Дубая, стыковка и 14-ти часовой перелет в Рио, там остановка и еще почти 4 до Сантьяго. Снова стыковка, и уже через 7 часов мы в самолете на Пунта-Аренас, 3,5 часа в воздухе, 30 минут на машине, и мы в отеле Rey Don... Короткий сон, и в 10 утра мы были в аэропорту, ожидая посадку на рейс 944 Antarctic Airways. Полет занял около 2-х часов и оказался самым будничным из всех, что у нас был за последние трое суток. Обычный самолет, стюардессы с сэндвичами, кофе, и вот, мы уже садимся на Чилийской базе Фрей, острове Кинг Джордж или Ватерлоо, как его тут называют. Точка нашего интереса, российская антарктическая станция Беллинсгаузен, расположена в километре от взлет-

ной полосы. Через час мы уже в своих каютах.

---

19 января 2020.

Виктор Виледин, начальник станции Беллинсгаузен 64-й Российской Антарктической экспедиции, любезно согласился нас прокатить и показать окрестности. Как только перескочили первый подъем, открылась настоящая красота, да такая, что снимать не хочется — все равно передать невозможно. Спуски, подъемы, дорога, петляющая змеей, бухты, горы, похожие на Крым или Кипр, океан и огромный, нависающий над всем великолепием ледяной купол. Докатились до Океана: пролив Дрейка и дюжина морских слонов, лениво греющихся на солнце. Один из них, самый крупный, двинулся прямо на нас, высоко задрал голову и грозно рычал. Пройдя пару метров вперед, он издал свой самый страшный рык и снова отступил на позицию. Приближаться совсем не хотелось, и мы вернулись к машине.

---

20 января 2020

Наш Беллинсгаузен и чилийский Фрэй стоят совсем рядом, и даже не совсем понятно, какие здания наши, а какие нет. Всего около двух десятков строений на берегу живописного залива, в котором всегда стоит 5-6 кораблей или яхт. Туда-сюда постоянно курсиру-

Группа туристов садится в самолет по маршруту аэропорт базы Президент Эдуардо Фрэй Монтальва в Пунта-Аренас, Чили. О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020

ют моторные лодки «Зодиак», перевоза многочисленных туристов с кораблей на землю и обратно. В километре чилийский аэропорт, куда мы и прилетели. Логистика тоже чилийская, осуществляет ее авиакомпания DAP, она же — турагентство для желающих посетить Антарктиду. Жаль расстраивать, но это не совсем Антарктида, остров Кинг Джорж — лишь часть антарктического архипелага и, строго говоря, является субантарктикой.

---

21 января 2020

Встали в 3:30, снимали выгрузку с лодок, погрузку в самолет и отлет группы туристов. Прилетели два самолета, забрали с корабля большую группу, около ста человек, и привезли новую из ста сорока китайцев. До аэродрома и обратно к лодкам люди идут пешком, кроме пожилых, и когда две эти группы встретились, я осознал поистине огромный размер туристиче-

ского бизнеса в этих, как будто забытых Богом местах. Почти каждый день прилетают дватри, а иногда четыре самолета, забирают тех, кто свое отгулял и выгружают новых. Каждый может купить тур, на 5-10 дней, говорят, стоит 10-15 тыс \$. Пунт-Аренас-Кинг Джордж, далее на круизном лайнере вокруг островов и обратно. Почти каждую неделю кого-то из туристов экстренно эвакуируют и отправляют медицинским самолетом в больницу, этот процесс тут налажен. Вообще, налажена помощь друг другу, откажешь сегодня, завтра сам останешься без поддержки, а без нее тут никак.

Погода поменялась, опустился туман, ветер стих и как будто даже потеплело.

---

22 января 2020

Проснулся около 4 утра, думал разбудить своих и пойти снимать, уж больно красивый вчера в это время был свет.

Сергей Бондарцев, начальник Российской Антарктической станции Восток, в комнате отдыха. Антарктида, 2019

Но сегодня все иначе — туман и белое невыразительное небо. Подходил начальник, Виктор Виледин, договорились в 10 пойти на лодке осмотреть окрестности, волны и ветра нет, так что погода позволяет. И ровно в 10 мы вышли в море с океанологом Романом Коловертных и гляциологом Булатом Мавлюдовым, почти сразу увидели двух горбачей и около часа провели в ближней охоте за ними. Неспешные, огромные и величественные, они медленно появлялись на поверхности, показывая нам свою прекрасную, мощную спину и хвост. Изредка показывая голову и огромную открытую пасть, они набивали ее крилем и снова погружались. Издавая при этом громкие звуки, похожие на выдох гигантского насоса. Они как будто не замечали нашего, весьма близкого присутствия, не обращая на нас никакого внимания. Они проплывали под самой лодкой, появляясь то слева, то справа,

то спереди, но в какой-то момент мы начали угадывать их траекторию, и тогда они, будто поняв это, ее меняли. Мы были совсем близко друг к другу, иногда в метре или полутора, но никакого чувства опасности или тревоги не было. Полное равновесие природы и человека особенно остро ощущается в открытом море на надувной лодке, но фоне восхитительных гор и ледников. Сегодня был штиль, что большая редкость в это время в этом месте. Потом мы пошли к леднику Колинс, где, высадившись на небольшой остров, провели еще час, снимая это великолепие. Бело-голубая стена ледника нависала над нами огромным карнизом, изредка издавая ужасные, громоподобные звуки. Такие звуки обычно сопровождаются обрушением больших или не очень фрагментов ледника, но сегодня он просто трещал, пугая нас своей силой. Почти идиллическая картина: полное безветрие

и нездешнее тепло заставило нас снять куртки и шапки, и мы погуляли и поснимали, пока нас не вызвали на обед по рации. Обед здесь почти святое, и пропускать его никак нельзя без экстраординарной причины. Она у нас была, но мы подчинились правилам и двинулись назад. После обеда Виледин согласился отвезти нас на пролив Дрейка. За час туман накрыл весь остров, и все изменилось до полной неузнаваемости. Но уже через пять минут туман почти рассеялся или разделился на волны, которые то накатывали, то отступали, создавая удивительные волны света.

Потом мы все-таки добрались до Дрейка; сгустился туман, у океана он стал еще плотнее и лег огромным покрывалом на пляж Морских слонов. Мы, конечно, не удержались и сняли их, пару тюленей и наглых, бесстрашных котиков и несколько красивых планов природы, записали звук рычащего слона, шум волн и крик непознанной нами птицы. Хороший день. Понемногу что-то начинает складываться и получаться.

---

25 января 2020.

Станция Беллинсгаузен.

С самого утра напросились с Булатом в длинный поход до ужина. Мы двигались по уже знакомой дороге, мимо Уругвайской

станции на слоновий пляж к проливу Дрейка. Оттуда путь наш лежал пешком, через мелкие, но быстрые ручьи, холмы, спуски и подъемы, по краю ледника, снова вверх и вниз, всего около 7-8 километров к водопаду и ледяной пещере. Справа над нами возвышался величественный купол, слева — океан.

На пляжах мирно спали котики, тюлени и самые представительные здесь — морские слоны. Мы останавливались и снимали, иногда они вдруг начинали внезапно драться друг с другом, делая стойки, подобные кобре: высоко вскинув голову и разинув пасти, они бросались с горловым ревом головами навстречу друг другу и также внезапно падали, будто от усталости, рядом друг с другом. Мы двинулись в обратный путь по пляжу вдоль океана. Огромные, метров 6-7 в длину, ребра и похожие на пни позвонки китов были разбросаны на расстоянии 200-300 метров. Наверное, все они принадлежали одному, очень большому животному, и почти окаменели.

-----
28 января 2020 .

**Станция Беллинсгаузен
200-летний юбилей.**

В 1820 году к Антарктиде подходили британская экспедиция Эдуарда Брэнсфилда (30 января), а американские китобойные корабли Натаниэла Палмера там вели промысел

в ноябре. Беллинсгаузен принимал молодого промысловика на своем корабле, во второй подход к Антарктиде в 1821 году, о чем записал в журнале и в «Двукратных изысканиях.»

Однако специально посланной в поиски к Южному полюсу была только русская «дивизия», которая пересекла полярный круг и в январе 1820 года ;(по ст. стилю) вплотную подошли к краю континента. Беллинсгаузен сделал подробную запись:

«В 11 часов утра мы увидели берег; мыс оного, простирающийся к северу, оканчивался высокою горю, которая отделена перешейком от других гор... Я называю обретение сие берегом потому, что отдаленность другого конца к югу исчезла за предел зрения нашего... Внезапная перемена цвета на поверхности моря подает мысль, что берег обширен, или, по крайней мере, состоит не из той только части, которая находилась перед глазами нашими».

Антонина Четверова, гидролог, научный сотрудник АННЦ в научной лаборатории станции Прогресс. Российская антарктическая станция Прогресс. Антарктида, 2019

Я думаю, что для нас важно, что русские, совсем не первые мореходы в мировой истории, здесь стали первыми. Это было настолько неожиданно и ни из чего не проистекало, что в Европе в это долго не хотели верить. И сейчас не все верят. Но русские моряки первыми проплыли вокруг южной «Матерой земли», и этого приоритета никто у них не отнимет.

Утро было сумеречным, готовимся к торжественной церемонии: двухсотлетие открытия Антарктиды! Телемост с ситуационным центром правительства РФ, доклады, достижения, планы. Ровно в 10 утра началось: какие-то большие начальники, Чилингаров и другие из Москвы, с нашей стороны — министр Дм. Кобылкин, глава Роскомгидромета Игорь Шумаков, начальники станции, РАЭ и морской экспедиции. Были представители Китая, Чили, Уругвая, Аргентины, наши моряки, человек из МИДа. В какой-то момент

в зал вошла красивая женщина и пара человек с камерами. Я не понял, кто это, выглядела, как все тут, как морячка или яхтсмен. Оказалось, к нашему удивлению, что перед нами — Президент Эстонии, Керсти Кальюлайд. Сказала, что она родом с острова Саарема, откуда и Беллинсгаузен. Ее команда на яхте «Bellingsgauzen» проделала большой путь, из Кронштадта в Антарктику по старым картам. Она здесь неделю, и несла вахту, и дежурства по камбузе наравне со всей своей командой. Лед будто растаял, и наши начальники как будто тоже были ей рады и подарили тарелку от Президента Путина. Я попросил ее о портрете и интервью, она согласилась.

Керсти Кальюлайд (эст. Kersti Kaljulaid) — Президент Эстонии

«Где еще на земле можно встретить животных, которые не боятся человека? Мы думаем, что этот страх для них — естественный инстинкт, но нет, это приобретенное. Здесь у них нет страха перед человеком, и я надеюсь, это не изменится никогда».

Она сказала, что мечтает построить в Антарктиде станцию для Эстонии, экологически чистую, вообще без выбросов .

-----
1 февраля 2020.

В сторону китайской станции нам сказали не ходить, все на-

Канадский экипаж Антарктической логистической компании (ALCI). Первый полет Чак Шавуи Шик Шитраха и стюард Джордан Нерберг (Jordan Nerberg) готовят свой Douglas DC3 к полету на станцию Восток. Аэропорт Российской антарктической станции Прогресс Антарктида, 2019

пуганы коронавирусом, и там карантин. Мы все же прошли по краю, не увидели ни одного человека, наверное, и правда карантин.

Из Коллинз пошли на остров Арли, вымокнув по дороге, из-за сильной прибойной волны не смогли высадиться на берег и повернули в лагерь.

-----
5 февраля 2020. С
танция Беллинсгаузен

Выезд на Южно-Корейскую станцию. Вместе с нами ребята из DAP, четверо немцев орнитологов и мы втроем. Всего 13 человек. По дороге встретили кита, но он не стал общаться и почти сразу ушел. Дорога заняла минут 50.

Еще издалека видны современные здания, аккуратно сложенные контейнеры, несколько единиц автотранспорта и тяжелой техники, пристань. Высадились.

Нас встречал начальник станции и еще несколько человек. Сначала повели в музей, это

старый удлиненный контейнер на сваях, внутри все вежи южнокорейского пути в Антарктике. А пришли они сюда довольно поздно; в середине восьмидесятых присоединились к антарктической конвенции и потихоньку начали наращивать свое присутствие, развивать базу, строить корабли, готовить ученых. Сейчас станций у них две, есть большой новый ледокол, все самое совершенное оборудование и техника, а главное — очевидное желание и возможности роста. Не буду описывать подробности быта, размеры и оснащенность научной лаборатории, потрясающий вид из окна офиса, спорт зал с двумя десятками разных тренажеров и все остальное. Лично меня совершенно добил ангар для гольфа, с огромным экраном, настоящими клюшками и мячиками. Ангар для игры в гольф, пусть и электронный!

Я подумал, что Антарктика- это и есть остров Утопия, модель идеального мира, где

все делается только для того, чтобы ученые люди могли изучать мир.

8 февраля 2020.

Станция Беллинсгаузен

Начальник дал лодку, и в 9:30 мы уже надевали спасжилеты и садились в «Зодиак». Мы втроем и двое немецких орнитологов. Путь наш лежал на остров Арли — особо охраняемый природный объект, тут большая колония пингвинов и не так давно у них появились птенцы, так что шаг влево, вправо — увольнение. Дрон нам запустить не дали, сославшись на пингвинов и их нежное психическое устройство, сами же орнитологи вылавливали их поодиночке и взвешивали, пытаясь понять, хорошо ли они питаются, достаточно ли корма в море и все такое. Взвесили два десятка, вердикт: недостаточно, пингвины худели и явно недоедали. Ученые

уверяли, что процесс взвешивания совершенно безопасен для птиц и уже через несколько минут они обо всем забудут. Я не уточнил, откуда они это знают, но подумал, что наш дрон доставил бы им меньше стресса, нежели отлов сачком и взвешивание. Поснимав около часа, мы оставили наших дам с пингвинами и отправились искать китов. Разумеется, китов мы не встретили, зато поснимали ледник и купол с дрона, теперь наслаждаемся красотой общих планов с высоты птичьего полета.

10 февраля 2020.

Станция Беллинсгаузен

Самолет прилетел почти пустым, что странно, и улетать, похоже, тоже никто на нем не собирался, человек 5 чилийских ученых и мы втроем. Простились с начальником и поднялись на борт, там стю-

ардессы с напитками, сэндвичами и виски. Этот виски был одним из самых вкусных в моей жизни. Как же приятно, глядя на ледяной океан, пропустить стаканчик горячительного. Обратный полет занял двое суток. Ну вот и всё, мы дома.

Р. Берд, американский полярник и авиатор, первым пролетевший над Южным полюсом в 1929 году, так заканчивал свою книгу:

«Задание выполнено и выполнено хорошо. Я искренне надеюсь, что это так, главным образом ради тех, кто прошел каждый шаг пути со мной.

Я хочу еще раз с безграничным почтением назвать имена тех, кто показал нам дорогу в Антарктику — имена Скотта, Шеклтона, Амундсена, Моусона и всех их отважных спутников. Мы остаемся перед ними в неоплатном долгу.

...Антарктика не завоевана! В лучшем случае нам удалось оторвать еще кусочек от той завесы, которая прикрывает ее тайны. Остается выполнить гигантскую работу. Антарктику не покорить ни одной экспедиции, ни десятку экспедиций. Она останется еще на много-много лет одной из величайших неразрешенных задач человечества».

(Ричард Берд. Над Южным полюсом. Издательство Главсевморпути. Ленинград, 1935.)

последний материк

Антарктический фотопроjekt Григория Ярошенко

Это один из лучших и наиболее технически укомплектованных аэродромов Антарктиды. Аэродром станции Новолазаревская Ново (NOVO) Антарктида, 2019

© Текст и фото: Григорий Ярошенко

*Ил-76 на Аэродроме NOVO. Российская Антарктическая станция Новолазаревская»
Антарктида, 2019*

*Первый пилот Чак Шампу (Chuck Shampaux) и второй пилот Лукас Биби (Lucas Bibby)
Канадского экипажа Douglas DC3 Антарктической логистической компании (ALCI).
Самолет летит по маршруту станция Новолазаревская–станция Прогресс, с остановкой на дозаправку на станции Молодежная.
Российская антарктическая станция Молодежная. Антарктида, 2019*

*Пункт хранения авиатоплива неподалеку от аэродрома станции «Прогресс»
Антарктика, 2019*

*Электромеханик Владимир Крутицкий — пытается поймать рыбу на кусок поролона. Рыбалка разнообразит упорядоченную жизнь полярников, являясь хобби и добавкой к однообразному рациону в случае успеха.
Между Российской антарктической станцией Прогресс и Китайской научно-исследовательской станцией Чжуншань.
Антарктида, 2019*

*Столовая. Российская антарктическая станция Восток.
Их дом здесь, а там, на далеком материке, на странной большой земле,
они лишь гости, чтобы снова вернуться.
Антарктида, 2019*

*Анатолий Гайворонский, механик дизельной электростанции (ДЭС).
Российская антарктическая станция Восток.
Антарктида, 2019*

*Замёрзшая столовая и библиотека, теперь «холодный склад». Несколько лет назад на станцию завезли недостаточно топлива, пришлось экономить и часть помещений отключить от отопления, чтобы снизить нагрузку на ДЭС и расход топлива. Разморозить эти помещения в дальнейшем было уже невозможно.
Российская Антарктическая станция Восток.
Антарктида, 2019*

*Алексей Ехайкин, начальник гляцио-бурового отряда в хранилище ледяных кернов (образцов льда). Поиск и изучение древнейшего на планете льда — интереснейшее направление гляциологии и климатологии и может быть существенным вкладом для прогнозирования последствий изменения климата.
Самому старому льду в этом хранилище 1.2 млн лет.
Российская Антарктическая станция Восток.
Антарктида, 2019*

*Российская Антарктическая Станция Прогресс.
Антарктида, 2019*

Кинооператор Константин Овчинников, руководитель Экспериментального похода Илья Вдовенко и механик-водитель Павел Иванов (Петрович) после бани, вернувшись из 30-ти дневного санно-гусеничного похода к станции Восток. Расстояние до станции Восток составляет 1288 км, средняя скорость составляет 8 км/ч, Поход-главная возможность доставить на станцию оборудование, топливо, запчасти для автономного пребывания в течении года, а также авиатопливо для самолетов. В зимний период нет никакой возможности доставить или вывезти что-либо или кого-либо.

*Российская антарктическая станция Прогресс.
Антарктика, 2019*

*Научно-исследовательское судно Академик Федоров
следует по маршруту станция Прогресс–Кейптаун.
Южный океан, Антарктика, 2019*

*Академик Федоров дрейфует в бухте Восточной, глубина 400–900 метров,
ветер 7 метров / сек, температура -2, температура воды -1.
Антарктика, 2019*

*Роман Коловертных, океанолог, ведет наблюдения за китами.
Гавань Коллинз. Пролив Брансфилд.
О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020*

*Отец Иеромонах Палладий (Алексей Быстров) ремонтирует крышу своего дома перед началом зимнего сезона. Церковь Святой Троицы расположена неподалеку от станции Беллинсгаузен. Один или два монаха из Троице-Сергиевой Лавры добровольно руководят церковью круглый год. Служба священником не освобождает их от других обязанностей: основная работа отца Палладия — техник по ремонту.
О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020*

Николай Костенко, матрос первого класса, и Сергей Макаров, матрос второго класса, исследовательского судна «Адмирал Владимирский» перед отправлением на судно на спасательном катере. Залив Максуэл, О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020

Булат Мавлюдов, ведущий гляциолог 65 РАЭ. Научный стационар (убежище) «Природа». О. Кинг-Джордж, Южные Шетландские острова, Антарктика 2020

*Научно-исследовательское судно Академик Федоров следует по маршруту
станция Прогресс–Кейптаун. Вид с борта судна.
Атлантический океан 2019*